

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. В.И. АБАЕВА ВНЦ РАН И ПРАВИТЕЛЬСТВА РСО-АЛАНИЯ

И. Т. Цориева

**КУЛЬТУРА
СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.
(образование, наука, литература
и искусство)**

Владикавказ 2014

ББК 70(2РСев)

Ц 81

*Издается по решению
Ученого совета ФГБУН СОИГСИ
ВНЦ РАН и РСО-А*

Ц 81 **Цориева И.Т.** Культура Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. (образование, наука, литература и искусство): монография. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т. гум. и соц. исслед. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 541 с.

ISBN 978-5-91480-208-7

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
директор ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А *З.В. КАНУКОВА*
доктор исторических наук, профессор, зам. директора по научной
работе ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А *С.А. АЙЛАРОВА*

В книге исследуются проблемы развития образования, науки и художественной культуры в Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. Анализируются вопросы влияния социально-политических и идеологических факторов на формирование и функционирование научно-образовательной сферы, на развитие профессиональных видов искусства. Раскрываются формы и методы государственного управления культурными процессами, выясняется специфика их преломления на национально-региональном уровне. Прслеживаются динамика и своеобразие взаимоотношений партийно-государственной власти и национальной интеллигенции.

Для историков, культурологов, преподавателей и студентов, а также всех интересующихся историей и культурой Осетии.

*В оформлении обложки использована картина
М.И. Келехсаева «Крылатое дерево»*

ISBN 978-5-91480-208-7

ББК 70(2РСев)

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

© Цориева И.Т., 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ	15
1.1. Историография проблемы	15
1.2. Источниковая база исследования.....	49
ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.	65
2.1. Восстановление и развитие общеобразовательной школы в послевоенное десятилетие	65
2.2. Основные тенденции в развитии системы школьного образования в середине 1950-х – середине 1960-х гг.	85
2.3. Национальная школа и «языковая» реформа 1950-х – 1960-х гг.....	96
2.4. Политехническая реформа в общеобразовательной школе ..	106
2.5. Модернизационные преобразования в системе школьного образования во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.....	127
ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.	147
3.1. Восстановление и развитие профессиональной школы во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг.....	147
3.2. Региональная политика в сфере подготовки национальных кадров в послевоенное десятилетие	160

3.3. Реформирование высшей и средней профессиональной школы в условиях развертывания научно-технической революции	169
3.4. Формирование и развитие единой системы начального профессионального образования	188
3.5. Основные тенденции в развитии высшего и среднего профессионального образования в период «развитого социализма».	201
ГЛАВА 4. РАЗВИТИЕ НАУКИ И НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х ГГ.	223
4.1 Формирование структурных подразделений и кадрового потенциала науки в послевоенное десятилетие.....	223
4.2. Научная деятельность вузов и научно-исследовательских учреждений во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг.	235
4.3. Проблемы научно-исследовательской деятельности в условиях модернизационных преобразований второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг.	270
4.3.1. Естественные и технические науки	271
4.3.2. Гуманитарные науки	282
4.4. Основные направления развития естественно-технических наук в период «развитого социализма»	303
4.5. Развитие гуманитарных наук во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.	325
ГЛАВА 5. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.	361
5.1. Политико-идеологические аспекты развития профессиональной художественной культуры в последнее сталинское десятилетие	361
5.1.1 Литературная политика и литературное творчество.....	362

5.1.2 Изобразительное искусство.....	378
5.1.3. Музыкальное искусство.....	389
5.1.4. Театральное искусство.....	397
5.2. Культурная политика и литературно-художественная жизнь в годы «оттепели»	406
5.2.1. Литературная жизнь.....	408
5.2.2. Изобразительное искусство.....	421
5.2.3. Музыкальное искусство.....	431
5.2.4. Театральное искусство.....	442
5.3. Культурная политика в области литературы и искусства в период «развитого социализма».....	453
5.3.1. Художественная литература	454
5.3.2. Профессиональное искусство	463
5.4. Власть и художественная интеллигенция в период «развитого социализма»: проблема взаимоотношений.....	477
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	501
БИБЛИОГРАФИЯ	507
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	541

ВВЕДЕНИЕ

В сложнейших условиях развития общемировых процессов глобализации, с одной стороны, и превентивной этнокультурной самоидентификации народов, с другой, культура является безальтернативным ресурсом сохранения единого социокультурного пространства страны, обеспечения национальной идентичности народов России. Культура выступает с позиций гаранта государственной безопасности, политической, правовой и территориальной целостности страны. В современной России на смену политическим барьерам обеспечения национальной природы общественных отношений, вместо «железного занавеса» на авансцену самосохранения выходит глубина осознания ценностей культурно-исторических поколенческих связей в обществе, их устойчивости, жизненности на общенациональной почве. Это подтверждает и мировая практика, свидетельствующая о том, что именно культура сегодня становится ключевым фактором выживания и развития государств, поскольку она обладает потенциалом, который по долговременности и значимости превышает потенциал экономических факторов¹.

Идея общенационального примирения и единения на основе общей исторической традиции и общего культурного пространства во имя укрепления многонационального государства, слияния в единый исторический процесс всех этапов истории народов России формирует общественный и естественно научный запрос на освоение в целом опыта государственной политики в области культуры. Особый интерес в этом плане представляет советский *модернизационный культурный эксперимент*. Как часть советской общественной модерниза-

¹ Василенко И. А. Роль культурной политики в процессе формирования и продвижения позитивного имиджа России // Власть. 2014. № 6. С. 41.

ции культурное строительство советского периода является ценнейшим источником не только научно-теоретического анализа, но и формирования технологического ресурса современных инновационных проектов. Осознание политическим руководством страны этой роли культуры в решении новых задач подтверждает Указ президента РФ, провозгласившего 2014 год в России Годом культуры².

Современная историческая реальность характеризуется качественной трансформацией процессов в сфере национальных отношений. Социальная почва национализма вновь воспроизводит, в том числе и на сопредельных с Россией территориях, самые радикальные интерпретации нетерпимости, подпитывает идеи национальной исключительности – явлений, чрезвычайно опасных для нашей полиэтничной и поликонфессиональной страны. В подобных обстоятельствах использование накопленного культурного опыта в пропаганде идей межнационального единства, мира и солидарности, в преодолении этнокультурного изоляционизма приобретает особую актуальность. Практика культурного строительства в Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. в этом смысле дает богатый материал для осмысления и освоения опыта преодоления межэтнической разобщенности, недопущения конфликтов и формирования добрососедских отношений представителей разных национальностей.

Исследование опыта формирования государственной политики в сфере образования, науки и художественной культуры на национально-региональном уровне важно, потому что позволяет полнее раскрыть содержание культурной жизни, характер и своеобразие культурных процессов, определить направления и механизмы реализации государственной культурной политики. Более того, анализ национально-региональных аспектов советской культуры существенно дополняет много-

² Владимир Путин объявил 2014 год в России годом культуры // <http://culturavrn.ru/russia/9213>

плановую картину культурного развития страны в процессе советской общественной модернизации. Результаты анализа позволяют выявить то общее и особенное в эволюции культурных процессов в национальных регионах, что представимо постоянными величинами модернизационных преобразований в сфере национальных культур на протяжении всего советского периода.

Актуальность проблемы диктуется еще и тем, что по мере отдаления во времени появляется возможность более объективной оценки результатов системно завершенного цикла государственной политики в сфере формирования и развития национальных культур. Использование в этом плане уникального советского опыта культурного строительства на национально-региональном уровне может служить сегодня гарантией от ошибок при формировании государственной научно-образовательной и художественной политики, играть стабилизирующую роль в современном российском обществе. Учитывать данное обстоятельство особенно важно, когда речь идет о таком полиэтничном, поликонфессиональном регионе, как Северный Кавказ, составным элементом которой является Северная Осетия, избранная в качестве объекта предпринятого исследования.

Несмотря на устойчивый интерес в отечественной историографии к истории многонациональной советской культуры, многие национально-региональные аспекты не получили еще должного освещения. Это касается и истории культуры Северной Осетии советского периода. Отдельные аспекты культурного развития нашли отражение в работах А.С. Бациева, А.А. Дзантиева, Р.Я. Фидаровой, А.К. Хачирова, Х.С. Черджиева и других исследователей (подробный историографический обзор проблемы представлен в первом параграфе первой главы монографии). Проведенный анализ дает основание говорить о том, что многие проблемные направления темы, избранной в качестве объекта исследования, остаются практически неразработанными. Требуют изучения вопросы

влияния социально-политических и идеологических факторов на развитие научно-образовательной сферы и художественной культуры в условиях общественных преобразований второй половины 1940-х – первой половины 1980-х гг. Нет ясности в понимании механизма формирования и реализации государственной культурной политики с учетом национально-региональных особенностей. В этой связи серьезного и глубокого изучения требуют сложнейшие вопросы, касающиеся взаимоотношений власти и национальной интеллигенции.

Источниковая база работы значительно пополнена, прежде всего, за счет вновь открытых архивных документов из фондов местных и федеральных архивов. Вовлечение в исследовательское поле обширного пласта новых, недоступных прежде источников открывает иные горизонты в изучении и освоении опыта государственной культурной политики во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. Расширяются возможности для анализа специфики властных взаимоотношений «центра» и «региона» в решении вопросов организации культурного пространства в национально-автономной республике. Введение в оборот не использовавшихся прежде документов позволяет ликвидировать обезличенный подход к оценке региональной культурной политики и преодолеть сложившуюся «научную» практику переложения всей ответственности за ту или иную «политическую линию» на «центр», дает возможность с большей достоверностью оценить научно-практическую значимость национально-регионального опыта.

Все обозначенные выше аспекты определяют проблемное поле представленного исследования. Цель работы состоит в анализе эволюции основополагающих направлений культурного развития – образования, науки и художественной культуры Северной Осетии как составных частей советской культурной традиции в контексте общественно-политических преобразований второй половины 1940-х – первой половины 1980-х гг. Достижение поставленной цели требует решения следующих задач:

– раскрыть содержание советской государственной политики в сфере науки, образования и художественной культуры на протяжении позднесталинского десятилетия, периодов «оттепели» и «развитого социализма» на примере Северной Осетии и выяснить степень ее обусловленности социально-политическими и экономическими факторами;

– проанализировать региональный уровень государственной политики по осуществлению реформ в сфере общего и профессионального образования во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. и определить ее эффективность при формировании профессионального научно-образовательного и творческого кадрового потенциала республики;

– реконструировать этапы и выяснить результативность реформирования национальной школы с точки зрения ее последствий для развития национального языка и национальной культуры;

– выявить основные тенденции развития, а также количественные и структурные изменения в сфере общеобразовательной и профессиональной школы национальной автономии;

– показать своеобразие формирования и функционирования научно-образовательного пространства национального региона; проследить тенденции развития науки и научных учреждений региона в контексте социально-политических процессов второй половины 1940-х – первой половины 1980-х гг.;

– исследовать степень влияния идейно-политических факторов на развитие профессиональной художественной культуры, на творческую деятельность учреждений культуры и творческих организаций;

– проанализировать состояние литературно-художественной жизни, определить формы и методы партийно-государственного управления литературно-художественным процессом;

– рассмотреть динамику взаимодействия региональной власти и интеллигенции, проследить эволюцию кадровой политики на протяжении второй половины 1940-х – первой половины 1980-х гг.

Основой для решения поставленных задач являются разнообразные исследовательские подходы и методы, сложившиеся в истории, культурологии, социологии. Автор руководствуется в работе принципом историзма, определяемым в качестве одного из основных в диалектическом подходе к изучению социальной действительности. Он обязывает рассматривать явления и события с момента возникновения и развития, в неразрывной связи с конкретными историческими условиями. Такой подход предохраняет от односторонних и однозначных оценок в определении сущности и содержания предмета. Важным структурообразующим принципом исследования является использование проблемно-хронологического метода, который позволяет проследить эволюцию культурных процессов, выявить обусловленность и взаимосвязь событий и явлений культурной жизни с социально-политическими процессами, протекавшими в советском обществе.

Культура Северной Осетии середины 1940-х – 1980-х гг., являясь составной частью интегральной советской культуры, несла в себе совокупность признаков, свойственных «основной культуре» и разделяемых всеми членами многонационального социума. Вместе с тем, ей были присущи специфические черты, формировавшиеся под влиянием разнообразных исторических, политических, социально-экономических, национально-этнических, конфессиональных, природно-климатических и других факторов. Это многообразие факторов объясняет выбор территориальных рамок, заданных в исследовании. Изучение культурных процессов в работе осуществляется в территориальных границах национальной автономии, входившей в рассматриваемый период в качестве самостоятельного административно-территориального образования в состав РСФСР. Большинство научно-образовательных и культурных учреждений Северо-Осетинской автономной советской социалистической республики находилось в двойном подчинении союзных и федеративных органов власти и управления. Поэтому деятельность учебных заведений, художественных, на-

учно-образовательных учреждений и творческих организаций республики осуществлялась в рамках общесоюзных и общероссийских проектов и программ, отражавших суть государственной культурной политики в сфере образования, науки и художественной культуры.

Хронологические рамки исследования ограничиваются второй половиной 1940-х – первой половиной 1980-х гг. Естественными рубежами служат две судьбоносные для истории советского государства даты. Первая из них – это год великой Победы, достигнутой неисчислимыми потерями, но символизировавшей духовную общность народов страны и жизнеспособность социалистической идеи. Вторая – год начала перестройки, предпринятой с целью модернизации кризисной советской экономики и завершившейся крахом советской модели социализма и распадом Советского Союза. В промежуток между этими датами вмещаются последнее сталинское десятилетие, периоды «оттепели» и «развитого социализма» – время, отличавшееся крайней амбивалентностью и сложностью сочетания социально-политических, экономических и культурных явлений. Отдельные выходы за хронологические рамки исследования обусловлены необходимостью завершения логического ряда при освещении того или иного явления или события.

Представляя свой взгляд на проблему культурного развития Северной Осетии в середине 1940-1980-х гг., автор отдает себе отчет в том, насколько сложна и многогранна исследуемая тема, и естественно не претендует на ее всесторонний охват. Отсутствует также стремление абсолютизировать выводы, полученные в ходе исследования. Некоторые из них могут вызвать возражения. Тем не менее, автор считает для себя необходимым прояснить сложные, противоречивые и подчас драматичные события и явления, имевшие место в культурной жизни республики во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг., ибо они существенно повлияли не только на духовное развитие североосетинского общества в изучаемый период, но и стали источником многих современных проблем

в национальной культуре. Освоение опыта прошлого, как положительного, так и негативного, поможет с большей объективностью оценить современное состояние духовной жизни многонационального североосетинского общества и определить перспективы его дальнейшего развития.

Предлагаемая вниманию читателей книга является результатом работы не одного года. Много времени потребовалось для того, чтобы сформировать необходимую научно-документальную базу исследования. И в этом деле неоценимую помощь оказали архивисты республики. Автор искренне благодарен сотрудникам Центрального государственного архива РСО-Алания и Государственного архива новейшей истории РСО-Алания Р.М. Фидаровой, Л. С Зассеевой, Л.Р. Ленник, Ж. Т. Татарбиевой, Л. Р. Торгашиной, М.Г. Ахвердовой, руководителю Архивной службы РСО-Алания Н. В. Чиплаковой за постоянное, заинтересованное участие в моей работе.

Автор считает необходимым выразить глубокую признательность сотрудникам Библиотеки Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Д. В. Собиевой, К. А. Макиевой, М. В. Прядкиной, Э. Х. Гиоевой и Научного архива института Р. Н. Абисаловой, Ж. С. Абисаловой, со стороны которых всегда встречала понимание и готовность прийти на помощь.

ГЛАВА 1. НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

1.1. Историография проблемы

История изучения культуры народов Северного Кавказа, в том числе Северной Осетии, второй половины 1940-х – 1980-х гг. имеет сложившуюся историографическую традицию. В отечественной историографии национально-культурного строительства выделяются два периода: советский и постсоветский. Они различаются теоретическими и методологическими подходами к исследованию культурно-исторического процесса. Свои особенности имеют характер и глубина осмысления конкретно-исторического материала, репрезентативность источниковой базы. Их отличают также разный объем имеющейся научной литературы и степень разработанности отдельных аспектов изучаемой темы. Советский период историографии проблемы охватывает вторую половину 1940-х – 1980-е гг. – время, когда исследование культурных процессов шло параллельно с их осуществлением. Постсоветский период начинается с 1990-х гг. и продолжается по настоящее время. Водоразделом между двумя историографическими периодами стали масштабные общественно-политические процессы на рубеже 1980-х – 1990-х гг., коренным образом изменившие жизнь страны.

Историографический анализ советской многонациональной культуры в первый период происходил в рамках марксистско-ленинской методологии, что естественно определяло предметное поле, уровень и подходы к осмыслению темы. Отличительной чертой истории изучения культуры первых послевоенных лет являлся крайне низкий уровень публикационной активности. Количество научных изданий по анализируемой теме, без учета

газетных публикаций, носивших в основном просветительский, пропагандистский характер, весьма незначительно. Подобная ситуация была характерна как для общесоюзной, так и регионально-национальной историографии. Низкая исследовательская активность при разработке культурно-исторической проблематики в регионе обуславливалась в значительной мере слабостью материально-технической базы научной сферы, неразвитостью методической и источниковой базы, острой нехваткой научных кадров. После окончания войны эти обстоятельства усугубились практикой жесткой идеологической регламентации духовной жизни общества. Тем не менее, исследовательская традиция, сложившаяся в предшествующий период, сохранялась.

Изучение вопросов национально-культурного строительства начиналось с небольших статей в юбилейных сборниках или в виде публикаций в периодических изданиях, приуроченных к различным знаменательным датам, связанным с историей революционного движения и гражданской войны на Северном Кавказе, с этапами социально-экономического и национально-государственного строительства в советский период. При этом следует подчеркнуть характерную особенность юбилейных научных сборников. Среди задач, которые они были призваны решать, на первый план выходили вопросы агитационно-пропагандистского характера. Это определяло компоновку структуры текста, подбор и информативную насыщенность документальных и статистических источников, влияло на стиль изложения и интерпретацию иллюстративного материала. Научные сборники различались как по полноте представления историко-культурной проблематики, так и содержательно. В одних изданиях наряду с рассмотрением вопросов социально-экономического и политического развития национальных автономий Северного Кавказа содержался довольно основательный анализ разных аспектов культурной жизни (формирование системы народного образования, создание национальной школы, организация ликбезов, культурно-просветительная деятельность) ¹.

Другие работы в большей мере носили популяризаторский, просветительский характер, отличались пропагандистской направленностью и под этим углом зрения лишь отчасти затрагивали проблемы культурного развития, как правило, ограничиваясь описанием успехов в школьном строительстве².

Значительное влияние на формирование тематики исследований по истории национально-культурного строительства оказала интерпретация в научной литературе 1930-1940-х гг. культурной революции в духе «Краткого курса истории ВКП (б)». Как известно, в «Кратком курсе...» упоминалось о введении всеобщего обязательного обучения и о школьном строительстве в СССР, после чего следовал вывод: «Это была культурная революция». По сути, такой подход к пониманию проблемы сводил содержание культурной революции к преобразованиям преимущественно в сфере народного просвещения и подготовки кадров специалистов³.

Упрощенная трактовка сущности культурной революции ограничивала круг культуроведческих проблем вопросами всеобщего, ликвидации неграмотности и малограмотности, создания «трудовой» школы, деятельности ликбезов и культурно-просветительных учреждений. Исследовательский интерес вызывала еще одна тема – формирование и развитие высшей школы, подготовка кадров специалистов. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. этот вопрос в региональном кавказоведении получает освещение в статьях В. К. Дядькина, С. Д. Кулова, П. А. Лебедева, С. И. Крохина, Х. Сабанчиева и других в связи с празднованием юбилейных дат истории становления и развития системы высшего образования в республиках Северного Кавказа. В статьях прослеживались этапы становления высших учебных заведений, показывался процесс формирования кадров специалистов, в том числе из представителей коренных национальностей⁴.

Начало 1950-х гг. отмечено серьезным шагом в изучении культур народов Северного Кавказа. Впервые вопросы советской культурной модернизации становятся предметом

специальных диссертационных исследований А. А. Абилова, Х. М. Сабанчиева, А. В. Бурнышева⁵. В последующие годы материалы их исследований были положены в основу первых монографий по теме. Заслуживает упоминания и работа Б. А. Цуциева, увидевшая свет в 1952 г. В ней наряду с оценкой социально-экономических и политических изменений, произошедших в Северной Осетии за годы советской власти, давалась характеристика достижений в сфере народного образования, художественного творчества. В 1960-е гг. эта книга была переиздана в дополненном и доработанном виде⁶.

Новый этап в изучении истории советской многонациональной культуры начинается со второй половины 1950-х гг. Либерализация духовной жизни и некоторое смягчение идейно-политического климата на фоне «оттепели» в совокупности дали новый импульс разработке истории советской культуры. Заметным шагом в развитии ее теоретических основ являлись труды М. П. Кима, И. С. Смирнова⁷.

В историографии советской культуры с момента возникновения существовали два плана: общий и специальный (отраслевой). В первом советская культура рассматривалась как социальная система в целом, в единстве всех ее составных частей; во втором, выделялись отдельные ее компоненты, частные отрасли культуры. Причем, если специальная, отраслевая историография, по признанию специалистов по истории советской культуры, имела достаточно четко определившуюся предметную область и круг задач, то общая историография культуры страдала существенными недостатками. Эти недостатки связывались с несовершенной схемой исследования. Труды по истории советской культуры, отмечал академик М. П. Ким, пишутся, как правило, по одной общей схеме. Они представляют собой своды мало связанных друг с другом очерков, посвященных творческим и иным достижениям в отдельных областях культуры⁸.

В отмеченный период «отраслевой» подход возобладал в общих работах по истории культуры, в сводных трудах по истории СССР, отдельных республик, краев и областей, в ву-

зовских учебниках и учебных пособиях по истории советского общества при освещении истории советской культуры. Изложение истории культурного строительства часто сводилось к сумме очерков об отдельных отраслях культуры (культпросветработа, народное образование, высшая школа, наука, литература и искусство и т. д.), лишенных, как замечал В. Т. Ермаков, внутреннего единства⁹.

Региональная историография советской культуры народов Северного Кавказа развивалась по тем же канонам, что и общесоюзная, поэтому она содержала все плюсы и минусы установившейся традиции. Иллюстрацией сказанного служили первые монографии, очерки и статьи, посвященные истории культурного развития национальных автономий Северного Кавказа в период их социалистической трансформации. Исследованиям северокавказских ученых структурно и содержательно был присущ очерковый характер изложения конкретно-исторического материала. Труды А. А. Абилова, А. В. Бурнышева, С. Дедегкаева, Х. С. Черджиева и других включали традиционный набор отраслевых исследовательских тем. В них рассматривались вопросы становления советской системы образования и национальной школы, осуществления программы политехнического обучения в школе, создания кадров национальной интеллигенции, развития литературы и искусства, изменения культурного и образовательного уровня народных масс, формирования и внедрения новых форм культуры¹⁰.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в историографии советской культуры по-прежнему наиболее последовательно разрабатывалась история фундаментального образования¹¹. Проблема развития советской школы оценивалась с точки зрения решения социально значимых задач: образования и просвещения народных масс, воспитания нового, «советского» человека, активного участника переустройства общества на принципах социализма. Исходя из этого, ставились актуальные вопросы введения всеобщего обязательного среднего политехнического образования, создания школ-интернатов как

эффективных средств обучения и воспитания подрастающего поколения, повышения роли русского языка в национальных школах, ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. В отмеченные годы предметом специального исследования в кавказоведении впервые становится проблема женского образования. В работе С.М. Омарова эта тема раскрывалась на примере Дагестанской АССР на большом временном отрезке, начиная с установления советской власти в республике и до конца 1950-х гг.¹²

Важным направлением историографии советской культуры национальных регионов являлось осмысление вопросов становления и развития профессиональных форм художественной культуры народов Северного Кавказа. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. эти вопросы освещаются в работах общеисторического плана. Но в наибольшей степени они остаются в исследовательском поле литературоведения и искусствознания. В отмеченные годы публикуются первые специальные исследования по истории становления и развития осетинской литературы, музыкального, изобразительного и театрального искусства¹³. Упор в этих работах делался, прежде всего, на просветительском, воспитательном характере преобразований в культурной сфере. Отличительной особенностью всех исследований этого времени было преувеличение успехов и достижений в области национально-культурного строительства, игнорирование сложных и противоречивых явлений социальной и культурной жизни.

Сложившаяся в рассматриваемые годы историография по проблеме, безусловно, имеет тематическую ограниченность, описательность и доминирование позитивных оценочных суждений о культурных преобразованиях в национальных автономиях (без сомнения, имевших место). Но вряд ли являются правомерными попытки преуменьшить вклад советских обществоведов в разработку проблем культурного развития региона. Думается, что привлекаемый исследователями для анализа и обобщения фактический материал, прежде всего, служил ил-

люстративным материалом к социально-культурным преобразованиям. Вместе с тем, он позволял проследить динамику культурного процесса за годы советской власти и выявить как общие закономерности, так и специфические особенности осуществления культурной революции в национальном регионе.

Вполне обоснованным в этом плане представляется мнение о том, что на определенном этапе описательный отраслевой подход был неизбежен как отражение соответствующей степени освоения проблемы, известной ограниченности имевшегося в научном обороте фактического материала¹⁴.

Однако уже со второй половины 1960-х гг. «недостатки иллюстративно-схематического метода изучения советской культуры» все чаще подвергались критике и обсуждалась «необходимость создания глубоко научных обобщающих трудов»¹⁵. Как отмечали участники Всесоюзной сессии по проблемам культурной революции в СССР (май-июнь 1965 г.), «отраслевой» подход к освещению истории советской культуры не может удовлетворить ни исследователей, ни читателей, ибо он позволяет историкам «дать лишь конспективное изложение того, что уже освещено фундаментально в специальных работах»¹⁶.

В ходе дискуссии о культуре как предмете исторического исследования шел поиск новых подходов к изучению общей истории советской культуры, позволявших представить историю культуры единой, внутренне цельной сферой общественной жизни. В начале 1970-х гг. решение этой задачи связывается с проблемным подходом, который мог, по мнению его сторонников, «облегчить разработку ее периодизации, создание подлинно синтезирующих проблему трудов»¹⁷. В 1970-е – 1980-е гг. важный вклад в развитие методологии проблемы вносят новосибирские ученые. Предложенный ими системный подход в культуроведческих исследованиях расширял возможности для изучения истории советской культуры как целостной системы¹⁸. Оставался актуальным и отраслевой подход. Хотя его исследовательский ресурс был исчерпан в общих работах, но за их пределами, по мнению историков, при изучении раз-

личных сфер культуры (истории школы, науки, литературы, искусства, культпросветработы и т. д.) он полностью сохранил свое научное значение.

В значительной мере активизации исследовательской деятельности в 1960-е – 1970-е гг. способствовало проведение ряда научно-организационных мероприятий, в результате которых были созданы научные центры по изучению истории советской культуры в центральных и республиканских академических институтах. При Министерстве культуры РСФСР был организован Научно-исследовательский институт культуры, занимавшийся социологическими исследованиями современного этапа развития культуры. Тогда же был создан проблемный совет «Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества» при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР, а также Научный совет по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР. Усилия этих научных координационных центров, направленные на разработку теоретических и методологических проблем культуры, оказали благотворное влияние на научно-теоретический уровень культуроведческих работ, выявление наиболее значимых, актуальных исследовательских направлений¹⁹.

Формирование методологических и институциональных основ научной деятельности в национальных регионах происходило по тем же направлениям, что и на общесоюзном уровне. Важным фактором, способствовавшим интенсивной исследовательской деятельности в области национально-культурного строительства, являлось заметное пополнение в послевоенный период научно-кадрового потенциала в республиках и областях Северного Кавказа, количественный и качественный рост гуманитариев и обществоведов среди научной интеллигенции. Активизации научной деятельности в значительной мере содействовало и расширение на фоне «оттепельных» процессов второй половины 1950-х – 1960-х гг. источниковой базы исследований, как за счет появления новых документальных свидетельств, так

и благодаря открытию некоторых недоступных прежде архивных фондов. Все эти моменты служили серьезным побудительным стимулом для дальнейшей разработки вопросов культурно-строительства в национальных регионах в советский период.

Середина 1960-х – 1980-е гг. отмечены широким размахом исследовательской деятельности обществоведов в области разработки вопросов советской культуры. Были написаны сотни книг, брошюр и статей по различным аспектам культурного развития. Труды историков, философов, социологов позволили накопить значительный объем конкретно-исторического материала по вопросам истории развития социалистической культуры. Это потребовало историографического осмысления полученных результатов. В 1970-е – 1980-е гг. в работах Л. М. Зак, М. П. Кима, В. М. Ермакова, В. А. Куманева, В. Л. Соскина и других была систематизирована и проанализирована обширная и разнообразная литература по истории советской культуры. Учеными были рассмотрены теоретические и методологические аспекты проблемы формирования и развития многонациональной советской культуры, подведены итоги исследовательской деятельности, прослежены основные тенденции и определены перспективные исследовательские направления²⁰. Применительно к Северо-Кавказскому региону советская историография национально-культурного строительства была исследована Э. А. Шеуджен²¹.

Основательный историографический анализ накопленной по теме научной литературы позволил сделать вывод о том, что во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. история советской многонациональной культуры сложилась в самостоятельное направление историографии, ее разработка стала специальной задачей историков культуры²².

Заметным вкладом в развитие региональной историографии во второй половине 1960-х-1980-х гг. явились обобщающие труды по истории республик и областей Северного Кавказа²³. В отмеченных работах получили освещение вопросы развития национальных культур в процессе общественной модер-

низации послереволюционного периода. Проблема советского национально-культурного строительства рассматривалась в общеисторических хронологических рамках, во взаимосвязи с экономическими, социальными и политическими процессами, происходившими в советском обществе. Значение этих работ состояло в том, что они давали представление о динамике культурного процесса в национальных автономиях Северного Кавказа, о содержании и характере культурных преобразований, об их месте в общеисторическом процессе. Вместе с тем, анализ имевшегося в этих работах материала позволял судить о степени разработанности отдельных аспектов проблемы и определить вектор дальнейших конкретно-исторических исследований.

В 1960-е-1970-е гг. в региональной историографии интенсивность публикационной активности по вопросам культурного строительства в национальных республиках и областях Северного Кавказа растет устойчивыми темпами. Заметным вкладом в разработку общих проблем культурного развития региона являлись монографии М.М. Бекижева, М.Х. Герандокова, З.К. Джамбулатовой, Б.С. Кулова, А.К. Хачирова, Х.И. Хутуева и др.²⁴ Во многих работах сохранялись традиционные исследовательские схемы в изучении советской культуры. Вместе с тем, по мере накопления фактического материала углублялось представление о содержании культурных преобразований в национальных регионах. Расширялись хронологические и тематические рамки исследований по истории культуры. Рос интерес к культуре послевоенного периода. В частности, в монографии Г.Ш. Каймарозова «Очерки истории культуры народов Дагестана» анализировались вопросы школьного строительства в республике на протяжении всего советского периода²⁵. Автор исследовал деятельность партийно-государственных органов по переводу школы к всеобщему восьмилетнему и среднему образованию, анализировал своеобразие реализации этого процесса в Дагестане.

Наибольшее внимание привлекала история националь-

но-культурного строительства в реконструктивный период. Эта тема представляла большой интерес в связи с развернувшейся в 1960-х – 1980-х гг. дискуссией о сущности и периодизации культурной революции. К середине 1980-х гг. в отечественной историографии сложились два взгляда на эту проблему²⁶. Часть исследователей, в большинстве историки, руководствовалась ленинской интерпретацией культурной революции, подразумевавшей революционное преобразование духовной жизни общества, создание новой социалистической культуры, максимальное приобщение к культуре и знаниям широких народных масс. Исходя из такого представления о сущности культурной революции, определялись ее хронологические рамки. Они совпадали с периодом построения социализма в СССР. Наиболее полно эта концепция была изложена в коллективной монографии «Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры 1917-1927 гг.»²⁷.

Другие исследователи (этот взгляд на проблему наиболее последовательно разрабатывался в философской литературе) считали, что сущность культурной революции заключается в формировании всесторонне развитой личности как нового субъекта исторической деятельности. В таком случае ее задачи могли быть реализованы лишь в процессе всего социалистического строительства, и ее завершающий этап совпадал с построением коммунизма в стране. Данную точку зрения представляли авторы работы «Проблемы философии культуры. Опыт историко-материалистического анализа»²⁸.

В северокавказской историографии советского периода трактовка сущности и содержания культурной революции в национальных республиках и областях не выходила за рамки сложившихся в научной литературе концептуальных построений. В конкретно-исторических исследованиях преобладала точка зрения о культурной революции как революционном демократическом переустройстве духовной жизни общества, в результате которого утверждался новый тип культуры – социалистический по содержанию и национальный по форме²⁹.

Достигнутый уровень освоения общих проблем способствовал расширению и углублению разработки отраслевых вопросов культурного строительства. Публиковались монографии и статьи по конкретным проблемам культурного развития: по истории образования, формирования кадров национальной интеллигенции, по вопросам языковой реформы, культурно-просветительной работы и т. д. Отраслевой подход обеспечивал условия для освоения конкретно-исторического материала, относящегося к различным сферам культуры, накопления определенного, четко ограниченного объема знаний, позволявшего выявить наиболее существенные черты в культурном развитии на разных исторических отрезках времени. Неизменно в фокусе исследовательских интересов находились вопросы фундаментального образования. Здесь успешно реализовывался проблемный подход. Ликвидация неграмотности и малограмотности, роль школ-интернатов в осуществлении всеобщего обязательного образования, совершенствование материально-технической базы системы образования, повышение качества обучения в общеобразовательной школе и ее роль в воспитании подрастающих поколений, преодоление второгодничества, осуществление политехнической реформы – эти и другие аспекты проблемы находят отражение в региональной историографии³⁰.

Устойчивый интерес к школьной проблематике подкреплялся не только ее научно-теоретической значимостью, но и ролью школы как образовательного института, обеспечивавшего помимо решения практических задач обучения, осуществление воспитательной функции в обществе, формирование социалистического мировоззрения у подрастающих поколений. Последнее обстоятельство объясняет особый интерес в региональной историографии 1960-х – 1980-х гг. к проблеме реформирования национальной школы. В работах северокавказских ученых решалась задача обоснования необходимости языковой реформы, перевода национальной школы на русский язык обучения³¹.

Одним из исследовательских направлений в осетиноведении являлась история художественной культуры. В монографиях и статьях А. С. Бациева, Ш. Ф. Джикаева, Н. Г. Джусойти, А. А. Дзантиева, М. А. Литвиненко, А. А. Хадарцевой изучались различные аспекты истории развития литературы, изобразительного искусства, музыки, театра в Северной Осетии³². Эти работы представляли научный интерес, прежде всего, в качестве литературоведческого и искусствоведческого источника. Но отчасти они затрагивали исторические аспекты обсуждаемых проблем.

К середине 1980-х гг. степень разработанности отдельных вопросов культурного развития Северной Осети в послевоенные десятилетия достигла уровня, создававшего условия для комплексного исследования проблемы в целом. Заметным шагом в данном направлении явилась монография В. Д. Текиева «К сияющим вершинам»³³. В ней вопросы культурного строительства в республике прослеживались на протяжении четырех послевоенных десятилетий. Опираясь на большой фактический материал, автор проанализировал основные тенденции в развитии высшей и средней школы, науки, показал достижения художественной культуры республики. Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на несомненный вклад в историографию культуры Северной Осетии, эта работа несла на себе печать времени, отражала имевшийся теоретический уровень историографического осмысления проблемы. Послевоенное культурное развитие республики, рассматриваемое в свете партийных решений, представлялось лишь как поступательное движение по восходящей линии.

Конструктивно-позитивный подход к оценке культурных преобразований в национальных регионах за годы советской власти был свойственен всем исследованиям первого периода отечественной историографии многонациональной советской культуры. Иллюстративно-статистический материал, использовавшийся в монографиях, очерках, статьях и других публикациях, представлял положительную динамику в развитии си-

стемы образования, демонстрировал достижения в строительстве национальной школы, в ликвидации неграмотности и малограмотности, в повышении культурного уровня населения, в формировании научных, педагогических, технических кадров специалистов для отраслей народного хозяйства, в развитии литературы и искусства.

Господство марксистско-ленинской методологии в обществоведении обуславливало ограниченность исследовательских подходов при изучении истории советской многонациональной культуры. Оно не позволяло показать процесс социально-культурного переустройства национальных регионов в ходе советской модернизации во всей его сложности и противоречивости. Некоторые вопросы не ставились вообще или представлялись односторонне. Несмотря на большой объем научной литературы по истории национально-культурного строительства в 1920-х-1930-х гг., в ней практически не поднималась тема политических репрессий, тем более не обсуждался вопрос об их трагическом влиянии на духовное состояние общества и на судьбы национальной культуры и национальной интеллигенции.

Начало новому периоду в истории изучения советской многонациональной культуры было положено перестройкой. На фоне перестроечных процессов второй половины 1980-х гг., захвативших все сферы общественной жизни страны, происходит переосмысление старых теоретических построений, ведется поиск новых подходов в изучении истории культуры. Одним из примеров такого поиска явилась коллективная монография «Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941», вышедшая под редакцией академика М. П. Кима. Реализация комплексного подхода к изучению культуры была представлена авторским коллективом в качестве «генеральной идеи». При этом культура понималась не только как одна из четко ограниченных сфер общественной жизни (как совокупность «отраслей культурного строительства», создающих «фонд культурных ценностей»), но и как выражение духовной сущности человека, проявляющейся во всех сферах его жиз-

недеятельности. Такое понимание культуры способствовало расширению диапазона традиционных исследовательских тем и обеспечивало формирование новых направлений анализа: культура труда, культура быта, культура управления, политическая культура и др.³⁴

В 1990-е – начале 2000-х гг. на первый план выходят проблемы взаимоотношений власти и общества, власти и культуры. В работах А. Д. Бородай, Е. В. Васильевой, Е. Ю. Зубковой, Л. А. Опенкина, А. В. Пыжикова на основе новых методологических подходов происходило переосмысление опыта общественно-политического и социального развития послевоенных десятилетий³⁵. Одной из наиболее дискуссионных проблем стала интерпретация истории советской интеллигенции.

Общеизвестно, что начало активному изучению истории советской интеллигенции было положено в период «оттепели». С конца 1950-х гг. эта тема вызывала неизменный исследовательский интерес обществоведов. В 1960-е – 1980-е гг. в отечественной историографии был накоплен огромный фактический материал, проделана значительная источниковедческая и историографическая работа, появились обобщающие исследования по теме³⁶. В этот период в общественной мысли утверждается мнение о том, что советская интеллигенция по социальным характеристикам превосходит дореволюционную интеллигенцию. В качестве доказательства приводили имевшие место невиданный рост числа людей с высшим образованием, создание национальных и социально-профессиональных отрядов интеллигенции, высокие нравственные и этические качества многих ее представителей, самоотверженный подвижнический труд на благо общества.

В северокавказской историографии история советской интеллигенции также занимала немаловажное место. В работах С. Т. Дедегкаева, А. И. Гасановой, Г. Ш. Каймаразова, А. К. Хачирова, А. К. Эфендиева отмечались особенности становления и развития социалистической интеллигенции в национальных республиках и областях Северного Кавказа, анализировались

социальные источники, прослеживались пути и способы формирования национальных кадров интеллигенции³⁷.

Но в целом в 1950-е – 1980-е гг. исследовательское поле проблемы было ограничено рамками традиционного для советской историографии подхода к определению интеллигенции как социальной прослойки, состоящей из лиц, профессионально занятых умственным трудом, не имеющих собственного мировоззрения и выражающих интересы тех или иных классов. Обычно исследование проблемы сужалось до рассмотрения вопросов подготовки профессиональных кадров специалистов, выяснения и оценки количественных и структурных изменений в составе национальной интеллигенции. Проблемы преемственности, вовлечения представителей старой интеллигенции в процесс социалистического переустройства общества анализировались тенденциозно, с классовых позиций. Не рассматривались вопросы взаимоотношений советской власти и интеллигенции, влияния идейно-политических факторов на реализацию творческого потенциала интеллигентов, замалчивалась история инакомыслящей части интеллигенции, а также тех, кто оказался в эмиграции.

Между тем, с началом перестройки проблема интеллигенции, ее самоидентификации, история взаимоотношений с властью превращаются в одну из центральных тем отечественного обществоведения. Научные центры и школы отечественных исследователей истории интеллигенции в Свердловске, Новосибирске, Ленинграде, Иваново, сформировавшиеся в 1980-е – начале 1990-х гг., стали базой для развертывания широкого фронта исследований по истории культуры и интеллигенции. В рамках нового научного направления – интеллигентоведения активно обсуждались вопросы о том, каковы сущностные характеристики и отличительные черты этой социальной категории, какую роль она играет в духовном развитии общества. Особый общественный резонанс получила дискуссия об определении понятия «интеллигенция».

Многочисленные обсуждения на научных форумах, на

страницах научных изданий выявили разность подходов к пониманию вопроса. В среде обществоведов озвучивается мнение о невозможности дать универсальное определение интеллигенции, которое бы учитывало все вневременные нравственные и профессионально-исторические характеристики этого сложного явления³⁸. Этим обстоятельством объясняется наличие множества подходов к пониманию проблемы.

В современной историографии имеющиеся в литературе подходы объединяются в три основные группы. Одна группа исследователей придерживается сложившегося в советской историографии социально-функционального подхода к определению этого понятия. Интеллигенция расценивается как массовая социально-профессиональная группа, занимающая определенное положение в структуре общества и состоящая из лиц, профессионально занимающихся умственным трудом и отличающихся необходимым для этого квалификационным (образовательным) уровнем³⁹.

Сторонники второго подхода, называемого нравственно-этическим, развивают дореволюционную традицию и считают сущностными признаками интеллигенции ее этические характеристики⁴⁰. В качестве главных критериев принадлежности к интеллигенции выделяются нравственный облик, духовность, «способность сопереживать и выражать интересы народа, служить общечеловеческим идеалам».

Однако часть исследователей, выделяя сильные и слабые стороны обоих подходов, вместе с тем, подчеркивает, что ни один из них не дает целостного представления о проблеме и не приближает к решению поставленной задачи. Выход из ситуации видится в третьем пути, который, по сути, формируется на основе синтеза двух предыдущих подходов. В настоящее время комплексный междисциплинарный подход к определению интеллигенции представляется наиболее перспективным и находит все больше сторонников среди интеллигентоведов⁴¹.

Этот подход (В. Т. Ермаков формулирует его как социокультурный подход), по мнению его разработчиков, учитывает нара-

ботки всех специалистов – философов, социологов, историков, культурологов, психологов и рассматривает явление в исторической динамике. Наиболее продуктивно работающей в этом направлении признана школа профессора В. С. Меметова⁴².

По мнению О. Ю. Олейника, одного из представителей этой школы, интеллигенция должна определяться как по социально-профессиональным чертам и свойствам (т. е. по внешним формальным признакам), так и по духовно-интеллектуальным (т. е. по сущностным качествам). «Это особая социокультурная общность, – отмечает исследователь, – профессионально выполняющая функции субъекта духовной жизни и духовного производства, что и составляет ее сущностный критерий»⁴³.

Подобный взгляд на определение интеллигенции разделяет и Г. А. Будник. Исходя из этого, она предлагает следующее определение советской интеллигенции середины 1940-х – 1980-х гг. «Это многонациональная и демократическая по своему составу социокультурная общность, представители которой были заняты основанным на принципах нравственности и гуманизма сложным умственным трудом». При этом автор подчеркивает, что советская интеллигенция «в большинстве своем искренне разделяла социалистические идеалы и активно сотрудничала, несмотря на многие неосуществленные надежды, с политическим режимом, являясь в то же время источником явной и тайной оппозиции»⁴⁴.

Предложенное Г. А. Будник видение советской интеллигенции в целом представляется вполне конструктивным. Но нельзя не обратить внимание на некоторую идеализацию автором объекта исследования. Как известно, не все представители интеллигенции, довольно плодотворно работавшие в своей сфере, руководствовались в творческой деятельности высокими нравственными идеалами. По-разному воспринимались ими и «общественное благо», и «интересы народа». Подтверждением этому может служить разность гражданских позиций отдельных категорий интеллигенции в период распада советской системы. Следовательно, интеллигенция являлась не только

«источником», но и активным носителем оппозиционности к власти, особенно в конце 1980-х гг.

В 1990-е – начале 2000-х гг. наряду с разработкой теоретических основ проблемы осуществлялись конкретно-исторические исследования. В отмеченные годы на новый уровень научного осмысления вышла история региональных и профессиональных категорий советской интеллигенции. Предметом специального исследования стала история взаимоотношений советской интеллигенции с властью в послевоенный период⁴⁵.

Одной из первых работ в этом направлении в российской историографии явилась монография М. Р. Зезиной⁴⁶. Впервые в отечественной исторической литературе была предпринята попытка систематизации материала о функционировании сложной бюрократической системы руководства культурой в позднесталинское и хрущевское время. Автор проследила изменения в культурной политике государства, рассмотрела технологию переноса центра тяжести с традиционной для сталинской эпохи политики подавления и репрессий в отношении интеллигенции на политику мягкого контроля над творчеством, где цензура сочеталась с усилением самоконтроля внутри творческих союзов. В работе были проанализированы вопросы сотрудничества политической и художественной элит. Отдельно показаны области взаимного интереса, когда, с одной стороны, власть использовала интеллигенцию для укрепления политического режима, а с другой, – те или иные группы интеллигенции использовали ресурсы власти для достижения определенных корпоративных целей.

Несколько в ином ракурсе, с точки зрения общественного и нравственного предназначения интеллигенции рассмотрел эту проблему А. Д. Бородай. Для него понятие «интеллигенция» – исключительно русского происхождения. Феноменальность ее, по мнению автора, в том, что на протяжении полутора веков она, выступая в качестве прослойки между властью и народом, играла важную социально-преобразующую роль. Власть всегда пыталась использовать интеллигенцию с целью политического

влияния на народ. В свою очередь интеллигенция, осознавая себя ответственной за судьбы страны, пыталась повлиять на народ с целью изменить власть. Обращаясь к интересующему нас периоду, А. Д. Бородай подчеркивал, что десталинизация общественной жизни в 1950-е гг. и процессы демократизации в стране сформировали новое поколение художественной интеллигенции, сумевшей не только сохранить идею преобразования общества на демократических началах в период застоя, но и реализовать ее в годы перестройки. По мнению автора, «дети оттепели» стали «отцами перестройки»⁴⁷.

Региональный уровень взаимоотношений советской власти и художественной интеллигенции исследуется Е. М. Раскатовой⁴⁸. На основе анализа советской культурной политики в 1960-х-1980-х гг. автор показала на материалах Верхневолжского региона, как менялся стиль партийно-государственного руководства сферой художественной культуры. Как при сохранении сущностной константы своей культурной политики власть вырабатывала более либеральные формы взаимодействия с творческой интеллигенцией.

Большой интерес, на наш взгляд, с точки зрения научного регионоведения и изучения профессиональных «отрядов» интеллигенции представляет монография Е. В. Васильевой. В работе исследована история научной интеллигенции Дальнего Востока в 1960-е – середине 1980-х гг. Обоснована мысль о том, что в этот период в дополнение к естественной неоднородности научной интеллигенции, обусловленной уровнем квалификации, профессиональным делением, половозрастными характеристиками, психофизиологическими и другими особенностями, формировалась искусственная неоднородность как следствие господствовавшей научной политики. Е. В. Васильева выявила специфику существования и функционирования региональных отрядов научной интеллигенции. По ее мнению, научная интеллигенция Дальнего Востока, с самого появления своего в регионе была призвана содействовать развитию его производительных сил. Иными словами, она была

обречена на утилитарно-прикладную деятельность, территориально и предметно строго ограниченную⁴⁹. Данная оценка одного из региональных структур, характеризующая место, занимаемое им не только в науке, но и в обществе, представляется нам применимой при характеристике других региональных и национальных категорий научной интеллигенции.

После некоторого спада исследовательской активности, наблюдавшегося на рубеже 1980-х-1990-х гг. в кавказоведении, вновь растет интерес к проблеме досоветской и советской интеллигенции. Эта тема нашла отражение в общих работах по истории формирования и развития науки и высшей школы в северокавказском регионе, в материалах научных конференций, в юбилейных очерках, монографических и диссертационных исследованиях по истории общественно-политической мысли народов Северного Кавказа и др.⁵⁰

Серьезным шагом в осмыслении истории национальной интеллигенции и общественно-политической мысли на Северном Кавказе, рассматриваемой в контексте модернизирующих реформ второй половины XIX в., явились исследования С. А. Айларовой⁵¹. Для автора крайне важна характеристика не только интеллектуальной, но и нравственной, гражданской позиции северокавказской интеллигенции. По ее мнению, не только европейская образованность, но прежде всего активно отвоевываемая причастность к решению социально-культурных задач и проблем общественного масштаба, обусловленная не «положением» и местом в иерархии правящей власти, а свободным размышлением и искренней озабоченностью судьбами края, оказавшегося на трудном историческом перекрестке самобытного и всемирного и фиксировала собственно принадлежность к северокавказской интеллигенции⁵².

С. А. Айларова выделила в северокавказской интеллигенции второй половины XX в. два крупных социально-исторических типа: просветительски-реформаторский и народнический, различаемые по генерационной принадлежности, по характеру идейных влияний и по своим социальным характе-

ристикам. Формирование культурного облика первого (просветительского) отнесено еще к первой половине XIX в., а логика развития второго (народнического) вышла за рамки периода и продолжилась в первые десятилетия XX в.

В плане методологического осмысления истории северокавказской интеллигенции, на наш взгляд, плодотворной является идея о ее бикультурности. Сформировавшаяся в русле русской и европейской культур и сохранившая при этом национальную самобытность, северокавказская интеллигенция, по мнению исследователя, «раньше других социальных сил осознала те требования, которые предъявило к горским обществам, еще недавно «стоявшим в стороне от истории», вхождение в «большой мир». Бикультурность, согласно суждению автора, формировала мысль, более подвижную, не скованную предрассудками традиционной нормы и эмансипированную контактом с русской культурой. Именно благодаря своей бикультурности северокавказская интеллигенция оказалась способной формировать культуру, которая «не зачеркивала, не обесценивала бы национальную традицию, но умела бы соотноситься с всемирно-историческими запросами, требованиями модернизации, умела бы быть отзывчивой к опыту других народов»⁵³.

В кавказоведении история формирования советской национальной интеллигенции народов Северного Кавказа остается одним из наиболее разрабатываемых направлений. Причем если в 1950-е – 1980-е гг. анализировались, главным образом, количественные и структурные параметры интеллигенции, то в настоящее время предпринимаются попытки комплексного подхода к пониманию национальной интеллигенции, ее общественного предназначения, роли в процессе национального самоопределения⁵⁴. Сегодня на первый план выходит осмысление нравственно-этических аспектов проблемы, вопросов преемственности. По мнению И. С. Бичиевой, интеллигенция не только интеллектуально развитая часть общества, имеющая определенные культурные и этико-нравственные характеристики, но и общественная группа, характеризующаяся устой-

чивой преемственностью. В русле этого рассуждения кабардинские просветители представлены как первооснова, на базе которой формировалась интеллигенция как качественно новое социокультурное явление в жизни кабардинского народа⁵⁵.

Совершенно иную трактовку получила проблема создания кадров интеллигенции в Кабардино-Балкарии в коллективной монографии «Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы». В ней утверждается мысль о том, что уничтожение старой интеллигенции в ходе политических репрессий вовсе не сопровождалось созданием новой, «если не считать таковой полуобразованную прослойку «пламенных агитаторов и пропагандистов». По мнению авторов, тоталитарная система в принципе не формирует подлинную интеллигенцию, «готовят лишь специалистов узкого профиля в строгом соответствии с утилитарными потребностями бюрократического аппарата, определенных отраслей хозяйства, армии и т. д.»⁵⁶.

Разграничение понятий «специалист» и «интеллигент», на наш взгляд, вполне закономерно при определении существенных характеристик, в частности, интеллигенции. Однако категоричность позиции авторов, отрицающих существование подлинной интеллигенции (в противовес «гнилой» интеллигенции), вызывает возражения.

Действительно, утилитарно-прагматический подход к организации научно-образовательного пространства, к формированию профессиональных кадров специалистов для общественного производства являлся отличительной чертой советской культурной политики, реализовывавшейся на региональном и национальном уровне, что особенно отчетливо проявлялось в научной сфере (выше речь об этом уже шла со ссылкой на монографию Е. В. Васильевой). Анализ принципов организации научной деятельности на местном уровне свидетельствует о жесткой плановости и идеологической ограниченности научного поиска, о запрете на определенные исследовательские направления во всех отраслях наук. В силу системных изъя-

нов в организации науки многие научные проекты оставались нереализованными. Кроме того, однобокость милитаризованной советской экономики обуславливала преобладание приоритетных оборонных отраслей науки и их кадров в стране. В этой связи приходится признать, что научная интеллигенция в национальных регионах, ни в научно-техническом плане, ни в позиционировании социальной роли, не имела реальных возможностей находиться на «передовых рубежах» советской и мировой науки.

Вместе с тем, региональная, в том числе национальная, интеллигенция не расценивалась только как инструмент для исполнения конкретных узкопрофессиональных функций. На протяжении всех послевоенных десятилетий советская власть, учитывая высокий духовно-нравственный потенциал интеллигенции, ее влияние на развитие духовной культуры и роль в формировании мировоззренческих установок в обществе последовательно оформляла диалогические основы взаимодействия и сотрудничества. Используя различные рычаги воздействия, она создавала совершенно лояльный по отношению к политической системе интеллектуальный, профессиональный слой общества, представлявший устойчивую социальную базу для осуществления социально-экономических, политических и культурных целей государства в национальных регионах⁵⁷.

В то же время крайне важным признаком интеллигенции в исследуемый период является поколенческое воспроизводство ее «подлинной части». И терминологическое определение этого факта необходимо в настоящее время вне связи с альтернативами классового подхода. Поскольку «подлинная интеллигенция» имела значительно больше надклассовых функций и национальных смыслов своего существования, чем вульгарно-классовая идентификация людей «с портфелем и в очках», к которым равно причислялось новое общественное явление, названное «образованчеством».

Не случайно в 1990-е – начале 2000-х гг. существенное внимание в региональной историографии начинает уделяться од-

ной из наиболее болезненных тем советской эпохи – истории политических репрессий. В работах общего и специального характера, посвященных вопросам национально-культурного строительства в республиках и областях Северного Кавказа в 1920-х-1950-х гг., нашла освещение история функционирования «репрессивной машины», перемалывавшей не только старую интеллигенцию, но и расправлявшейся с теми немногочисленными национальными кадрами научной и творческой интеллигенции, партийно-советской бюрократии, которые сформировались в годы советской власти. Национальной интеллигенции Северного Кавказа был нанесен огромный невосполнимый урон, который еще более усугубился войной⁵⁸. Мнение кабардино-балкарских исследователей о том, что работа по воспитанию собственной национальной интеллигенции в республике фактически началась в послевоенный период, вполне применимо к интеллигенции и других национальных автономий Северного Кавказа⁵⁹.

Постановка в региональной историографии рассмотренных выше вопросов свидетельствует о заметном расширении проблемно-хронологического диапазона конкретно-исторических исследований. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что исследовательский интерес преимущественно акцентируется на проблеме формирования национальных кадров советской интеллигенции, причем хронологические рамки исследования, чаще всего ограничиваются 1920-1930-ми гг., в то время как послевоенная история интеллигенции отражена в научной литературе в гораздо меньшей степени. Некоторые аспекты этой темы, в частности проблема эволюции и идентификации северокавказской интеллигенции в контексте советской государственной политики, ее общественно-политической и профессиональной деятельности, динамики взаимоотношений с властью в послевоенные десятилетия остаются пока еще малоизученными.

Между тем, актуальность этой темы неуклонно возрастает, поскольку она в настоящее время тесно переплетается с про-

блемой советской культурной модернизации в национальных регионах. В региональной историографии отчетливо прослеживается тенденция переосмысления содержания культурных преобразований в национальных республиках и областях Северного Кавказа, вновь актуализируется проблема культурной революции, ставится вопрос о ее сущности и последствиях для национально-этнических культур⁶⁰.

В литературе все явственней озвучивается мысль о том, что модернизация породила конфликт двух культурных систем: традиционной национальной и новой советской. Ряд исследователей весьма скептически оценивает результаты культурной революции в национальных регионах⁶¹. Так, по мнению М. Х. Герандокова, «локальный сравнительный анализ (в рамках бывшего СССР) действительно обнаруживал результативность и динамику культурных процессов, что и позволяло делать выводы об успешном осуществлении культурной революции в национальных регионах. Однако сравнительный анализ культурных изменений в рамках мировой цивилизации позволяет предположить, что направленность культурных процессов во многих национальных регионах была не столько культурной революцией, сколько формой овладения азами цивилизации»⁶².

М. Х. Герандоков считает, что не была достигнута и основная цель культурной революции, которую он определяет как формирование гармоничной личности: «всестороннему развитию личности препятствовало идеологически выборочное усвоение ценностей, что порождало массовую односторонность». Человек «был генетически не способен осваивать и создавать в массовом порядке духовные ценности, на что, собственно, и была рассчитана культурная революция». Все эти рассуждения подводят автора к мысли о незавершенности процесса. Успехи культурной революции в национальных регионах, по его мнению, во многом мифические и существуют, скорее, в теоретических работах, нежели в реальной действительности. Подлинная же культурная революция, либо каче-

ственно новый виток эволюционного развития культуры национальным регионам еще только предстоит⁶³.

В целом обзор научной литературы постсоветского периода подводит к заключению о том, что, если вопросы советской культурной модернизации 1920-х – 1930-х гг. в северокавказских автономиях, также как и история становления интеллигенции разрабатываются довольно активно, то этого нельзя сказать об истории национально-культурного строительства в послевоенный период. Новые подходы к изучению проблемы культурного развития северокавказских республик и областей в условиях общественных преобразований 1940-х – 1980-х гг. начинают только оформляться⁶⁴.

Исключение составляют лишь два вопроса, неразрывно связанные друг с другом и особенно актуальные для национальных культур в контексте сегодняшнего дня: а именно, вопросы развития и функционирования национального языка и национальной общеобразовательной школы. Они исследуются в работах Р. С. Бзарова, Т. Т. Камболова и ряда других ученых⁶⁵. Интерес к ним обусловлен огромной значимостью национального языка и национальной школы как структурообразующих элементов национальной культуры – факторов национальной и этнокультурной идентичности, формирующих мировоззренческие установки в обществе.

По мнению Р. С. Бзарова, анализирующего историю осетинской школы на протяжении второй половины XVIII-XX вв., главная закономерность в истории национального образования в Осетии заключалась в прямой зависимости осетинской школы от политической конъюнктуры при отсутствии (или слабости) механизмов этнокультурной самозащиты в осетинском обществе. Автор обосновывает мысль о том, что в результате денационализации образования и разрушения национальной школы во второй половине XX в. образование потеряло необходимую связь с национальной культурой и повседневной жизнью народа. Резкое сокращение социальных функций лишило осетинский язык действенных механизмов воспроиз-

водства. Профессиональные отрасли национальной культуры оказались подавлены жестким идеологическим прессингом и цензурным контролем⁶⁶.

В итоге национально-культурное строительство в Осетии не было завершено, что стало одной из фундаментальных причин духовного кризиса общества. Автор видит выход в строительстве собственной национальной культуры, «только и способной к саморазвитию и активным внешним контактам». Но полноценное воспроизводство национальной культуры в современном обществе невозможно вне родного языка и системы образования. Поэтому формирование продуманной языковой и образовательной политики расценивается как «единственный путь конструктивного движения, совмещающий сохранение имеющихся достижений с планомерным достраиванием недостающих звеньев национально-культурной инфраструктуры»⁶⁷.

Не остается также вне поля зрения исследователей история художественной культуры народов Северного Кавказа. Проблемы литературно-художественной жизни находят отражение в работах общеисторического плана, в научных изданиях по истории республик Северного Кавказа⁶⁸, а также в специальных исследованиях⁶⁹. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. объектом конкретно-исторического исследования стали социально-политические и идеологические аспекты развития литературы и искусства в Северной Осетии во второй половине XX в.⁷⁰

Но в целом вопросы литературно-художественной жизни, художественного творчества остаются прерогативой литературоведов и искусствоведов, что находит выражение в преобладающей доле исследований литературоведческого и искусствоведческого характера по теме. Достоинство многих из этих работ в том, что авторам удалось выйти за рамки узкодисциплинарного (филологического или культурологического) подхода, что сделало возможным более емко представить развитие литературно-художественного процесса в исторической ретроспективе⁷¹.

К числу подобных исследований может быть отнесена мо-

нография В. Цагараева. В рамках историко-культурологического подхода, автор воссоздал историю осетинского визуального искусства в проблемно-хронологической последовательности⁷². Этапы развития осетинской художественной культуры, важнейшие события художественной жизни Северной Осетии прослежены в монографии Р. Я. Фидаровой⁷³.

В 1990-е – начале 2000-х гг. более доступными для отечественных исследователей стали работы зарубежных авторов по истории советской культуры. В западной историографии предметом пристального научного интереса выступает многосложная система отношений между личностью и политической системой, между образованными слоями общества и властью⁷⁴. Анализируется механизм формирования особой политики советского государства, обеспечивавшей контроль умонастроений в обществе.

Прослеживая историю отношений интеллигенции и советской власти, Д. Байрау выделяет ключевое противоречие: власть пыталась поставить образованные слои общества на службу режиму; со своей стороны интеллигенция отстаивала право на интеллектуальную свободу, расходящуюся, в общем и целом, с интересами политической системы. Неудивительно, что главным объектом интереса исследователя стала история диссидентства, которую ученый рассматривает в контексте общей проблемы развития инакомыслия как духовной сущности русской интеллигенции и расценивает это движение как высшую форму духовного сопротивления внутри советского общества 60-70-х гг. XX в. Власть формировала систему контроля за поведением и настроениями интеллигенции, которая, по мысли Д. Байрау, складывалась постепенно, изменялась под воздействием внутренних и внешних обстоятельств. При этом использовались различные приемы и методы влияния – от прямых репрессий до организации «творческих» дискуссий, от лишения всех средств существования для инакомыслящих до широкой системы материальных и иных привилегий для тех, кто умел и был готов служить⁷⁵.

В. Шляпентох, рассматривая проблему взаимоотношений интеллигенции и власти в послесталинский период, пришел к заключению о том, что две главные политические силы советского общества – интеллигенция и правящая политическая элита, нуждались друг в друге и одновременно были антагонистами. При этом автор отмечал противоречивость ценностных установок и ориентиров интеллигенции, которая, с одной стороны, стремилась к материальному комфорту, общественному признанию и престижу, а с другой, – желала выступать защитницей масс, рискуя навлечь репрессии властей.

Одним из главных объектов исследовательского интереса является советская государственная политика как в области культуры в целом, так и в разных ее сферах. В. Эггелинг, анализируя государственную политику в сфере литературы в период правления Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева, выделил два уровня проведения советской литературной политики: «уровень партии и ее директив» и «уровень практической литературной политики». Оба уровня реализовывались в определенных институтах, образовывали административные комплексы, проявлялись в письменной или устной форме – в публикациях на страницах органов печати или на собраниях⁷⁶. На первом уровне выступал Центральный Комитет партии с его отделами идеологии и культуры. На партийных съездах и пленумах ЦК принимались резолюции по вопросам литературной политики и формулировались приветствия съездам писателей, заслушивались речи партийных руководителей.

К институтам, осуществлявшим на практике литературную политику, В. Эггелинг причислял издательства и редакции журналов с их специфической издательской политикой, литературную критику и различные литературные премии. К институциональному уровню практики отнесен Союз писателей СССР с его многочисленными подразделениями. Они работали на всех уровнях советского государства, в региональном и локальном масштабах. Союзом писателей СССР и его подразделениями на местах обсуждались и воплощались в жизнь

партийные решения. Творческие организации формулировали партийную позицию по вопросам литературной жизни⁷⁷.

Эту тему применительно к 1970-м – 1980-м гг. развил Д. Кречмар. Однако он полагает, что деятельность творческих организаций в обозначенное время все в меньшей степени могла быть показательной для определения тенденций культурной политики. «Общественные культурно-политические совещания, например, съезды творческих союзов все более и более становились формой одобрения уже ранее принятых в другом месте решений»⁷⁸.

Учитывая, что бюрократизация культуры в 1960-1980-е гг. достигла наивысшей степени, Д. Кречмар сформулировал методически важную мысль о том, что «аналогично социально-политическому развитию советской системы в 70-е годы и в культурной политике среднее звено бюрократии приобрело самое существенное значение в принятии решений»⁷⁹. А наиболее мощными культурно-политическими контролирующими инстанциями 1970-х и 1980-х гг. он назвал секретариаты творческих союзов, благодаря которым маленькая группа влиятельных функционеров управляла большинством членов союзов. Причем для подкрепления существующих запретов эта группа внушала ЦК партии свои догматические представления о культуре.

Деформации культурного процесса в 1970-е – 1980-е гг., в частности, творческий застой в литературе, ученый полагал следствием репрессивной политики Союза писателей по отношению к молодым авторам при публикации и приеме в Союз⁸⁰. Данная мысль, подтверждаемая документальными источниками и свидетельствами современников, представляется вполне убедительной и обоснованной. Но при этом следует учитывать, что, несмотря на негативное влияние на творческий процесс поколенческого конфликта, он являлся лишь одним из факторов кризисных тенденций в художественном творчестве.

Вместе с тем, анализируя культурную политику 1970-1985 гг. Д. Кречмар пришел к важному концептуально-

му выводу о том, что, несмотря на репрессивность, она имела последствием внешне незаметный генезис личностного и программного реформаторского потенциала, который в изменившейся ситуации сразу же оказался способным руководить развитием по пути от управляемой к самоуправляющейся культуре. Из чего следовало, что советская культурная политика в этот период играла роль лишь одного из компонентов культуры и уже не представляла собой решающей величины, определяющей весь процесс развития культуры⁸¹.

Признавая этот тезис обоснованным, вместе с тем, отметим, что политическая система даже в 1980-е гг. еще достаточно плотно институционально сосуществовала с общественными и культурными подразделениями всех уровней, чтобы не допускать вольностей в интерпретации государственной культурной политики, особенно в национальных регионах.

В целом, в современной зарубежной и отчасти в отечественной историографии оценочные суждения о культурной политике советского государства имеют негативную направленность. Но необходимость культурной политики не отрицается никем. Как справедливо отмечает В. В. Журавлев, культурный опыт мирового сообщества убеждает в том, что стихийно, спонтанно процессы в области культуры сами по себе не обеспечивают ее нормального функционирования и развития. Культура всегда нуждается в поддержке общества и государства через культурную политику. Выработка ее, включая и экономические механизмы обеспечения культурного роста, является приоритетной задачей государства и всего общества⁸².

В современной историографии государственной культурной политики специалисты различают два подхода. Первый сложился в западной литературе и в настоящее время поддерживается некоторыми отечественными исследователями (например, О. Богачевой, Н. Канаевым, А. Рябовым, А. Каменец). Приверженцы этого подхода руководствуются представлениями о культурной политике как о феномене, преимущественно обеспечивающем финансирование культуры. Иначе говоря,

культурная политика, по их мнению, ограничивается решением экономических вопросов. Сторонники второго подхода понимают под культурной политикой процедуру выработки целей в культуре и построения механизма их реализации⁸³. Такой взгляд на проблему представляется нам более убедительным.

По мнению автора одной из первых в современной отечественной историографии работ о взаимоотношениях советской власти и культуры Т. В. Беловой, из всего историко-философского осмысления проблемы ясно, что речь идет о совокупности идей сосуществования и самоидентификации. В том числе, о работе власти с творческой интеллигенцией и о подготовке специалистов, о ее отношении к деятелям культуры и об отношении последних к себе, к обществу, к продуктам своего труда и т. д.⁸⁴

Т. В. Белова размышляет о проблемах идеологизации и политизации культуры, науки, образования как содержания культурной политики партии и государства, и аппаратизации (термин введен М. Вебером – авт.) как механизме управления этой сферой. На основе предпринятого анализа автор дает однозначно негативную оценку руководства культурным строительством в СССР. Лейтмотивом исследования является мысль о том, что «культура была парализована деятельностью власти»⁸⁵. По разделяемому нами мнению И. И. Горловой, с подобной позицией трудно согласиться. Также как, по сути, с игнорированием общественно признанных успехов в области образования, распространения культуры, массового вовлечения в многообразное культурное творчество наций и народов СССР⁸⁶. Тем более что эти успехи получили признание даже западных исследователей. Как отмечал Дж. Хоскинг, «после войны советская система образования... и в количественном, и в качественном отношении добилась блестящих успехов, что является одним из самых замечательных достижений советского общества»⁸⁷.

На рубеже 1990-х – 2000-х гг. центральной темой многих научных исследований стала проблема взаимоотношений власти и науки⁸⁸. Особый интерес в этом контексте представляют

судьбы исторического знания. Важным для понимания сути вопроса представляется вывод Л. А. Сидоровой о внешних факторах как о доминанте развития советской исторической науки в середине XX в.

«Идеологическое давление на исследовательскую деятельность, – отмечает Л. А. Сидорова, – было велико: его испытывали все без исключения члены сообщества советских историков, в том числе убежденные историки-марксисты, так как оно регламентировало индивидуальный научный поиск даже в рамках марксистской парадигмы. Советские историки, были научными *работниками*, находившимися на службе у государства, которое только так понимало их роль в системе общественных отношений»⁸⁹.

Вопрос о взаимоотношениях власти и науки остается предметом обсуждения научных конференций и совещаний. Так, 1-4 октября 2004 г. в Саратове в рамках совместного проекта Саратовского межрегионального института по общественным наукам и Санкт-Петербургского института истории РАН «Историк и власть в XX веке: государство, общество, индивидуальная судьба» состоялась научная конференция «Историческое сознание и власть в зеркале России XX века». В своей работе участники конференции исходили из понимания того, что власть и историческая наука – это те институты современной цивилизации, от которых в огромной степени зависит динамика развития общества и государства. В ходе дискуссии особое внимание было обращено на то, что в изменяющихся нравственных и идейно-политических условиях с особой остротой встает вопрос об ответственности науки и ученых.

Проблема профессиональной ответственности историков в настоящее время представляется одной из наиболее острых проблем, стоящих перед международным сообществом. Свидетельство тому – включение в число главных тем XIX Международного конгресса по историческим наукам (Осло, 2000) темы «The Uses and Misuses of History and the Responsibility of the Historians, Past and Present».

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии по-прежнему сохраняется устойчивый интерес к истории советской культуры и ее национальных компонентов. В русле общей и региональной историографической традиции центральными проблемами для нас остаются вопросы советской культурной модернизации в Северной Осетии. Отдельные разработки не позволяют составить целостной картины культурно-исторического процесса в республике в исследуемый период. Малоизученными остаются социокультурные и историко-политические аспекты культурного развития в середине 1940-х – 1980-х гг. Исходя из чего, сегодня возникает необходимость расширения исследовательской проблематики, включающей, прежде всего, вопросы развития образования, науки, литературы и искусства, как важнейших элементов культуры, создающих инновационную базу прогресса общества.

1.2. Источниковая база исследования

Исследование строится на широком круге документальных источников, отличающихся большой информативностью и разнообразием и объединенных в ряд групп. Основную группу источников составляют материалы, извлеченные из фондов федеральных и местных архивов: Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАС-ПИ), Центрального государственного архива РСО-А (ЦГА РСО-А), Государственного архива новейшей истории РСО-А (ГАНИ РСО-А), Научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (Научный архив СОИГСИ). Практически все они впервые вводятся в научный оборот.

Важный материал отложился в фонде 5 (описи 17, 35, 36, 55) РГАНИ, хранящем документы Идеологического отдела ЦК КПСС, отделов идеологии и пропаганды, культуры, науки и вузов. Среди них – докладные записки республиканских партийно-советских органов о состоянии идеологической и политической работы в учебных заведениях и научных учреждениях национальных республик, письма-обращения, связанные с подготовкой профессиональных кадров специалистов и решением материально-жилищных проблем научно-педагогических кадров и творческих деятелей; справки-отчеты о структурных преобразованиях и деятельности научно-образовательных, культурных учреждений, творческих организаций.

В ГАРФ проработаны материалы фонда А-501 – Министерства культуры РСФСР, фонда 546 – Комитета по кинематографии при Совете Министров РСФСР. Они содержат сведения о творческой и финансовой деятельности театрально-зрелищных предприятий, о зарубежных гастрольных поездках и о зрительских откликах на выступления творческих коллективов, в частности ансамбля «Алан», о социально-политической направленности и тематическом своеобразии продукции Северо-Кавказской студии кинохроники. Фонд А-605 – Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР представляет данные о научно-исследовательской деятельности, о численности, квалификационном, национальном, гендерном и партийном составе научно-педагогических кадров Северо-Кавказского горно-металлургического института.

В фондах РГАСПИ изучены материалы управления и отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), отдела школ, науки и культуры ЦК КПСС по РСФСР (фонд 17, опись 139, 150; фонд 556, опись 16), которые дают представление об особенностях формирования научной, образовательной и художественной политики в национальных регионах, в том числе в Северо-Осетинской АССР, раскрывают характер взаимоотношений с местной политической номенклатурой, деятелями науки и культуры.

Информативно наиболее насыщены фонды ЦГА РСО-А (фонд 126 – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт, фонд 786 – Министерство просвещения Северо-Осетинской АССР, фонд 128 – Северо-Осетинский государственный университет, фонд 605 – Северо-Осетинский сельскохозяйственный институт (ныне Горский государственный университет), фонд 687 – Северо-Осетинский государственный медицинский университет, фонд 698 – Северо-Кавказский горно-металлургический институт, фонд 813 – Министерство культуры СОАССР и др.). Они содержат материалы, позволяющие выявить динамику и своеобразие развития системы образования, науки и профессиональной художественной культуры. Большой интерес представляют справки, протоколы заседаний ученых вузов, переписка с различными ведомствами. Особенно ценные сведения включают отчеты учебных заведений. Они характеризуют учебно-методический процесс и его идеологическую направленность, социальный и национальный состав студенчества; свидетельствуют о характере кадровой политики и формах подготовки научно-педагогических кадров, о научной деятельности, о материально-технической инфраструктуре и содержании культурной жизни вузов.

Не менее ценный материал представляют фонды творческих организаций (Ф. 730 – Союз писателей СОАССР, Ф. 763 – Союз советских композиторов СОАССР, Ф. 765 – Северо-Осетинское отделение Союза художников РСФСР). Информация, извлеченная из протоколов общих собраний и заседаний правлений союзов, позволяет судить о формировании механизма управления творческим процессом в сфере литературы и искусства, о способах мотивации творческой личности, о методах стимулирования идеологически ориентированной творческой активности, а также составить представление о групповых и межличностных отношениях в творческих организациях. В них содержатся сведения об источниках и уровне материального обеспечения разных категорий художественной интеллигенции, о привилегиях и проч.

В ГАНИ РСО-А изучен фонд 1 Северо-Осетинского обкома КПСС. Протоколы заседаний бюро, стенограммы пленумов, конференций, совещаний обкома КПСС представляют информацию об особенностях осуществления культурной политики в Северной Осетии, о формах и методах управления научно-образовательным и творческим процессом, о способах взаимодействия власти и интеллигенции.

Еще одним важным источником являются фонды Научного архива СОИГСИ (фонды 13, 14, Искусство, а также личные фонды Б. В. Скитского, М. С. Тотоева, А. А. Хадарцевой и других). Отложившиеся в них протоколы заседаний Ученого совета, справки, письма, отчеты о научно-исследовательской работе института и его подразделений позволяют существенно расширить представление о научной жизни северокавказского региона, проанализировать своеобразие исследовательской проблематики. Не меньшую значимость для анализа научно-кадровой политики имеют данные о количестве и составе научных сотрудников, об уровне материального благосостояния, о степени влияния идеологических и политических факторов на научную деятельность.

Отдельную группу источников составляют опубликованные документы Коммунистической партии и Советского правительства. Богатый материал, содержащийся в них, позволяет судить о характере культурной политики, о механизмах управления культурными процессами в разные периоды послевоенной истории страны⁹⁰.

Большой интерес представляют сборники документов, изданные в постсоветский период. Они вскрывают новые контексты общественно-политической и культурной жизни страны в исследуемый период, особенности взаимодействия власти и интеллигенции⁹¹.

Важными с точки зрения анализа темы представляются сборники документов, включающие местный материал. Они содержат большой фактический материал, иллюстрирующий этапы культурного развития, формирования научно-образова-

тельного и художественного пространства республики во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг.⁹²

Третья группа источников сложилась из опубликованных статистических материалов. Сборники содержат сведения о динамике численности общеобразовательных и специальных учебных заведений, об изменениях в социальной структуре североосетинского общества, о количественном, национальном и гендерном составе учащихся и студентов, о формах подготовки кадров специалистов для различных отраслей народного хозяйства, об изменении численности и квалификационного уровня научных и педагогических кадров и т. д.⁹³

Исследовательские возможности расширяются за счет привлечения материала из центральных и местных периодических изданий. Выступления партийных и советских руководителей, представителей научной и творческой интеллигенции, опубликованные на страницах газет и журналов, в научно-публицистических статьях, в художественных очерках, письма читателей интересны богатыми фактами, иллюстрирующими различные стороны научной и культурной жизни. Вместе с тем, привлекая их в качестве источника, следует помнить, что в условиях цензурируемой свободы печати они выражали официальную точку зрения и использовались как средство формирования управляемого «общественного мнения» в оценке общественно-политических и культурных процессов, происходивших в отмеченный период в стране в целом и Северной Осетии, в частности.

Отдельную группу источников составляют воспоминания современников – непосредственных участников или свидетелей событий и явлений, имевших место в общественной и культурной жизни в анализируемый период. Мемуарная литература является наиболее субъективной по характеру восприятия действительности и отбора документальных свидетельств эпохи. Однако ценность этого документального ресурса в том, что, представляя собой личные наблюдения, авторские впечатления от увиденного и услышанного, он позволяет почув-

ствовать духовную атмосферу времени, понять мотивацию поступков людей, облаченных властью или занимающихся научно-педагогической и творческой деятельностью, нередко принужденных в сложных жизненных обстоятельствах делать выбор по «совести» или по «долгу службы».

Наконец, своеобразным документальным источником являются результаты научной и творческой деятельности. Анализ научно-исследовательской проблематики, вербально-иллюстративных образов в художественных произведениях позволяет глубже понять состояние духовной атмосферы в обществе, оценить степень влияния политических и идеологических факторов на научно-образовательный и литературно-художественный процесс на разных этапах изучаемого периода.

Имеющаяся источниковая база позволяет, на наш взгляд, составить довольно целостную картину развития научно-образовательного и художественного пространства на протяжении второй половины 1940-х – первой половины 1980-х гг., проследить динамику модернизационных процессов в культурной жизни республики, выявить общее и особенное в реализации научно-образовательной и художественной политики государства в многонациональном регионе.

Примечания к главе 1:

1. 20 лет Советской власти в Северной Осетии. Сб. статей. Орджоникидзе, 1940; 20 лет автономии Северной Осетии. Дзауджикау, 1944; Кабардинская АССР. Посвящается 25-летию автономии Кабарды. Нальчик, 1946 и др.

2. 20 лет Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1939.

3. См.: Зезина М. Р. История культуры народов СССР. М., 1988. С. 14.

4. Дядькин В. К 25-летию существования Северо-Осетинского государственного педагогического института им. К. Л. Хетагурова // Вопросы истории. 1946. № 10; Хуцистов М. М. Первые успехи по подготовке кадров // Народное образование. 1048. № 9; Кулов С. Д.

25 лет Северо-Осетинского госпединститута (1920-1945 гг.) // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института. 1948. Т. 17; Он же. 30-летие национального педагогического института // Вестник высшей школы. 1951. № 1; Лебедев П. А. Кабардинский педагогический институт // Ученые записки Кабардинского педагогического института. Нальчик, 1953. Вып. 5; Сабанчиев Х. Создание советской интеллигенции в Кабарде // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1951. Вып. 2; Крохин С.И. 20 лет со дня основания Северо-Кавказского горно-металлургического института. 1931-1951 // Труды Северо-Кавказского горно-металлургического института. Орджоникидзе, 1954. Вып 11.

5. Сабанчиев Х. М. Борьба партии большевиков за осуществление культурной революции в Кабарде: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1950; Абилов А. А. Борьба партии Ленина – Сталина за осуществление культурной революции в Дагестан: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1952; Бурнышев А. В. Коммунистическая партия в борьбе за развитие социалистической культуры адыгского народа: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955 и др.

6. Цуциев Б. А. Очерки экономического и культурного развития Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1952; Он же. Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе, 1967.

7. Ким М. П. 40 лет советской культуры. М., 1957; Смирнов И. С. Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 – лето 1918 года). М., 1960.

8. Ким М. П. О культуре как предмете исторического изучения // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 33.

9. Ермаков В. Т. Советская культура как предмет исторического исследования / Вопросы истории. М., 1973. № 11. С. 20.

10. Абилов А. А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959; Бурнышев А. В. Культура, рожденная Октябрем. Майкоп, 1958; Дедегкаев С. Культурное строительство в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1964; Черджиев Х. С. Решающие успехи культурной революции в Северной Осетии (1933-1941 гг.) // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1960. Т. 22. Вып. 4.

11. Абилов А. А. Развитие среднего специального и высшего образования и научных учреждений в Дагестане в послевоенные годы // Ученые записки Дагестанского ун-та. Махачкала, 1960. Т. 6.

– С. 6-21. Прохуренко Л. И. Развитие народного образования в Северной Осетии в послевоенный период // Отдельный оттиск из 20 тома «Известий СОНИИ». Орджоникидзе, 1957; Смиренин В. В. Введение первоначального всеобщего в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958; Черджиев Х. С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии Орджоникидзе, 1958; Он же. Народное образование в Северной Осетии за годы советской власти // Ученые записки СОГПИ. Орджоникидзе, 1957. Сер. Общественные науки. Т.22. Вып. 3; Хасбулатов Ш. Д. Народное образование в Дагестане. М., 1958 и др.

12. Омаров С. М. Женское образование в Дагестане. Махачкала, 1960.

13. Езерская Н. А. Художники Северной Осетии. М., 1959; Очерк истории осетинской советской литературы / под ред. Х. Ардасенова. Орджоникидзе, 1967; Карибаева Т. Сила таланта. Орджоникидзе, 1960; Карибаева Т., Литвиненко М. Северо-Осетинский драматический театр. Орджоникидзе, 1960 и др.

14. Ермаков В. Т. Советская культура как предмет исторического исследования // Вопросы истории. 1973. № 11. С. 20.

15. Зак Л. М. Вопросы культурного строительства в советской исторической литературе // Культурная революция в СССР. 1917-1965. М., 1967. С. 419-423.

16. Ким М. П. О сущности культурной революции и этапах ее осуществления в СССР // Культурная революция в СССР. 1917-1965. С. 31,32.

17. Ермаков В. Т. Советская культура как предмет исторического исследования. С. 33.

18. Историография культуры и интеллигенции Советской Сибири / Отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск, 1978; Изучение истории культуры как системы. Новосибирск, 1983; Системный подход в изучении социалистической культуры. Новосибирск, 1985.

19. Шеуджен Э. А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Ростов-н/Д., 1983. С. 106.

20. Зак Л. М. История изучения советской культуры. М., 1981; Ким М. П. О культуре как предмете исторического изучения // Вопросы истории, 1974. № 11; Он же. Проблемы развития социалистической культуры: Некоторые теоретические аспекты // Культура развитого социализма: Некоторые вопросы теории и истории. М., 1979;

Соскин В. Л. О предмете общей историографии культуры // Известия Сибирского Отделения АН СССР. Обществ. науки. 1976. № 11. Вып. 3; Ермаков В. Т. Изучение истории советской культуры // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV-XXV съездами КПСС. Советский период. М.: Наука, 1978; Ермаков В. Т. К вопросу об освещении истории советской культуры в исторической литературе // Культурная революция и духовное развитие советского общества. Свердловск, 1974; Ермаков В. Т., Иванова Л. В., Козлов В. А. и др. Изучение истории советской культуры // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982; Куманев В. А., Наумов В. Г. Некоторые вопросы изучения ленинской концепции культурной революции // Вопросы истории КПСС. 1978. № 1.

21. Шеуджен Э. А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Ростов-н/Д., 1983.

22. Шеуджен Э. А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. С. 7.

23. См.: История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1966. Т. 2; История Кабардино-Балкарской АССР. В 2-х тт. М., 1967. Т. 2; История Дагестана М., 1968-69. Т. 3-4; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. 2.

24. Хутуев Х. И. Из истории культурного строительства в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1972; Герандоков М. Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1917-1940). Нальчик, 1975; Хачиров А. К. Социалистическая культура и наследие. Орджоникидзе, 1976; Цуциев Б. А. Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе. 1967; Бекижев М. М. Партийное руководство культурным строительством в Карачаево-Черкессии (1920-1967 гг.). Черкесск, 1969, Кулов Б. С. К высотам культуры. Орджоникидзе, 1979 и т. д.

25. Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.

26. См.: Ермаков В. Т. Советская культура как предмет исторического исследования. С. 32; Зезина М. Р. История культуры народов СССР (советский период). М., 1988. С. 18.

27. Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры 1917-1927 гг. М., 1985.

28. Проблемы философии культуры. Опыт историко-материалистического анализа. М., 1984.

29. Джамбулатова З.К. Культурное строительство в Советской Чечено-Ингушетии (1920-1940). Грозный, 1974; Кулов Б. С. К высотам культуры. Орджоникидзе, 1979 и т. д.

30. Исмаилов А.Р. Ликвидация неграмотности и малограмотности в Дагестане. М., 1970; Галазов А.Х. Народное образование в Северной Осетии // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1971. Т. 28; Джамбулатова З.К. Народное образование в Чечено-Ингушетии в 1959-1965 гг. // Известия Чечено-Ингушского института истории, языка, литературы и экономики. Грозный, 1969. Т. 8. Вып. 1; Чеченов Ш.Ш. Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР (1920-1970 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1971.

31. Исаев М.И. О языковом развитии в социалистическом многонациональном государстве // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1968. Т. 27; Галазов А.Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе, 1977; Ко всеобщему среднему образованию. Махачкала, 1975. Галазов А.Х., Исаев М.И. Народы-братья, языки-братья (Русско-осетинские лингво-культурные контакты). Орджоникидзе, 1987.

32. Бациев А.С. Осетинский театр: годы, спектакли, проблемы. Орджоникидзе, 1985; Бациев А.С. Взлеты и падения осетинской драматургии (80-е годы) // Время и сцена. Владикавказ, 1990; Джусойти Н.Г. История осетинской литературы. Тбилиси, 1980. Т. 1, 1985. Т. 2; Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. Л., 1988; Литвиненко М.А., Карибаева Т.Х. Очерки истории Северо-Осетинского драматического театра. Орджоникидзе, 1960; Джикаев Ш.Ф. Осетинская литература. Орджоникидзе, 1980; Хадарцева А.А. Очерки истории осетинской драматургии. Орджоникидзе, 1982.

33. Текиев В.Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989.

34. Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941. / Отв. редактор академик М.П. Ким. М., 1988. С. 3.

35. См.: Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945-64. М., 1993; Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-53. М., 2000; Опенкин Л.А. Сила, не ставшая революционной: исторический опыт разработки КПСС политики в сфере науки и технического прогресса. 1917-1982 гг. Ростов-н/Д, 1990; Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М., 2002 и др.

36. Зак Л.М. Проблема формирования советской интеллигенции в современной историографии // История СССР. 1968. №2; Советская

интеллигенция (история формирования и роста. 1917-1965 гг.). М., 1968; Иванова Л. В. Проблема формирования научной интеллигенции в советской историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1976; Историография культуры и интеллигенции Советской Сибири. Новосибирск, 1978; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972 и т. д.

37. Дедегкаев С. Т. Борьба Коммунистической партии за создание советской национальной интеллигенции в Северной Осетии // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 19; Эфендиев А. К. Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920-1940). Махачкала, 1960; Хачиров А. К. О формировании советской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964; Гасанова А. И. Подготовка женских кадров в Дагестане и их роль в хозяйственном и культурном развитии республики (1945-1965 гг.). Махачкала, 1969; Каймаразов Г. Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988.

38. См.: Будник Г. А. Советская школа и интеллигенция: Советский воспитательный и образовательный эксперимент 1945-1985 гг. (На материалах Центрального района России). Иваново, 2003. С. 28.

39. Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе. Очерки истории. Новосибирск, 2006.

40. Коган Л. Н. Чернявская Г. К. Интеллигенция. Екатеринбург, 1996.

41. См.: Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-1960-е годы М., 1999. С. 20-27; Будник Г. А. Советская школа и интеллигенция: Советский воспитательный и образовательный эксперимент 1945-1985 гг. (На материалах Центрального района России). Иваново, 2003. С. 30-40.

42. Меметов В. С. Интеллигенция: вопросы теории и методологии. Иваново, 2010.

43. Олейник О. Ю. Советская интеллигенция в 30-е гг. (теоретико-методологические и историографические аспекты). Иваново, 1997. С. 53.

44. Будник Г. А. Советская школа и интеллигенция: Советский воспитательный и образовательный эксперимент 1945-1985 гг. (На материалах Центрального района России). С. 40.

45. Бородай А. Д. Н. С. Хрущев и молодое поколение художественной интеллигенции. М., 1999; Васильева Е. В. Научная интеллигенция Дальнего Востока СССР (60-е – середина 80-х гг.). Владивосток, 1993; Раскатова Е. М. Советская власть и художественная интеллигенция: логика конфликта (конец 1960-х – начало 1980-х гг.). Иваново, 2009; Она же. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964-1985: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

46. Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е годы. М., 1999.

47. Бородай А. Д. Формирование кадров художественной культуры. М., 1999. С. 3.

48. Раскатова Е. М. Советская власть и художественная интеллигенция: логика конфликта (конец 1960-х – начало 1980-х гг.). Иваново, 2009; Она же. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964-1985 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

49. Васильева Е. В. Научная интеллигенция Дальнего Востока (1960-х – середина 1980-х гг.). Владивосток, 1993. С. 4.

50. Интеллигенция России в истории Северного Кавказа. Материалы межрегиональной научной конференции (октябрь 1999). Ставрополь, 2000; Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.). Владикавказ, 2006; Ошроев Р. Г. Становление и развитие университетского образования Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Нальчик. 2004; Калинин С. Б. Формирование и развитие научного пространства в республиках Северного Кавказа и на Ставрополье (1918-1940 гг.). Автореф. ... дисс. д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006; Дзалаева К. Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX – начала XX вв.). Владикавказ, 2012; Дзапарова Е. Б. Харлампий Цомаев и православная культура Осетии. Владикавказ, 2010; Магомедов А. А. Центр образования, науки, культуры Северной Осетии. К 90-летию Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. Общественные науки, 2011. № 3 и др.

51. Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XX в. Владикавказ, 2002; Она же. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003.

52. Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: Общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XX в. Владикавказ, 2002. С. 8-9.

53. Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: Общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XX в. С. 9.

54. Емтыль З. Я. Адыгская интеллигенция и проблема национального самоопределения в начале 20-х годов XX века // Научная мысль Кавказа. 2014. №2. С. 99.

55. Бичиева И. С. Кабардинская интеллигенция конца XIX – начала XX века. Нальчик, 2009.

56. Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 57.

57. Земля адыгов / Под ред. А. Х. Шеуджена. Майкоп, 2004. Цюриева И. Т. О проблеме подготовки национальных кадров специалистов на Северном Кавказе во второй половине 1940-х –1950-х гг. // Преподаватель XXI век. М., 2010. №3. Ч. 1.

58. Гаппоев Т. Т., Тотоев Ф. В. Величие и трагизм судьбы профессора истории // Книга памяти жертв политических репрессий РСО–Алания. Владикавказ, 2000. Т. 1; Репрессированные этнографы. М., 2002. Т. 1; Катханов К. Н. Назыр: Книга об отце. Нальчик, 2008 и др.

59. Шамеев А. М. Историография проблемы формирования интеллигенции на Северном Кавказе в 20-30-е годы XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник СОГУ. Общественные науки. 2011. №3. С. 120.

60. Гобети З. Б. Культурное развитие Северной Осетии в 20-30-е годы XX века: дисс. ... канд. ист. наук Владикавказ, 2009; Калинин С. Б. Из истории науки на Северном Кавказе. Научно-исследовательские институты: становление и деятельность (1920-1941 гг.). Ставрополь, 2006; Она же. Формирование и развитие научного пространства в республиках Северного Кавказа и на Ставрополье (1918-1940 годы): дисс. ... док. ист. наук. Ставрополь, 2006; Драч Г. В., Корытина М. А. Культурная модернизация как процесс приобретения цивилизационной идентичности (на примере культуры Северной Осетии) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 2011. №6 и др.

61. Герандоков М. Х, Герандокова В. З. Культурная революция в

национальных регионах: Миф или реальность. Нальчик, 2003; Мамсиров Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик, 2004.

62. Герандоков М. Х, Герандокова В. З. Культурная революция в национальных регионах: Миф или реальность. С. 181-182.

63. Герандоков М. Х, Герандокова В. З. Культурная революция в национальных регионах: Миф или реальность. С. 185-187.

64. Северный Кавказ. Образование: история и современность. Пятигорск, 2001; Ошроев Р. Г. Становление и развитие университетского образования Кабардино-Балкарии в XX – нач. XXI в: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2004; Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Владикавказ, 2008 и др.

65. От века к веку: страницы образования и воспитания в Северной Осетии / Под ред. А. В. Черджиева. М., 2001; Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2005. № 3; Мирзаканова Е. А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11; Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии. История. Современность. Перспективы. Владикавказ, 2007; Цориева И. Т. Языковая реформа и осетинская национальная школа: от «коренизации» до денационализации // Вестник ВНЦ, 2009. № 1 и др.

66. Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы. С. 68.

67. Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы. С. 69.

68. История Северной Осетии. XX век. М., 2003; История Дагестана. В 2-х тт. Махачкала, 2005; Осетины. М., 2012 и др.

69. Гамзатов Г. Г. Дагестанский феномен возрождения. XVIII-XIX вв. Махачкала, 2000; Дагестанская литература: Закономерности развития. Махачкала, 1999.

70. Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 1940-х -1960-х гг.). Владикавказ. 2008.

71. Атаева М. Искусство Осетии на крыльях вечности // 70 лет. Союз художников РСО-Алания. 1939-2009. Владикавказ, 2009; Батагова Т. Э. Осетинская симфоническая музыка XX века. М., 2010; Бязрова Л. Творчество Махарбека Туганова в контексте времени //

Национальный колорит. 2011. № 1; Газданова З. Дорога длиною в 70 лет // 70 лет. Союз художников РСО-Алания. 1939-2009. Владикавказ, 2009; Мамиева И. В. Кудзаг Дзесов. Очерк творчества. Владикавказ: Ир, 1990; Она же. В поисках слова: Автор и герой: динамика взаимодействия. Владикавказ, 2008 (на осет. яз.).

72. Цагараев В. Художник и время. Владикавказ, 2003.

73. Фидарова Р. Я. История осетинской художественной культуры. Владикавказ, 2008. В 2-х тт. Т.2.

74. D. Beyrau. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917-1985.* Göttingen, 1993; Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. №2; Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. М., 1997; Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953-1970. М., 1999; Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000; Shlapentokh V. *Soviet intellectuals and political power: The Post-Stalin Era.* Princeton. 1990 и др.

75. См.: Зубкова Е. Ю. Рецензия на: Д. Байрау. Интеллигенция и диссидентство. Русские образованные слои в Советском Союзе. 1917-1985. Геттинген, 1993 // Отечественная история. 1994. №6.

76. Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953-1970. М., 1999.

77. Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953-1970. С. 19-20.

78. Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970-1985 г. С. 17.

79. Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970-1985 г. С. 17.

80. Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970-1985 г. С. 18.

81. Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970-1985 г. С. 12.

82. Журавлев В. В. Человек. Культура. Политика. М., 1998. С. 82.

83. См.: Горлова И. И. Культурная политика в современной России: региональный аспект. Учеб. пособие. Краснодар, 1998. С. 67.

84. Белова Т. В. Культура и власть. М., 1991.

85. Белова Т. В. Культура и власть. М., 1991. С. 126.

86. Горлова И. И.. Культурная политика в современной России: региональный аспект. С.69.

87. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991. М., 1995. С. 366.

88. За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. Сб. статей. Под ред. М. Хайнеманна. СПб., 2002; Наука в России: современное состояние и стратегия возрождения. М., 2004; Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Е. И. Колчинский. СПб.; 2003; Наука и общество История советского атомного проекта (40-е – 50-е годы). М., 1999.

89. Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М., 2008. С. 87.

90. КПСС в резолюциях и решения съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 8. 1946-1955. М, 1986; Т. 9. 1956-1960. М., 1986; Т. 10. 1961-1965. М., 1986; Т. 11. 1966-1970. М., 1986; Т. 12. 1971-1975. М., 1986; Т. 13. 1976-1980. М., 1987; Т. 14. 1981-1985. М., 1989.; Т. 15. 1985-1988. М., 1989; КПСС о культуре, просвещении и науке. Сб. док. М., 1963; Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1974; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

91. Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958-1964: Документы // Отв. ред. В. Ю. Афиани. М., 2000; История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997.

92. Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. В 2-х тт. Орджоникидзе, 1983. Т.2; Городу Орджоникидзе 200 лет. 1784-1984. Сб. документов и материалов. Орджоникидзе, 1985.; История Владикавказа. Сб. документов. Владикавказ. 1990; 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. Орджоникидзе, 1977; 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. Орджоникидзе, 1981; История Северо-Осетинской государственной медицинской академии 1939-1999./ Автор-составитель С. Я. Плахтий. Отв. ред. К. Д. Салбиев. Владикавказ, 2001.

93. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. Сборник. Орджоникидзе, 1958; Народное хозяйство РСФСР. Стат. ежегодник. М., 1959; Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Орджоникидзе. 1964; Северная Осетия за годы советской власти. Орджоникидзе, 1967; Северная Осетия за 60 лет. Орджоникидзе, 1977; Северная Осетия за 60 лет автономии. Орджоникидзе, 1984.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

2.1. Восстановление и развитие общеобразовательной школы в послевоенное десятилетие

После окончания Великой Отечественной войны важнейшим направлением советской культурной политики являлось скорейшее восстановление и развитие системы образования. Повышенное внимание к образовательной сфере было обусловлено огромной потребностью в квалифицированных профессиональных кадрах, без которых невозможно было преодоление разрушительных последствий войны и обеспечение поступательного развития народно-хозяйственного комплекса страны. Несмотря на крайнюю ограниченность материальных и финансовых возможностей, советское государство изыскивало средства на восстановление и развитие общеобразовательной и профессиональной школы. Война еще продолжалась, но на освобожденных территориях, а также в регионах, не затронутых боевыми действиями, уже приступили к воссозданию сложившейся еще в 1930-е гг. системы всеобщего начального образования. С 1944 г. формируются семилетние и средние вечерние школы в городах и рабочих поселках – школы рабочей молодежи. Эта новая форма обучения давала возможность работающей молодежи совместить учебу в школе и работу на производстве. Восстанавливалась и развивалась материально-техническая база вузов, техникумов и других средних специальных учебных заведений. Налаживалась работа науч-

ных учреждений. Открывались аспирантуры по подготовке научных и педагогических кадров.

Боевые действия, затронувшие только часть территории Северной Осетии, имели непродолжительный характер. Тем не менее, война нанесла существенный урон материально-технической и учебно-методической базе, преподавательским кадрам школ. В результате боевых действий, развернувшихся на территории республики в сентябре – декабре 1942 г., из 212 начальных, семилетних и средних школ, работавших на начало 1940/1941 учебного года, в той или иной степени пострадали 94% школ. В результате прямых действий оккупационных властей, а также артобстрелов и бомбежек было полностью разрушено и сожжено 34 школьных здания. Но и не затронутые боевыми действиями школы, оставшиеся без внимания в связи с военным временем, также находились в тяжелой ситуации. Они нуждались в ремонте. Их имущество было уничтожено или расхищено. Остро стоял вопрос об учебниках, наглядных пособиях, учебно-письменных принадлежностях¹.

Как вспоминал выпускник Чиколинской средней школы 1948 г., Н. Д. Малиев: «Во время войны немецкие оккупанты превратили школу в госпиталь, и вся техническая база была уничтожена. Многие мои сверстники не могли учиться из-за материальной необеспеченности, у большинства родители погибли в Великую Отечественную войну. Не хватало классных помещений, учебников, тетрадей и т. п. Мы использовали старые книги и газеты вместо тетрадей. Писали между строк не чернилами, а соком бузины...»². Еще труднее приходилось учащимся школ в горных аулах. Нередко тетради им заменяли обрывки газет, ручки – огрызки карандашей. Предметом зависти были ученические перья³.

Восстановление школьной системы республики началось практически сразу после изгнания фашистских оккупантов с территории республики. Постановление Совнаркома Северо-Осетинской АССР «О возобновлении занятий в школах в освобожденной от немецко-фашистских захватчиков части

территории республики» от 9 января 1943 г. определило первоочередные задачи исполкомов Советов депутатов трудящихся и Народного комиссариата просвещения Северной Осетии по возобновлению работы школ⁴.

Ущерб, нанесенный школам Северной Осетии, был оценен в сумме около 80 млн. руб. (в ценах соответствующих лет)⁵. Об этом сообщалось в докладной записке Народного комиссариата просвещения Северо-Осетинской АССР, направленной в марте 1943 г. на имя наркома просвещения РСФСР В.П. Подемкина. В этом же году из республиканского бюджета на восстановление школьной инфраструктуры было выделено 19,7 млн. руб. В следующем году на нужды республиканских школ было затрачено 40,9 млн. руб., а в 1946 г. – 46 млн. руб. В 1952 г. сумма расходов на образование составила 86 млн. руб.⁶

Выделяемые средства направлялись на проведение ремонтных работ (ремонт кровли, печей, остекление окон, установка дверей), восстановление материально-технической и учебно-методической базы школ, привлечение педагогических кадров, потребность в которых была огромной. В результате осуществленных партийно-хозяйственными органами мероприятий уже к 1 марта 1944 г. начались занятия в 170 школах республики⁷.

Финансирование образовательной системы позволило с 1948 по 1953 г. построить и ввести в действие (включая восстановленные школы из числа разрушенных в годы войны) 78 школьных зданий. В сельской местности к восстановлению и строительству школ привлекались трудовые, материальные и финансовые ресурсы колхозов. Всего к 1953 г. в республике насчитывалось 393 школьных здания. Из них только 185 были типовыми, остальные 208 арендовались у различных организаций и предприятий и приспособлялись под школьные нужды⁸.

Главной задачей советской школы второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг., как и в предвоенные годы, являлось обеспечение обязательного общеобразовательного ми-

нимума. Для решения обозначенной проблемы сразу же после окончания войны восстанавливается система всеобщего начального образования. При этом за относительно короткий срок произошло существенное количественное приращение начальных школ в Северной Осетии. Так, с 1940/41 по 1948/49 учебные годы численность начальных школ выросла с 72 до 102. Но эта тенденция не имела продолжения, поскольку советская школа вступала в новую фазу практического претворения в жизнь программы всеобщего обязательного минимума, устанавливаемого в рамках семилетней школы. С учетом новых образовательных задач с 1949/50 учебного года постановлением Совета Министров республики от 29 июля 1949 г. сеть школ была пересмотрена. Число начальных школ сокращалось до 96, семилетних школ – увеличивалось с 82 до 90. Число средних школ оставалось неизменным (71). Общее количество школ (с учетом всех типов школ, включая ШРМ, ШСМ, школы для взрослых) при этом выросло с 255 до 257 за счет ввода в эксплуатацию двух новых семилетних школ⁹.

Курс на осуществление всеобщего семилетнего образования в Северной Осетии был провозглашен сразу же после принятия постановления СНК РСФСР от 22 июня 1935 г. «О введении всеобщего обязательного обучения» (в столице республики обязательное семилетнее обучение вводилось с 1930/1931 учебного года). Однако темпы реализации намеченных планов отставали от желаемого. Поэтому Совнарком СОАССР от 21 мая 1940 г. отодвинул дату введения обязательного всеобщего семилетнего образования для детей в возрасте от 8 до 14 лет с 1939/1940 учебного года.

Одновременно планировалось ввести обязательное обучение в специально создаваемых «ускоренных» школах с одноступенчатым или двухгодичным обучением для детей 10-14 летнего возраста, не прошедших курса начальной и неполной средней школы. По отношению к родителям, отказывавшимся посылать детей в школу или к самим детям, допускавшим систематические пропуски занятий по неуважительным причинам,

предусматривалось применять меры административного порядка (взыскания в виде штрафов от 10 до 100 рублей, исправительно-трудовые работы от пяти дней до месяца)¹⁰.

Война прервала начатый процесс. К реализации всеобща в объеме семилетней школы государство вернулось на рубеже 1940-х – 1950-х гг. Семилетнее образование стало обязательным для всех учащихся с 1952 г. В том же году, на XIX съезде КПСС была сформулирована новая задача в области школьного образования: к началу 1960-х гг. осуществить переход к обязательному среднему образованию. К рассмотрению этого вопроса вернемся позднее, а пока отметим, что на решение этой задачи потребовалось гораздо больше времени, чем предполагалось в начале 1950-х гг. Тем не менее, введение обязательного всеобщего восьмилетнего обучения в начале 1960-х гг. явилось важным шагом к всеобщему среднему образованию. Переход к нему завершился в середине 1970-х гг.

Наряду с обычными общеобразовательными школами выполнением задач всеобща призваны были заниматься школы-интернаты. 4 ноября 1949 г. Совет Министров Северо-Осетинской АССР особым постановлением утвердил сеть школьных интернатов по республике. Количество отмеченных учреждений увеличивалось с 8 до 14 (с расчетом на 380 мест).

Решение вопросов организации и содержания новых интернатов было возложено на исполкомы Садонского, Махчешекского, Орджоникидзевокого, Алагирского районных и Малгобекского городского советов депутатов трудящихся. На создание и обеспечение этих учебных заведений в 1949 г. предусматривалось затратить из бюджетов местных советов 218 тыс. руб.¹¹ Большинство школ-интернатов создавалось в сельских районах республики. Они ориентировались, прежде всего, на детей из беднейших социальных слоев общества и на сирот, потерявших кормильцев в годы войны. Интернаты предназначались также для привлечения детей, проживавших в отдаленных горных селениях, в которых отсутствовали собственные школы.

В 1956/57 учебном году в Северной Осетии насчитывалось 223 начальных, семилетних и средних школы (без учета школ рабочей и сельской молодежи и школ взрослых) – на 11 школ больше, чем в 1940/41 учебном году. Как видим, существенно количественного роста школьной сети не произошло. Определяющими были структурные и качественные изменения. Так, с 1940/1941 по 1956/1957 учебные годы заметно сократилось число начальных школ (от 72 до 57). Одновременно увеличилось количество средних школ (от 70 до 90). Что касается семилетних школ, то, несмотря на определенный прирост их сразу после войны, уже с середины 1950-х гг. прослеживалась тенденция сокращения. В 1956/57 учебном году в республике насчитывалось 74 семилетние школы, а к 1962 г. не осталось уже ни одной. Все они были преобразованы в восьмилетние или средние школы¹².

В послевоенное десятилетие успех выполнения задачи всеобщего обязательного обучения детей непосредственно связывался с проблемой вовлечения всех детей школьного возраста в учебный процесс. Поэтому существовавшая проблема отсева учащихся из школ постоянно находилась в поле зрения органов образования, ответственных за выполнение закона о всеобуче. Борьба шла, по сути, за каждого ученика. В сентябре 1947 г. из 50270 учтенных детей 7-14-ти летнего возраста школу не посещали 1671 человек или 2,1%. Особенно неблагоприятно складывалась ситуация в ряде сельских районов. К примеру, в Нартовском районе этот показатель составлял 9,2%, в Курпском – 7,2%, в Кировском – 7,1%, в Садонском – 5,7%, в Орджоникидзевском – 5,3%. В течение 1947/1948 учебного года из школ республики по разным причинам отсеялось 4870 учащихся (7,1%). Этот факт служил основанием для того, чтобы в постановлении Президиума Верховного Совета Северо-Осетинской АССР о выполнении закона «О всеобщем обязательном обучении детей» (сентябрь 1947 г.) характеризовать работу образовательных учреждений республики как неудовлетворительную¹³.

Неизменными спутниками отсева учащихся являлись неуспеваемость и второгодничество. Так, в 1946/1947 учебном году из 68760 учащихся 50929 человек (74,1%) окончили школу и были переведены в следующий класс. На второй год остались 9839 учащихся (14,3%); а 7992 школьникам (11,6%) назначены осенние испытания. Примерно такая же картина наблюдалась и в последующие годы. На 15 сентября 1948 г. в школах республики обучалось 89253 человека. В конце учебного года в следующий класс были переведены или окончили школу 68993 учащихся, то есть 77,3%; остались на второй год 6726 (7,5%); испытания на осень назначены 7356 школьникам (8,2%). Остальные просто покинули школу, не завершив учебы¹⁴.

Основная причина отсева детей из школ заключалась в крайне тяжелых материально-бытовых условиях, в которых в первые послевоенные годы жило подавляющее большинство рядовых граждан. Дети часто были лишены самого необходимого. Из-за отсутствия теплой одежды, обуви в зимние месяцы численность детей, не посещавших школу, возрастала. Особенно страдали жители горных районов (Садонского, Махчесского, Ирафского). Нередко школы располагались в нескольких километрах от дома. Для младших школьников, впрочем, как и подростков, плохо одетых, часто босых, живущих впроголодь такое расстояние, особенно зимой, оказывалось непреодолимым.

Но даже в том случае, когда дети добирались до школы, им трудно было сосредоточиться на учебе. В холодное время года школы отапливались дровяными печами. Но нередко из-за отсутствия средств, несогласованности с местными властями и по иным причинам дров заготавливалось недостаточно или не заготавливалось вовсе. К началу 1949/50 учебного года для школ республики (в том числе интернатов), например, планировалось завезти 15887 и для учителей 16110 кубометров дров. Реально же, к 1 ноября было завезено для школ 12725 и учителей 9300 кубометров дров, что составляло соответствен-

но 80,0% и 57,7% запланированного объема. Особенно плохо обеспечивались топливом сельские районы. Из-за холода в школах нередко на два-три дня в неделю отменялись занятия. Вынужденные каникулы могли затянуться, потому что дети, поддерживаемые родителями, отказывались сидеть в холодных, нетопленных классах. Не лучше обстояло дело и в школах-интернатах. Из-за ограниченности финансовых возможностей местных Советов, последние не в состоянии были обеспечить нормальное функционирование этих учебных заведений. Многие интернаты крайне неудовлетворительно снабжались топливом и продуктами питания. Не удивительно, что в подобных обстоятельствах руководство этих учреждений не могло силой удержать учащихся. В январе 1952 г. школы-интернаты Махчесского района только из-за холода покинуло 20% детей¹⁵.

Другая причина отсева заключалась в том, что за годы войны многие семьи лишились кормильцев. И дети, особенно подростки, стали главными помощниками в домашнем хозяйстве, а то и кормильцами. Они, наравне с взрослыми, работали на промышленных предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах. Сказанное иллюстрировала справка Министерства просвещения СОАССР от 24 февраля 1953 г. о результатах выполнения закона о всеобуче. В ней отмечалось, что в течение первого полугодия 1952/1953 учебного года отсеялось по «неуважительным» причинам 196 детей. Далее шла расшифровка «неуважительных» причин: а) отдаленность от школ, в результате чего отсеялось 8 человек; б) работа на предприятиях – 49 человек; в) работа в колхозе – 52 человека; г) домашние обстоятельства – 41 человек; д) исключено – 46 человек¹⁶.

Принимая во внимание неполноту и отчасти неточность приведенных данных, тем не менее, можно составить представление о реальных обстоятельствах оттока учащихся из школ. Совершенно очевидно, что подавляющее большинство детей оставляли учебу по материальным причинам, вынужденные самостоятельно зарабатывать средства к существова-

нию. Более 50% отмеченных детей покинули школу, потому что они не могли совмещать учебу в школе с работой в колхозах и на предприятиях.

Другая немаловажная причина была связана с болезнями, которым детский организм, из-за плохого питания, тяжелой, не по возрасту, работы, был особенно подвержен. Частые пропуски занятий по болезни отражались на успеваемости и нередко вели к тому, что дети оставались на второй год, а затем вообще бросали школу.

Не менее серьезной причиной отсева детей из школ являлось то, что до середины 1950-х гг. обучение в старших классах оставалось платным. И многие родители, не имея достаточных средств, чтобы оплатить учебу, вынуждены были забирать детей из школы.

Встречались и такие случаи, когда подростки, чаще всего, девочки, покидали школу под давлением родителей, полагавших, что в «большом образовании» нет необходимости, а для обычной жизни вполне достаточно усвоенных азов грамотности.

К середине 1950-х гг. выявилась еще одна категория детей – «переростков», оставлявших школу не завершив обучения. Многие из них были намного старше своих одноклассников. В начальной школе иной раз за одной партой с 7-9-тилетними детьми сидели подростки в возрасте 12-14 лет, а то и 18 лет. Они не желали учиться в «детской» школе и покидали ее¹⁷.

Таким образом, проблема оттока сохранялась. Даже в столице республики, где ситуация всегда была лучше, чем в других населенных пунктах Северной Осетии, в 1955/1956 учебном году, по данным органов образования, из 21336 учащихся школу посещали 19794 (92,7%). В Моздокском районе из 5259 детей школьного возраста каждый десятый не посещал школу. В школах Ирафского района в сентябре 1955 г. обучалось 4385 учащихся, в феврале 1956 г. – 94,7% от первоначального количества. Следует учитывать, что в официальных отчетных документах действительное положение вещей нередко иска-

жалось, поэтому можно предположить, что реальные цифры могли быть еще ниже¹⁸.

Складывавшаяся ситуация вызывала серьезное беспокойство руководителей системы образования, поскольку она противоречила основным целям образовательной политики и препятствовала осуществлению программы всеобуча. Проблема оттока детей из школ неоднократно обсуждалась партийно-государственными органами, ответственными за решение задач народного образования. В январе 1949 г. в г. Орджоникидзе состоялось совещание директоров и заведующих учебными частями школ столицы республики. В центре внимания участников совещания находился важнейший вопрос о недопустимости отсева детей из школ. В заключительном документе подчеркивалось, что среди первоочередных мероприятий, которые следует провести с целью улучшения работы школ во втором полугодии 1948/1949 учебного года, необходимо: «принять меры, обеспечивающие в двухнедельный срок возврат в школы всех детей, отсеявшихся по неуважительным причинам в первом полугодии. В дальнейшем не допускать ни одного случая отсева детей из школ, принимая своевременные меры предупреждающего характера»¹⁹.

За прекращение оттока из школ и обеспечение всеобуча особую ответственность несли педагогические коллективы. В стремлении вернуть детей в школы, учителя использовали самые разные методы убеждения и принуждения. Ходили по домам, проводили «воспитательные» беседы с родителями и детьми. На «нерадивых» родителей жаловались в трудовые коллективы и пр. Но никакие административные санкции не могли вернуть и удержать детей в школе до тех пор, пока сохранялись причины, порождавшие отсев, прежде всего, – бедность. В 1956 г. на февральском совещании заведующих районными отделами народного образования Северной Осетии рассказали о семье, проживавшей в одном из селений Моздокского района. Единственная кормилица – мать не в состоянии была обеспечить пятерых детей ни теплой одеждой,

ни обувью. Дети не только не учились. В холодное время года они вообще не имели возможности выйти на улицу из-за отсутствия элементарной одежды. Таких семей в первые послевоенные годы было немало. Не решался и вопрос подвоза учащихся в школы из отдаленных населенных пунктов. Впрочем, некоторые педагоги не видели в этом необходимости. «Расстояние в 2-3 километра для учеников восьмых классов только физкультурная зарядка», – отмечал в своем выступлении на том же совещании заведующий Дарг-Кохским районным отделом народного образования²⁰.

Использование административных методов воздействия на педагогические коллективы и родителей для предотвращения оттока детей из школ оказывалось малоэффективным. Поэтому наряду с принудительными мерами, изыскивались и другие способы удержания учащихся в школах. В этом смысле гораздо более действенной представлялась деятельность создававшихся на предприятиях и в учреждениях фондов помощи всеобучу. Эти фонды оказывали помощь детям из малообеспеченных семей. Патронируемым и опекаемым детям выделялись деньги на приобретение одежды и обуви. Помощь нуждающимся детям оказывали и родительские комитеты школ. Так, в I полугодии 1948/1949 учебного года в школах города Орджоникидзе была оказана материальная помощь на сумму 157 тыс. руб. 705 ученикам. Родительские комитеты школ №№ 3, 5, 11, 22, 27 и других оказали помощь одеждой и обувью 114 учащимся. В результате проделанной работы удалось вернуть на учебу 107 детей²¹.

Но в целом, несмотря на наметившуюся благоприятную перспективу, приходится признать, что возможности оказания материальной помощи были ограничены, размеры ее в масштабе республики были незначительны. Поэтому, в случае если отток детей из школ был вызван причинами материального, а не иного порядка, то успешное решение вопроса оставалось, по-прежнему, проблематичным.

Тем не менее, упорно и последовательно проводилась по-

литика по возвращению детей в школы. Положительным моментом в привлечении и удержании детей в школах явилась отмена с 1956/1957 учебного года платы за обучение в старших классах. Безусловно, такая политика не была продиктована одними лишь гуманитарными задачами. Она определялась жесткой социально-политической необходимостью. Причем, советская школа решала не только задачу обучения детей. Она была нацелена на воспитание нового человека, преданного социалистическим идеалам, способного отстаивать интересы советского государства. Тем более, что Советский Союз после окончания Второй мировой войны стал «оплотом мировой системы социализма», а его граждане должны были находиться «в авангарде строительства нового мира».

Кроме того, руководство страны исходило из назревавших проблем обеспечения в экономике научно-технической революции, технологического развития, освоения новых научно-технических отраслевых задач. Поэтому с начала 1950-х гг., практически сразу после перехода советской школы к семилетнему всеобучу, начинается активное обсуждение вопроса о переходе к всеобщему среднему образованию.

В контексте новых тенденций в образовательной политике 15 мая 1953 г. Совет Министров СОАССР принял постановление «Об осуществлении перехода к всеобщему среднему образованию в г. Дзауджикау» (г. Владикавказ), дублирующее союзное решение. В нем отмечалось:

«1. Просить Совет Министров РСФСР утвердить представленный Министерством просвещения Северо-Осетинской АССР план завершения перехода к концу пятилетки от семилетнего образования на всеобщее среднее образование (десятилетку) в г. Дзауджикау...»²².

Поспешность принятия этого решения на фоне существовавших проблем в системе образования была очевидна. Тем более в масштабах небольшой национально-автономной республики. Но вместе с тем, было понятно, что данное решение имело общесоюзное мобилизующее значение и отвечало важ-

нейшим стратегическим вызовам времени наравне с освоением целины, на фоне ударных комсомольскихстроек и создания ракетно-ядерного щита страны.

Потребности общественного развития, обеспечения безопасности страны обуславливали растущие требования к уровню образовательной подготовки молодежи. Одним из основных направлений в деятельности послевоенной школы являлась работа по улучшению качества обучения в школе. На решение этой задачи был направлен ряд нововведений, принятый в 1944 г., в организации учебного процесса, Постановлением ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе» от 21 июня 1944 г. устанавливались обязательные выпускные экзамены для оканчивавших начальную и семилетнюю школу, вводилось награждение золотыми и серебряными медалями выпускников средней школы, «которые в течение года и при сдаче экзаменов на аттестат зрелости проявили глубокие знания при отличном поведении». Постановление ЦК ВКП (б) предусматривало «улучшение работы общеобразовательной школы, повышение успеваемости и укрепление дисциплины учащихся, усиление ответственности педагогического персонала за качество обучения»²³.

Важным фактором повышения эффективности работы школ являлось укрепление учебно-методической базы. Трудно, но последовательно налаживалась система снабжения школ учебниками, наглядными пособиями. Количество выпускаемой учебной литературы не покрывало потребностей школ. Поэтому по-прежнему широко использовались учебники и учебные пособия довоенного периода, одновременно практиковалась покупка подержанных учебников у населения.

В целях оптимизации учебного процесса в 1946 г. Совет Министров РСФСР принял решение об организации в начальных школах автономных республик, краев и областей подготовительных классов. Была облегчена и программа преподавания в начальной школе. Проведение этих мероприятий предусматривало улучшение работы начальной школы и преодоление

таких негативных явлений в школьной практике, как второгодничество и неуспеваемость. Конечно, отмеченные проблемы решались непросто, но положительная динамика обнадеживала. Так, если в первом полугодии 1947/1948 учебного года из 81119 учащихся общеобразовательных школ Северной Осетии успевало 76,4%, в первом полугодии 1949/1950 учебного года из 89660 – 81,9%, то в 1954/1955 учебном году среди 75397 школьников успеваемость составляла 86,4%. На второй год было оставлено 13,7% человек²⁴.

Показатели успеваемости по городским и сельским школам обычно разнились не в пользу последних. Причин тому было как всегда множество: менее благополучное материально-техническое и учебно-методическое состояние школ, нехватка или низкий уровень квалификации педагогических кадров, различия в укладе жизни городских и сельских жителей, особенности функционирования национальных школ и слабое владение русским языком, что являлось серьезным препятствием для усвоения школьной программы.

Анализ документальных источников позволяет судить о высоких требованиях, предъявляемых к оценке знаний учащихся в исследуемые годы, что существенно могло влиять на показатели успеваемости и второгодничества в школе. Работа педагогических коллективов, в этом смысле, находилась под пристальным вниманием органов власти. В постановлении бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) от 19 февраля 1948 г. «Об итогах работы школ СОАССР за первое полугодие 1947/1948 учебного года» подчеркивалось: «...1.г) обеспечить в школах повседневный контроль за применением учителями установленных норм оценок знаний учащихся, не допуская при этом либерализма; постоянно контролировать в школах ведение классных журналов всеми учителями, ликвидировать пропуски занятий без уважительных причин...»²⁵.

Таким образом, перед школой ставилась задача совершенствования образовательного процесса, улучшения качества и повышения степени усвоения знаний учащимися. Высокая

требовательность к оценке качества знаний оптимизировала развитие советской школы. Но важным условием решения поставленной задачи являлось, помимо всего прочего, наличие квалифицированных педагогических кадров.

Между тем, профессиональные кадры, особенно в первые послевоенные годы, были «слабым звеном» в системе школьного образования. В 1946 г. в школах республики насчитывалось лишь 2258 учителей, что составляло 70,2% от требуемого количества. При этом немногим более половины из них имело какое-либо педагогическое образование²⁶. К тому же нередко профессиональная подготовка учителей совершенно не соответствовала преподаваемому предмету.

Задача обеспечения школ педагогическими кадрами решалась разными способами. Прежде всего, преподавательский состав школ пополнялся за счет возвращавшихся домой учителей. В течение двух послевоенных лет из действующей армии демобилизовалось около двух тысяч учителей. Однако ни по количественным, ни по качественным показателям имевшийся кадровый потенциал не соответствовал потребностям общеобразовательных школ Северной Осетии.

Наиболее сложная ситуация складывалась в сельских школах. В течение 1949 г. в школы республики было направлено 532 человека. Но на 1 ноября отмеченного года в сельских районах по-прежнему не хватало 76 учителей, из них 60 по иностранному языку, хотя совместительство широко практиковалось²⁷. В селах, особенно в отдаленных горных аулах, постоянная нехватка в педагогических кадрах, помимо всего прочего, обуславливалась тяжелыми в психологическом, бытовом и климатическом смысле условиями жизни. Многим молодым специалистам, особенно коренным горожанам, не удавалось адаптироваться к «суровым» условиям. Поэтому частая сменяемость учителей, отсутствие предметников были одной из серьезнейших и трудно решаемых проблем в сельских школах.

Для ускоренной подготовки кадров были созданы двухлетние учительские институты. Подготовка учителей по сокращен-

ной программе осуществлялась и на базе специальных одиннадцатых педагогических классов, открытых в некоторых школах республики. В традиционном формате преподавательские кадры готовились также Северо-Осетинским государственным педагогическим институтом и Северо-Осетинским педагогическим училищем. В 1948 г. из этих учебных заведений в школы республики было направлено 250 учителей. Число выпускников росло с каждым годом. В 1955 г. дипломы только о высшем педагогическом образовании получили 300 человек²⁸.

В результате целенаправленной деятельности образовательных органов в данном направлении, к середине 1950-х гг. школы республики, в основном, были обеспечены учителями. С 1950/51 по 1955/56 учебный год их численность во всех школах Северной Осетии выросла с 3913 до 4480, (для сравнения: в предвоенном году в школах республики насчитывалось 2978 учителей)²⁹.

Количественное наполнение преподавательского состава школ позволило повысить требовательность к уровню подготовки учителей. Были ликвидированы двухлетние учительские институты и одиннадцатые педагогические классы. Подготовку учителей средней школы отныне предполагалось осуществлять только на базе десятилетней школы. В своем выступлении на 1-м съезде учителей Северо-Осетинской АССР (19-20 августа 1955 г.) министр просвещения республики А. Г. Тотров подчеркивал: «... на работу не только в 8-10 классы, но и 5-7 классы отныне будут направляться только лица, имеющие законченное высшее образование»³⁰.

Совершенствование системы подготовки педагогических кадров находило отражение в изменении квалификационного уровня преподавателей. Рос удельный вес учителей с высшим образованием и, напротив, снижалась доля учителей с незаконченным средним образованием. В 1950/51 и 1952/53 учебном году эти показатели соответственно изменялись следующим образом: доля первых росла – 27,1 и 33,8%; доля вторых снижалась – 2,8 и 1,7%³¹. К середине 1950-х гг. в школах респу-

блики работало немало высококвалифицированных педагогов, занимавшихся образованием и воспитанием подрастающих поколений. Среди них – М. З. Уруймагов, А. М. Круглеевская, Е. А. Лосева, Н. П. Мазуренко, Е. С. Нечипурнова и другие.

Наряду с образовательными задачами школа была призвана выполнять важнейшую функцию идейно-политического воспитания подрастающего поколения. Она должна была формировать в сознании школьников коммунистические идеалы, чувства патриотизма, коллективизма и неприятия индивидуалистической психологии, убежденности в верности избранного Коммунистической партией пути. Но для реализации этой политики нужны были не просто учителя-предметники. Не меньшие, а иногда и более жесткие, чем к профессиональному уровню, требования предъявлялись к идейно-политической подготовке преподавателей.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. в образовании, так же, как и в других отраслях культуры, все более ощущается усиление идеологического диктата, характерного для всей общественной жизни страны. Руководители учебных заведений, по сути, наделялись контролирующими функциями. Они были обязаны систематически проверять работу учителей не только на предмет повышения ими своей профессиональной квалификации, но и овладения основами марксизма-ленинизма, идейно-политической выдержанности в учебно-воспитательном процессе. В октябре 1948 г. вопросы постановки идейно-политической работы в школе рассматривались на заседании бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б). «В результате неудовлетворительного состояния политической работы среди учителей, – отмечалось в постановлении бюро обкома партии от 7 октября 1948 г., – серьезные недостатки имеются в постановке комсомольского воспитания учащихся. Отдельные преподаватели на уроках недостаточно показывают превосходство советского общественного и государственного строя перед капиталистическим строем, слабо увязывают преподавание с современностью, с новейшими достижениями

науки и в частности в области биологии»³². Постановление бюро обкома обязывало горкомы и райкомы ВКП (б) создать при средних и неполных средних школах кружки для учителей по изучению «Краткого курса истории ВКП (б)» и произведений Ленина и Сталина. Руководители кружков утверждались райкомами ВКП (б). Ими же обеспечивалось систематическое инструктирование руководителей по очередным темам занятий. Помимо участия в кружковых занятиях, учителя обязаны были заниматься политическим самообразованием.

В послевоенное десятилетие в ряду образовательных задач, определенных государством, немаловажное место занимала проблема ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения. Этот вопрос постоянно находился в поле зрения высших партийных и советских органов. Он систематически выносился на обсуждение бюро Северо-Осетинского обкома и Совета Министров республики. Работа велась в двух направлениях: выявление категории неграмотных и малограмотных и их обучение.

В 1953 г. органами образования было выявлено 13706 неграмотных и малограмотных. Из них на 1 января 1954 г. прошли обучение 1765 человек, и продолжали учиться 2083 человека. На обучение израсходовано 63,1% выделенных средств. В 1955 г. было предусмотрено охватить 5000 неграмотных и 4000 малограмотных. Фактически обучение прошли 730 человек (8,1%). Из ассигнованных на это мероприятие 358 тыс. рублей было израсходовано 198 тыс. рублей (55,3%)³³.

Как видим, число прошедших курсы ликбеза было невелико. Тем не менее, предпринимаемые органами власти усилия в решении проблемы ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения (в возрасте от 16 до 50 лет), «давали свои плоды». Из года в год число людей, подлежащих обучению, сокращалось. Впрочем, некоторые выбывали из этой категории в силу возраста.

При анализе этой проблемы следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Если в 1920-е – 1930-е гг. работа

по ликвидации неграмотности и малограмотности рассматривалась как важнейшее условие достижения всеобщей грамотности и осуществления культурной революции, то в послевоенный период внимание органов народного образования, ответственных за решение данной проблемы, акцентировалось уже, прежде всего, на работе среди молодежи призывного и допризывного возраста.

Большой интерес к данной проблеме был обусловлен, главным образом, двумя факторами: во-первых, ростом потребности народного хозяйства в квалифицированных специалистах, подготовка которых была невозможна без базового образовательного уровня. Во-вторых, в послевоенные годы в связи со складыванием двух противостоящих друг другу мировых систем и нарастанием проявлений «холодной войны» произошло резкое обострение международной ситуации. В изменившихся условиях послевоенного устройства мира на первый план выходила задача повышения обороноспособности страны. Обслуживание создаваемой военной техники, подготовка к выполнению боевых задач в новых условиях требовали грамотных специалистов.

Между тем, как указывалось в постановлении Совета Министров Северо-Осетинской АССР «О ликвидации неграмотности и малограмотности среди молодежи допризывного и призывного возраста» (под грифом «секретно») от 9 октября 1953 г., наличие среди молодежи неграмотных и малограмотных, а также плохое знание русского языка затрудняют прохождение ими действительной военной службы. Поэтому среди тех, кого в первую очередь следовало охватить обучением на протяжении 1940-х – 1950-х гг. преобладала молодежь призывного и допризывного возраста³⁴.

Практическое решение задач ликвидации неграмотности и малограмотности среди отмеченных возрастных категорий было возложено на учителей и учащихся старших классов. Наряду с тем, в послевоенный период формировались образовательные структуры, которые должны были сыграть важную

роль в решении отмеченной проблемы. Это особые семилетние и средние школы рабочей и сельской молодежи (ШРМ и ШСМ), которые повсеместно, в том числе в Северной Осетии, стали создаваться с 1944 г. Новая форма обучения оказалась весьма востребованной, так как она давала возможность работающей молодежи, в том числе переросткам, окончить школу без отрыва от производства.

В 1950-е гг. ШРМ и ШСМ в Северной Осетии приобретали все большую популярность. С 1950/51 по 1956/57 учебные годы количество школ рабочей молодежи в республике выросло с 8 до 14, школ сельской молодежи – с 13 до 17. В г. Орджоникидзе работала также одна средняя заочная школа для взрослых. С 1950/1951 по 1956/1957 учебные годы численность учащихся в ШРМ и ШСМ, а также в школе для взрослых выросла почти вдвое с 2739 до 4785 человек.

Все школы рабочей молодежи в Северной Осетии, за исключением одной, являлись средними. С 1956/57 учебного года десять из пятнадцати семилетних школ сельской молодежи также начали работать по программам средних школ, и одновременно были открыты еще две средние школы сельской молодежи³⁵.

Развитие школ рабочей и сельской молодежи, также как и шестнадцать действовавших к этому времени школ-интернатов, активно поддерживалось, поскольку их деятельность также обеспечивала реализацию программы обязательного всеобщего обучения для молодежи, вышедшей из школьного возраста, а также детей, лишенных возможности по разным причинам обучаться в обычных общеобразовательных школах. В 1956/57 учебном году в Северной Осетии в школах всех типов обучалось 73,2 тыс. учащихся³⁶.

В целом, в послевоенное десятилетие в развитии системы школьного образования произошли заметные позитивные сдвиги. Но, оценивая изменения в послевоенной школе республики, следует учитывать, что она постоянно сталкивалась в своей работе с множеством проблем социального, ма-

териального, политического, идеологического характера. Государственная образовательная политика строилась, исходя из принципа необходимости и достаточности, что находило отражение также в системе школьного образования Северной Осетии. Низкий уровень материального благосостояния населения затруднял создание прочной материально-технической базы школ, обеспечение высокого качества обучения. Присутствие идеологической доминанты в учебных программах, несовершенные методики преподавания также отрицательно сказывались на глубине и прочности знаний. Кроме того, бедность, бытовая неустроенность, неразвитость социальных институтов, формировавших общественный статус семьи, были столь значительны, что требовали первоочередного своего решения для успешного осуществления образовательных и политических задач всеобуча.

2.2. Основные тенденции в развитии системы школьного образования в середине 1950-х – середине 1960-х гг.

С середины 1950-х гг. определяющим фактором общественного развития, менявшим картину мира и создававшим новые отношения вчерашних равновеликих держав, стала научно-техническая революция. Завершив восстановительный период, СССР вступал в новую эпоху, имея определенный инвестиционный, научный и духовный потенциал для социально-экономического роста. Но для активного поступательного развития советского общества уже достигнутого было заведомо недостаточно. Научно-технический прогресс предъявлял повышенные требования к образовательному уровню населения как решающему условию такого развития. Именно поэтому в последующее десятилетие центральное место в культур-

ной политике советского государства заняли вопросы совершенствования системы образования.

В середине 1950-х – 1960-х гг. советская школа пережила череду модернизационных преобразований, которые, как полагали отцы-реформаторы, позволяли создать школу, способную адекватно реагировать на вызовы трансформирующегося мира. К отмеченному времени задачи советской школы были определены достаточно ясно. Неизменной оставалась решающая роль школы в формировании новых поколений советских граждан, обладающих определенным объемом знаний, идейно и политически воспитанных в духе коммунистических идеалов. Вместе с тем, в условиях развертывания научно-технической революции произошло новое осмысление школы, как образовательной структуры, способной обеспечить подготовку квалифицированных кадров для постоянно растущего общественного производства.

В контексте сформулированных задач строилась работа всей системы школьного образования, как в центре, так и в национальных регионах. Вопросы школьного строительства находились в центре внимания республиканских партийных и советских органов Северной Осетии. Они рассматривались на заседаниях бюро, пленумах Северо-Осетинского обкома КПСС, на партийных конференциях, сессиях Верховного Совета и заседаниях Совета Министров республики. В принимаемых документах обосновывались приоритетные направления в развитии общеобразовательной школы, вырабатывались адаптационные механизмы реализации государственной образовательной политики применительно к местным условиям.

С середины 1950-х гг. общеобразовательная школа в Северной Осетии вступала в новый этап развития, который характеризовался важными количественными и структурными изменениями. В этот период в системе народного образования наметилась тенденция сокращения численности общеобразовательных школ и количества обучавшихся в них детей. Так, в 1950 г. в 243 дневных школах (начальных, семилетних, вось-

милетних и средних) насчитывалось 84,1 тыс. учащихся. В 1956/57 учебном году в 223 действовавших в республике дневных школах училось 73,2 тыс. человек. В 1958 г. число школ несколько выросло, составив 231, но количество учащихся в них сократилось до 69,4 тыс. человек³⁷.

Наблюдавшаяся во второй половине 1950-х гг. нисходящая динамика количественных показателей в структуре школьного развития была обусловлена в основном тремя факторами. Прежде всего, сказались последствия войны. С 1949/50 учебного года контингент учащихся пополнялся за счет детей, появившихся на свет в военный период, когда рождаемость естественно была ниже, чем в мирное время. Сокращение численности школ и учащихся в них было связано также с территориальными изменениями, произошедшими в 1957 г., когда после восстановления Чечено-Ингушской автономии, ей были переданы некоторые районы, входившие до того в состав Северо-Осетинской АССР. На уменьшение количества школ заметное влияние оказало и реформирование системы школьного образования, сопровождавшееся сокращением численности начальных и семилетних школ и одновременным увеличением доли восьмилетних и средних школ.

С начала 1960-х гг. ситуация в системе школьного образования Северной Осетии стала меняться. Если в 1960/61 учебном году в школах всех типов, включая школы рабочей и сельской молодежи, обучалось 81,2 тыс. человек, то есть меньше, чем в 1950/51 учебном году (86,8 тыс. человек), то в 1965/66 учебном году во всех школах насчитывалось уже 106,9 тыс. детей и взрослых. Тенденция роста сохранялась и в последующие годы.

Особенно высок был наплыв учащихся в ШРМ и ШСМ. Так, в дневных общеобразовательных школах всех типов численность учащихся с 1950/51 по 1965/66 учебные годы выросла в 1,2 раза, а в школах рабочей и сельской молодежи в 3,7 раза. За этот же период количество всех общеобразовательных школ, включая школы для детей с дефектами умственного и

физического развития, выросло с 265 до 284. Обращает на себя внимание тот факт, что приращение произошло в основном за счет вечерних школ. С 1950/51 по 1965/66 учебный год их численность выросла с 22 до 59 школ.

Что же касается дневных общеобразовательных учреждений, то здесь наблюдалось абсолютное сокращение общего числа школ. В 1950/51 учебном году в республике работали 243 дневные школы. В 1960/61 учебном году их насчитывалось 236, в 1965/66 учебном году – 225³⁸. Но в данном случае мы можем говорить лишь о сокращении общей численности дневных школ в целом. Более внимательное рассмотрение вопроса позволяет судить о том, что внутри разных видов дневных школ изменения носили разнонаправленный характер.

На протяжении всего исследуемого периода происходило укрупнение школ за счет закрытия начальных школ или объединения их с преобразуемыми в восьмилетки семилетними школами, а также со средними школами. Но, если заметного приращения числа неполных средних школ не произошло (с 78 в 1950/51 учебном году до 80 в 1965/66 учебном году), то количество средних школ за соответствующий период увеличилось существенно – с 71 до 101 школы³⁹.

Итак, в 1950-е – первой половине 1960-х гг. в системе народного образования наряду с дневными средними школами наблюдалось устойчивое развитие школ рабочей, сельской молодежи и школ взрослых. С принятием Закона «Об укреплении связи школы с жизнью» в декабре 1958 г. интерес со стороны государства и общества к школам этого типа заметно вырос.

В культурной политике государства они по-прежнему расценивались как наиболее эффективное образовательное учреждение, способное вовлечь работающую молодежь в учебный процесс, обеспечить возможности для овладения общетеоретическими знаниями и практическими навыками, необходимыми для освоения рабочей профессии и повышения рабочей квалификации. Внимание со стороны партийно-государственных органов к вечерним (сменным) школам и заочным

школам взрослых было обусловлено также ролью, которая им отводилась в реализации программы всеобщего обязательного восьмилетнего обучения. По официальным данным, в 1966 г. в Северной Осетии не имели восьмилетнего образования более 12 тыс. человек в возрасте от 16 до 29 лет. Органы народного образования, партийные и комсомольские организации подведомственных учреждений обязаны были обеспечить решение задачи вовлечения этой молодежи в вечерние школы⁴⁰.

Что касается учащейся молодежи, то растущий интерес ее к школам рабочей и сельской молодежи в конце 1950-х – начале 1960-х гг. обуславливался несколько иными мотивами. В условиях, когда средняя общеобразовательная школа получила «политехнический» профиль, вечерние школы стали рассматриваться определенной частью общества, прежде всего, представителями интеллигенции, как более приемлемая и необходимая ступень в образовательных и карьерных устремлениях их детей. Учащиеся, окончившие восемь классов дневной общеобразовательной школы, поступали в девятый класс вечерней школы и через два года могли рассчитывать на получение документа о среднем образовании («аттестата зрелости»). Политехническая же школа удлиняла этот путь, поскольку предусматривала совмещение учебы в общеобразовательной школе с трудом на производстве в течение трех лет. Причем при выборе производственной базы обучения организаторы этого процесса практически никогда не руководствовались склонностями и способностями учащихся, предлагая имевшийся в их распоряжении ограниченный перечень рабочих специальностей.

Вполне закономерно, что количество школ рабочей и сельской молодежи особенно быстро росло в период наиболее активной реализации политехнической реформы в дневной общеобразовательной школе. Если с 1950/51 по 1957/58 учебные годы численность школ рабочей и сельской молодежи и заочных школ взрослых в Северной Осетии выросла с 22 до 35, а количество обучающихся в них – в 1,9 раза (от 2739 до 5198

человек), то уже в 1960/61 учебном году в республике насчитывалось 62 такие школы. В них учились 7420 человек. Наибольшее число школ этого типа (65) работало в республике в 1964/65 учебном году. В них обучались 8,6 тыс. человек, т.е. почти в 1,6 раза больше, чем в 1957/58 учебном году. В дальнейшем число вечерних школ сокращалось, но при этом продолжался устойчивый рост численности учащихся. Тенденция роста контингента вечерних (сменных) общеобразовательных школ сохранялась и в первой половине 1970-х гг. С 1965/66 по 1975/76 учебные годы число учащихся вечерних школ, включая и обучающихся заочно, увеличилось с 9,9 до 11,2 человек⁴¹.

Динамика роста численности учащихся средних и старших классов школ рабочей и сельской молодежи, а также школ взрослых была также выше, чем в дневных школах. Так, с 1958/59 по 1965/66 учебные годы количество учащихся 5-11 классов в этих школах увеличилась в 2 раза (с 4626 до 9692 человек), в то время как во всех общеобразовательных школах – лишь в 1,4 раза⁴².

В анализируемый период обращает на себя внимание еще один факт: рос удельный вес учащихся более взрослых возрастных категорий в школах рабочей и сельской молодежи. К примеру, если в 1954/55 учебном году учащиеся в возрасте от 18 лет и старше составляли одну треть от общего числа обучавшихся, то в 1957/58 учебном году на их долю приходилась уже половина всего состава учащихся ШРМ и ШСМ⁴³.

Востребованность школ рабочей и сельской молодежи, а также заочных школ взрослых в обществе стимулировала повышение образовательного уровня преподавательских кадров. Только с 1955/56 по 1957/58 учебные годы, доля учителей с высшим образованием в школах рабочей и сельской молодежи выросла с 30,6 до 58,9%. Одновременно сокращалась доля учителей с незаконченным высшим образованием, а также окончивших учительские институты и приравненные к ним учебные заведения (с 48,1 до 32,4%). Уменьшился и удельный вес преподавателей со средним и средним специальным обра-

зованием (с 20,3 до 8,6%). Рост профессиональной подготовленности педагогических кадров способствовал улучшению качества преподавания в вечерних школах. Одновременно шли по пути отказа от совместительства, с которым нередко связывали недостатки преподавания в вечерних школах. В середине 1950-х гг. совместителями являлись почти 2/3 учителей. В 1957/58 учебном году на постоянной основе работали уже 43,4% учителей⁴⁴.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. одним из направлений образовательной политики оставалась деятельность по ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения. По-прежнему приоритетное внимание уделялось работе среди юношей призывного и допризывного возраста, что обуславливалось необходимостью формирования сильной, грамотной, боеспособной армии в условиях развернувшейся «холодной войны». Вопросы образования, физического и нравственного развития молодежи находились на контроле республиканских партийно-советских органов. Эта тема была предметом обсуждения на одном из заседаний бюро Северо-Осетинского обкома КПСС в ноябре 1959 г. Руководство республики отмечало: «Общее состояние здоровья и физического развития значительного количества призывников не отвечает современным требованиям Советской Армии. В 1958 г. негодными к воинской службе по состоянию здоровья были признаны 28,3% призывников, в 1959 г. – 26,2%. Большое количество ребят имели низкую общеобразовательную подготовку. Многие парни были малограмотны. Несмотря на значительные усилия в области организации различных форм обучения, встречались молодые люди, которые вовсе не владели грамотой⁴⁵.

В справке-докладе от 30 июня 1959 г., направленной Республиканским военным комиссариатом в Северо-Осетинский обком КПСС, в Совет Министров и Министерство просвещения Северной Осетии, отмечалось, что из общего числа учтенных юношей 1941-1944 года рождения, насчитывавшего 8994 чело-

века, восьмилетнего образования не имели 75%, то есть 6748 человек. Причем, 2413 подростков вообще не были охвачены никакими формами обучения⁴⁶.

Помимо общеобразовательной подготовки предъявлялись требования к обеспечению материально-технической базы политического, физического воспитания допризывной молодежи. В октябре 1959 г. в органы народного образования автономных республик Северного Кавказа и Военные комиссариаты под грифом «секретно» было направлено письмо из штаба Северо-Кавказского военного округа. Оно содержало требование добиться выполнения постановления Совета Народных Комиссаров СССР № 1729-1942 г. об укреплении учебно-материальной базы военно-патриотического воспитания, включившей военные кабинеты, комнаты для хранения оружия, стрелковые тиры, спортивные залы и площадки. Оно нацеливало также на тщательный подбор преподавателей допризывной подготовки (военруков), совершенствование организации внеклассной военно-воспитательной и спортивной работы, подготовку военно-технических специалистов для советских Вооруженных Сил (шоферов, трактористов, радистов, спортсменов-разрядников)⁴⁷.

Вместе с тем, если в первое послевоенное десятилетие работа по ликвидации неграмотности и малограмотности проводилась практически только среди молодежи призывного и допризывного возраста, что отражено в партийных и советских документах, то к концу 1950-х гг. в сферу деятельности органов, ответственных за решение этой задачи, вовлекаются новые категории населения. Смягчение идеологического климата в стране, стремление к большей открытости в отношениях с внешним миром, постепенное «залечивание ран» войны, оздоровление морально-психологического климата в обществе на фоне «оттепельных» процессов и оформление коммунистической перспективы заставили по-новому взглянуть на проблему народного образования. Вопрос о полном преодолении неграмотности и малограмотности среди населения ста-

новился одним из важных направлений деятельности в сфере просвещения на ближайшую перспективу.

Выявлению и обучению подлежали категории населения от 16 до 50 лет. Причем ставилась задача превратить эту работу не в кампанию, «как это случалось в прежние годы», а осуществлять ее систематически и целенаправленно. В январе 1958 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О ликвидации неграмотности среди населения». В феврале эта тема была вынесена на обсуждение бюро Северо-Осетинского обкома КПСС. На заседании бюро было принято решение обязать партийные и советские органы республики принять необходимые меры к завершению намеченной работы до начала Всеобщей переписи населения в 1959 г. Для этого требовалось произвести до 20 февраля 1958 г. учет всего неграмотного населения в возрасте от 16 до 50 лет и приступить к его обучению. Были определены и меры морального и материального поощрения за успешное выполнение задачи ликвидации неграмотности. За каждого обученного неграмотного устанавливалась оплата в размере 100 руб.⁴⁸

Но, несмотря на использование поощрительных стимулов, решение проблемы продвигалось крайне медленными темпами. Трудности начинались уже с учета количества неграмотных и малограмотных. Данные по ним, представляемые разными учреждениями, разнились существенно. Так, по сведениям Статистического управления Северо-Осетинской АССР за январь 1958 г. по республике в возрасте от 16 до 50 лет насчитывалось 4174 неграмотных и 2924 малограмотных, а по данным Министерства просвещения Северной Осетии всего по двум категориям – 5488 человек. Такими же разноречивыми были и сведения о численности неграмотных и малограмотных, охваченных обучением и успешно завершивших курс⁴⁹.

Очередной этап в работе по ликвидации неграмотности в республике начался после подведения итогов Всесоюзной переписи населения 1959 г. На 15 января указанного года перепись зафиксировала 4942 неграмотных в возрасте от 9 до

49 лет. Эта цифра была в восемь раз ниже показателя, определенного переписью 1939 г. и свидетельствовала о значительном прогрессе в этой области. При этом обращал на себя внимание преимущественно «женский характер» проблемы. Женщины среди неграмотных составляли 4008 (81,1%). Следует также отметить, что 16,6% всех неграмотных относились к категории инвалидов (умственно неполноценных, слепых, глухих и др.)⁵⁰.

Деятельность органов, ответственных за решение проблемы неграмотности, активизировалась в начале 1960-х гг. в связи с переходом к всеобщему восьмилетнему образованию. В октябре 1962 г. было принято постановление бюро обкома КПСС и Совета Министров Северо-Осетинской АССР «О завершении ликвидации неграмотности среди населения». Ответственным за его исполнение являлось Министерство просвещения республики. Органам народного образования на местах было дано поручение «выявить всех подлежащих обучению» до 25 ноября 1962 г. и завершить работу к 1964 г.

Арсенал методов морального и материального поощрения, значительно расширенный по сравнению с предыдущим периодом (плата за обучение, денежные премии и награждения грамотами «за отличные показатели»), служил дополнительным стимулом в организации работы непосредственных исполнителей. А ими, помимо учителей, на которых лежала основная нагрузка, были студенты, старшеклассники, инженеры, врачи, научные работники. Как правило, они работали не только по месту жительства. В летнее время многие из них выезжали в сельские районы республики, в горные села. Результаты их деятельности были осязаемы.

В феврале 1964 г. органы образования республики подвели итоги работы по ликвидации неграмотности и малограмотности за прошедший год среди жителей Северной Осетии в возрасте от 16 до 49 лет. Результаты оказались следующими: если в январе 1963 г. было зафиксировано 769 неграмотных и 793 малограмотных, то к концу года, за вычетом прошедших

соответствующий курс обучения, числилось 576 неграмотных и 574 малограмотных. Невысокие показатели работы объяснялись тем, что в течение года были выявлены еще 408 малограмотных и 431 неграмотный. Незначительные расхождения в показателях за тот же год были представлены в сводном отчете Орджоникидзеvского и районных отделов народного образования республики. В нем были обозначены 736 неграмотных и 604 малограмотных, из них обучение прошли 375 неграмотных и 358 малограмотных. К маю 1964 г. из учтенного количества подлежащих обучению на учете органов образования, ответственных за решение проблемы, числилось 335 неграмотных и 384 малограмотных⁵¹. Подавляющее большинство из них проживало в сельской местности. В декабре 1963 г. из общего числа людей, посещавших школы ликбеза, 74,6% неграмотных и 89,4% малограмотных являлись сельскими жителями. Не изменилась и гендерная составляющая проблемы. По-прежнему женщины составляли большинство тех, кто подлежал обучению грамоте. В январе 1963 г. женщин среди охваченных обучением неграмотных и малограмотных были соответственно 74,9% и 73,0%. Молодежь призывного возраста среди неграмотных и малограмотных к этому моменту практически уже отсутствовала. К концу 1963 г. среди юношей были выявлены лишь один неграмотный (0,2%) и семь малограмотных (1,2%).

В целом к середине 1960-х гг. результаты работы по ликвидации неграмотности и малограмотности в республике позволяли положительно оценить деятельность всех государственных и общественных учреждений, «добровольцев» из учащейся молодежи и представителей интеллигенции, вовлеченных в решение задачи обеспечения всеобщей грамотности населения. Так, если в середине 1950-х гг. по официальным данным подлежало обучению 10 тыс. человек, то на 1 января 1966 г. фиксировалось только 400 неграмотных и малограмотных, что составляло ничтожно малое число – 0,08% всего населения республики. Такая незначительная погрешность в решении сложной проблемы представляется допустимой. Отчасти

потому, что обозначенная проблема постоянно воспроизводилась. Имелись и другие факторы, порой негативно влиявшие на ситуацию с всеобщей грамотностью. Так, невозможно было учесть все миграционные потоки; не всегда последовательно использовались методы морального и материального поощрения; не продумывались в должной мере формы и приемы работы; не учитывались возрастные, гендерные особенности подлежащих обучению граждан. Определенная часть населения просто не желала учиться. Между тем, обучению подлежали даже цыгане, временно оседавшие на территории республики. По закону их обязаны были учить. Но они категорически отказывались от этого права⁵².

2.3. Национальная школа и «языковая» реформа 1950-х – 1960-х гг.

Модернизация общеобразовательной школы в Северной Осетии в середине 1950-х – 1960-х гг. сыграла положительную роль в повышении образовательного и культурного уровня населения – необходимого условия успешного развертывания научно-технической революции. Однако в эти же годы была осуществлена реформа, влияние которой на развитие национальной школы и национальной культуры в целом оценивается не столь однозначно.

Как известно, основным вектором национальной образовательной политики советского государства в 1920-е – 1930-е гг. в контексте решения проблемы выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития национальных регионов страны стала реализация идеи создания национальной школы («коренизация» школы). Родной язык каждого народа должен был стать основой образования во всех типах обще-

образовательной школы. Политика коренизации в школьном образовании, проводившаяся в рамках национально-государственного строительства, была весьма популярной в отмеченный период. Она находила большую поддержку в определенных кругах национальной интеллигенции.

В Северной Осетии, как и в других национальных регионах страны, формирование системы национального образования происходило с середины 1920-х гг. На этом этапе был осуществлен перевод начальной школы на родной язык обучения. Работа по созданию национальной семилетней школы, предпринятая с 1940 г., была прервана войной и возобновилась сразу же после ее окончания.

Идея создания национальной школы в некоторых кругах национальной интеллигенции была настолько популярна, что в части сельских школ сразу же после окончания войны были предприняты конкретные шаги в данном направлении. Примером служила соседняя Кабардинская АССР, где в послевоенные годы в течение ряда лет в национальной школе было внедрено обучение на родном языке до седьмого класса включительно⁵³. Однако наметившийся процесс продолжался недолго, а энтузиасты «исчерпали себя» уже к началу 1950-х гг.

Неудача в реализации заманчивой для многих идеи объяснялась не отсутствием, как могло показаться, тщательно разработанной государственной программы создания семилетней национальной школы, обеспеченной конкретной организационной, финансовой, научно-методической базой. Ситуация вокруг национальной школы изначально складывалась не в пользу сторонников перевода обучения в семилетней школе на национальный язык.

Следует признать, что осетинское общество, национальная интеллигенция никогда не были едины в оценке целесообразности и перспектив создания национальной школы. К тому же отсутствовали условия к ее реализации. Не было подготовленных кадров учителей, способных на профессиональном уровне преподавать учебные дисциплины на осетинском языке.

Ощущался острый дефицит в учебной литературе, особенно по предметам естественного цикла: физике, химии, биологии и другим. Практически отсутствовала методика преподавания предметов на родном языке. Но отказ от плана «коренизации» семилетней школы в начале 1950-х гг. все-таки объяснялся не отсутствием материально-технических и учебно-методических оснований, не противодействием со стороны общества или иными факторами. Он был связан с изменением политических акцентов национальной политики в СССР и формированием новых подходов к решению национальных проблем. Страна, недавно вышедшая из тяжелейшей войны, переживала бурные интеграционные процессы в экономике, интенсивную миграцию населения. Изменилось и представление о месте Советского государства на политической карте мира. Оно превращалось в символ мировой системы социализма, ее объединяющий центр.

В новых политических реалиях приоритетным направлением государственной политики в области национальных отношений стала пропаганда идей дружбы и интернационализма в межнациональном общении. В изменившихся условиях увлечение «узко национальными» культурными достижениями своего народа не вызывало одобрения и поддержки официальной власти. Разработка советскими обществоведами теории формирования единой социальной и интернациональной общности – советского народа – также делала неактуальными проблемы создания национальной школы, развития национального языка. Напротив, внимание государства все более сосредоточивалось на вопросе сближения национальных культур, интернационализации общественной жизни, совершенствовании языка межнационального общения. Причем альтернатива общенациональному языку отсутствовала. Таким языком мог быть только русский язык. В конце жизни один из лидеров Советского государства В. М. Молотов писал: Сталин «считал, что когда победит мировая коммунистическая система, а он все дела к этому вел, – главным языком на земном шаре,

языком межнационального общения, станет язык Пушкина и Ленина»⁵⁴. В достижении этой стратегической цели советской школе отводилась особая роль.

Между тем, постановка преподавания русского языка в национальной школе совершенно не удовлетворяла новым идеологическим и политическим запросам времени. Обычно изучение русского языка в национальной школе сводилось к заучиванию грамматических правил без привития учащимся навыков практического их применения. В результате дети после окончания общеобразовательной школы не обладали необходимым запасом слов и не научались грамотно излагать свои мысли на русском языке. Плохое знание русского языка препятствовало социальной мобильности общества. Для осетинской молодежи, решившей после окончания школы продолжить учебу в вузе или техникуме, оно превращалось в серьезное, порой непреодолимое препятствие. Слабое владение русским языком отрицательно сказывалось на квалификационной подготовке будущих специалистов, на последующем трудоустройстве и на общем уровне культуры.

По мере того, как русский язык играл все более значимую роль в общественном развитии страны, менялся взгляд на проблему развития национальной школы, что получило отражение в решениях региональных органов власти. Вопрос о преподавании русского языка в осетинской школе был вынесен на рассмотрение бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) 30 мая 1946 г. По итогам заседания бюро обкома было принято постановление, которое обязывало Министерство просвещения СОАССР, руководство Северо-Осетинского педагогического института и Осетинского педагогического училища разработать комплекс мер нацеленных на совершенствование методики преподавания русского языка в осетинской школе, улучшение подготовки кадров преподавателей русского языка. В качестве одного из основных направлений работы определялись разработка и издание словарей, методической, учебной литературы, сборников упражнений по грамматике русского

языка, сборников картин и таблиц по развитию русской речи⁵⁵. Для прохождения педагогической практики выделялись две базовые школы № 5 и № 13 города Дзауджикау.

В феврале 1951 г. был издан приказ по Министерству просвещения РСФСР «О новом учебном плане для осетинских школ Северо-Осетинской АССР». В учебном плане предусматривалось увеличение количества часов в неделю для преподавания русского языка по сравнению с родным языком (71 по русскому против 55 часов по осетинскому языку). Намечались также подготовка и издание новых программ по осетинскому и русскому языку и литературе для национальных школ⁵⁶. Наконец, было принято решение о введении с 1950/51 учебного года преподавания русского языка в национальных школах с подготовительного класса (прежде обучение начиналось со второго класса).

Следующим шагом в данном направлении явилось постановление бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Совета Министров Северо-Осетинской АССР «О мерах по упорядочению коренизации в осетинских школах республики» от 9 мая 1952 г. В нем обосновывалась необходимость перевода преподавания в 5-7 классах осетинской школы на русский язык с 1952/1953 учебного года, сохранив родной язык в этих классах как предмет изучения. Постановление обязывало Отдел школ и вузов обкома ВКП (б) и Министерство просвещения республики «обеспечить коренное улучшение преподавания русского языка в осетинских школах, добиться выполнения требований государственных программ». Но на этом этапе намечавшиеся изменения мыслились пока как временные: «впредь до подготовки необходимых условий для успешного проведения коренизации семилетней осетинской школы»⁵⁷.

Реформирование национальной школы, по мнению его инициаторов, помимо всего прочего должно было содействовать решению проблемы неуспеваемости и второгодничества – наиболее трудно решаемых проблем в учебно-воспитательном процессе педагогических коллективов школ.

Несомненно, многие проблемы в работе общеобразовательных школ были вызваны недостатками в организации учебно-воспитательного процесса, неэффективностью методики преподавания предметов («книжно-меловым методом преподавания»), низкой квалификацией части преподавательских кадров, материальной необеспеченностью детей, отвлечением их на работу в колхозах, на промышленных предприятиях, в домашнем хозяйстве. Однако с середины 1950-х гг. причины неуспеваемости и второгодничества все чаще стали связывать с плохим знанием русского языка. По данным органов образования, как правило, более 60% неуспевающих имели неудовлетворительные оценки по русскому языку⁵⁸.

К этому времени вопрос о переводе обучения в национальных школах на русский язык еще более актуализировался. Теперь речь шла о переводе на русский язык обучения уже начальной школы. В осетинском обществе, особенно в научно-педагогических кругах постановка этой проблемы вызвала неоднозначную реакцию и породила горячие споры. Дискуссии разворачивались на страницах республиканских газет и журналов, выносились на обсуждение участников научно-практических конференций и совещаний по вопросам организации образовательного и воспитательного процесса в республике.

К середине 1950-х гг. среди участников дискуссии четко обозначились два противоположных взгляда и оформились две группы: сторонников и противников введения преподавания в начальных классах осетинской школы на русском языке. Сторонники реформы видели в ней решение проблемы неуспеваемости и порождаемых ею второгодничества и отсева детей из школ. Примечательно, что среди них было немало представителей сельской интеллигенции, которые надеялись, что благодаря реализации «языковой» реформы их детям будет облегчен доступ к высшему образованию. Противники изменения традиционной формы преподавания русского языка в школах полагали, что дети еще не подготовлены к изменению статуса русского языка в начальной школе. «...ничего стыдного нет в

том, что ... в подготовительных классах не знают русского языка, наш долг научить их этому...», – замечала М. Г Кулумбекова, заведующая отделом школ и вузов Северо-Осетинского обкома КПСС, выступая в марте 1956 г. на научно-практической конференции, посвященной проблемам школы. – «Политика нашей партии не говорит о том, чтобы все народности нашей страны обучались только на русском языке. Наоборот, дается право каждой нации развивать свой язык, свою культуру...»⁵⁹.

В упрек сторонникам обучения детей на русском языке с первого класса ставилось высказываемое ими мнение, что «осетинский язык совершенно никакой помощи не оказывает в изучении русского языка» и вообще «нужен только до Эльхотово». По мнению оппонентов, такая позиция значительно снижала интерес к изучению родного языка. А Северо-Осетинский педагогический институт, тем временем, из года в год не мог набрать хорошо подготовленных абитуриентов на отделение осетинского языка. Абитуриенты, поступившие в институт без должной подготовки, с трудом справлялись с требованиями учебного процесса. За годы обучения многим не удавалось приобрести должной педагогической квалификации. По окончании института, придя в школу, они слабо владели методикой преподавания осетинского языка. А низкое качество преподавания отражалось на плохом усвоении предмета детьми. В итоге, получался замкнутый круг. Выход из положения виделся в повышении требовательности к учителям и совершенствовании методики преподавания осетинского языка.

Итак, на начальном этапе дискуссии о месте и роли русского языка в национальной школе превалировала позиция сторонников традиционной формы обучения в ней. Объяснялось это тем, что официальная точка зрения по данному вопросу окончательно не сформировалась: «На этот вопрос нужно смотреть более реально, и там, где есть возможность его осуществить, мы за это и чем скорее осуществим, тем лучше, но где этой возможности нет, не надо этого делать и надо вести работу

так, как подсказывает ЦК партии и Минпрос РСФСР»⁶⁰. Таково было мнение республиканской власти. Но это была временная «заминка» перед новым наступлением. А поскольку проблема сохранялась, то возвращение к ней было неизбежным.

Так, 5 февраля 1959 г. бюро обкома КПСС и Совета Министров Северо-Осетинской АССР приняли постановление «О перестройке системы народного образования в республике». Документ фиксировал положение, по которому в начальной школе преподавание осуществлялось на осетинском языке, а с пятого класса – на русском языке. На первом этапе обучения намечалось увеличить продолжительность преподавания русского языка на один год за счет подготовительного класса. Министерству просвещения, Северо-Осетинскому НИИ и педагогическому институту было поручено разработать и представить на утверждение в обком партии проекты программ по осетинскому и русскому языкам. Основное требование к учебникам состояло в том, чтобы весь теоретический материал в них был подчинен целям практического овладения этими языками⁶¹.

Очередной шаг в реформировании национальной школы был предпринят в июне 1961 г., когда Северо-Осетинский обком КПСС утвердил решение «О переводе преподавания арифметики на русский язык в четвертых классах нерусских школ республики». Принятию документа предшествовало обсуждение вопроса с преподавателями, научными работниками, родителями школьников. В ходе проверки и консультаций было установлено, что учащиеся осетинских школ испытывали затруднения в процессе усвоения материала по арифметике в пятом классе, овладев в третьем-четвертом классах математической терминологией на родном языке, в следующем году вместо развития навыков самостоятельного решения задач, они занимались отработкой терминологии уже на русском языке. Отсутствие языковой преемственности резко снижало уровень успеваемости по арифметике в пятом классе. Именно этот вывод был принят в качестве обоснования

необходимости принятия решения о переводе преподавания арифметики на русский язык с четвертого класса осетинской школы⁶².

Завершающим этапом на пути перевода преподавания в национальной школе на русский язык стал 1962/63 учебный год. С этого времени все классы осетинской восьмилетней школы перешли на новые учебные планы и программы. Подготовительные классы ликвидировались. По основам наук, в том числе и по русскому языку, в учебные планы осетинской школы было заложено одинаковое с русскими школами количество часов. К 1963/64 учебному году на русский язык обучения перешли все учащиеся 5-11 классов и около 10% учащихся начальных классов⁶³.

Точку в реформе национальной школы поставила Всероссийская научно-практическая конференция, состоявшаяся в мае 1964 г. в Орджоникидзе. Она вынесла на обсуждение вопрос о переводе начальных классов национальных школ на русский язык обучения. Участники конференции подчеркивали, что преподавание на русском языке в начальной школе заметно облегчало усвоение учебного материала учащимися пятых-шестых классов. Принятые рекомендации нацеливали на дальнейшую реализацию этого важного государственного мероприятия⁶⁴.

Конференция подвела «общую черту» под дискуссией между сторонниками русификации преподавания в осетинских школах и не согласными с этой политикой (открытых противников уже не было). Она подтвердила курс на перевод преподавания в 1-4 классах осетинской школы на русский язык. «Основной вывод, который вытекает из непосредственной практики школ Северной Осетии и с которой единодушно согласны и родители, и руководство школ, и педагогические коллективы, – отмечал министр просвещения СОАССР А. Х. Галазов, – заключается в том, что перевод начальных классов осетинских школ на русский язык обучения был осуществлен своевременно и правильно»⁶⁵.

«Языковая» реформа 1950-х – 1960-х гг. свидетельствовала об отказе от идеи национализации школьного образования. Но она не являлась «осетинским изобретением» и не предпринималась по инициативе местных партийно-советских руководителей. В Северной Осетии реформа завершала один из этапов общесоюзной программы перехода к языку межнационального общения. Этот процесс происходил во всех национальных республиках и областях Северного Кавказа, а также в других регионах Советского Союза, где проживали малочисленные народы⁶⁶. Программа перевода национальной школы на русский язык обучения являлась составным элементом государственной политики в сфере школьного образования, нацеленной на унификацию всей системы образования Российской Федерации. Реформа закладывала «кирпичики» в фундамент «здания», предусматривавшего создание единой социальной и интернациональной общности – советского народа.

Оценить однозначно итоги «языковой» реформы невозможно. В условиях растущей интеграции в народном хозяйстве Советского Союза русский язык играл социально все более значимую роль во всех сферах общественной жизни (делопроизводство, обучение в вузах и техникумах, общение на предприятиях и в учреждениях и т. п.). Слабое владение русским языком являлось серьезным препятствием для успешного обучения детей в общеобразовательных школах, для поступления в вузы и техникумы. Неудовлетворительное знание русского языка препятствовало профессиональной подготовке квалифицированных кадров. С переводом национальной школы на русский язык обучения представители коренной национальности получали больше шансов реализовать себя в социально-бытовом, профессиональном плане – поступить в вуз, найти интересную работу, приобщиться к достижениям мировой культуры и т. д. Таким образом, необходимость освоения русского языка представляла в интегральном контексте.

Но для национальной культуры, в целом, и осетинского языка, в частности, последствия «языковой» реформы оказа-

лись неоправданно тяжелыми. Осуществлявшаяся радикальными методами, она провоцировала угасание языковой традиции, необыкновенно ускорившейся в 1970-е – 1980-е гг. В этот период произошло резкое сужение пространства функционирования национального языка. Во многих семьях, не говоря уже об общественной сфере, родной язык перестал быть средством общения. «Макароническая» речь, пересыпанная не к месту употребляемыми иноязычными словами и словосочетаниями, стала обычным явлением повседневной жизни.

2.4. Политехническая реформа в общеобразовательной школе

В череде преобразований, предпринятых в сфере образования во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., в наибольшей степени содержание учебной и воспитательной работы в советской школе изменила политехническая реформа.

Первая попытка создания «трудовой школы» была принята еще в 1920-е гг. – время становления советской школы как таковой. В 1924 г. были приняты новые комплексные учебные программы, которые строились на замене традиционного для отечественной школы предметного принципа изложения учебного материала тематическим. Учебные дисциплины предполагалось изучать не на соответствующих уроках, а по темам: «Трудовая деятельность людей», «Природа как объект трудовой деятельности людей», «Общество как результат труда людей». Одновременно пропагандировались лабораторно-исследовательские методы, коллективные формы занятий, самостоятельная работа, при которой учитель играл роль консультанта. Теоретики реформы полагали, что подобные формы

обучения облегчат формирование материалистического мировоззрения учащихся, обеспечат воспитание инициативного человека, способного активно и творчески принимать участие в социалистическом строительстве и укреплении советской власти⁶⁷.

Но довольно скоро стало очевидно, что чрезмерное увлечение трудовым воспитанием в ущерб основным предметам, особенно естественным наукам, подрывало систему образования. С целью преодоления негативных последствий реформы на принципах «трудовой школы» ЦК ВКП (б) в сентябре 1931 г. принял постановление, в котором резко осудил «грубейшие извращения идеи политехнизации школы, выразившиеся в попытке оторвать политехнизацию школы от систематического и прочного усвоения основ наук...»⁶⁸.

В результате школа вернулась к классической классно-урочной системе с предметами и преимущественно репродуктивными формами обучения. Конечно, изменилось содержание образования, строившегося на основе марксистско-ленинской методологии. Но форма организации «школы учебы», существовавшей в дореволюционный период, была воспроизведена почти без изменений, лишь с некоторыми деформациями и модернизациями. Вновь был установлен примат знаний над средствами их овладения, трудовое обучение было полностью выведено из учебных планов с 1937 г., школа оказалась по сути изолированной от внешней среды⁶⁹.

Однако идея политехнизации не была предана забвению. Новые подходы к ее воспроизведению стали оформляться с начала 1950-х гг. В октябре 1952 г. состоялся XIX съезд ВКП (б), который определил в качестве важнейшей практической задачи народного образования осуществление политехнического обучения в общеобразовательной школе. Сравнительный анализ реформ 1920-х и 1950-х – 1960-х гг. в системе школьного образования СССР указывает при этом не на существенные отличия задач, а на качественно иные, более сложные сочетания в их содержании. При сохранении базовых задач воспитания

идейно-политических установок социалистического общества возникла необходимость обучения советского человека передовым практическим методам строительства материально-технической основы социализма. Проще говоря, политехническая реформа советской школы 1950-х – 1960-х гг. по-прежнему была нацелена на воспитание нового человека. Но на школу нового образца в отличие от «трудовой школы» 1920-х гг. накладывались более широкие обязательства. Помимо выполнения идеологической, воспитательной функции политехническая школа 1950-х – 1960-х гг. ориентировалась на потребности современного производства. Она была обязана формировать трудовые кадры, обладавшие практическими знаниями и навыками, востребованными в условиях научно-технической революции.

Таким образом, в теоретическом плане суть политехнической реформы сводилась к «укреплению связи школы с жизнью», а на практике она должна была помочь восполнить постоянно растущие потребности развивающегося народного хозяйства в квалифицированных рабочих кадрах.

Обосновывая необходимость политехнической реформы, ее разработчики полагали, что в 1930-е – 1940-е гг. в школьном образовании доминирующие позиции заняло гуманитарное направление. В результате, учебные планы формировались таким образом, что учащиеся средней школы не получали знаний «по предметам физико-математического и естественного цикла в объеме, совершенно необходимом образованному человеку». Внедрение политехнического обучения в школе, по мнению реформаторов, должно было преодолеть эту диспропорцию. Одним из аргументов в пользу политехнизации являлось также мнение о том, что школа не приучала учащихся к физическому труду, не воспитывала у них в должной мере уважения к труду рабочих и крестьян, желая стать в ряды тружеников, создающих материальные ценности.

Именно на этот аспект проблемы указывал заведующий Кировским РОНО А. Токаев в 1956 г. на республиканской кон-

ференции, посвященной вопросам воспитательной работы и укрепления дисциплины среди учащихся: «Школа не осуществляет должным образом задач трудового воспитания, вследствие чего у учащихся не воспитывается правильное отношение к труду. Окончившие среднюю школу и не поступившие в высшие учебные заведения юноши и девушки считают личной трагедией пойти на производство или в колхоз и заниматься производительным трудом, предпочитая слоняться по улицам без всякого дела»⁷⁰.

Одновременно с теоретическим обоснованием необходимости введения политехнического обучения в школе разрабатывались конкретные меры по осуществлению этой идеи на практике. В 1954/55 учебном году в порядке эксперимента в отдельных школах страны перешли на новые учебные планы и программы. В следующем году политехнизация стала распространяться повсеместно. Она реализовывалась посредством создания мастерских, увеличения численности специализированных кабинетов по предметам естественного цикла и увеличения доли этих предметов за счет гуманитарных в часовой сетке учебных планов. В комплекс мер по трудовому воспитанию входило создание учебно-опытных участков, налаживание работы в них. В начальной школе вводились уроки труда⁷¹.

Северная Осетия оказалась одним из регионов, где наиболее активно внедрялись экспериментальные методы работы. Реорганизация учебно-воспитательной работы на принципах политехнизации началась с 1955/56 учебного года. В следующем году в старших классах городских и сельских школ вводилось преподавание машиноведения, электротехники и основ сельскохозяйственного производства. В составе 500 школ РСФСР четыре республиканские школы – средняя школа № 6 г. Орджоникидзе, школа-интернат г. Моздок, средние школы в г. Ардон и в ст. Архонская работали по новому экспериментальному учебному плану⁷².

В течение 1956-1957 гг. в школах республики было открыто 63 столярных, 37 слесарных, 60 комбинированных мастерских

по металлу и дереву, 107 кабинетов и лабораторий физики, 89 химии, 45 биологии, 10 машиноведения, 3 электротехники и т. д. В учебных мастерских стоял 121 токарный станок, предназначенный для работы по дереву и металлу. В некоторых школах имелись автомобили, тракторы, прицепные и навесные сельскохозяйственные орудия; правда, лишь небольшая часть из них находилась в рабочем состоянии.

В 1957/58 учебном году на новый учебный план в республике были переведены 16 из 99 средних школ. Организуя в них изучение основ производства, машиноведения, растениеводства, животноводства, электротехники, органы народного образования мыслили их не просто как практикумы, а курсы, которые позволяли приобрести конкретные знания по предмету. К примеру, в курсе изучения автомобиля на каждого ученика 10-го класса выделялось десять часов для обучения управлению автомобилем. В сельской школе, если к тому имелись возможности, обучали также управлению трактором⁷³.

Ответственность за осуществление политехнического обучения в наибольшей мере лежала на органах народного образования. Они являлись ее основными организаторами и проводниками. К работе привлекались также советские и общественные организации, научные учреждения. Но в комплексе мероприятий по реализации программы политехнизации их обязанности, как правило, не конкретизировались, хотя формулировки типа «обязать», «привлечь» и другие использовались широко. Поэтому и участие их в проведении политехнической реформы чаще носило формальный характер.

Более четко определялись задачи промышленных предприятий, колхозов и совхозов. Они обязаны были оказывать материальную и финансовую помощь, предоставлять производственную базу для практических занятий. Но, поскольку инициатива организации шефского движения исходила не от них, и многими руководителями предприятий воспринималась как бессмысленное отвлечение от основной деятельности, то и помощь, как правило, носила непостоянный, эпизодический характер.

Устойчивость связей между шефами и их подопечными во многом зависела от финансовых и материально-технических возможностей предприятий. Реальную помощь школам оказывали Теркумводстрой, завод «Победит», ВРЗ, ОЗАТЭ, БМК, Орджоникидзевская швейная фабрика. Они помогали в оборудовании рабочих площадей мастерских и кабинетов естественного цикла, участвовали в строительстве новых мастерских и оснащении их оборудованием (автомобилями, моторами, станками и инструментами)⁷⁴.

Одним из ярких примеров сотрудничества школ и промышленных предприятий являлись отношения, сложившиеся между коллективами средней школы №6 г. Орджоникидзе и заводов «Электроконтактор» и «Электроцинк». Школа входила в число пятисот школ Советского Союза, которые с 1956/57 учебного года работали по новому учебному плану и программе политехнического обучения. В ней были организованы учебно-производственные мастерские – слесарное отделение на двадцать мест с полным оборудованием, столярное отделение на четырнадцать рабочих мест и токарное отделение с двумя токарными станками. Заводские специалисты помогали оборудовать учебные мастерские. Они делали проводку, подключали токарные станки. Учащиеся 8-9 классов проходили производственную практику на заводе «Электроцинк», десятиклассники – на заводе «Электроконтактор»⁷⁵.

Другие предприятия также помимо организации учебно-производственных мастерских предоставляли базу для прохождения производственной практики. К примеру, на Вагоноремонтном заводе им. С. М. Кирова был выделен специальный (механический) цех, в котором учащиеся 8-10 классов средней школы №11 и железнодорожной школы №1 в 1956/57 учебном году самостоятельно работали⁷⁶.

Однако результаты политехнизации, в том числе эффективность трудовой практики, по мнению учащихся и обучавших, оставляли желать лучшего. Как правило, в большинстве случаев обучение рабочей профессии сводилось к овладению про-

стейшими рабочими операциями. Тем не менее, это были своего рода «оазисы» благополучия на общем фоне пассивного, невыраженного сопротивления проводимой политике реформирования школы. В сущности, реализация программы политехнического обучения увязала в формально проводившихся мероприятиях.

Программа политехнизации хорошо была отработана в декларативной части, но далеко недостаточно обеспечена в финансовом, организационном и материальном плане. Так, для оборудования одной мастерской требовалось около 150 тыс. рублей (в ценах соответствующих лет). Средства, выделяемые на оборудование мастерских, не обеспечивали нужд школы. Недостающие средства разработчики идеи мыслили восполнить с помощью «шеффов»: промышленных предприятий, машинно-тракторных станций и колхозов⁷⁷.

16 мая 1955 г. Совет Министров СССР издал распоряжение о передаче общеобразовательным школам из фондов промышленных и сельскохозяйственных предприятий большого количества оборудования: тракторов, авто- и сельскохозяйственных машин, токарных, сверлильных станков, различных мелких инструментов и инвентаря. Аналогичное распоряжение было дано Советом Министров СОАССР руководителям местных предприятий, колхозов и совхозов 25 мая того же года, а затем подписано еще одно распоряжение о выделении для мастерских школ республики некоторых видов техники и оборудования⁷⁸.

Предприятия выполняли распоряжения республиканского органа власти. Но, как правило, в общеобразовательные школы передавались отработавшие свой срок и непригодные для обучения детей оборудование и инструментарий. Особенно плохо обстояло дело со станочным оборудованием. Оно имело лишь в некоторых городских школах. Недоставало и подручного материала. Всегда в дефиците были доски, фанера, жесь, электрооборудование, изоляционная лента и пр.

Мастерские, в подавляющем большинстве своем, были бедны. Многие из них создавались спешно и размещались в

неприспособленных для работы и не удовлетворявших требованиям безопасности труда и санитарных норм помещений. В 1956/57 учебном году в Орджоникидзе в девятнадцати школах имелись столярные мастерские, и только тринадцать из них располагали приемлемыми для работы помещениями. Слесарные мастерские существовали в пятнадцати школах. Из них только четыре были приспособлены для занятий⁷⁹. Качество организации практических занятий оставляло желать лучшего. Детали и предметы изготавливались без чертежей, «на глазок». Эти обстоятельства не могли не отражаться на результатах деятельности мастерских. Представители республиканских органов образования признавали, что многие мастерские существовали лишь формально.

В ряду проблем, особенно остро стоявших в деле политехнизации школ, выделялся вопрос об обеспеченности преподавателями, которые могли на профессиональном уровне проводить уроки труда и практические занятия по машиноведению, электротехнике, растениеводству и другим предметам политехнического направления. В планах высших и средних специальных учебных заведений не предусматривалась подготовка учителей по трудовому воспитанию. Поэтому уроки труда обычно вели учителя физики, биологии, математики. Для преподавания специальных предметов – электротехники, машиноведения, полеводства, животноводства приглашали инженеров, агрономов и других специалистов, имевших опыт практической, но не преподавательской работы.

В подготовке «трудоуников» и повышении их квалификации оказывал помощь Республиканский институт усовершенствования учителей. В 1957 г. четырехмесячные курсы повышения квалификации прошли шестьдесят учителей. Помимо этого летними курсами было охвачено семьдесят девять человек. Среди них были преподаватели практических занятий по машиноведению, электротехнике для учащихся 5-7-х классов⁸⁰. Но, в целом, усилий Института усовершенствования учителей, занимавшегося решением этой задачи, было явно недостаточно.

Трудности осуществления программы политехнизации усугублялись проблемами нравственно-этического порядка. Руководство школ, промышленных предприятий, колхозов, совхозов и других организаций, оказалось не готовым воспринять идею политехнизации. Вовлеченные в этот процесс помимо своей воли, они рассматривали политехнизацию школы, как отвлечение от основной деятельности, пустую трату времени и материальных средств.

Тем не менее, несмотря на пассивное сопротивление, идея продолжала внедряться. В трудовом воспитании школьников немаловажное место уделялось организации пришкольных участков и учебно-опытных станций. В 1956/57 учебном году в 186 школах Северной Осетии имелись опытные участки. Учащиеся специализировались на выращивании фруктовых деревьев и плодово-ягодных кустарников. Они учились правильному обращению с сельскохозяйственным инвентарем, подкормке, удобрению и обработке почвы, выращиванию сельскохозяйственных культур. Наибольшее распространение пришкольные участки получили в сельской местности. Многие сады и виноградники, в частности, Синдзикауской, Ольгинской, Вознесенской школ, были хорошо известны в республике⁸¹.

Не менее удачным был опыт работы на пришкольных участках городских школ. В столице республики Орджоникидзе, в районе Водной станции располагался пришкольный опытный участок республиканской станции юных натуралистов. Здесь под руководством специалистов станции и учителей-биологов учащиеся занимались опытнической работой. В начале 1960-х гг. лучшими по культуре обработки были признаны опытные участки школ №2, №4, №21. Школьники выращивали овощи и фрукты опытных образцов. В плодопитомнике экспериментировали с выведением новых сортов фруктовых деревьев и плодово-ягодных кустарников.

В 1962 г. группа юннатов городских и сельских школ республики побывала на ВДНХ в Москве. Трое учащихся (двое из

Хумалагской средней школы и один из средней школы №30 г. Орджоникидзе) заняли первые места во Всероссийском конкурсе на звание лучшего юнната⁸².

Школьников все активнее вовлекали в производительный труд. Со временем их деятельность утрачивала сезонный характер, и работа велась уже на протяжении всего года. Осенью они участвовали в уборке осенних культур, зимой помогали сохранять и выращивать молодняк, собирали и вывозили на поля удобрения.

С середины 1950-х гг. начинается организация комсомольско-молодежных ученических бригад. Первая такая бригада была создана в 1954 г. после опубликования постановления Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». Ученическая бригада стала наиболее продуктивной формой в решении задач политехнического обучения в школе. Особенно активно идея организации комсомольско-молодежных бригад начала реализовываться после XX съезда КПСС. Их формированием под непосредственным контролем партийных и советских органов занимались педагогические коллективы и комсомольские организации школ, руководство колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций.

В 1957 г. на колхозных и совхозных полях республики в составе 50 ученических бригад трудились 3429 старшеклассников. За ними было закреплено 3210 га земли, на которых учащиеся осуществляли весь комплекс сельскохозяйственных работ от посева до уборки урожая. Помимо своей основной работы в этом году члены ученических бригад заготовили 4290 тонн силоса, 1230 тонн сена, посадили более 9 тысяч деревьев, завезли на поля 6 тысяч тонн местных удобрений⁸³.

Однако и это начинание в области политехнизации школы не встречало особого энтузиазма со стороны общества, прежде всего руководства колхозов и совхозов. Бригадам выделялись худшие участки земли. Они не обеспечивались необходимым инвентарем, машинами. Как правило, отсутствовала квалифицированная помощь со стороны агрономов, полеводов и дру-

гих специалистов сельского хозяйства. Не была организована система питания. Из 50 бригад только 11 располагали примитивными полевыми станами, что создавало дополнительные трудности для детей, особенно если обрабатываемые участки находились далеко от сел⁸⁴. Тем не менее, численность ученических бригад, поддерживаемая партийными решениями, росла с каждым годом.

В 1959 г. 70 ученических бригад, объединивших 6000 старшеклассников, были заняты обработкой около 5000 га земли. По данным Министерства просвещения СОАССР в этих бригадах было подготовлено 1357 специалистов сельскохозяйственных профессий, в том числе 170 трактористов, 260 шоферов, 108 животноводов, 80 полеводов⁸⁵.

Ученические бригады формировались из учащихся 8-10 классов и выполняли практически весь комплекс сельскохозяйственных работ – пахота, боронование, культивация посевов, уборка урожая. Около половины пахотной земли, обрабатываемой ученическими бригадами, было занято под кукурузу. На остальной части площади выращивали картофель, подсолнечник, коноплю и другие культуры. И хотя участки земли не всегда были хорошими, урожай на них оказывался выше, чем на колхозных полях. В 1957 г. учебно-производственная бригада Средне-Урухской средней школы получили с одного гектара по 15 центнеров кукурузы и по 40 центнеров картофеля, в то время как в колхозе эти показатели равнялись соответственно 10 центнерам кукурузы и 35 центнерам картофеля. Ученическая бригада Лескенской школы собрала с одного гектара по 25,5 центнера кукурузы, колхозники – только по 17 центнеров⁸⁶.

Известность Кадгаронской ученической бригады, специализировавшейся на выращивании кукурузы, конопли и овощей, перешагнула границы республики. В 1959 г. она вырастила урожай кукурузы на площади 149 га по 170 центнеров в початках с каждого гектара. На фоне всеобщей кукурузной эйфории несомненный успех не остался незамеченным. ЦК КПСС

направил кадгаронским школьникам письмо за подписью Н. С. Хрущева. Ребят поздравляли и желали им дальнейших успехов в учебе и труде.

В ноябре того же года Северо-Осетинский обком КПСС принял постановление «Об опыте работы ученической производственной бригады Кадгаронской средней школы». Он рекомендовал республиканским школам популяризировать успехи кадгаронцев и принять конкретные меры по улучшению политехнического обучения. Из республиканского бюджета Кадгаронской школе были выделены 30 тыс. рублей. За счет этих средств было приобретено в кабинеты и мастерские школы оборудование для выполнения лабораторных и практических работ по предметам физико-математического и естественного цикла⁸⁷.

Определялись также льготы членам ученической бригады при поступлении в высшие учебные заведения. Министерству просвещения, директорам вузов и обкому ВЛКСМ было рекомендовано при новом наборе в вузы в 1960/61 учебном году «учесть активную работу членов ученической бригады Кадгаронской средней школы» и оказать им помощь в подготовке к вступительным экзаменам посредством организации курсов, консультаций и т. п.⁸⁸ Так, постепенно формировалась система льгот для молодежи, участвовавшей в общественно-производительном труде и желавшей продолжить учебу после окончания школы.

По сути, комсомольско-молодежные ученические бригады, задуманные как обучающие трудовые коллективы, стали «пробным камнем», а затем основанием для радикальной школьной реформы, предпринятой в конце 1950-х – начале 1960-х гг.. Кульминационным документом реформы явился закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования СССР», принятый сессией Верховного Совета СССР 24 декабря 1958 г.

Закон заменял прежнюю систему школьного образования, предусматривавшую две ступени – обязательное семилетнее

образование с последующим выходом на производство и полное десятилетнее образование – единым восьмилетним. Восьмилетняя школа обязана была давать учащимся основы общеобразовательных и политехнических знаний, воспитывать у них любовь к труду и готовить к производственной деятельности. Полное среднее образование предусматривалось осуществлять на основе соединения обучения с производительным трудом, то есть вся молодежь, начиная с 15-16 летнего возраста, должна была три года проработать на заводах или в сельском хозяйстве, одновременно продолжая учиться, если она этого хотела. Реформа образования мыслилась в качестве составного элемента программы коммунистического строительства, ликвидации различий между физическим и умственным трудом.

В марте 1959 г. был разработан проект закона «Об укреплении связи школы с жизнью» применительно к Северной Осетии. Закон о реформе народного образования в республике предусматривал введение с 1961/62 учебного года всеобщего обязательного восьмилетнего образования для детей и подростков в возрасте от 7 до 15-16 лет. Перевод школ с семилетнего на восьмилетнее обязательное обучение начался с 1959/1960 учебного года⁸⁹.

С 1 сентября 1959 г. на новый учебный план перешла двадцать одна школа, в том числе девять городских и двенадцать сельских. В этих школах, наряду с изучением основ наук, учащиеся 9-х классов должны были проходить производственное обучение на базе промышленных предприятий, колхозов и совхозов. Выбор специальностей осуществлялся по распоряжению Совета Министров СОАССР в соответствии с потребностями организаторов производственной практики. По возможности рекомендовалось учитывать и желание учащихся. Однако оговоримся сразу, такой возможности практически никогда не было⁹⁰.

Попытки расширить список специальностей вели к удорожанию и усложнению организации производственного обуче-

ния. Например, в средней школе №27 г. Орджоникидзе сорок три человека были распределены по семи группам. Основной недостаток в организации процесса обучения заключался не только в отсутствии необходимых учебных цехов, но и в методической неподготовленности специалистов, преподававших теоретический курс. Многие рабочие, мастера, инженеры, которые вели практические занятия со школьниками, будучи квалифицированными специалистами, не обладали педагогическим талантом. Поэтому учащиеся могли освоить отдельные операции, овладеть определенными навыками, но не имели представления о деле, в целом.

Сложности в реализации закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования» стали проявляться практически сразу. Они были обусловлены многими причинами: необеспеченностью материально-технической и финансовой базы реформы, отсутствием профессионально подготовленных мастеров производственного обучения, психологическим неприятием обществом преобразований, выразившимся в пассивном сопротивлении им.

В июле 1963 г. состоялся VIII пленум Северо-Осетинского обкома КПСС. Он, в частности, обсудил проблему политехнической реформы школы. Выступая на этом пленуме, секретарь обкома КПСС А. Г. Кучиев отмечал: «Воспитание молодежи в труде и для труда стало основным призванием школ и учебных заведений республики, в которых обучается более 120 тысяч учащихся и студентов... 8 тысяч старшеклассников проходят производственное обучение на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах республики... Однако состояние производственного обучения... не может удовлетворить. До сих пор руководство многих предприятий не выполняет решений... об улучшении условий производственного обучения. На большинстве предприятий учащиеся не имеют самостоятельных рабочих мест, практика получается «заспинной»⁹¹. Выступление, как нельзя лучше, характеризовало состояние и пробле-

мы политехнической школы, пути и методы осуществления реформы.

В 1964/65 учебном году в Северной Осетии производственным обучением было предусмотрено охватить в 43 одиннадцатилетних городских школах 4846 старшеклассников и в 54 одиннадцатилетних сельских школах 3810 старшеклассников⁹².

Для организации обучения на промышленных предприятиях республики было создано 16 участков, 5 учебных цехов на 310 рабочих мест с пропускной способностью 740 человек. Были открыты межшкольные производственные мастерские, обслуживавшие в течение дня 620 учащихся. Но всего этого было недостаточно для реализации планов политехнизации. Имевшаяся производственная база обеспечивала работу только 2360 учащихся. Остальные размещались в общих цехах на местах рабочих, что существенно затрудняло последовательное, систематическое прохождение программного материала и организацию производственного обучения⁹³.

В целом, программу политехнизации школ, требовавшую капитальных и профессиональных вложений, промышленные предприятия со временем все более воспринимали как обузу, отвлечение от основной производственной деятельности. Поэтому по мере возможности, они игнорировали обязанности, возлагавшиеся на них советскими и партийными органами. К примеру, не было выполнено постановление органов Северо-Кавказского экономического района о дополнительном выделении в 1964/65 учебном году 195 рабочих мест на предприятиях республики. Из-за отсутствия необходимой производственной базы 60-70% учащихся вынуждены были наблюдать трудовые операции со стороны и за три года обучения в политехнической школе фактически не получали специальности. Осознание тщетности моральных, материальных, временных затрат на производственное обучение не прибавляло популярности идее политехнизации школы. По приобретенной в школе специальности работа-

ло незначительное количество выпускников. Подавляющее большинство их избрало работу и учебу в сфере, совершенно не имевшей отношения к полученной рабочей или сельскохозяйственной профессии⁹⁴.

В реализации программы политехнического обучения в городских и сельских школах имелись определенные различия. Как уже отмечалось, основным каналом проведения политехнизации в сельской местности являлись учебно-производственные бригады. В 1965 г. в колхозах и совхозах Северной Осетии продолжали работать 68 ученических бригад, обрабатывавшие 4960 гектаров земли. Результаты работы некоторых из них были достаточно эффективны. Порой они превышали показатели работы колхозов в 2-3 раза. Но неудачи в реализации политехнического обучения здесь проявились особенно зримо. Учащихся активно привлекали в течение всего учебного года к работе в полеводческих бригадах, на животноводческих фермах в качестве подсобной рабочей силы, выполнявшей неквалифицированную работу. Поэтому они приобретали определенные навыки работы по специальности, но не получали должной профессиональной подготовки. Одновременно постоянное отвлечение учащихся от учебного процесса вело к снижению показателей успеваемости⁹⁵. Таким образом, главная цель политехнического обучения в школе – создание квалифицированных рабочих кадров для народного хозяйства – не достигалась. К тому же, под угрозой оказывалась важнейшая школьная реформа, предусматривавшая осуществление всеобщего обязательного восьмилетнего обучения.

Чрезмерное расширение количества часов на производственное обучение в школе, несмотря на дополнительный год обучения, привело к резкому ухудшению качества изучения основных наук. Данное обстоятельство в значительной мере объяснялось тем, что старшеклассники охладели к учению. Известный социолог М.Н. Руткевич писал: «Они (старшеклассники – И. Ц.) ежедневно задумывались над вопросами такого рода: к чему изучать бином Ньютона, если я получаю

специальность токаря или швеи, для овладения которой его знание не требуется?»⁹⁶.

Заметное снижение показателей успеваемости и по сельским, и по городским школам заставило органы народного образования уже в 1960 г. забить тревогу. Серьезное беспокойство вызывал уровень подготовки детей по алгебре, геометрии, физике и другим предметам. Особенно пострадали гуманитарные науки – русский и осетинский язык, литература, история. Для большей части школьников возможность поступления в вузы и техникумы значительно осложнилась. В 1961 г. каждый второй абитуриент, сдававший вступительные экзамены в вузы РСФСР, получил «неуд»⁹⁷. Впрочем, поступление в вуз теперь полностью зависело от производственного стажа и общественно-производственной характеристики, а не от блестящих результатов в овладении основами наук в средней школе. Вузы должны были оставлять все большее число мест учащимся, прошедшим производство, и строить сложную систему посредствующих звеньев между предприятиями и учебными заведениями.

В процессе политехнизации школы снижалось не только качество знаний учащихся старших классов, но и наметился отток их из школ, объяснявшийся боязнью производственной специализации⁹⁸. Ведь профессионализация определялась не способностями и интересами учащихся, а близостью к школе тех или иных предприятий. Старшеклассники, которые хотели получить рабочую профессию, предпочитали покинуть школу, рассуждая примерно так: для получения рабочей специальности целесообразнее поступить на год-два в профтехучилище, чем учиться в школе еще три года. Те из них, кто готовил себя к вузу, уходили после восьмого класса на производство и одновременно поступали в школу рабочей молодежи. Они выигрывали сразу по двум каналам: учились в ШРМ всего два года (вместо трех в «детской школе») и «зарабатывали» двухлетний производственный стаж⁹⁹.

Все эти явления развивались на фоне усиливавшегося не-

гативного отношения разных слоев общества к дальнейшей реализации программы политехнического обучения. Как отмечал один из западных специалистов по истории советского общества Н. Верт, интеллигенция выступила против реформы потому, что она лишала их детей решающих преимуществ в получении высшего образования. Представители других слоев общества возмущались тем, что успехи их детей в школе, которые они полагали достаточными для дальнейшего продвижения по социальной лестнице, были дискредитированы неуместным «орабочиванием» и восхвалением производства, которое было вовсе нежеланно для них. Руководители предприятий также были встревожены перспективой наплыва «транзитных» на пути в вуз рабочих, вносящих беспорядок и дезорганизацию в производство¹⁰⁰.

В некоторых сельских районах страны осуществление программы политехнизации обучения вообще приобретало абсурдные формы. Бывали случаи, когда директоров школ под страхом увольнения заставляли разводить домашнюю птицу, кроликов, поросят непосредственно в школьных помещениях. Для учителей и учащихся устанавливали планы «обязательных поставок» домашней птицы, кроликов и др. Иные руководители колхозов вообще полностью перекладывали эту обязанность на школьников. С учетом сложившейся ситуации заведующий отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС В. Кирилин дал специальное распоряжение партийно-советским органам на местах принять необходимые меры «по искоренению негативных фактов, дискредитировавших идею политехнического обучения, и недопущению подобных «извращений» впредь»¹⁰¹.

Применительно к Северной Осетии документов, фиксирующих подобные случаи, не обнаружено. Однако к началу 1960-х гг. пассивное, невыраженное сопротивление всех слоев североосетинского общества приобретало все более отчетливые очертания. По общему мнению, итоги политехнической реформы были неутешительны. Она сдерживала общее об-

разовательное и культурное развитие школьников, не давала профессиональной подготовки и, таким образом, порождала недовольство всех социальных категорий общества.

Необходимость преодоления негативных тенденций в сфере школьного образования вынуждала государство корректировать образовательную политику. В середине 1960-х гг. советская школа вступает в стадию стабилизирующей контрреформы. В августе 1964 г. было принято решение о сокращении срока производственного обучения после восьмого класса с трех до двух лет. Тем самым средняя школа вновь стала десятилетней. Начало стабилизационных процессов в системе школьного образования наиболее отчетливо демонстрировала поправка к Закону 1958 г., принятая в марте 1966 г. Президиумом Верховного Совета СССР. Устанавливалось, что школа дает учащимся профессиональную подготовку лишь там, где для этого имеются необходимые условия. С этого момента свертывание программы политехнизации идет ускоренными темпами. Одними из первых на поправку отреагировали промышленные предприятия, лишив многие школы производственной базы. Школы, осознав потерю, в то же время не предприняли никаких мер к оборудованию учебных кабинетов и лабораторий для проведения практикумов с учащимися старших классов, более того уменьшилось количество кабинетов по электротехнике. Во многих школах читался лишь теоретический курс по данному предмету¹⁰².

Снижение интереса органов народного образования к проблемам политехнизации было подвергнуто критике со стороны вышестоящих органов. При этом делалась ссылка на постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» от 10 ноября 1966 г. о том, что «советская школа и впредь должна развиваться как общеобразовательная, трудовая и политехническая»¹⁰³.

Однако, представляется, что стремление утвердить в общественном сознании мысль об обязательности трудовой школы

носило на этом этапе скорее уже декларативно-пропагандистский, чем практический характер, поскольку обозначенная в документе установка партийно-советских органов не подкреплялась никакими реальными мерами.

На протяжении второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. школы Северной Осетии, прежде всего городские, лишились практически всей производственной базы: деревообрабатывающих, слесарных и прочих мастерских, специализированных кабинетов производственного профиля. Под видом создания комбинированных мастерских в одном помещении сосредоточивались деревообрабатывающие станки, слесарное и столярное оборудование; одновременно сокращались рабочие места для проведения уроков труда.

К концу 1960-х гг. большинство школьных мастерских пришло в упадок. Учебно-опытные участки, как элементы «трудовой школы» для учащихся 1-8-х классов, существовали при городских школах ещё некоторое время. Но в начале 1970-х гг. они постепенно исчезают из школьной жизни. В сетке учебных предметов городских школ сохранились только уроки труда. На этих уроках учащиеся овладевали определёнными трудовыми навыками по ограниченному кругу специальностей. Эффективность усвоения материала на уроках зависела как от материальной обеспеченности школы, способной технически оснастить учебные мастерские, кабинеты труда и создать приемлемые условия для обучения детей, так и профессионального и квалификационного уровня учителей-трудовиков, большинство из которых не имели специального образования.

Темпы, с которыми школы и промышленные предприятия, в наибольшей мере ответственные за практическое претворение в жизнь программы политехнического обучения школьников, уходили от ее реализации, свидетельствовали лишь о том, что в принятой форме идея исчерпала себя. Ее не удалось встроить в сложившуюся социальную и образовательно-производственную систему формирования нового человека.

Однако в конечном итоге неудавшаяся попытка создания «трудовой школы» произвела положительный эффект среди реформаторов. Она убедила партийно-государственные структуры, курировавшие образовательную сферу, в необходимости создания специальной системы по подготовке квалифицированных кадров рабочих для общественного производства. Эта идея была реализована в системе профессионального технического образования, сложившейся в середине 1960-х гг. Средняя же общеобразовательная школа только выиграла от этого. Фактически вернувшись к классической модели развития, она получила возможность выполнять свою важнейшую функцию – «давать прочные и глубокие знания учащимся» по предметам гуманитарного и естественного цикла. Опираясь на закон о всеобщем обязательном восьмилетнем образовании, она обеспечивала надежную основу для развития средней и высшей профессиональной школы и научного знания.

Таким образом, во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. в области народного образования произошли существенные изменения. Реформа системы школьного образования носила многосторонний характер и, несмотря на неудачу в создании «трудовой», политехнической школы, в целом сыграла позитивную роль в совершенствовании системы образования страны в целом и отдельных ее регионов.

Введение обязательного восьмилетнего обучения, расширение системы среднего образования, укрепление материально-технической базы школ, отмена платы за обучение в старших классах, совершенствование методики преподавания, улучшение качества подготовки преподавательских кадров способствовали повышению образовательного уровня населения, обеспечивали устойчивую базу для развития высшего и среднего специального образования. Не менее последовательно выполнялась и задача идейно-политического воспитания подрастающего поколения.

2.5. Модернизационные преобразования в системе школьного образования во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.

Преобразования в советской системе образования в конце 1950-х – начале 1960-х гг. обуславливались потребностями научно-технической революции, предъявлявшей повышенные требования к образовательному и квалификационному уровню населения, способного обеспечить внедрение научно-технических и технологических новаций в общественное производство. Основные направления реформирования общеобразовательной школы были определены Законом «Об укреплении связи школы с жизнью», принятым 24 декабря 1958 г., в соответствии с которым был осуществлен переход от обязательного семилетнего к всеобщему обязательному восьмилетнему образованию.

Школы Северной Осетии прошли все стадии школьной реформы. Переход к обязательному восьмилетнему образованию был в основном завершен в 1961/1962 учебном году. Что касается реформы в ее политехнической части, то о паллиативности ее было сказано в предыдущем параграфе. Отсутствие основательной материально-технической, финансовой и производственной базы для ее проведения, ухудшение качественных показателей учебного процесса, неприятие политехнической школы всеми слоями общества заставило во второй половине 1960-х гг. реформаторов отказаться от идеи формирования системы школьного образования на принципах политехнизации и перейти к контрреформе.

Однако полного забвения идеи политехнической школы не произошло. Некоторые ее элементы сохранились и получили дальнейшее развитие. Своеобразными «оазисами успеха» в ходе реализации программы политехнического обучения оста-

вались учебно-производственные бригады в сельских школах. В 1960-е – 1970-е гг. ученические производственные бригады республики занимались разнообразными видами сельскохозяйственной деятельности, вели экспериментальную работу, осваивали сельскохозяйственные специальности¹⁰⁴.

Как отмечалось в марте 1965 г. на слете ученических бригад, это были «прекрасные коллективы, где учащаяся молодежь получает трудовую закалку, жизненный опыт»¹⁰⁵. Численность учащихся, вовлеченных в ученические бригады, продолжала расти из года в год. Так, если в 1969 г. в составе 63 бригад около 5 тыс. школьников были заняты выращиванием сельскохозяйственных культур на площади 2947 га земли, то в 1976 г. в 87 бригадах и 2 звеньях на 6905 га работали 9294 ученика 7-10 классов, т.е. 52% учащихся этих классов. Причем 82,3% обрабатываемой земли было отведено под кукурузу, остальные 17,7% – под картофель, овощи и прочие культуры. Учащиеся работали и на животноводческих фермах¹⁰⁶.

Руководство республики активно поддерживало и поощряло деятельность ученических бригад, используя их в качестве воспитательно-образовательной структуры, которая занималась профессиональной ориентацией сельской молодежи, популяризацией сельскохозяйственного труда. На базе ученических бригад готовились кадры полеводов, животноводов, механизаторов. В последующем многие участники ученических бригад поступали в сельскохозяйственные вузы и техникумы, связывали жизнь с сельскохозяйственным производством.

Политика профессионального ориентирования школьников получила отражение в совместном приказе Министерства просвещения и Министерства сельского хозяйства республики от 21 января 1976 г., в соответствии с которым строились типовые полевые станы для бригад Веселовской, Змейской №2, Эльхотовской №2, Синдикауской средних школ, содержанием которой стала опытническая работа. Результаты работы по сортоиспытанию кукурузы и откорму поросят в бригадах Кадгаронской и Притеречной средних школ демонстрировались

на ВДНХ. Учащиеся 9-10 классов сельских школ проходили производственную практику в основном на базе ученических бригад. В тридцати девяти школах республики учащиеся 9-10 классов учились управлять трактором (в двадцати пяти школах имелись свои тракторы для обучения вождению), в восемнадцати обучались автоделу, в восьми – основам животноводства¹⁰⁷.

Деятельность ученических производственных бригад являлась выразительной иллюстрацией волнообразности процесса реформирования в системе школьного образования в 1950-е – 1980-е гг.

В 1984 г. в рамках новой реформы образования, положения которой были сформулированы в документе «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», была предпринята очередная попытка сориентировать среднюю школу на организацию профессионального обучения школьников. В сельской местности работу по вовлечению школьников в производительный труд активно продолжали ученические производственные бригады. В 1986 г. в Северной Осетии работали 81 ученическая бригада и 20 звеньев, 30 лесничеств, объединявших свыше 11 тыс. школьников. В летний период 1986 г. трудовыми объединениями школьников было охвачено 85% учащихся, которые работали на полях колхозов и совхозов, на промышленных предприятиях¹⁰⁸.

Трудовая активность школьников стимулировалась через организацию различных конкурсов и смотров. По итогам Всероссийского смотра ученических производственных бригад сельских общеобразовательных школ в 1985 г. ученическая производственная бригада Камбилеевской средней школы признана победителем и награждена первой премией Госагропрома РСФСР. Первая премия Центрального Совета Всероссийского общества охраны природы присуждена также школьному лесничеству средней школы № 4 г. Алагир¹⁰⁹.

В городских школах рабочим профессиям обучали на базе учебно-производственных комбинатов. В начале 1979 г. в Се-

верной Осетии был открыт первый межшкольный учебно-производственный комбинат. В 1986 г. действовало уже три подобных комбината, открытых на базе ведущих промышленных предприятий. Три тысячи старшеклассников из тридцати восьми школ проходили обучение по 16 специальностям. В следующем году планировалось открыть еще два учебно-производственных комбината в г. Орджоникидзе и г. Алагир. Всего для организации трудового обучения учащихся 9-10 классов базовыми предприятиями было выделено 1604 рабочих мест (87% от запланированного количества). Расширилась сеть станций юных техников и юных натуралистов. С 1978 по 1987 г. их число выросло с восьми до двенадцати. Численность учащихся, занимавшихся в них, увеличилась почти в три раза¹¹⁰.

Образовательная реформа 1984 г. вновь вводила одиннадцатилетнюю школу. Устанавливалось обучение детей с шестилетнего возраста. По данным Министерства просвещения республики на 1986/87 учебный год имелось в школах 157 и в детских садах 42 класса шестилеток с количеством обучающихся 3188 и 950 человек. Seriously пересматривались учебные программы в плане повышения их научного уровня, приведения в соответствие с задачами научно-технического прогресса. Инновационным моментом образовательной реформы 1984 г. выступало введение обучения компьютерной грамотности, основам семейной жизни. К 1986/87 учебному году практически во всех средних общеобразовательных школах Северной Осетии были открыты кабинеты ручного труда и профориентации. Оснащенность кабинетов учебно-наглядными пособиями, техническими средствами и учебным оборудованием (токарные, фрезерные, сверлильные станки, швейные машины и др.) в течение первой половины 1980-х гг. выросла от двух и более раз. Новшеством для общеобразовательных школ республики являлись микрокалькуляторы МКШ-2, использовавшиеся на уроках по предметам естественно-математического цикла. За три года, с 1983 по 1986 г. их количество выросло в 10 раз (с 204 до 2060). Модернизация содержания образовательного

процесса в школе выразилась в создании кабинетов информатики. В 1986 г. численность их была крайне незначительной. Лишь 16% городских и 11% сельских школ Северной Осетии располагали такими кабинетами. Тогда же были организованы 8 компьютерных классов. Конечно, это был мизер для 205 общеобразовательных школ республики, но по меркам середины 1980-х гг. наличие таких классов оценивалось как большое достижение¹¹¹.

Но, несмотря на определенные шаги в этом направлении, школьная реформа 1984 г. не имела сколь-нибудь длительного продолжения. Уже в 1985-1986 гг. на фоне разворачивавшейся «перестройки» и нарастания кризисных явлений во всех сферах общественной жизни страны она была свернута. По мнению некоторых исследователей, причина неудачи предпринятой реформы состояла в том, что школу пытались сориентировать на нужды «затухающей экономики доиндустриальной стадии», в то время как решить проблемы средней школы можно было только в рамках более широких общественных преобразований. Поиски форм новой школы продолжались на уроках педагогов-экспериментаторов Ш. Амонашвили, И. Волкова, Е. Ильина, В. Караковского, С. Лысенковой, В. Шаталова, М. Щетинина и др.¹¹²

В промежутке между двумя реформами: второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. и 1984 г. в советской школе происходили определенные преобразования. По мнению члена-корреспондента РАО М. В. Богуславского, называющего их «малыми» реформами, закономерными и носящими циклично-периодический характер, они имели большое концептуальное значение. Преобразования не предусматривали создания новой системы образования или кардинального изменения направленности учебно-воспитательного процесса, что характерно для «общешкольных реформ». В основном речь шла о модернизации содержания общего среднего образования, приведении его в соответствие с задачами, выдвигающимися научно-техническим прогрессом. В результате работы

специальной объединенной Комиссии Академии наук СССР и союзной Академии педагогических наук в 1965-1966 гг. были пересмотрены образовательные стандарты средней школы и приведены в соответствие с современными научно-техническими достижениями¹¹³.

Одновременно во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. был принят ряд законодательных актов, определивших главное направление образовательной политики государства: введение всеобщего обязательного среднего образования. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» от 10 ноября 1966 г. ставило задачу завершения к 1970 г. введения в стране всеобщего среднего образования и начала «планомерного организованного» перехода средних общеобразовательных школ на новые учебные планы и программы¹¹⁴.

Очередные задачи в реализации программы всеобщего обязательного среднего образования были определены в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы» от 20 июня 1972 г.¹¹⁵ За этим постановлением следовал еще ряд правительственных распоряжений, формулировавших задачи образовательных учреждений, в том числе профтехучилищ и техникумов, обязанных давать наряду с профессиональной подготовкой общее среднее образование¹¹⁶.

В середине 1970-х гг. переход к всеобщему среднему образованию во всех регионах Советского Союза, в том числе в Северной Осетии, был завершен. Одновременно пересматривались учебные программы и планы во всех общеобразовательных учреждениях республики в соответствии с современными научно-техническими запросами, растущим и усложняющимся общественным производством.

Введение всеобщего среднего образования определило количественные и структурные изменения в школьной сфере. На

протяжении второй половины 1960-х – 1980-х гг. в Северной Осетии произошло абсолютное сокращение численности общеобразовательных школ всех типов. С 1965/66 по 1983/84 учебный год их число уменьшилось с 284 до 234 школ. В наибольшей мере сокращение коснулось вечерних школ (с 59 до 27). Уменьшилось и число дневных школ с 225 до 207: за счет начальных (с 37 до 6) и восьмилетних (с 80 до 43). Рост наблюдался только по средним школам (со 101 до 151)¹¹⁷.

В 1986/87 учебном году в республике работали 198 дневных общеобразовательных школ, в которых учились 92,2 тыс. человек, из них в средних школах – 84,8 тыс. учащихся (91,9%). Для сравнения: в 1966 г. в дневных средних школах обучались 69,5 тыс. человек (71,6% всех учащихся дневных общеобразовательных школ Северной Осетии)¹¹⁸.

Свое предназначение продолжали выполнять вечерние и заочные школы. Они обеспечивали доступ к среднему образованию всем желающим, в силу разных причин лишенным возможности получить его другим способом (в обычной дневной школе, училище или техникуме, дававшим помимо профессиональной подготовки среднее образование). С 1965 по 1980 гг. число вечерних школ в Северной Осетии сократилось почти в 2 раза, с 59 до 31, но численность учащихся в них выросла с 9,9 до 10,6 тыс. Причем рост произошел за счет учащихся 9-11 классов. Их число почти удвоилось (с 5,3 до 10,1 тыс.), в то время как число обучавшихся в 1-8 классах сократилось в 9 раз (с 4,6 до 0,5 тыс. человек)¹¹⁹. В 1971-1975 гг. свидетельства о восьмилетнем образовании в вечерних и заочных школах были выданы 5610, а аттестаты зрелости – 7295 выпускникам. В 1975 г. в Республиканской заочной школе в г. Орджоникидзе, а также Ардонской, Алагирской, Моздокской и Кировской заочных школах продолжали учебу 4975 человек¹²⁰.

По мере укрепления системы дневных средних школ, расширения сети профессионально-технических училищ, дававших помимо рабочей профессии общее среднее образование, вечерние общеобразовательные школы постепенно утрачива-

ли свои позиции. В первой половине 1980-х гг. происходит сокращение уже не только самих вечерних школ, но и численности учащихся в них. Так, в 1983/1984 учебном году в республике продолжали работать 27 вечерних школ. В них обучались 7537 человек, в том числе в 1-8 классах – 273, а в 9-11 классах – 7254 ученика. На протяжении 1980-х гг. ареал действия этих учебных заведений неуклонно сужается. В 1985 г. обучение в вечерних общеобразовательных, а также заочных школах проходили примерно 5 тыс. человек. В 1986/87 учебном году продолжали работать только шесть вечерних школ, в которых насчитывалось 2,5 тыс. учащихся¹²¹.

Подводя итоги деятельности вечерних школ, следует признать объективно прогрессивную роль этих учебных заведений в образовании и просвещении общества. На протяжении длительного времени вечерние школы являлись оптимальной формой организации обучения взрослого населения, в силу разных жизненных обстоятельств лишенного возможности учиться в дневной общеобразовательной школе, но стремившегося получить образование. Вечерние школы, дававшие среднее образование, являлись также необходимой ступенью на пути к высшей и средней профессиональной школе, что, несомненно, служило основанием для повышения профессионального и социального статуса человека.

В 1960-е гг. был преодолен демографический провал предыдущего десятилетия. Положительная динамика прироста населения выразилась в увеличении численности школьников. Так, если с 1940 по 1960 г. численность учащихся дневных школ сократилась с 82,3 до 73,4, то в 1960-е гг. она растет устойчивыми темпами. В 1965/66 учебном году в общеобразовательных школах республики всех видов (дневных, вечерних, для детей с дефектами развития) обучение проходили 106,9 тыс., в том числе в дневных школах – 97,9 тыс. человек, через пять лет соответственно – 116,5 тыс., в том числе в дневных школах – 106,2 тыс. человек¹²².

Однако в 1970-е гг. под влиянием различных факторов со-

циального, материально-бытового, психологического плана демографическая ситуация вновь ухудшилась. Это обстоятельство нашло выражение в количественном составе школьников. С 1975/1976 по 1983/84 учебные годы число учащихся общеобразовательных школах Северной Осетии сократилось с 113,7 тыс. до 100,8 тыс., в том числе в дневных школах – с 102,5 тыс. до 93,3 тыс. человек¹²³. Нисходящая динамика была характерна и для последующих лет. Снижение показателей в масштабах небольшой республики было весьма значительно.

В целом общеобразовательная школа во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. переживала этап стабилизационно-модернизаторских преобразований. В русле отмеченных преобразований осуществлялись мероприятия по укреплению материально-технической, учебно-методической, научной инфраструктуры учебных заведений. В период с 1966 по 1977 г. в Советском Союзе было введено в строй 70 тысяч новых школ почти на 28 млн. ученических мест¹²⁴. В Северной Осетии в течение 1961-1976 гг. было построено 113 новых школ, рассчитанных на 61107 ученических мест. Из них в 1966-1976 гг. было введено в строй 76 школ на 44435 ученических мест. Особенно активно, в том числе за счет средств колхозов и совхозов, шло строительство в сельской местности. В 1978-1987 гг. были построены 23 школьные здания, в том числе в сельской местности – 15. Были возведены новые школьные здания в селениях Октябрьское, Майское, Иран, Чикола, Хаталдон, Синдзикау, Хурикау, Кизляр, Хумалаг, Зильги, Терк, Эльхотово, Сунжа, Чермен, станицах Архонская, Луковская¹²⁵.

Интенсивность школьного строительства позволила отчасти сократить многосменность занятий в школах. В течение пяти лет (1971-1975 гг.) количество учащихся, занимавшихся во вторую смену, в целом по республике сократилось с 34,2% до 25,3%. Особенно заметные перемены наблюдались в сельской местности. За отмеченный период в сельских школах количество занимавшихся во вторую смену учащихся сократилось на 14,0% и составило 18,7%¹²⁶.

Положительная динамика в сфере организации образовательного процесса, бесспорно, была связана со строительством новых, более просторных школьных зданий. Но не в меньшей степени эти изменения были обусловлены наметившимся на рубеже 1960-х – 1970-х гг. и особенно ускорившимся после 1974 г., когда началась выдача колхозникам паспортов, оттоком населения из сельских районов республики. Уезжали не только в Орджоникидзе и другие города Северной Осетии, но и в другие регионы Советского Союза.

Поскольку в миграционный процесс вовлекались, прежде всего, представители наиболее молодых трудоспособных возрастных категорий населения, имевших семьи, то среди переселенцев достаточно высоким был процент детей школьного возраста. Отмеченная тенденция подтверждается имеющимися статистическими данными. Если на протяжении 1960-х гг. наблюдалась устойчивая динамика роста контингента учащихся по городским и сельским школам, то уже с 1970 г. при относительной стабильности показателей по городским школам, численность учащихся сельских школ неуклонно уменьшается. Так, с 1960 по 1970 г. в дневных общеобразовательных школах городов и поселков городского типа Северной Осетии количество учащихся выросло с 36,6 до 59,9 тыс., в сельской местности с 37,2 тыс. до 46,3 тыс. человек. В 1983/84 учебном году списочный состав учащихся дневных школ городов и поселков городского типа равнялся 57,6 тыс., а в сельской местности – этот показатель составлял лишь 35,7 тыс. человек¹²⁷.

Завершение перехода к всеобщему среднему образованию молодежи вызвало существенные перемены в организации учебно-воспитательного процесса. Важным элементом школьного строительства явилось введение кабинетной системы. По данным Министерства просвещения на начало 1981 г. план оборудования общеобразовательных школ республики специализированными кабинетами был выполнен на 93,9%. В 1986/87 учебном году кабинетная система действовала уже практически во всех средних общеобразовательных школах

республики. Кабинеты оснащались диапроекторами, радиоприемниками, экранными и звукотехническими пособиями. В некоторых школах имелись радиоузлы. В столице республики г. Орджоникидзе работали две английские спецшколы. Они были оборудованы шестью лингафонными кабинетами. В 1970-е – 1980-е гг. заметно пополнились библиотечные фонды общеобразовательных школ. Учащиеся получали возможность бесплатно пользоваться учебниками. В подавляющем большинстве школ имелись столовые и буфеты, обеспечивавшие питанием 93,4% учащихся. Горячее питание было организовано для 64,8% школьников¹²⁸.

Реформирование школьной системы способствовало росту удельного веса молодежи со средним образованием. В 1975 г. из 10420 выпускников восьмых классов продолжили учебу 9082 человека, т. е. 94,2%. Подавляющее большинство из них учились в 9 классах общеобразовательных школ, в том числе вечерних и заочных, другие поступили в техникумы и профтехучилища, где помимо специальности получали аттестат о среднем образовании¹²⁹.

Цифровые показатели реализации общешкольной реформы, перехода к всеобщему среднему образованию молодежи выглядели вполне благополучно. Однако кризисные тенденции эпохи так называемого «застоя» в развитии советского общества не могли не отразиться на содержательной стороне образования. Имелись различия в уровне и качестве подготовки городских и сельских детей. Разный уровень знаний демонстрировали учащиеся специализированных и обычных школ. Официальные показатели работы средней школы не всегда соответствовали действительному положению вещей. Как известно, в 1960-е – 1970-е гг. из школьной жизни уходила практика отбора и отсева учащихся. Педагогические коллективы, скованные жесткими рамками обязательности исполнения закона о всеобщем обязательном образовании, по сути лишались возможности объективно оценивать знания учащихся.

Успех исполнения Закона о восьмилетнем, а затем о сред-

нем всеобщем образовании стал напрямую связываться с преодолением такого явления в школьной практике, как второгодничество. Ответственность за ликвидацию второгодничества ложилась на учителей и органы образования, перед которыми ставилась задача «повысить качество знаний учащихся». Однако реальных рычагов решения этой проблемы в общешкольном масштабе не существовало. Тем не менее, показатели успеваемости и второгодничества стали снижаться. К середине 1970-х гг. второгодники среди учащихся средних общеобразовательных школ практически уже не встречаются.

Во второй половине 1970-х – 1980-е гг. практика оставления на второй год как воспитательная мера, как средство повышения ответственности и побуждения учащегося к овладению знаниями и, следовательно, как фактор повышения эффективности учебного процесса вообще исчезает из школьной жизни. Формально проблема второгодничества была решена. Однако искоренение этого явления происходило не благодаря совершенствованию учебно-воспитательного процесса, внедрению новых методик обучения, направленных на облегчение усвоения знаний, и мотивировавших учащихся к добросовестной учебе. Несомненно, отдельные школы и учителя добивались значительных результатов в повышении качества знаний учащихся. Но в подавляющей массе школ получила широкое распространение практика искусственного завышения показателей успеваемости, что естественно весьма негативно сказывалось на содержании всего учебного процесса и качестве знаний выпускников средних школ.

Усложнение учебно-воспитательного процесса в школе и повышение ответственности учителей за качество обучения в условиях перехода к всеобщему среднему образованию государство стремилось компенсировать за счет повышения оплаты труда (хотя приходится признать, что заработная плата учителей никогда не была адекватной сложности педагогического труда). Разрабатывался также комплекс мер морального и материального стимулирования учителей (награждение ор-

денами и медалями СССР, учреждение нагрудного знака «Отличник просвещения СССР», присвоение звания заслуженного учителя, премирование). День учителя стал отмечаться как всенародный праздник. Начиная с 1984 г., в календаре появляется еще один всенародный праздник «Первое сентября – День знаний».

На протяжении второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. происходили изменения в профессиональном, квалификационном, количественном составе педагогических кадров школ, обусловленные необходимостью освоения новых учебных программ, овладения современными методами обучения. В 1968 г. в школах республики работали 6693 человек, в том числе с высшим образованием 3953 человека (59%). В 1986 г. численность педагогических работников в дневных и вечерних школах составила 7318 человека. Из них 73% имели высшее образование. Причем повышалась доля учителей с высшим образованием, работавших как в 4-х – 10-х классах (в 1986 г. она равнялась 91%), так и – в начальной школе (19%). Отмеченная тенденция сохранялась и в дальнейшем¹³⁰.

Решающую роль в пополнении общеобразовательных школ педагогическими кадрами с высшим образованием республики играл Северо-Осетинский государственный университет, ежегодно выпускавший примерно около одной тысячи специалистов педагогического профиля. Вопросами повышения профессиональной квалификации педагогических кадров на базе кафедр педагогики и психологии, русского языка и литературы занимался Институт усовершенствования учителей (ИУУ). Новой формой подготовки и переподготовки руководителей школ являлись Факультеты повышения квалификации для директоров общеобразовательных школ, их заместителей, работников районных органов народного образования. Ежегодно более сорока пяти человек проходили подготовку на ФПК Институты усовершенствования учителей в Махачкале и Орджоникидзе.

С 1975 г. вводилась аттестация учителей. С этого времени

ежегодно до тысячи человек держали экзамен перед аттестационной комиссией. Лучшим из педагогов, добившимся значительных результатов в совершенствовании учебно-воспитательного процесса, квалификационными комиссиями присваивались звания «Учитель-методист» и «Старший учитель». С 1978/79 по 1986/87 учебные годы звание «учитель-методист» получили 117 и звание «старший учитель» 234 преподавателя общеобразовательных школ Северной Осетии¹³¹.

Высокий уровень преподавания поддерживался благодаря деятельности педагогов-экспериментаторов. Учительница средней школы № 15 г. Владикавказ Н. М. Цаликова была среди первых 70 учителей страны, удостоенных в 1968 г. звания Героя Социалистического Труда. Учительница русского языка средней общеобразовательной школы № 5 г. Владикавказ В. Т. Бязырова стала лауреатом Государственной премии СССР. В 1980 г. коллектив этой школы был награжден орденом «Знак почета» в связи со 100-летием со дня основания и за большие заслуги в воспитании и образовании детей. В республике хорошо были известны имена талантливых педагогов В. М. Анисимовой, Б. М. Байтуганова, А. М. Базаева, В. М. Дегоева, Р. М. Кибизовой, А. М. Круглиевской, Н. П. Мазуренко, П. А. Пашкиной, М. М. Садович, М. З. Уруймагова и других. К началу 1980-х гг. в школах республики работали 342 заслуженных учителя школы РСФСР и СОАССР, 1507 отличников народного просвещения СССР и РСФСР¹³².

В целом преобразования в системе среднего образования во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. были направлены на совершенствование системы образования, повышение образовательного и культурного уровня общества. Они закладывали фундамент, на котором строилась вся система высшего и среднего специального образования, формировалось научное пространство республики. Значение этих важнейших культуuroобразующих элементов неизмеримо возросло в условиях научно-технического прогресса, ставшего определяющим фактором общественного развития.

Примечания к главе 2:

1. Культурное строительство в Северной Осетии. 1941-1977. Орджоникидзе, 1983. Т. 2. С.43.
2. Малиев Н. Д. Славный путь. Школа № 1 с. Чикола. Владикавказ, 2008. С. 78.
3. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 5. Д. 6. Л. 2.
4. Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. Т. 2. С. 41.
5. Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. С. 43.
6. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 46, 57.
7. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 391. Л. 1.
8. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 328.
9. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1958. С. 113; ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л. 95-96.
10. От века к веку. Страницы образования в Северной Осетии. М., 2001. С. 40.
11. От века к веку. Страницы образования в Северной Осетии. С. 53; ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л.96.
12. В перечень вошли имевшиеся в республике две школы для детей с ограниченными возможностями. Народное хозяйство Северо-осетинской АССР. Стат. сборник. С. 113; Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1964. С. 171.
13. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 50.
14. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 50; ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л. 59.
15. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 533. Л. 2.
16. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 563. Л. 11.
17. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 667. Л. 3.
18. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 667. Л. 2, 6, 8.
19. ЦГА РСО-А. Ф. 771. Оп. 1. Д.46. Л. 6.
20. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 667. Л. 3, 7.
21. ЦГА РСО-А. Ф. 771. Оп. 1. Д. 46. Л. 24.
22. Дзауджикау переименован в Орджоникидзе 24 февраля 1954 г. – Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 56.

23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1985. М., 1985. Т.7. С. 505.
24. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 543. Л. 74; Оп. 6. Д. 234. Л. 35; История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С.404.
25. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 5. Д. 543. Л. 77.
26. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 400. Л. 4.
27. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л. 98.
28. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л. 75; ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 634. Л.33.
29. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. С. 113.
30. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 634. Л. 33.
31. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 561. Л. 30.
32. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 5. Д. 576. Л. 11.
33. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 562. Л. 27.
34. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 140. Л. 180б.
35. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. С. 118, 119.
36. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. С. 113, 119.
37. См.: Народное хозяйство СОАССР. Стат. Сборник. С. 113,119; Северная Осетия за годы советской власти. Стат. сб. Орджоникидзе, 1967. С. 207, 208.
38. Северная Осетия в восьмой пятилетке. Орджоникидзе, 1972. С. 147.
39. Северная Осетия в восьмой пятилетке. С. 147.
40. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 56. Д. 6. Л. 19.
41. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. С. 118, 119; Северная Осетия за годы советской власти. С. 207, 208; Северная Осетия за 60 лет автономии. Орджоникидзе, 1984. С. 108.
42. Северная Осетия за годы советской власти. С. 212-213.
43. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 260. Л. 26,27.
44. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 260. Л. 27, 78, 138.
45. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 13. Д. 18. Л. 53.
46. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 5. Д. 21. Л. 6.
47. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 5. Д. 21. Л. 12.
48. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 13. Д. 822. Л. 159.
49. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 13. Д. 822. Л. 159; ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 5. Д. 17. Л. 2; Д. 18. Л. 1.

50. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 5. Д. 21. Л. 1.
51. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 2. Д. 30. Л. 1, 11; ГАНИ РСО – А. Ф.1. Оп. 6. Д. 562. Л. 27.
52. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 2. Д. 30. Л. 75.
53. Мирзаканова Е. А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка (на примере кабардинского языка) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 129.
54. Цит. по: Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. Кунгур, 2007. С. 205.
55. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 47-48.
56. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 369. Л. 7, 9.
57. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 55, 56.
58. Рассчитано по ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 3. Д. 14. Л. 11; Д. 18. Л.35; Д. 34. Л.3.
59. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 668. Л. 16.
60. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 668. Л. 16.
61. Культурное строительство в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1983. Т. 2. С. 76.
62. Текиев В.Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989. С.17.
63. Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. №3. С. 65-66.
64. Текиев В.Д. К сияющим вершинам. С. 19.
65. Галазов А.Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе, 1967. С. 70.
66. См.: Мирзаканова Е. А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка.
67. История России. XX – начало XXI века. М., 2006. С. 400.
68. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 634. Л. 12.
69. Богуславский М.В. Взаимодействие власти и общества в проведении образовательных реформ XIX-XX вв.// www.education.rekom.ru.
70. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 668. Л. 20.
71. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 1. Д.683. Л. 13-14.
72. Прохуренко Л.И. Развитие народного образования в Северной Осетии в послевоенный период. Орджоникидзе, 1957. С. 10.
73. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 724. Л. 22, 23.

74. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 13. Д. 822. Л. 68.
75. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 15; Д. 719. Л. 15-17.
76. Прохуренко Л. И.. Развитие народного образования в Северной Осетии в послевоенный период. С. 11
77. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 13.
78. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 13.
79. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 115.
80. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 16, 169.
81. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 165; Д. 719. Л. 7.
82. Социалистическая Осетия. 1962, 3 августа.
83. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 13. Д. 822. Л. 68.
84. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 13. Д. 822. Л. 68; ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 719. Л. 15.
85. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 33. Д. 1. Л. 34; ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 724. Л. 76.
86. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 724. Л. 76.
87. См.: Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 80; ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 3. Д. 18. Л. 93-94.
88. ГАНИ РСО-А. Ф. Оп. 3. Д. 18. Л. 94.
89. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 3, приложение к протоколу № 73, параграф 21. Л. 112.
90. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 724. Л. 70-71.
91. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 47. Д. 10. Л. 36.
92. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 2. Д. 46. Л. 1, 2.
93. Там же.
94. Текиев В.Д. К сияющим вершинам. С. 41, ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 47. Д. 10. Л. 36.
95. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп.2. Д. 46. Л. 4-6; Оп. 1. Д. 724. Л. 129; Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 41.
96. Руткевич М.Н. Социология образования и молодежь. Избранное (1965-2002). М., 2002. С. 29.
97. Новейшая история Отечества. XX век. М., 1998. Ч. 2. С. 346.
98. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп.1. Д. 724. Л. 129.
99. Руткевич М.Н. Социология образования и молодежь. Избранное (1965-2002). С. 30.
100. Верт Н. История Советского государства. М., 1994. С. 411.
101. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 124. Л. 67.
102. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 2. Д. 46. Л. 12-14.

103. ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 2. Д. 46. Л. 16.
104. Малиев Н. Д. Пути становления. Владикавказ, 2004. С. 211.
105. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 87.
106. Культурное строительство в Северной Осетии. С. 87, 97, 104.
107. Культурное строительство в Северной Осетии. С. 105-106.
108. Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. Орджоникидзе, 1987. С. 3.
109. Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 4.
110. Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 3-4.
111. Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 11-14.
112. Новейшая история Отечества. XX век. Ч. 2. С.347.
113. Богуславский М.В. Взаимодействие власти и общества в проведении образовательных реформ XIX-XX вв.// www.education.rekom.ru.
114. Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С.47.
115. КПСС в резолюциях... М., 1986. Т.12..С.225.
116. Цориева И. Т. Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). Владикавказ, 2012. С. 93.
117. Северная Осетия за годы десятой пятилетки. Стат. сб. Орджоникидзе, 1982. С. 102; Северная Осетия за 60 лет автономии. Стат. сборник. С. 105,106.
118. Северная Осетия за годы десятой пятилетки. Стат. сб. С.102; История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С.473; Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 20.
119. Северная Осетия за годы 10-й пятилетки. Стат. сборник. С. 103.
120. Культурное строительство в Северной Осетии. Т.2. С. 102.
121. Северная Осетия за 60 лет автономии. Стат. сб. С. 108; Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 17.
122. Северная Осетия в восьмой пятилетке. С. 148; Северная Осетия за 60 лет автономии. С.106.
123. Северная Осетия за 60 лет автономии. С.105-106; Справоч-

ные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 17.

124. История СССР. Эпоха социализма. М., 1985. С. 437.

125. Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 10.

126. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 103-104.

127. Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 106.

128. Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 46; Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 11.

129. В 1971-1975 гг. документ о среднем образовании получили 7295 выпускников вечерних школ. – Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 103.

130. Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 6.

131. Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 годы С. 7.

132. Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С.47.

ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

3.1. Восстановление и развитие профессиональной школы во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг.

После окончания Великой Отечественной войны Советское государство оказалось перед острейшей кадровой проблемой. Без квалифицированных кадров специалистов, которым был нанесен огромный урон в ходе войны, невозможно было рассчитывать на успешное восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства страны. Поэтому в кратчайшие сроки требовалось не только восстановить довоенный кадровый потенциал через соби́рание и организацию переподготовки имевшихся кадров, но и значительно расширить подготовку новых кадров специалистов. С учетом этих требований, несмотря на значительные финансовые трудности, Советское правительство изыскивало средства на развитие системы высшего и среднего специального образования. Повсеместно восстанавливалась инфраструктура профессиональной школы, создавались десятки новых специальных учебных заведений.

В Северной Осетии восстановление вузов, техникумов и училищ началось практически сразу после завершения боевых действий на территории республики. Постановление бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Совнаркома СОАССР, датированное 22 января – 25 февраля 1943 г., предусматривало комплекс мер по возобновлению деятельности учебных заведений с привлечением ресурсов местных и центральных

органов управления. «В связи с удалением фронта от территории Северо-Осетинской АССР, – подчеркивалось в части постановления от 25 февраля, – и наличием благоприятных перспектив дальнейшего развития промышленности цветных и в особенности редких металлов на Кавказе, и в частности в Северной Осетии, обязать директоров института цветных металлов и горно-металлургического техникума возобновить учебную деятельность»¹.

Руководство республики обратилось в Наркомат цветной металлургии с просьбой организовать реэвакуацию профессорско-преподавательского состава и оборудования института цветных металлов и горно-металлургического техникума и выделить средства на восстановление и содержание института и техникума. Определялись также обязанности руководства учебных заведений и местных органов власти по восстановлению деятельности института и техникума.

Аналогичные решения были приняты и по другим высшим и средним специальным учебным заведениям республики. В частности, руководство Северо-Осетинского медицинского и Горского сельскохозяйственного институтов, основной контингент студентов и преподавателей которых оставался к этому моменту еще в эвакуации в г. Ереван, обязывалось организовать реэвакуацию, провести ремонтные работы, осуществить набор на первые курсы и приступить к занятиям не позднее 1 июля 1943 г.²

Подготовка специалистов с высшим образованием осуществлялась в пяти вузах республики: Северо-Кавказском горно-металлургическом (переименование Института цветных металлов состоялось в 1944 г.), Горском сельскохозяйственном, Северо-Осетинском медицинском, Северо-Осетинском государственном педагогическом и входившем в его состав Учительском институтах. В 1946/1947 учебном году в высших учебных заведениях республики обучалось 4062 человека. Число первых послевоенных выпусков вузов было невелико. Но оно росло с каждым годом. В 1945/1946 учебном году вузы

выпустили 241 человек. В следующем году институты республики направили в различные отрасли народного хозяйства уже 499 человек³.

В 1948 г. в Северо-Кавказском горно-металлургическом институте был произведен один из самых больших с начала открытия института выпусков – на предприятия цветной металлургии страны было направлено 159 квалифицированных специалистов. Одним из важных событий первого послевоенного года было создание электромеханической специальности в институте. В 1950 г. состоялся первый выпуск 29 горных инженеров-электромехаников⁴. Но, несмотря на позитивные сдвиги в подготовке профессиональных кадров, эти цифры совершенно не восполняли реальных потребностей экономики в квалифицированных специалистах.

Решение проблемы квалифицированных кадров находилось в неразрывной связи с укреплением материально-технической и научной базы учебных заведений. В послевоенные годы в вузах республики все начиналось с восстановительных работ. В Северо-Кавказском горно-металлургическом институте к 1948 г. было восстановлено и пополнено оборудование лабораторий и учебных кабинетов, велась работа по улучшению материально-бытовых условий студентов. Построены новые механические мастерские. Они оборудовались новыми станками, машинами и приборами. Благоустраивалась и территория института.

Многое делалось руками самих преподавателей и студентов. На южных и восточных окраинах института убирали огромные отвалы битого кирпича, образовавшиеся в результате разрушения одноэтажных зданий. Между стадионом и нынешней улицей Николаева был разбит парк. Работа была трудная, мужская, но делать ее приходилось в основном девушкам, потому что сразу после окончания войны они составляли подавляющее большинство студентов. Начиная с 1946 г., в связи с массовой демобилизацией из рядов Советской Армии, учебные аудитории вузов стали наполняться студентами в

военной форме. В начале 1947/48 учебного года из 754 студентов Северо-Кавказского горно-металлургического института 196 человек (26% всего контингента обучавшихся) являлись участниками Великой Отечественной войны⁵. Многие фронтовики-выпускники второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. затем успешно работали на предприятиях цветной металлургии и горнодобывающей промышленности в разных регионах страны, занимались преподавательской и научной деятельностью. Среди них – профессора В. Г. Беляев, В. И. Емекеев, Г. В. Хетагуров, доценты Н. И. Бородин, Б. Ф. Маликов и другие⁶.

Северо-Кавказский горно-металлургический институт входил в перечень вузов союзного подчинения. Развитию инфраструктуры института уделялось серьезное внимание. В послевоенные годы он строился как единый комплекс, включавший учебные корпуса и испытательные полигоны, студенческие общежития, стадион, спортивные площадки, зоны отдыха. А начиналось все с небольшого строительства в начале 1950-х гг. Тогда был возведен двухэтажный жилой дом для преподавателей и научных сотрудников института, закончено строительство спортивного зала, реконструирован стадион. В 1955 г. был построен учебный корпус с полезной площадью 3290 квадратных метров. Новое здание соединялось теплым переходом с учебно-лабораторным комплексом, в котором разместились актовый зал на 500 мест, читальный зал, книгохранилище, некоторые кафедры вуза. С вводом в эксплуатацию нового корпуса учебная площадь института увеличилась почти вдвое⁷.

Улучшалась и научно-методическая база института. Большой вклад в совершенствование учебного процесса в послевоенные годы внесли профессора В. Г. Агеенков, С. М. Анисимов, Е. И. Жуковский, И. А. Остроушко, А. Д. Погорелый, доценты М. С. Бакланов, И. В. Борский, С. И. Крохин, Л. Н. Пламеневский, Д. Ф. Пузощатов. В. Н. Федоров и другие. Многие из них являлись организаторами учебных и научных подразделений

института, достойно совмещали педагогическую и научную деятельность.

В 1950-е гг. СКГМИ находился в ряду наиболее динамично развивавшихся учебных заведений не только Северной Осетии, но и всего Северного Кавказа. Свою деятельность институт начинал с подготовки кадров по двум специальностям: горной и металлургической. В 1951 г., через двадцать лет со дня открытия, подготовка в институте велась уже по пяти специальностям. За это время численность преподавательского состава и студентов увеличилась более чем в 5 раз. Профессиональную подготовку 1350 студентов осуществляли 100 профессоров и преподавателей. Выпускники института были востребованы по всей стране. Они работали на Балхашском, Норильском никелевом заводах, Южуралникеле, Дальстрое, преподавали в Ленинградском, Уральском политехническом институтах и т. д.⁸ Восстановительные и реконструктивные процессы происходили и в других институтах республики; медленно, но укреплялась материально-техническая база учебных заведений.

Потребности общественного развития вызывали необходимость не просто теоретической подготовки специалистов. В образовательной политике утверждался утилитарно-прагматический подход к формированию структуры учебного процесса в высшей и средней профессиональной школе, нацеленной на овладение студентами и учащимися навыками практической работы. С учетом новых требований хозяйственного строительства в отмеченные годы велась работа по перестройке учебных планов и программ вузов и средних специальных учебных заведений. Большое внимание стало уделяться производственной практике студентов и учащихся. В зависимости от специфики избранной специальности они обязаны были пройти практический курс обучения на предприятиях или в учреждениях. Производственное обучение включало в себя обслуживание станков, работу на полях, фермах, преподавание в школах и прочее.

Высокая потребность всех отраслей народного хозяйства в специалистах, возрастание значения науки и технического прогресса в экономическом развитии страны вызывали необходимость существенных структурных изменений в высших учебных заведениях. Во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. открываются новые факультеты, расширяется специализация в институтах. В Горском сельскохозяйственном институте в 1951 г. был основан факультет механизации сельского хозяйства; в 1953 г. на базе заочного отделения ГСХИ был создан заочный факультет. В Северо-Кавказском горно-металлургическом институте было открыто четыре факультета: в 1954 г. – заочный факультет, в 1957 г. – горно-геологический факультет, на базе горнорудного факультета, основанного в 1932 г., а также электромеханический и вечерний факультеты. В 1947 г. в Северо-Осетинском педагогическом институте был открыт факультет физического воспитания.

Сразу после окончания войны в образовательной политике государства идея коренизации школьного образования и развития национальной школы еще сохраняла актуальность. Это обстоятельство влияло на развитие высшей школы. В Северной Осетии оно проявлялось в расширении планов подготовки национальных педагогических кадров. В мае 1947 г. бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Совет Министров республики постановили:

«1. Просить Совет Министров Союза ССР:

а) реорганизовать осетинское отделение педагогического института в самостоятельный факультет осетинского языка и литературы с начала 1947/48 учебного года;

б) сохранить стипендию всем успевающим студентам осетинского отделения;

в) освободить студентов педагогического и учительского институтов от платы за обучение и общежитие;

г) разрешить организовать за счет государства бесплатное питание для особо нуждающихся студентов осетинского отделения...».

Одновременно, постановление акцентировало внимание на необходимости совершенствования знания русского языка. Руководство Северо-Осетинского пединститута обязывалось «в целях улучшения дела изучения русского языка студентами, развития их устной и письменной речи практические занятия по русскому языку с нового учебного года организовать по отдельным подгруппам, отвести для этого необходимое количество учебных часов»⁹.

Структурные преобразования в вузовской системе республики обеспечивали условия для расширенной подготовки квалифицированных кадров специалистов. Первые послевоенные годы отмечены значительным ростом планов приема в высшие и средние специальные учебные заведения. Без сомнения, это создавало благоприятные перспективы для выпускников средних школ Северной Осетии, желавших продолжить обучение в высшей и средней профессиональной школе.

Статистические данные о количестве выпускников средних общеобразовательных школ и принятых в высшие и средние специальные учебные заведения республики в начале 1950-х гг. дают интересный материал для анализа своеобразной ситуации, сложившейся в исследуемый период. Так, в 1950 г. средние школы в Северной Осетии, включая школы рабочей и сельской молодежи и школы взрослых, окончили 1205 человек. В том же году прием в вузы, техникумы и другие средние специальные учебные заведения республики составил 3286 человек, в том числе в вузы было принято 1934 человека. В 1955 г. средние школы выпустили 3724 человека, а в высшие и средние специальные учебные заведения республики поступили 4066 человек¹⁰.

Исходя из отмеченного факта, можно заключить, что любой гражданин со средним образованием (вчерашний выпускник школы, бывший фронтовик и др.) формально имел возможность поступить в вуз или техникум и тем самым приобрести квалификацию специалиста. При этом уровень подготовленности абитуриентов, способность к усвоению учебной про-

граммы высшей и средней профессиональной школы в данной ситуации могли учитываться приемной комиссией в последнюю очередь. Конечно, в реальной жизни перед абитуриентом возникало множество преград, которые нередко оказывались непреодолимым препятствием в достижении желаемой цели. Пожалуй, самыми сложными могли оказаться проблемы материального порядка: бедность, необходимость платить за обучение, отсутствие жилья. Но шанс сохранялся.

В 1951/52 учебном году из 1339 студентов Горно-металлургического института, нуждавшихся в жилье, общежитием были обеспечены 800 человек, остальные, почти все снимали квартиры в частных домах, порой испытывая большие материальные затруднения. В 1957/58 учебном году из 1528 студентов этого института только 575 жили в общежитии. В других учебных заведениях республики ситуация с жильем была еще сложнее¹¹. В первые послевоенные годы контингент Северо-Осетинского медицинского института формировался в основном из городской молодежи. Выпускникам сельских школ доступ к медицинскому образованию был ограничен не только в связи с проблемой успешного прохождения вступительных испытаний (уровень знаний сельских школьников, особенно по предметам естественно-технического цикла, был традиционно ниже, чем городских), но и из-за отсутствия студенческого общежития.

Острота жилищной проблемы для иногородних студентов заставляла руководство республики предпринимать определенные шаги в этом направлении. В ноябре 1945 г. бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) обязало председателя Орджоникидзевского горисполкома выделить медицинскому институту здание для организации студенческого общежития на 50 мест. Можно представить, насколько незначительной была эта цифра, если учесть, что в 1946/47 учебном году по информации Уполномоченного Госплана СССР по Северо-Осетинской АССР о сети вузов и техникумов в Северо-Осетинском медицинском институте обучалось 1260 студентов¹².

Не менее острую нужду в жилье испытывал преподавательский корпус вуза. Для многих преподавателей, приглашенных после войны работать в СОГМИ, под жилплощадь выделялись учебные аудитории. Чтобы, хотя бы отчасти смягчить проблему, бюро обкома ВКП (б) обратилось в ноябре 1945 г. непосредственно к заместителю председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. Н. Косыгину с просьбой распорядиться об отпуске институту десяти стандартных одноэтажных домов¹³.

Определенные шаги в решении жилищно-бытовых, финансовых проблем предпринимались и по другим учебным заведениям. В январе 1945 г. обком ВКП (б) обратился в СНК СССР с просьбой установить стипендию для студентов осетинского отделения пединститута и историко-филологического отделения Учительского института на 100 рублей в месяц больше, чем на остальных факультетах и отделениях институтов. В апреле 1945 г. были установлены стипендии в размере 130 рублей в месяц учащимся подготовительных курсов Горского сельскохозяйственного института¹⁴.

Предпринимаемые меры преследовали в данном случае двоякую цель. Во-первых, решалась конкретная задача подготовки квалифицированных кадров педагогов и сельскохозяйственных работников. Во-вторых, выпускников сельских школ, составлявших, как правило, большинство абитуриентов осетинского отделения Северо-Осетинского государственного педагогического института и Горского сельскохозяйственного института, мотивировали тем самым к поступлению в институты. Предполагалось, что после завершения обучения, молодые специалисты вернутся на работу в колхозы, совхозы, сельские школы и другие учреждения в сельской местности.

В отмеченные годы в системе высшего и среднего специального образования страны все большее место занимает сеть заочных учебных заведений. В послевоенный период в сфере высшей и средней профессиональной школы Северной Осетии

расширяется практика заочной подготовки профессиональных кадров специалистов. В 1946/47 учебном году заочной формой обучения были охвачены 1789 человек. Подавляющее большинство из них – 1420 человек являлись студентами педагогического и учительского институтов, остальные учились в педагогическом училище. В следующем учебном году в связи с расширением контингента студентов, принятых на дневное отделение, количество заочников сократилось до 1532 человек. Одновременно в этом году открылось заочное отделение в Горском сельскохозяйственном институте. Первый набор составил 115 человек¹⁵. На первоначальном этапе студентов-заочников в ГСХИ готовили по двум специальностям – агрономии и зоотехнике. В 1955 г. заочное отделение открылось на факультете механизации сельского хозяйства. В последующие годы в орбиту заочного обучения включались вновь создаваемые факультеты в отмеченных вузах, а также другие учебные заведения Северной Осетии. Заочная форма обучения действовала во всех институтах республики, за исключением медицинского, где введение ее было признано нецелесообразным в связи со спецификой подготовки профессиональных медицинских кадров.

В целом в условиях острой нехватки квалифицированных кадров расширение заочной формы обучения благоприятствовало деятельности вузов в подготовке специалистов для различных отраслей народного хозяйства страны без отрыва от производства. Доля заочного обучения значительно выросла за послевоенное десятилетие. Так, если с 1945/46 по 1956/57 учебные годы численность всех студентов в вузах республики увеличилась с 4334 до 8648 человек (в 1,9 раза), то количество студентов, обучавшихся на заочных факультетах и отделениях вузов, поднялось с 1057 до 3184 человек, т.е. более чем в 3 раза. Впечатляющим был рост удельного веса заочников в общей массе студентов. За отмеченный период он увеличился с 24,4 до 36,8%¹⁶.

Во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг.

расширяется сеть средних специальных учебных заведений. В 1946 г. был открыт элеваторный техникум в г. Моздоке. В октябре 1947 г. в Орджоникидзе (г. Дзауджикау) на базе музыкальной школы и народной консерватории, действовавших с 1920 г., было открыто Музыкальное училище. Всего на территории республики работали 13 техникумов и училищ. Причем только два из них – элеваторный в Моздоке и сельскохозяйственный в селении Назрань Коста-Хетагуровского района – располагались за пределами столицы республики. Последний в 1957 г. в составе Коста-Хетагуровского района был передан восстановленной Чечено-Ингушской АССР. Четыре техникума в перечне средних специальных учебных заведений Северной Осетии – нефтяной, горно-металлургический, железнодорожного транспорта и элеваторный, являлись учебными заведениями союзного подчинения¹⁷.

Численность учащихся в средних специальных учебных заведениях росла с каждым годом. С 1945/46 по 1957/58 учебные годы контингент учащихся техникумов и училищ вырос с 4454 до 7151 человек, т. е. в 1,6 раза. Немногим выше (1,7 раза) этот показатель был с учетом четырех военных лет. При этом опережающий рост, обусловленный потребностями современного производства, наблюдался по учебным заведениям, ориентированным на производственную сферу деятельности. Так, в индустриальной группе техникумов Северной Осетии с 1946/47 по 1957/58 учебные годы число учащихся увеличилось в три раза¹⁸. На базе средних специальных учебных заведений существовала заочная форма обучения, хотя она не получила такого распространения, как в сфере высшей школы. Так, в 1945/46 учебном году в техникумах и училищах республики обучалось 314 заочников, что составляло 7,0% от всего контингента учащихся. В 1956/57 учебном году в них насчитывалось 486 заочников (6,6%). В 1957/58 учебном году число заочников выросло до 846 человек, соответственно доля их в общей массе учащихся поднялась до 11,8%¹⁹.

Важным направлением в деятельности высших и средних специальных учебных заведений являлось идеологическое и политическое образование и воспитание молодежи. Деятельность высших и средних специальных учебных заведений, призванных формировать «грамотных советских специалистов», что подразумевало не только профессиональную подготовку, но и идейно-политическое воспитание, постоянно контролировалась партийными органами республики.

Особая роль в идеологическом и политическом воспитании студентов и учащихся отводилась общественным наукам, что объясняло повышенные требования партийных органов к преподаванию обществоведческих дисциплин в послевоенный период. В постановлении бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) «О мерах по улучшению преподавания общественных наук в высших учебных заведениях республики» от 10 января 1952 г. отмечалось: «необходимо добиться значительного улучшения преподавания общественных наук в вузах с тем, чтобы обеспечить прочное усвоение студентами основных положений марксистско-ленинской теории, научить молодых специалистов руководствоваться этими положениями в практической работе, воспитывать в них правильный марксистско-ленинский подход к явлениям и событиям общественной жизни...»²⁰. Постановление бюро Северо-Осетинского обкома партии конкретизировало пункты постановлений ЦК ВКП (б) «О мерах по устранению недостатков в подготовке и переподготовке кадров преподавателей основ марксизма-ленинизма, политической экономии и философии высших учебных заведений» (16 июня 1949 г.), «О мерах по улучшению преподавания общественных наук в высших учебных заведениях» (6 августа 1951 г.) и др.²¹ по данному вопросу применительно к местным условиям. Акцент был сделан на разработке соответствующей методики преподавания общественных наук, успех которой связывался с индивидуальным составом преподавательских кадров. Ужесточались правила отбора преподавателей по обществоведческим

дисциплинам. Они акцентировали внимание на теоретической подготовленности специалистов в духе марксистской идеологии. Отдел школ и вузов обкома ВКП (б), Дзауджикауский горком и руководители высших учебных заведений обязаны были контролировать деятельность преподавателей общественных наук и освобождать от работы тех, кто не отвечал «требованиям высшей школы по своим политическим и деловым качествам»²².

В обязанности партийного руководства республики входил тщательный отбор преподавателей кафедр общественных наук. Кандидатуры заведующих кафедрами и преподавателей общественных наук рассматривались и утверждались на заседании бюро обкома КПСС²³. Такую же систему отбора проходили выпускники вузов, направлявшиеся в аспирантуру по общественным дисциплинам.

Таким образом, в послевоенное десятилетие в системе высшего и среднего специального образования Северной Осетии произошли значительные структурные изменения. В вузах республики были открыты новые факультеты, расширилась их специализация, существенно вырос контингент обучающихся. В отмеченные годы численность студентов в высших учебных заведениях республики почти удвоилась. Расширилась сеть средних специальных учебных заведений. Количество учащихся техникумов и училищ выросло более чем в полтора раза. Наблюдался позитивный рост профессионального и квалификационного уровня преподавателей и научных работников. Вместе с тем, усилилась партийно-государственная регламентация жизни высшей и средней профессиональной школы. Наиболее ярко данная тенденция проявилась в усилении практики идеологического ориентирования исторической и других общественных наук.

3.2. Региональная политика в сфере подготовки национальных кадров в послевоенное десятилетие

После окончания Великой Отечественной войны важнейшим направлением образовательной политики в сфере подготовки профессиональных кадров специалистов для отраслей народного хозяйства и учреждений культуры, стало активное вовлечение в образовательный процесс представителей коренных национальностей всех регионов страны. Решение поставленной задачи обеспечивалось через разработку системы льгот для представителей титульных национальностей при формировании контингента студентов вузов и техникумов. В частности при приеме в высшие и средние профессиональные учебные заведения в автономиях Северного Кавказа, в том числе и в Северной Осетии, при прочих равных условиях предпочтительное право зачисления получали представители коренных народов.

Следует отметить при этом, что стартовые возможности автономных республик Северного Кавказа были неравны из-за сложившейся еще в 1920-е – 1930-е гг. структурно-территориальной диспропорции в размещении высших учебных заведений. Так, если в Дагестане и Северной Осетии насчитывалось по пять вузов, то в Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии система высшего образования была представлена только педагогическими институтами. В первое послевоенное десятилетие каких-либо количественных приращений в вузовской системе региона практически не произошло. Поэтому по количественным показателям подготовки национальных профессиональных кадров в системе высшей школы и удельному весу специалистов с высшим образованием в социальной структуре общества первые две республики превалировали над другими северокавказскими автономиями.

Стремясь преодолеть сложившуюся диспропорцию в подготовке квалифицированных кадров для народного хозяйства, партийное руководство Кабардинской АССР в июле 1956 г. направило в ЦК КПСС на имя Н. С. Хрущева письмо, в котором обосновывалась необходимость преобразования Кабардинского педагогического института, единственного на тот момент вуза в республике, в университет. В письме отмечалось, что в Кабардинской АССР обучение в школах до 7-го класса ведется на родном языке, в результате чего выпускники плохо владеют русским языком, и лишь незначительная часть из них поступает в вузы (кроме тех, кого принимают по целевым направлениям). «Кабардинская АССР, – не без основания писал секретарь Кабардинского обкома КПСС В. Бабич, – имеет кабардинцев-инженеров 20, врачей – 21, агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей и механизаторов с высшим образованием – 23. Тогда как Северо-Осетинская АССР имеет таких специалистов из числа осетин в 15-20 раз больше»²⁴.

Действительно, на протяжении одиннадцати послевоенных лет, с 1945/46 по 1956/57 учебные годы численность осетин среди студентов высших и средних специальных учебных заведений Северной Осетии выросла с 2043 до 3891 человека, то есть в 1,9 раза. При этом традиционно в вузах темпы роста представителей коренной национальности были выше, чем в техникумах и других средних специальных учебных заведениях. В абсолютных показателях численность осетин в вузах республики в 1956/57 учебном году составляла 2482 человек, что было в 2 раза больше, чем в 1945/46 учебном году. За это время удельный вес осетинской молодежи среди студентов высших учебных заведений республики увеличился с 28,0 до 28,7%. В техникумах и училищах в 1956/57 учебном году обучалось 1409 осетин – в 1,7 раза больше, чем в 1945/46 учебном году. Их доля среди учащихся выросла с 18,5 до 19,3%²⁵.

Среди северокавказских республик только в Дагестанской АССР показатели подготовки национальных профессиональных кадров высшей и средней квалификации были выше. Доля студентов из местных народностей Дагестана в вузах республики в 1948 г. составляла почти 35%. Особенно высок был удельный вес коренного населения в учебных заведениях педагогического профиля. В 1957 г., также как и Кабардино-Балкарский, Дагестанский пединститут был преобразован в университет. К этому времени институт выпустил около 4 тыс. учителей, из которых 2,5 тыс. являлись представителями коренных национальностей²⁶.

Движение шло как в направлении обеспечения некоторых льгот для национальной молодежи при организации приемных экзаменов, так и расширения количества мест в вузах, предназначенных непосредственно для нее. В 1956 г. Дагестанский обком КПСС обратился в соответствующие союзные министерства с просьбой разрешить увеличить прием в вузы республики за счет коренных национальностей. Руководство республики мотивировало просьбу тем, что молодые специалисты, приехавшие по распределению из других регионов страны, в силу специфики горных условий, незнания языка, обычаев и традиций местных народов, не закреплялись на новом месте и уезжали назад (Подобная ситуация была характерна для всех горных районов северокавказских республик – И. Ц.).

Чтобы решить проблему оттока кадров, предлагалось выделить дополнительные места для поступления представителям коренных национальностей в медицинский, в педагогический и сельскохозяйственный институты республики. Рассмотрев просьбу руководства Дагестанской АССР центральные органы власти признали целесообразным отчасти удовлетворить эту просьбу. Так, Министерство здравоохранения СССР поддержало 25 из 100 запрашиваемых мест для медицинского института, Министерство просвещения – 75 из 150 для педагогического института. Министерство сельского

хозяйства СССР выступило против расширения контингента принимаемых в сельскохозяйственный институт, сославшись на то, что выпускники Дагестанского, а также других аналогичных вузов Северного Кавказа (имелись в виду Ставропольский и Горский сельскохозяйственные институты – И. Ц.) покрывали дефицит специалистов сельскохозяйственного профиля²⁷.

Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. государственная образовательная политика в сфере подготовки национальных кадров квалифицированных специалистов создавала реальные возможности для восстановления традиционных связей, сложившихся еще в довоенные годы между республиками и областями Северного Кавказа и ведущими научными и учебными центрами страны.

Как известно, в 1930-е гг. около сотни юношей и девушек из Северной Осетии ежегодно отправлялись на учебу в вузы и техникумы Москвы, Ленинграда, Ростова. Однако после войны осетины практически лишились этой возможности. Главная причина состояла в том, что большинство абитуриентов проваливалось на вступительных экзаменах. Экзамен по русскому языку был одним из главных «непроходных» испытаний. Именно это обстоятельство заставило секретаря Северо-Осетинского обкома ВКП (б) К. Кулова обратиться 30 декабря 1948 г. в Центральный Комитет с просьбой «сделать Министерству Вооруженных Сил указания пересмотреть существующий порядок приема в Кавказское Суворовское училище мальчиков нерусской национальности, разрешив им сдавать вступительный экзамен по русскому языку по действующей программе нерусских школ»²⁸. К тому времени в училище обучались 450 мальчиков, в том числе 18 осетин, 14 армян, 11 грузин, 1 азербайджанец. Остальные кавказские народы вообще не были представлены²⁹.

Но даже в том случае, если абитуриентам Северной Осетии, впрочем, также как и молодым людям из других национальных регионов страны, удавалось благополучно выдержать

вступительные экзамены в учебные заведения ведущих научно-образовательных центров страны, перед ними вставала не менее сложная проблема – отсутствие жилья.

Неудивительно, что руководство регионов, отправляя молодежь в центральные вузы страны, постоянно держало в поле зрения этот вопрос. В ноябре 1949 г. руководители Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Совета Министров СОАССР обратились в ЦК ВКП (б) с письмом, в котором просили распространить льготы, предоставляемые молодежи других национальностей при поступлении в столичные высшие учебные заведения на Северную Осетию, а именно принимать ежегодно, начиная с 1950-1951 учебного года, в вузы Москвы и Ленинграда вне общего конкурса определенное количество осетин и, что было особенно важно, обеспечивать будущих студентов общежитием³⁰.

В июне 1952 г. на имя секретаря ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкова было направлено очередное письмо, подписанное секретарем Северо-Осетинского обкома ВКП (б) К. Куловым и председателем Совета Министров республики Д. Баскаевым. Оно содержало просьбу обязать Министерство высшего образования СССР дать указание о приеме на льготных условиях в вузы Москвы и Ленинграда семьдесят осетин. Руководители республики апеллировали при этом к приказу Министерства высшего образования СССР, который устанавливал льготный порядок приема экзаменов для представителей коренных национальностей регионов страны. В соответствии с этим приказом «в 1950 и 1951 гг. более 80 осетин, окончивших средние школы Северной Осетии, сумели поступить в лучшие вузы страны и получить квалификацию по тем отраслям знаний, по которым не готовили специалистов местные вузы». «Учитывая большое значение этого мероприятия для народного хозяйства и культуры республики, – отмечалось в письме, – обком ВКП (б) и Совет Министров Северо-Осетинской АССР просят разрешить провести вступительные экзамены для осетин, поступающих в вузы Москвы и Ленингра-

да, при Северо-Кавказском горно-металлургическом институте в г. Дзауджикау.

Обязать Министерство высшего образования обеспечить общежитием при соответствующих вузах всех принятых в вышеуказанном порядке абитуриентов-осетин»³¹.

Просьба руководства Северо-Осетинской АССР, также как и аналогичные обращения руководителей других национальных автономий Северного Кавказа, была поддержана высшим партийным органом. В соответствии с распоряжением ЦК ВКП (б) Министерство высшего образования СССР решило вопрос положительно, и на 1952/53 учебный год для республики были выделены семьдесят внеконкурсных мест в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда. Из них Ленинградский государственный университет предоставил восемь мест. Остальные заявки были распределены по вузам Москвы. Московский государственный университет обязан был выделить десять целевых мест. Московское высшее техническое училище им. Баумана, Энергетический, Инженерно-строительный, Электромеханический институты и Институт механизации и электрификации сельского хозяйства выделили по пять мест. Нефтяной институт – восемь мест. Институт инженеров коммунального строительства, Институт землеустройства, а также Лесотехнический, Гидромелиоративный – по три места; Экономико-статистический и Финансово-экономический институты – по два. В Литературном институте Союза писателей СССР для осетинской молодежи было предоставлено три целевых места³².

Благодаря действию целевой программы подготовки квалифицированных кадров специалистов в 1950-е гг. десятки молодых людей из Северной Осетии, также как и других национальных регионов Советского Союза, получили возможность поступать на внеконкурсной основе в ведущие вузы Москвы, Ленинграда и других городов и приобретать специальности, востребованные в различных отраслях народного хозяйства страны. На льготных условиях осуществлялась подготовка

кадров и для учреждений культуры республики. К примеру, Министерство культуры РСФСР обеспечивало внеконкурсный прием представителей коренной национальности в музыкальные вузы Российской Федерации. Специалисты высшей квалификации в области музыкального искусства (композиторы, музыканты-исполнители, музыковеды, педагоги музыкальных училищ и школ и т. д.) готовились в консерваториях Тбилиси, Баку, Еревана³³.

Преимущества учебы в ведущих вузах страны были налицо. Они обеспечивала не только высокий образовательный, профессиональный и культурный уровень выпускаемых специалистов. Диплом престижного учебного заведения давал определенные преференции при продвижении по социальной лестнице и служил важным подспорьем в карьерном росте молодого человека. Поэтому неудивительно, что негласно преимущественное право льготного поступления в вузы обычно получали дети национальной партийной и советской номенклатуры.

В 1958 г. для республик и областей Северного Кавказа было выделено 274 места. Из них на долю Северной Осетии пришлось 15 мест. Они обеспечивали осетинам право внеконкурсного поступления в центральные вузы страны. По плану следующего года намечалось выделить для северокавказских национальных автономий еще 270 внеконкурсных мест. В списке «льготников» значились и все остальные национально-автономные образования СССР. В частности в отмеченном году для Юго-Осетинской автономной области в ведущих вузах страны было выделено 12 мест³⁴.

Сложившаяся внеконкурсная практика приема в ведущие вузы страны формировала благоприятную социальную перспективу, проявлявшуюся в количественном росте и качестве подготовки профессиональных кадров специалистов, в том числе научных и педагогических кадров для научных учреждений и учебных заведений республик Северного Кавказа. Со временем по мере расширения структуры высших учебных за-

ведений, открытия новых специализаций и увеличения планов приема в местные вузы число запрашиваемых для представителей национальной молодежи внеконкурсных мест в центральных вузах страны сокращалось.

В августе 1959 г. в Отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР состоялось совещание секретарей по идеологии обкомов КПСС автономных республик и областей РСФСР. Обсуждались вопросы организационно-пропагандистской работы в национальных регионах. На совещании от Северной Осетии присутствовал секретарь обкома КПСС Б. Е. Кабалоев. В своем выступлении, затронув вопрос о внеконкурсном приеме осетин в центральные вузы, он заявил: «...для Осетии такой необходимости нет. Нам дают десять – пятнадцать человек внеконкурсников, а сами мы из Осетии осетин и русских отправляем на работу в Курскую область, на Север, на Восток. Из-за этих десяти – пятнадцати человек шум создаем. Ребята осетины и русские учатся одинаково, а потом говорим им, осетин может пойти вне конкурса, а не осетин не может. Нам за исключением консерватории и кино в общие вузы нет необходимости посылать вне конкурса, и в будущем году мы от этого откажемся»³⁵.

Заявление одного из руководителей республики, несмотря на определенную переоценку ситуации с подготовкой кадров, все же нельзя назвать голословным. Сложившаяся к этому времени система высшего образования в республике действительно достаточно эффективно обеспечивала потребности не только своей республики, но и других регионов страны в кадрах специалистов по многим направлениям профессиональной деятельности, равно включая и гуманитарные, и технические специальности. Выпускники вузов Северной Осетии были востребованы в различных отраслях народного хозяйства и культуры северокавказских республик, а также многих других районов страны.

Одной из важнейших проблем послевоенного периода являлась подготовка профессиональных научных и педагогиче-

ских кадров. С целью решения этой задачи после войны были возобновлены аспирантуры в вузах и НИИ Северной Осетии. Подготовка аспирантов осуществлялась и за пределами республики. К примеру, в ноябре 1944 г. Президиум Академии наук СССР выделил для Северной Осетии 15 вакансий в аспирантуру (в том числе 8 в докторантуру) институтов Академии наук. Совнарком СОАССР получил право выбирать специальности, по которым должна была осуществляться подготовка научных кадров. В дополнение к аспирантуре в центральных научно-исследовательских учреждениях Академии наук предполагалась организация научной помощи и консультаций. Однако воспользоваться этими возможностями удавалось крайне редко, поскольку Академия наук не располагала общежитиями и гостиницами для командированных научных сотрудников³⁶.

В целом, в послевоенные годы наблюдается абсолютный рост численности представителей коренной национальности, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения, как в самой республике, так и за ее пределами. Создание системы льгот и поощрений в области подготовки профессиональных кадров из осетин способствовало повышению их доли среди специалистов высшей и средней квалификации.

В конечном итоге, формирование кадров инженерно-технических работников, научных и творческих деятелей из представителей коренной национальности обеспечивало создание исключительно лояльного по отношению к советской власти интеллектуального, профессионального слоя общества, составлявшего устойчивую социальную базу для проведения государственной социально-экономической и культурной политики в национальных автономиях в последующие десятилетия.

3.3. Реформирование высшей и средней профессиональной школы в условиях развертывания научно- технической революции

Развертывание научно-технической революции со второй половины 1950-х гг. явилось важнейшим фактором расширения и совершенствования системы высшего и среднего специального образования в Советском Союзе. Растущие потребности всех отраслей экономики, социальной и культурной сферы в квалифицированных кадрах специалистов обуславливали пристальное внимание к организации профессиональной школы со стороны советского государства, которое отводило системе образования решающую роль в осуществлении планов социалистического строительства.

В августе 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием». Необходимость улучшения качества подготовки специалистов на основе изучения ими последних достижений отечественной и зарубежной науки и техники, передового опыта производства была подчеркнута XX съездом КПСС в феврале 1956 г. Министерством и ведомствам поручалось разработать и представить данные о потребности каждого экономического района и союзной республики в специалистах высшей квалификации. Подготовленные расчеты легли в основу планов строительства новых учебных заведений, их географического размещения. Были предусмотрены также структурные изменения в организации вузов.

Общесоюзные установки распространялись и на деятельность вузов и средних специальных учебных заведений Северной Осетии, которые должны были обеспечивать потребности промышленности, строительной сферы, сельского хозяйства,

учреждений культуры и других отраслей народного хозяйства в квалифицированных кадрах не только в пределах своей республики, но и соседних республик и всей страны. С учетом этих требований принимались меры к укреплению материально-технической и научной инфраструктуры учебных заведений. Строительство новых учебных помещений, студенческих общежитий, подготовка преподавательских кадров, совершенствование методики преподавания учебных дисциплин способствовали улучшению деятельности высших и средних специальных учебных заведений.

При этом во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. каких-либо существенных изменений в территориальной структуре высшего образования Северной Осетии не произошло. Состоялось лишь закрытие Учительского института, который с довоенного времени действовал на базе Северо-Осетинского пединститута и занимался на протяжении более десяти послевоенных лет ускоренной подготовкой педагогических кадров для общеобразовательных школ республики. Помимо Северо-Осетинского государственного педагогического института в республике по-прежнему работали Горский сельскохозяйственный, Северо-Кавказский горно-металлургический и Северо-Осетинский государственный медицинский институт. Все четыре вуза располагались в столице республики – городе Орджоникидзе.

На протяжении рассматриваемого времени число обучающихся в вузах Северной Осетии студентов постоянно росло. С 1956/57 по 1965/66 учебный год контингент студентов увеличился с 8648 до 15 791 человек, т. е. в 1,8 раза. Промежуточным моментом был 1960/61 учебный год, когда количество обучающихся в высших учебных заведениях было несколько ниже показателя 1956/57 учебного года и составляло 8420 человек. Однако в течение пяти лет, с 1960 по 1965 г. численность студентов в вузах республики выросла почти в два раза. В значительной мере наблюдавшиеся во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. количественные и структурные изменения

в составе студенчества были связаны с ростом удельного веса вечерней и заочной формы обучения в подготовке квалифицированных специалистов. Численность «вечерников» и «заочников» росла опережающими темпами. Так, если в целом за 1961-1966 гг. общий прирост студентов составил 187,5%, то на дневных отделениях он равнялся 152,2%, а на вечерних и заочных отделениях соответственно – 298,3 и 233,0%³⁷.

Актуализация этих форм обучения в системе высшего образования выражалась, в первую очередь, в ежегодном увеличении контингента принятых на заочные и вечерние отделения институтов. Данная тенденция довольно ярко иллюстрируется цифрами. Так, если в 1956/57 учебном году на заочные отделения вузов (вечерние отделения еще не были открыты – И. Ц.) было принято 409 человек, что составило 30,1% всего набора, то в 1960/61 учебном году численность заочников среди первокурсников выросла до 896 человек (42,3%). На вечерние отделения вузов республики было принято 75 человек (3,5%)³⁸. В 1963 г. студенты-первокурсники распределились по формам обучения следующим образом: дневники – 44,1%, заочники – 49,2% и вечерники – 6,6%³⁹. В 1965/66 учебном году из 15791 студентов вузов Северной Осетии на вечерних и заочных отделениях обучались 8197 человек, т.е. 51,9%⁴⁰.

Отмеченная тенденция прослеживалась на протяжении конца 1950-х – начала 1960-х гг. Она характеризовала общее направление государственной образовательной политики, делавшей упор на вечернюю и заочную формы подготовки кадров специалистов как высшей, так и средней квалификации для отраслей народного хозяйства. Быстрые темпы расширения вечерних и заочных отделений учебных заведений были определены Положением о заочном и вечернем обучении. Это положение предусматривало обязательное участие студентов в общественном производстве, что давало возможность без ущемления действующей части трудовых ресурсов повышать квалификацию специалистов, занятых в наиболее важных с точки зрения государства отраслях экономики.

Таким образом, развивая заочную и вечернюю формы обучения, государство преследовало двойную цель. Реализуя образовательную политику в сфере профессиональной школы, оно с одной стороны, удерживало на быстро растущем общественном производстве необходимую рабочую силу, а с другой, – пыталось решать задачу подготовки кадров специалистов высшей и средней квалификации в соответствии с требованиями научно-технического прогресса. Не менее значимым был социально-классовый аспект проблемы. Выходцы из среды рабочих и колхозников получали реальную возможность повысить свой образовательный и квалификационный уровень без отрыва от производства, приобрести новый социальный статус, дававший при определенных условиях возможность продвигаться по социальной лестнице.

Но при оценке результативности вечерней и заочной формы обучения следует учитывать, что в организации учебного процесса, строившегося на новых принципах, имелись существенные недостатки, влиявшие на уровень подготовки кадров специалистов. Среди факторов негативно сказывавшихся на квалификационном уровне выпускников вечерних и заочных отделений были причины объективного характера (преподавание лекционных курсов и практических занятий по сокращенному варианту, отсутствие системности в овладении знаниями, нехватка времени на подготовку к занятиям из-за занятости на производстве и др.). Личностная мотивация при выборе специальности, а также способности к усвоению учебно-производственной программы также зачастую могли негативно влиять на квалификационный уровень выпускников вечерних и заочных отделений институтов. В результате, общественное производство оказывалось перед реальной угрозой притока специалистов, не имевших должной профессиональной подготовки, что противоречило запросам современного общественного развития.

Тем не менее, несмотря на отмеченные недостатки и издержки в функционировании вечерних и заочных отделений

вузов, они заметно восполняли потребности промышленных и строительных предприятия, колхозов и совхозов, сферы обслуживания и учреждений культуры в квалифицированных кадрах. С 1959 по 1965 гг. высшие учебные заведения Северной Осетии выпустили 9795 дипломированных специалистов, из них вечерние и заочные отделения окончили 3085 человек, что составляло почти треть всех молодых специалистов высшей квалификации – выпускников вузов республики, направленных в различные отрасли народного хозяйства страны⁴¹.

Отличительной особенностью государственной политики в сфере высшего и среднего профессионального образования во второй половине 1950-х – 1960-е гг. являлось повышение внимания к развитию научно-технических направлений знания. Ориентация экономики страны на приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности способствовала технократизации интеллектуального слоя. В рассматриваемые годы перекос в сторону технического знания, расширение специализации в области естественно-технических наук стали особенно заметны. Эти процессы нашли отражение и на региональном уровне, в частности в системе высшего образования Северной Осетии, внося определенные коррективы в организацию сферы высшей школы, в которой традиционно высоким был уровень развития гуманитарных дисциплин.

Анализ соотношения удельного веса выпускников вузов по отдельным группам специальностей позволяет выявить основные тенденции в развитии системы высшего образования в Северной Осетии в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг.

В качестве иллюстрации рассмотрим данные о выпуске специалистов высшими учебными заведениями за 1960 и 1965 гг. В 1960 г. вузы Северной Осетии выпустили для отраслей народного хозяйства более 1600 молодых специалистов по разным направлениям: инженерно-строительным – 332 человека (20,7% всех выпускников), сельскохозяйственным 331 (20,6%), медицинским – 181 (11,3%) и педагогическим – 760 (47,4%). Через пять лет народное хозяйство получило 1514

специалистов с дипломом о высшем образовании, в том числе 399 (26,3%) инженеров и строителей, 359 (23,7%) сельскохозяйственных работников, 216 (14,3%) врачей и 540 (35,7%) педагогов⁴². Как видно из приведенных данных, налицо был абсолютный рост численности выпускников по техническим, сельскохозяйственным и медицинским специальностям. Одновременно, сократилось число выпускников по педагогическим специальностям.

Государственная политика поддержки и поощрения молодежи к получению технического образования формировалась в соответствии с потребностями растущего народно-хозяйственного комплекса. Подготовка по инженерно-техническим специальностям в Северной Осетии осуществлялась, прежде всего, на базе Северо-Кавказского горно-металлургического института. Специалистов технического профиля среднего звена готовили в техникумах и училищах индустриальной группы (горно-металлургическом, элеваторном, механико-технологическом, железнодорожном и др.).

Престиж учебных заведений, готовивших кадры по инженерно-техническим специальностям, в североосетинском обществе рос по мере усиления внимания к ним со стороны государства. Внимание «центра», в том числе республиканских органов власти, к расширению их деятельности стало особенно отчетливо оформляться с конца 1950-х гг. С 1958/59 по 1965/66 учебные годы численность студентов СКГМИ выросла в 2,3 раза, с 2234 до 5069 человек. При этом основная доля прироста приходилась на вечернюю и заочную формы обучения. Так, если количество «вечерников» и «заочников» за указанный период увеличилось в 4,2 раза, то число обучавшихся на дневном отделении – лишь в 1,5 раза. Удельный вес студентов вечернего и заочного отделений за эти же годы поднялся с 28,8 до 35,7%⁴³. Количественный рост студентов СКГМИ происходил не только за счет расширения старых факультетов, но, прежде всего, в результате открытия новых учебных подразделений.

Середина 1950-х – 1960-х гг. являются важным периодом в

структурно-организационном росте Горно-металлургического института. В отмеченные годы были открыты два отделения: в 1954 г. – заочное и в 1957 г. – вечернее, а также четыре факультета: в 1957 г. – горно-геологический (основан на базе горнорудного факультета) и электромеханический; в 1961 г. – строительный и в 1964 г. – факультет электронной техники. Таким образом, к середине 1960-х гг. была сформирована структура СКГМИ, которая сохранялась практически в неизменном виде на протяжении более двух десятилетий⁴⁴.

Факультеты института с каждым годом наращивали выпуск специалистов для народного хозяйства всех регионов страны. Подготовка осуществлялась по тринадцати инженерным специальностям. В 1961-1966 гг. на промышленные предприятия и в строительные организации страны было направлено 2037 горняков, техников, металлургов, строителей и т. д.⁴⁵ Выпускники вуза работали на Садонском свинцово-цинковом комбинате, заводе «Электроцинк». Они направлялись также на Норильский никелевый, Алмалыкский горно-металлургический комбинат, Челябинский цинковый, Саянский, Братский алюминиевые заводы и другие предприятия цветной и горнодобывающей промышленности Советского Союза.

Большое внимание уделялось развитию научного творчества учащейся молодежи. В 1964 г. в институте было создано студенческое конструкторское бюро. Здесь были спроектированы семь планетарных редукторов для завода «Электроцинк», созданы различные приборы и устройства, предназначенные для усовершенствования технологических циклов на предприятии. Многие из них были признаны достаточно эффективными в процессе освоения и были рекомендованы для внедрения на предприятиях страны⁴⁶.

Развитию технического творчества студентов способствовало укрепление материально-технической базы института, оснащение аудиторий современной аппаратурой, техническими средствами обучения. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. были построены новые учебные корпуса, в которых

разместились лекционные аудитории, учебные кабинеты, кафедры, книгохранилище. В 1962 г. учебная площадь института достигла почти 15 тысяч квадратных метров. Во второй половине 1960-х гг. завершилось строительство здания учебно-производственных мастерских. К аудиторному корпусу была сделана пристройка, в которой впоследствии разместился вычислительный центр института.

С ростом численности студентов и преподавательского состава учебного заведения росли проблемы, связанные с необходимостью расширения и совершенствования жилищно-бытовой сферы института. В 1958 г. было сдано в эксплуатацию здание студенческого общежития на 450 мест. В 1967 г. возведено еще одно здание общежития на 515 мест⁴⁷. Принимаемые меры отчасти смягчали жилищную проблему. Но имевшаяся материальная база института все-таки не поспевала за растущими потребностями вуза.

Оценивая, в общем, деятельность Северо-Кавказского горно-металлургического института в середине 1950-х – 1960-х гг., следует подчеркнуть динамичный характер его развития. Технократизация общественного развития определила превалирование технической специализации в системе высшего образования в отмеченный период и благотворно сказалась на судьбе института.

Динамично развивался и Горский сельскохозяйственный институт, подготовивший квалифицированные кадры специалистов для сельскохозяйственного производства. Здесь также рос контингент студентов. В 1965/66 учебном году он составил 4194 человек, что было в 1,9 раза больше, чем в 1958/59 учебном году. Отличительной чертой данного учебного заведения являлось превалирование заочной формы обучения перед другими формами. С 1958 по 1965 гг. численность студентов дневной формы обучения выросла в 1,1 раза (с 1229 до 1386 человек), в то время как обучавшихся заочно – в 2,8 раза. Удельный вес заочников среди студентов института поднялся за отмеченный период с 44,5% до 66,8%⁴⁸.

Такое явное преобладание заочной формы обучения было обусловлено низким уровнем обеспеченности сельскохозяйственного производства квалифицированными кадрами. В начале 1950-х гг. в сельскохозяйственных организациях насчитывалось 1019 штатных должностей. Лишь 31,1% из них было занято специалистами с высшим образованием, а 21,0% должностей занимали люди, вообще не имевшие специального образования. Совершенно незначительной была доля специалистов с высшим и средним образованием среди руководителей сельскохозяйственного производства. Из 147 председателей колхозов только трое имели высшее и четверо – среднее специальное образование, а 99 человек не имели даже общего среднего образования. Подобное же явление наблюдалось и среди агрономов, зоотехников и других специалистов⁴⁹.

Решить проблему обеспечения сельского хозяйства квалифицированными кадрами, которые бы обладали научными агрономическими знаниями, умели бы вести селекционную работу и в полеводстве, и в животноводческом хозяйстве, было призвано заочное отделение Горского сельхозинститута. Несмотря на положительные установки и безусловное значение данной формы обучения в воспитании сельскохозяйственных кадров, все же, как уже отмечалось, качество подготовки на заочном отделении уступало дневной (очной) форме обучения. Причин как всегда было много: изначально низкий уровень подготовленности к восприятию новых специальных знаний, отсутствие прочной образовательной базы, загруженность основной работой, нехватка времени на учебно-методическую подготовку, возрастные особенности и прочее.

Однако, несмотря на явные недостатки заочной формы обучения, сельское хозяйство, тем не менее, выигрывало. Оно стало ежегодно пополняться специалистами, чей квалификационный и образовательный уровень позволял рассчитывать на совершенствование сельскохозяйственного производства. В 1966 г. дневное отделение ГСХИ закончили 194, заочное – 226 человек, в 1969 г. соответственно – 263 и 229 человек. В тече-

ние пяти лет, с 1960 по 1965 г. институт подготовил по различным сельскохозяйственным специальностям 1961 человек⁵⁰.

Своеобразно складывалась судьба Северо-Осетинского государственного медицинского института. Начиная с 1939 г. он готовил кадры врачей для медицинских учреждений своей республики и некоторых других регионов страны. По данным органов здравоохранения к середине 1950-х гг. штаты городских медицинских учреждений Северной Осетии были полностью укомплектованы врачебными кадрами. Несколько иначе обстояло дело в сельских районах. В начале 1950-х гг. в районных больницах, амбулаториях не хватало более 80 врачей. Особенно неблагоприятно ситуация складывалась в отдаленных горных аулах, хотя выпускники мединститута ежегодно направлялись туда. Причина заключалась в высокой текучести медицинских кадров. К этому времени в столице республики находилось большое количество неработающих врачей. Но желающих отправиться в село среди них было немного. Пугали трудности сельской жизни, отсутствие, особенно для горожан, привычных материально-бытовых условий, отдаленность от очагов культуры. Злободневная тема не раз обсуждалась руководством республики. По ней был принят ряд решений, в частности, постановления «О неправильном использовании медицинских кадров в системе Министерства здравоохранения СОАССР» (декабрь 1950 г.), «О работе с кадрами в системе Министерства здравоохранения СОАССР» (сентябрь 1955 г.). Однако принимаемые меры не давали ощутимых результатов. Отдаленные населенные пункты по-прежнему оставались без квалифицированной врачебной помощи⁵¹.

Неудачи в налаживании медицинского обслуживания сельских районов совпали по времени с обсуждением проблемы сохранения медицинского института в республике. В августе 1958 г. Министерством здравоохранения РСФСР был издан приказ о закрытии Северо-Осетинского государственного мединститута. Существование института в Северной Осетии было признано нецелесообразным и его решено было переве-

сти во Владивосток. Руководители республики выступили с возражением по этому вопросу. Они обратились в центральные органы власти с просьбой отменить принятое решение. В своем письме в ЦК КПСС первый секретарь Северо-Осетинского обкома партии В. М. Агкацев обосновывал необходимость сохранения института для подготовки медицинских кадров для Северной Осетии и других кавказских республик⁵².

Важную роль в сохранении вуза сыграл генерал армии И. А. Плиев. Он обратился непосредственно к первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву с просьбой пересмотреть решение Министерства здравоохранения РСФСР. Как вспоминал впоследствии И. А. Плиев: «Хрущев не знал о таком решении и тут же высказал свое возмущение им. При мне он дал соответствующие указания. Так был сохранен институт»⁵³.

С этого времени учебная и научно-техническая база СОГМИ, хотя и не такими быстрыми темпами, как в других вузах Северной Осетии, стала расширяться и укрепляться. Росла численность студентов. С 1958/59 по 1965/66 учебный год контингент студентов увеличился в 1,7 раза, с 1071 до 1845 человек⁵⁴. Перед институтом ставились две основные задачи: обеспечивать кадрами сельские медицинские учреждения и готовить для лечебно-профилактических учреждений специалистов узкой квалификации. В целом институт стал больше ориентироваться на прием молодежи из сельских районов. Подобным образом строилась и работа Северо-Осетинского медицинского училища.

В течение 1956-1965 гг. Северо-Осетинский медицинский институт подготовил 1798 врачей различной квалификации, а медицинское училище – 1319 специалистов-медиков среднего звена. Значительное число выпускников медицинских учебных заведений республики отправлялось по целевым направлениям в разные регионы России, в республики Северного Кавказа, Средней Азии. Оставшиеся распределялись по медицинским учреждениям Северной Осетии. В 1966 г. в республике насчитывалось 1875 врачей, на 793 врача больше, чем в 1956 г. Чис-

ленность среднего медицинского персонала за это же время выросла в 2,5 раза и составила 4300 человек⁵⁵.

К середине 1950-х гг. в республике сложилась развитая сеть учебных заведений, занимавшихся подготовкой педагогических кадров. Среди них были Северо-Осетинский государственный педагогический институт (СОГПИ), педагогическое, музыкально-педагогическое училище и училище искусств. Как уже отмечалось, к этому времени потребность образовательных учреждений Северной Осетии в учителях в количественном отношении практически была удовлетворена. На новом этапе развития предстояло оптимизировать уровень профессиональной подготовки учителей. Перед педагогическими учебными заведениями ставилась задача повысить качество подготовки профессиональных кадров для школ республики. Отныне подготовка учителей начальной школы осуществлялась на базе средней школы. Одновременно ликвидировались двухлетние учительские институты; на преподавательскую работу не только в 8-10, но и 5-7 классы намечалось направлять лишь педагогов с законченным высшим образованием⁵⁶.

Укомплектованность школ учительскими кадрами объясняла некоторое снижение в конце 1950-х – начале 1960-х гг. показателей приема и выпуска специалистов по учебным заведениям соответствующей отраслевой группы. В рассматриваемый период наибольшее количество выпускников вузов – 1604 человек – пришлось на 1960 г., в том числе дипломы по педагогическим специальностям получили 760 человек. В последующие годы показатели снижались, достигнув в 1963 г. нижней отметки (соответственно 1237 и 384). Затем начался обратный процесс. Однако если уровень 1960 г. с учетом выпускников всех вузов в целом был превзойден в 1966 г. и составил 1787 человек, то по Северо-Осетинскому государственному пединституту он только приблизился к показателю отмеченного года – 729 человек⁵⁷.

Приведенные показатели являлись косвенным свидетельством количественного наполнения педагогическими кадрами

школьных учреждений. С 1950/51 по 1958/59 учебный год численность учителей в общеобразовательных школах Северной Осетии (без учета школ рабочей и сельской молодежи и школ взрослых) увеличилась с 3,9 до 5,1 тыс. человек (в 1,3 раза). В последующие годы наблюдались устойчивые темпы роста в этом направлении. В 1965/66 учебном году в дневных общеобразовательных школах работали 5,8 тысяч учителей⁵⁸.

Особое внимание в образовательной политике государства по-прежнему обращалось на повышение квалификационного, образовательного уровня учительских кадров. Предпринимаемые меры способствовали положительной динамике квалификационных характеристик преподавателей. Так, если в 1952/53 учебном году удельный вес учителей с высшим и средним педагогическим образованием в Северной Осетии равнялся соответственно 33,8% и 30,9%, то в 1958/59 учебном году эти показатели составляли уже 42,8%, и 34,2%. Одновременно в общеобразовательных школах республики снижалась доля учителей, не имевших должной профессиональной подготовки. Удельный вес учителей в школах всех типов с незаконченным высшим образованием, в том числе получивших знания в объеме учительского института, снизился с 1952/53 по 1958/59 учебный год от 24,5 до 22,1%, а с незаконченным средним – от 1,7 до 0,9%⁵⁹.

Со второй половины 1950-х гг. расширяется сеть средних специальных учебных заведений в стране. Вопросам активизации их деятельности было посвящено совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 августа 1954 г. «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием». «Выпуск специалистов, – отмечалось в постановлении, – из средних специальных учебных заведений отстает от выпуска специалистов из высших учебных заведений». Не были исключением и учебные заведения Северной Осетии. В 1952 и 1953 гг. четыре вуза республики выпустили больше специалистов, чем тринадцать техникумов и училищ вместе взятых⁶⁰.

Меры, направленные на расширение материальной и учебной базы, увеличение показателей ежегодного приема в техникумы и училища способствовали росту числа обучавшихся в них. С 1956/57 по 1965/66 учебные годы численность учащихся в этих учебных заведениях выросла с 7,3 до 13,7 тысяч человек, то есть почти в 1,9 раза. При этом в соотношении количества обучавшихся в учебных заведениях, ориентированных на производственную и непроизводственную сферы деятельности, произошли определенные изменения⁶¹.

Доля индустриальной группы средних специальных учебных заведений, представленных в отмеченный период горно-металлургическим, индустриальным, строительным, технологическим техникумами и техникумом железнодорожного транспорта, в составе обучавшихся в средних специальных учебных заведениях по-прежнему оставалась высокой. В 1965 г. она составляла 54,9%. Но эта цифра была ниже соответствующего показателя 1958 г., равнявшегося 62,9%. Представляется, что изменение показателей в определенной мере было обусловлено растущей ориентацией государства на приоритетное развитие системы высшего технического образования, представлявшегося важнейшим фактором общественного развития и обеспечения оборонной мощи страны. Так, если число обучавшихся в Северо-Кавказском горно-металлургическом институте студентов за время с 1958 по 1965 год увеличилось почти в 2,3 раза, то в Горно-металлургическом техникуме – только в 1,2 раза⁶².

Вместе с тем, осуществление мер в области социального обеспечения, направленных на повышение уровня материального благосостояния населения, способствовало развитию сферы социально-бытового обслуживания, требовавшей расширенной подготовки квалифицированных кадров. Решение этой задачи обеспечивалось за счет быстрого роста контингента учащихся средних учебных заведений, готовивших кадры для сферы обслуживания, торговли и учреждений культуры, что довольно ярко иллюстрируется статистическими данными

ми. К примеру, если численность обучавшихся с 1958/59 по 1965/66 учебные годы в индустриальной и строительной группе средних учебных заведений увеличилась с 4458 до 8296 учащихся (в 1,8 раз), то в неиндустриальной группе этот показатель поднялся с 2625 до 6252 учащихся (в 2,4 раза). По отдельным учебным заведениям рост был еще более заметным: в техникуме советской торговли – в 2,7 раза, в педагогическом училище – в 3,1 раза, в училище искусств – в 2,6 раза⁶³.

Таким образом, во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., несмотря на то, что более половины учащихся средних специальных учебных заведений были сконцентрированы в индустриальной группе техникумов, темпы роста численности обучавшихся в них в эти годы, в отличие от послевоенного десятилетия, оказались ниже, чем в учебных заведениях непромышленной сферы.

В техникумах и училищах, как и в вузах, большое распространение получили вечерняя и заочная формы обучения, особенно по производственно-технической группе. В горно-металлургическом техникуме даже наблюдалось абсолютное сокращение численности учащихся, охваченных очной формой обучения. На дневном отделении в 1965/66 учебном году насчитывалось лишь 38,5% всех учащихся ГМТ. В целом, по данной группе техникумов доля студентов заочного и вечернего отделений среди всех учащихся составляла 56,8%.

Выпуск специалистов из средних специальных учебных заведений увеличивался с каждым годом. В течение первой половины 1960-х гг. техникумы и училища направили в различные отрасли народного хозяйства и учреждения культуры 11,9 тысяч специалистов разной квалификации. В 1965 г. количество выпускников равнялось 2,2 тысячам человек. Из них было направлено в промышленность и строительство – 37,5%, на предприятия транспорта и связи – 14,9%, в сельское хозяйство – 2,3%, учреждения экономики и права – 26,8%, здравоохранения, физкультуры и спорта – 7,4%, просвещения – 9,0%, искусства и кинематографии – 2,0%⁶⁴.

В рассматриваемый период в региональной образовательной политике продолжала реализовываться идея «коренизации» образованного слоя граждан. Последовательное проведение этой идеи в жизнь заметно влияло на изменение национального состава учащейся молодежи республики. В 1965/66 учебном году в 4 вузах республики обучались 5303 осетина, что превышало показатель 1956/57 года в 2,1 раза; в 12 средних специальных учебных заведениях обучались 3194 осетина, то есть в 2,3 раза больше по сравнению с 1956/57 годом. Соответственно наблюдалась устойчивая тенденция повышения доли осетин во всех учебных заведениях Северной Осетии⁶⁵.

Обращает на себя внимание традиционно более высокий по сравнению со средними учебными заведениями удельный вес представителей коренной национальности в вузах. В первое послевоенное десятилетие темпы прироста осетин в техникумах и училищах стали опережать вузовские показатели. Но со второй половины 1950-х гг., особенно с начала 1960-х гг. вновь наблюдается тенденция ускорения роста численности осетин в системе высшего образования. Важными факторами, облегчавшими доступ осетинской молодежи в высшие учебные заведения, являлись расширение системы общего среднего образования, перевод обучения в национальной школе на русский язык, введение некоторых льгот при поступлении в вузы для детей рабочих, колхозников и участников ученических бригад, отмена платы за обучение, расширение приема абитуриентов в учебные заведения. Вместе с тем, сохранялась практика целевого направления, в том числе в вузы республики.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. приток осетин наблюдался даже в не привлекавшие их прежде технические учебные заведения, престиж которых, как мы помним, неизмеримо возрос в этот период. Опережающими темпами росла численность осетин, обучавшихся в высших учебных заведениях. Удельный вес их в четырех институтах республики изменялся следующим образом: в 1950/51 учебном году – 27,4%, в

1956/57 – 28,7%, в 1965/66 – 33,6%. В средних специальных учебных заведениях также наблюдалась положительная динамика. Показатели по тем же годам составляли соответственно 19,3%, 19,3% и 23,2%⁶⁶.

Совершенствование процесса подготовки образованных квалифицированных кадров из представителей коренной национальности обеспечивало продолжение политики государства по созданию устойчивой социальной базы для реализации задач социально-экономического и культурного развития в национальных регионах.

Вместе с тем, в рассматриваемый период, несмотря на ускоренные темпы роста представителей коренной национальности в составе учащейся молодежи, осетины занимали лишь вторую позицию в перечне национальностей, обучавшихся в вузах и средних учебных заведениях Северной Осетии. В 1966/67 учебном году русские составляли в вузах республики 41,8%, в техникумах и училищах – 58,6%; осетины соответственно – 33,4% и 25,8% и прочие национальности – 24,8% и 15,6%⁶⁷. Высокая доля русских среди учащейся молодежи во многом объяснялась как высоким удельным весом их в населении Северной Осетии, особенно среди жителей городов, так и более благоприятными стартовыми возможностями, выразившимися в более высокой образовательной подготовке⁶⁸.

Исследуя вопрос о развитии высшего и среднего специального образования, следует, на наш взгляд, обратить внимание еще на один аспект проблемы – влияние происходивших в середине 1950-х – 1960-х гг. общественно-политических процессов на духовную атмосферу учебных заведений. «Оттепель», пробудившая общественное сознание, нашла благодатную среду в студенческих коллективах. Свидетельство тому – открытые в конце 1980-х – 1990-е гг. архивные материалы, дающие представление о настроениях, имевших место во второй половине 1950-х гг. в Московском университете, во ВГИКЕ, в Горьковском университете и других высших учебных заведе-

ниях страны. Они являлись своеобразной реакцией на «хрущевские откровения» и события в Югославии, Польше, Венгрии в 1950-х – 1960-х гг.⁶⁹

Однако критические умонастроения студенчества уже тогда шли намного дальше той черты, у которой партийное руководство хотело бы их остановить, сдержав непредсказуемую гражданскую активность. Волнения в студенческой среде характеризовались, как «проявление нездоровых и вредных настроений со стороны отдельных студентов», а также как «демагогические выступления, опошляющие роль комсомола и дезориентирующие студенчество».

Мы не располагаем документальными свидетельствами подобных выступлений в вузах Северной Осетии. Однако именно стремление предотвратить возникновение подобной ситуации лежало в основе принимавшихся профилактических решений, направленных на усиление идейно-воспитательной работы в студенческих коллективах. Вопросы идейно-политического воспитания молодых специалистов обсуждал VIII пленум Северо-Осетинского обкома КПСС в июле 1963 г. «Воспитание учащейся молодежи, – отмечалось в выступлении секретаря обкомом А. Г. Кучиева, – которая вольется в славный отряд нашей советской интеллигенции – сложное и кропотливое дело. И лучшей оценкой труда преподавателей, партийных, комсомольских организаций и всей общественности вузов и техникумов будет, если из стен учебных заведений будут выходить специалисты не просто с дипломами, а люди высокой идейности и культуры, кристальной честности, всегда готовые искать, творить на благо народа»⁷⁰.

Важнейшим средством воспитания молодежи виделось политическое образование, внимание к которому, несмотря на некоторое смягчение идеологического климата, не ослабевало на протяжении рассматриваемого периода. Напротив, с середины 1960-х гг. повышается требовательность к идейному содержанию научно-педагогической и исследовательской деятельности учебных заведений. Особая ответственность за

идейное и политическое воспитание подрастающего поколения возлагалась на общественные науки.

В октябре 1967 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 14 августа того же года было принято постановление бюро Северо-Осетинского обкома КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»⁷¹. Постановление предусматривало усиление контроля над деятельностью кафедр общественных наук в коммунистическом воспитании молодежи. Решение этой задачи увязывалось с укреплением материальной базы кафедр, внедрением технических средств обучения, расширением издательской базы. Повышались также требования к подбору кадров заведующих кафедрами и преподавателей общественных наук.

Таким образом, во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. в системе высшего и среднего специального образования республики произошли значительные количественные и структурные изменения. Отличительной чертой развития профессиональной школы являлось заметное расширение вечерней и заочной форм обучения, предпринятое с целью обеспечения потребностей растущего общественного производства в кадрах специалистов. С необходимостью решения обозначенной задачи было связано также приоритетное внимание в образовательной политике к развитию естественно-технических отраслей знания. Анализируемый период отмечен структурно-организационным ростом учебных заведений технического профиля. Одновременно наблюдалось увеличение доли студентов естественно-технических специальностей в общем составе обучавшихся в вузах и средних специальных учебных заведениях, что выразилось в технократизации образованного слоя. В развитии профессионального образования отчетливо проявилась также тенденция повышения доли представителей коренной национальности в составе студентов вузов, техникумов и училищ.

В целом, были достигнуты впечатляющие результаты. Выс-

шие и средние специальные учебные заведения Северной Осетии по количественным показателям, по уровню профессиональной подготовки специалистов занимали ведущие позиции среди учебных заведений национальных республик Северного Кавказа. Они готовили профессиональные кадры для экономики, социальной сферы и культуры не только своей республики, но и других регионов страны. Своей деятельностью учебные заведения Северной Осетии закладывали основу для развития научно-исследовательской деятельности в сфере гуманитарных и естественно-технических наук.

3.4. Формирование и развитие единой системы начального профессионального образования

Неоднократно предпринимавшиеся на протяжении XX века попытки политехнического реформирования советской общеобразовательной школы (в 1920-е, в 1950-е – 1960-е гг., возвращение к идее политехнизации в форме учебных производственных комбинатов в середине 1980-х гг.) свидетельствуют о значительном созидательном потенциале идеи «трудовой» школы. Известно, что ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. Однако, говоря о неудаче реформирования общеобразовательной школы на принципах политехнизации, следует принять условность такого утверждения. Анализ итогов политехнической реформы в советской школе в середине 1950-х – 1960-х гг. позволяет сделать вывод об его определяющем влиянии на характер и содержание преобразований в системе начального профессионального образования, осуществленных во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. Паллиативная политехническая реформа середины 1950-х – 1960-х гг. объ-

ективно имела положительные последствия. Опыт функционирования средней школы на принципах политехнизации был учтен при разработке новой концепции государственной политики в сфере подготовки квалифицированных кадров рабочих, предусматривавшей создание единой системы профессионально-технического образования.

Начало советской системе профессионально-технического образования было положено в 1919 г. декретом СНК РСФСР «О мерах к распространению профессионально-технических знаний». В 1921 г. было утверждено положение о школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В конце 1920-х гг. с целью укрепления материально-технической базы профессиональной школы учебные заведения этого профиля были переданы из ведения Главного комитета профессионально-технического образования (Главпроф), с последующей его ликвидацией, в юрисдикцию отраслевых наркоматов.

Сосредоточение этих учебных заведений при хозяйственных организациях имело положительные результаты, поскольку оно давало возможность готовить кадры с учетом специфики различных отраслей производства. Наряду с тем, у наркоматов и ведомств не было единого подхода к постановке профессионального обучения, отсутствовало перспективное планирование. Система производственно-технической подготовки квалифицированных кадров нуждалась в существенном улучшении.

На решение этой проблемы был направлен указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 г. В соответствии с указом создавались три типа училищ и школ, заменявших школы ФЗУ: ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Вся эта система подчинялась единому государственному органу – Главному управлению трудовых резервов при СНК СССР⁷².

В октябре 1940 г. в Северной Осетии были открыты железнодорожное училище, два ремесленных училища и три школы

ФЗО. Профиль училища и ФЗО менялся в зависимости от потребностей народного хозяйства: готовились металлурги, шахтеры, токари, слесари, каменщики, жестянщики, телеграфисты и т. д.⁷³ В таком виде система профессионального образования действовала до 1950-х гг.

Растущее общественное производство требовало расширения сети профтехучилищ. В 1950-е гг. в Северной Осетии создаются первые профтехучилища по подготовке кадров для сельского хозяйства. В 1952 г. на базе школ механизации селений Кобань, Гизель и станицы Черноярская было открыто сельское профтехучилище № 1 (Черменская школа механизации). Училище готовило механиков-комбайнеров и трактористов-машинистов широкого профиля. Среди первых учеников СПУ № 1 были будущий Герой Социалистического труда Т. Алагов, кавалер Ордена Октябрьской революции Н. Лехтеров и др. В 1959 г. на базе упраздненной Виноградненской МТС было создано еще одно сельское училище в поселке Мирный Моздокского района⁷⁴.

Высокие темпы роста жилищного строительства во второй половине 1950-х – 1960-е гг. породили огромную потребность в квалифицированных кадрах строителей. В марте 1956 г. на базе завода железобетонных конструкций г. Беслана было создано профтехучилище № 8. Через два года в г. Орджоникидзе были открыты строительное училище № 2 и строительная школа № 1, преобразованная в последующем в училище № 1. На начальном этапе существования учебные заведения готовили специалистов с одногодичным сроком обучения, затем перешли на двухгодичный срок (в ГПТУ № 8 подготовка осуществлялась в течение 10 месяцев). Училища готовили специалистов по строительным профессиям: каменщиков, электромонтажников, штукатуров-маляров, электрогазосварщиков.

В 1954 г. старейшее в Северной Осетии ремесленное училище № 1 приобрело полиграфический профиль. С этого времени оно стало одним из крупнейших учебных заведений, поставлявших кадры для типографий РСФСР. В начале своей

деятельности полиграфическое училище располагало крайне скудной материальной базой: одна старая плоскопечатная машина «Пионер», одна тигельная машина и три плоскопечатные машины иностранного производства, четыре строкоотливные наборные машины (из них две были списаны и сняты с производства), две тонны шрифта и две тонны линотипного сплава. На этой базе готовились квалифицированные рабочие кадры для полиграфического производства. Тем не менее, уровень подготовки специалистов был довольно высоким. Многие выпускники училища, продолжив образование, впоследствии стали руководителями крупных типографий, квалифицированными мастерами. В 1960-е – 1970-е гг. в Северной Осетии широко было известно имя одного из выпускников училища Героя Социалистического труда, наставника молодежи Ф. Д. Ногаева⁷⁵.

К концу 1950-х гг. в системе профессионального образования, наряду с подготовкой рабочих кадров для отраслей тяжелой промышленности и капитального строительства, заметное внимание стало уделяться сфере бытового обслуживания и легкой промышленности. Развиваются старые и открываются новые учебные заведения. Так, в 1960 г. на базе ФЗУ Швейной фабрики имени С. М. Кирова, работавшей с 1930 г., было сформировано ремесленное училище №3. Училище готовило специалистов массового пошива для швейного производства. В 1959 г. на базе «Севосетинпромсовета» было открыто еще одно училище, занимавшееся обучением мастеров индивидуального пошива. В училище были созданы шесть групп по 25 человек: две группы по пошиву верхней мужской одежды и две группы по пошиву женского легкого платья, а также две группы обувщиков. В следующем году училище было передано в систему профессионально-технического образования и переименовано в ремесленное училище №4. Выпускники обоих училищ пополняли ряды работников швейной и обувной фабрики, ателье столицы и других населенных пунктов республики. Подготовка поваров, кондитеров, продавцов дол-

гие годы осуществлялась на базе учебно-курсового комбината, преобразованного в 1964 г. в профессионально-техническое училище, находившееся в ведении Министерства торговли⁷⁶.

В 1959 г. в соответствии с Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» начались изменения в сфере профессионального образования. Главное управление трудовых резервов было преобразовано в Государственный комитет Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию. К этому времени в системе Северо-Осетинского республиканского управления профессионально-технического образования имелось 14 действующих училищ (в том числе 4 училища на территории Кабардино-Балкарской АССР). В них обучалось около 3,4 тыс. человек. Различались три типа политехнических училищ: ремесленные училища, строительные училища и училища механизации сельского хозяйства. В них готовили кадры квалифицированных рабочих по 19 специальностям⁷⁷.

Национальный состав учащихся профтехучилищ был довольно пестрым и представлял практически все национальности, проживавшие на территории автономной республики. Однако подавляющее большинство в них в 1959 г. составляли осетины (52%) и русские (42%). С 1941 по 1957 год профессиональные училища и школы выпустили 14,9 тыс. квалифицированных рабочих, в соответствии с государственным планом распределения направлявшихся на предприятия, стройки, ремонтно-тракторные станции, колхозы, совхозы. Примерно 17% выпускников получали направление на работу за пределами Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Они выезжали в Омск, Бийск, Красноярск, Магадан, Казахстан и т. д.⁷⁸

В 1960-е гг. продолжается процесс организации и структурной перестройки сети профтехучилищ. Основные направления реорганизации системы начального профессионального образования, в том числе в регионах, были определены приказом Главного управления профессионально-технического образования при Совете Министров РСФСР от 8 августа 1962 г.

В ведение Северо-Осетинского республиканского управления профтехобразования передавались ранее не принадлежавшие ему учебные заведения, а также реорганизовывались уже существовавшие училища. Так, строительные училища №1 и №2 были преобразованы в городские профтехучилища №9 и №5. Ремесленные училища №3 и №4 были объединены в городское профтехучилище №4. В училище обучали профессиям: портной легкого женского платья и портной верхней мужской одежды. Основными базовыми предприятиями, участвовавшими в организации производственной практики, являлись Швейная фабрика имени С. М. Кирова и объединение «Севосетинбытодежда». В училище готовили также кадры вязальщиц и кетельщиц для Орджоникидзевской чулочной фабрики⁷⁹.

В целом в 1963 г. Управление профтехобразования при Совете Министров СОАССР объединяло 25 профессионально-технических учебных заведений, располагавшихся на территории Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. В них обучались более 6 тыс. человек. Развивалась учебная и материально-техническая база училищ. В городских профтехучилищах имелись 60 учебных мастерских, 68 учебных кабинетов и лабораторий. В течение нескольких лет в них было поставлено 116 единиц различного оборудования⁸⁰.

Проблема совершенствования организации учебного процесса, укрепления материально-технической базы учебных заведений профтехобразования в рассматриваемый период неоднократно становилась предметом обсуждения партийных и советских органов двух автономных республик. К решению проблем профтехобразования привлекались материально-технические и финансовые ресурсы шефствующих предприятий. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. при содействии промышленных предприятий были построены учебные корпуса и общежития для учащихся ГПТУ №3 Орджоникидзе и ГПТУ №12 Налчика, учебные мастерские на 100 мест для столяров-мебельщиков в ГПТУ №2. Новое трехэтажное здание передано ГПТУ №8 г. Налчик. Садонское рудоуправление передало

помещения под учебные и бытовые нужды для ГПТУ №6. Орджоникидзевский трест «Орджтрасстрой» построил учебный корпус и общежитие на 207 мест для ГПТУ №14 г. Беслан. Новой, более современной техникой и учебным оборудованием пополнялись сельские профтехучилища. Под учебные хозяйства выделялись дополнительные земельные площади; создавались агрохимические лаборатории; расширялись кабинеты агротехники. Учебные планы предполагалось строить с учетом новейшего опыта возделывания сельскохозяйственных культур⁸¹.

Таким образом, к началу 1960-х гг. сформировалась довольно разветвленная сеть училищ и школ, готовивших рабочих разных специальностей для отраслей народного хозяйства. Однако единого центра управления этой сетью не существовало. Часть учебных заведений находилась в ведении Управления профтехобразования, другая была включена в структуру различных ведомств и министерств, что значительно затрудняло координацию и планирование их деятельности. Понимание необходимости создания единой системы управления подготовкой квалифицированных кадров для отраслей народного хозяйства, приведение этой системы в соответствие с задачами, выдвигавшимися научно-техническим прогрессом, особенно утверждается в сознании руководителей системы образования к середине 1960-х гг.

Неудача в осуществлении идеи политехнического обучения в средней общеобразовательной школе, которая должна была давать среднее и одновременно начальное профессиональное образование, подвигла государство к кардинальному реформированию системы профессионально-технического образования в конце 1960-х гг.

Суть предпринятой реформы заключалась в преобразовании школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных, железнодорожных, горнопромышленных, строительных училищ, училищ механизации сельского хозяйства и других подобных учебных заведений разноуровневого подчинения в го-

родские (со сроком обучения от одного до трех лет) и сельские (со сроком обучения от одного до двух лет) профтехучилища. В учебных заведениях были приняты две формы обучения: дневная и вечерняя. Координация деятельности профтехучилищ осуществлялась Главным управлением профессионально-технического образования при Совете Министров РСФСР и его региональными подразделениями.

Реформа профтехобразования предусматривала создание средних профтехучилищ, посредством которых решались две важнейшие задачи: подготовка молодых квалифицированных рабочих и осуществление всеобщего среднего образования. Она благотворно повлияла на развитие средней общеобразовательной школы, так как создание сети средних профтехучилищ, строившихся на более совершенной организационной и материально-технической базе, делало неактуальной идею политехнической школы и обеспечивало основу для возвращения к традиционной классической модели организации общеобразовательной школы.

В конце 1960-х – 1970-е гг. происходило дальнейшее расширение и совершенствование сети профтехучилищ Северной Осетии. В систему профтехобразования было включено профтехучилище Министерства торговли, преобразованное в СПТУ № 17 (с 1990-х гг. – профессиональный лицей № 17). На базе школы полеводов с. Михайловское было создано сельское профессионально-техническое училище № 3 (с 1990-х гг. – профессиональное училище № 16). В училищах организовывались мастерские, учебные кабинеты и лаборатории. Они обеспечивались современными техническими средствами обучения. На рубеже 1960-х – 1970-х гг. в станице Змейской было открыто сельское ПТУ № 4. В 1984 г. его с порядковым номером 14 переместили в селение Эльхотово. Здесь был создан новый учебно-производственный комплекс по подготовке специалистов самых разных профессий: трактористов, мастеров по переработке плодов и ягод, садоводов, овощеводов и др. Училище располагало большим машинно-тракторным парком, ко-

торый включал тракторы, экскаваторы, бульдозеры, грузовые автомобили и комбайны. В 1966 г. решением Государственного комитета по профтехобразованию РСФСР в Моздоке было организовано ГПТУ № 13 по подготовке рабочих строительных профессий для треста «Севосетинсельстрой». С этого времени практически все строительные организации Моздокского района стали комплектоваться выпускниками этого училища. Вдобавок оно готовило еще вязальщиц для Моздокской гардинной фабрики⁸².

Многие преобразования в системе профессионально-технического образования диктовались потребностями научно-технического прогресса, задачами укрепления обороноспособности страны. В начале 1970-х гг. Академия педагогических наук СССР по решению Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию разработала новые программы подготовки квалифицированных рабочих в соответствии с новейшими достижениями науки и техники.

В Северной Осетии реформирование системы производственно-технического обучения (ПТО) происходило в соответствии с растущими запросами развивающейся экономики республики, в том числе предприятий оборонного комплекса. В 1970-е гг. расширяется и совершенствуется подготовка специалистов электротехнического профиля. В 1972 г. в целях более эффективного расходования бюджетных средств были объединены техническое училище № 1 и городское профессионально-техническое училище № 3 под названием – техническое училище № 1. Основной производственной базой нового учебного заведения стали предприятия оборонного значения – заводы «Рубин», «Бином» и «Гран». Училище готовило высококвалифицированных рабочих по специальностям: монтажник-вакуумщик, испытатель ЭВМ, наладчик ЭВМ, радиомеханик по обслуживанию и ремонту радио- и телеаппаратуры и т. д. Училище располагало кабинетами ЭВМ, лабораториями и мастерскими, оборудованным в соответствии с современны-

ми требованиями. В конце 1970-х гг. техническое училище № 1 считалось одним из лучших в системе производственно-технического образования⁸³.

С каждым годом росло количество выпускников профтехучилищ. Так, если в 1950 г. в системе учебных заведений Управления профтехобразования Северо-Осетинской АССР было подготовлено немногим более тысячи, в 1960 г. – более 1,5 тыс. рабочих, то в 1965 г. – этот показатель вырос до 3,1 тыс. человек. Такой резкий скачок в показателях был обусловлен началом кардинального реформирования системы профтехобразования. В последующие годы наблюдается устойчивая тенденция роста численности выпускников профтехучилищ. С 1970 по 1985 гг. число молодых рабочих, ежегодно направлявшихся в различные отрасли народного хозяйства, выросло с 5094 до 7955 человек⁸⁴.

Профтехучилища Северной Осетии осуществляли начальную профессиональную подготовку по широкому спектру рабочих строительных и сельскохозяйственных специальностей. Среди них были слесари по ремонту пассажирских и грузовых вагонов, слесари-инструментальщики, фрезеровщики, лекальщики по промышленному оборудованию, по сборке швейных машин, жестянщики, электромонтеры, печатники на плоскочечатных машинах, токари, формовщики-литейщики, столяры-мебельщики, работники связи и др. Всего в городских профтехучилищах можно было пройти подготовку по двадцати рабочим и строительным специальностям. Сельские профтехучилища готовили работников по одиннадцати специальностям: комбайнеров, трактористов, полеводов и др.⁸⁵

В образовательной политике государства в сфере профтехобразования серьезное внимание обращалось на организацию внеклассной, культурно-воспитательной работы. Руководители системы профтехобразования рассматривали организацию культурного досуга через широкую сеть кружковой работы как один из способов привлечения и закрепления молодых людей

в профессионально-технических училищах, воспитания их в духе уважения к рабочей профессии, профилактики девиантного поведения среди учащейся молодежи.

В 1964 г. в структуре Управления профтехобразования Северной Осетии помимо учебных заведений насчитывалось 10 клубов, 19 библиотек с читальными залами, 15 красных уголков. При клубах действовали 23 танцевальных коллектива, 15 хоровых, 8 драматических коллективов, 8 духовых оркестров, а также кружки художественного слова, вокального пения, струнных инструментов, рукоделия и др. В 1978 г. на базе кинотеатра «Заря» был создан Дом культуры профтехобразования, объединивший художественные коллективы, кружки по интересам. Кружковой работой была охвачена примерно одна треть учащихся производственно-технических училищ. Некоторые из них, пройдя школу художественной самодеятельности, обрели затем свое истинное призвание в профессиональном искусстве. К примеру, известные солисты Государственного ансамбля танца «Алан» (заслуженные артисты РСФСР К. Дзбоев, З. Козаев, Т. Булацев, заслуженные артисты СОАССР З. Калоева, А. Хасиев и другие) начинали свой путь на профессиональную сцену с ансамбля Республиканского управления профтехобразования «Терек»⁸⁶.

Развитие спортивно-массовой работы являлось еще одним направлением деятельности учебных заведений профтехобразования. По итогам 1963 г. Республиканский совет добровольного спортивного общества «Трудовые резервы» занял первое место в Российской Федерации. На IV Всероссийской спартакиаде, совпавшей с празднованием 40-летия автономии Северной Осетии, команда борцов профессионально-технических училищ Северной Осетии заняла первое место и была включена в сборную команду РСФСР на Всесоюзные соревнования 1964 г. Пять борцов, учащихся профтехучилищ республики завоевали на этих соревнованиях звание чемпионов РСФСР по вольной борьбе.

В целом, к середине 1980-х гг. в Северной Осетии сложи-

лась довольно разветвленная сеть средних профтехучилищ, располагавшихся в городах и сельской местности, которые достаточно успешно решали задачу обеспечения квалифицированными рабочими кадрами предприятий промышленности, строительной, жилищно-бытовой, торговой и многих других отраслей народного хозяйства не только своей республики, но и других регионов Советского Союза. Профессионально-технические училища работали во всех городах и многих селах Северной Осетии. С 1970 по 1980 г. численность учащихся в профессионально-технических учебных заведениях выросла с 7876 до 10070 человек. Всего в 1985 г. в восемнадцати городских и сельских профессионально-технических училищах обучались более одиннадцать тысяч человек⁸⁷.

Динамичное функционирование системы начального профессионального образования на протяжении 1970-х – начала 1980-х гг. обеспечивалось благодаря политике целенаправленной и планомерной поддержки со стороны партийно-государственных органов власти. Устойчивое финансирование организации учебно-производственного процесса, материальное и моральное стимулирование обоих субъектов этого процесса (как учащихся, так и педагогов и мастеров), организация культурного досуга учащейся молодежи создавали благоприятные условия для подготовки квалифицированных кадров рабочих. Немаловажное значение для выпускников профтехучилищ, приобретавших рабочую квалификацию, гарантировавшую трудоустройство и определенные социальные льготы, являлось еще получение аттестата о полном среднем образовании. Наличие этого документа предоставляло право выпускнику ПТУ при желании продолжить в дальнейшем учебу в вузе. Все эти факторы должны были служить хорошим стимулом для молодежи, приходившей учиться в профтехучилище.

Однако, несмотря на все усилия государства, привлекательный образ профтехобразования в обществе складывался с большим трудом. Попытка посредством создания целой системы социальных гарантий и льгот переломить негативное

восприятие физического труда в общественном сознании, сформировать представление о привлекательности рабочей профессии и о решающей роли учреждений профтехобразования в этом процессе не удавалась. В реальной действительности, профессионально-технические училища фактически рассматривались как учебные заведения, куда «отбраковывались» нежелательные в дневной общеобразовательной школе учащиеся, своей учебой и поведением снижавшие общие показатели работы школ. Для простого обывателя слово «пэтэушник» приобретало откровенно уничижительно-пугающее звучание. А для «трудного подростка», «плохо успевающего» ученика профессионально-техническое училище превращалось в своеобразное пугало, куда его обещали «отправить» после 8-го класса, если он «не возьмется за ум». Крайне редко учеба в профтехучилище, выбор рабочей специальности были результатом самостоятельного, осознанно мотивированного решения молодого человека. Чаще всего молодежь оказывалась в стенах ПТУ по причинам несколько иного порядка: в силу невысокого социального статуса семьи, материальной необеспеченности или низкого уровня знаний, служивших препятствием для поступления в высшее учебное заведение.

Тем не менее, сказанное выше ни в коей мере не умаляло значения профтехучилищ как важнейших учебных заведений, обеспечивавших подготовку квалифицированных кадров рабочих. В последующем многие выпускники профтехучилищ, освоившие рабочие специальности, добивались впечатляющих успехов в трудовой деятельности, становились профессионалами своего дела, удостоивались общественного признания и высших государственных наград. Среди тех, кто прошел школу профтехобразования, были упомянутые ранее Т. Алагов, Ф. Ногаев, а также Герои Социалистического труда Е. Битиева, К. Кесаева и кавалеры Ордена Трудового Красного Знамени В. Кабоев, С. Габеев и другие.

3.5. Основные тенденции в развитии высшего и среднего профессионального образования в период «развитого социализма».

Вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг. – время значительных количественных и структурных изменений в системе высшего и среднего специального образования. В середине 1960-х – начале 1980-х гг. в Северной Осетии существовала разветвленная сеть вузов, техникумов и училищ, готовивших кадры специалистов для своей республики, а также для других регионов Советского Союза. В учебных заведениях обучалась молодежь не только Северной Осетии, но и выходцы из соседних северокавказских и закавказских республик. Для них существовала определенная система льгот при поступлении. Многие дипломированные специалисты, уезжая по распределению в разные районы страны, оседали там. С 1960/61 по 1984/85 учебные годы в четырех высших и тринадцати средних специальных учебных заведениях Северной Осетии количество обучавшихся выросло почти в 2 раза с 16425 до 32684 человек. Но наибольший прирост численности студентов пришелся на 1960-1965 гг. В 1965/66 учебном году в высших и средних специальных учебных заведениях обучалось 29,5 тыс. человек⁸⁸.

Для подготовки квалифицированных кадров специалистов требовались профессиональные преподавательские кадры, число которых также постоянно росло. В 1956 г. в республике насчитывалось 258 научных работников и преподавателей, среди них 23 доктора и 164 кандидата наук. В 1986 г. научно-педагогическую работу в вузах вели 1342 человека, в том числе 76 профессоров, докторов наук, из них 10 женщин, и 716 доцентов и кандидатов наук, из них 254 женщины⁸⁹.

В 1960-е – 1970-е гг. высшую школу Северной Осетии

представляли сельскохозяйственный, горно-металлургический, медицинский и педагогический (с 1969 г. Северо-Осетинский государственный университет) институты. В течение 1960-1965 гг. численность обучавшихся в них студентов почти удвоилась (с 8,4 тыс. до 15,8 тыс. человек), а через пять лет достигла максимального для исследуемого периода показателя и составила более 19,7 тыс. человек⁹⁰.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. определяющим фактором общественного развития страны оставалась ориентация на приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности, что, без сомнения, влияло на высокий уровень технократизации образованного слоя населения. Однако этот процесс имел свои особенности в сфере высшего образования Северной Осетии. Анализ соотношения удельного веса выпускников вузов по отдельным группам специальностей позволяет выявить основные тенденции в развитии системы высшего образования в республике в 1960-е – 1980-е гг. В качестве иллюстрации рассмотрим данные о выпуске специалистов высшими учебными заведениями за 1960, 1970 и 1983 гг. В 1960 г. учебными заведениями Северной Осетии был осуществлен выпуск по специальностям: инженерно-строительным – 332 человека (20,7% всех выпускников), сельскохозяйственным 331 (20,6%), медицинским – 181 (11,3%) и педагогическим – 760 (47,4%). Через десять лет соотношение этих показателей заметно изменилось. Выпуск по инженерно-строительным специальностям составлял 718 (26,0%), по сельскохозяйственным – 763 (27,7%), по медицинским – 362 (13,1%) и педагогическим – 909 человек (35,7%). В 1983 г. эти показатели равнялись соответственно выделенным специальностям – 794 (25,4%), 795 (25,4%), 340 (10,3%) и 1193 (38,2%) человек⁹¹.

Увеличение выпуска специалистов гуманитарного и естественного цикла в республике было связано с важными территориально-структурными изменениями в советской высшей школе. При сохранении высокоцентрализованной

системы управления сферой высшего образования в стране в конце 1960-х – начале 1970-х гг. произошло расширение сети университетов, создававшихся на базе педагогических институтов или открывавшихся на новом месте. Одним из таких новообразований стал Северо-Осетинский государственный университет. Он был сформирован в 1969 г. на базе Северо-Осетинского педагогического института на основании постановления Совета Министров СССР от 2 ноября 1967 г.⁹²

Приобретя университетский статус, вуз, находившийся в ведении Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, сохранял за собой позиции образовательного учреждения, готовившего педагогические кадры гуманитарного и естественного профиля «с учетом потребностей в них общеобразовательных школ Северной Осетии и других регионов страны»⁹³.

В первые годы функционирования вуза в новом статусе очень высока была доля студентов заочной формы обучения. Так, на 1 января 1972 г. на восьми факультетах университета обучались 6676 студентов. Заочники (вечернее отделение к этому времени еще не было открыто) среди них составляли 62% (4143 человека). Значительное число заочников приходилось на вновь созданные факультеты. К примеру, на юридическом факультете в 1971/1972 учебном году обучались 1125 человек. Из них на дневном отделении на 1 курсе – 53, на 2 курсе – 62 человека. Остальные учились на ОЗО⁹⁴.

На рубеж 1960-х – 1970-х гг. пришелся сложнейший период организационного становления университета. Предстояло решить огромный комплекс проблем, включавших вопросы структурно-функциональной реорганизации вуза, налаживания материально-технической и финансовой базы, обеспечения учебно-методической помощи, подготовки научных и научно-педагогических кадров.

В 1970 г. материальная инфраструктура университета включала четыре корпуса общей площадью 14081 кв. метра

и полезной площадью 10542 кв. метров. На одного студента приходилось 4,1 кв. метра учебных площадей при норме 10-12 кв. метров. Поэтому практически одновременно с юридическим переоформлением статуса вуза началось возведение нового пятиэтажного учебного корпуса общей площадью 11400 кв. метров. Стройку объявили ударно-комсомольской, и каждый студент во время летних каникул обязан был отработать на строительстве корпуса в течение пяти дней. Своей очереди ожидало строительство спортивного комплекса. А пока спортивные занятия студентов факультета физического воспитания, а также других факультетов проводились в актовом зале одного из корпусов университета, в двух непригодных для спортивных занятий залах. Практиковалась также аренда помещений, принадлежавших различным спортивным обществам, финансово довольно дорого обходившаяся университету⁹⁵.

1970-е гг. явились временем значительных преобразований в структуре университета. Изменения затрагивали не только уже имевшиеся факультеты: естественно-географический, филологический, исторический и другие. Одновременно создавались новые учебные подразделения. Было реализовано решение Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР об открытии двух новых факультетов: юридического и экономического. Основой для создания этих факультетов явились Учебно-консультационный пункт Всесоюзного юридического института и Заочный институт торговли, действовавшие в Орджоникидзе.

Становление новых факультетов происходило трудно. Отсутствовали помещения для лекционных и лабораторных занятий. Испытывалась острая нехватка в квалифицированных научно-педагогических кадрах. Так при открытии экономического факультета были сформированы две кафедры. На одной из них работали 7 человек, из них один кандидат наук. Вторая кафедра состояла из одного сотрудника⁹⁶.

В 1971/1972 учебном году ситуация несколько улучши-

лась. В штате кафедры экономики и организации торговли работали 5 преподавателей (в том числе один кандидат наук), а также четыре лаборанта в пяти лабораториях кафедры. На кафедре планирования промышленности числились семь преподавателей (в том числе четыре кандидата наук, из них два доцента) и один – заведующий кабинетом. Из-за нехватки преподавателей приходилось приглашать почасовиков, не всегда обладающих должной научной и педагогической подготовкой. Факультет обслуживал большое количество университетских кафедр, что также усложняло организацию учебного процесса. Низкий профессиональный уровень преподавателей негативно влиял на содержание учебных планов. Из-за нехватки помещений и штатных преподавателей занятия проводились во вторую смену. Это, помимо всего прочего, мешало студентам пользоваться читальными залами библиотеки, что крайне усложняло при нехватке учебников по многим предметам подготовку к лабораторным и практическим занятиям. Все эти обстоятельства, в итоге, порождали низкую успеваемость. В отмеченном году по результатам зимней сессии экономический факультет занимал по показателям общей успеваемости шестое место среди восьми факультетов, а по показателям качественной успеваемости – последнее. Причем, физико-математический факультет, занимавший предпоследнее место, имел в два раза более высокий показатель качественной успеваемости⁹⁷.

Не меньше проблем пришлось решать организаторам юридического факультета. Здесь на двух кафедрах работали по шесть штатных сотрудников. Кроме того, на кафедре правовых дисциплин по совместительству преподавали профессор Тбилисского университета Л.С. Джомарджидзе и председатель Верховного суда СОАССР Т. Чеджемов. На кафедру теории и истории государства и права приглашен в качестве лектора министр юстиции республики Ю. И. Кониев.

Тем не менее, несмотря на предпринимаемые усилия, потребность в высокопрофессиональных кадрах преподавате-

лей по-прежнему была огромной. Интересные свидетельства о том, как руководители университета пытались решать эту проблему, содержатся в воспоминаниях А. Х. Галазова в бытность его ректором университета. Он пишет о том, как в декабре 1976 г., лишь недавно утвержденный в должности ректора СОГУ, присутствовал на семинаре-совещании ректоров университетов, педагогических, юридических вузов, институтов культуры и искусства СССР. На совещании А. Х. Галазов встретился с ректором МГУ Р. В. Хохловым. Он выразил желание найти в МГУ для своего университета докторов наук, ученых, плохо в материально-бытовом плане устроенных в Москве, и передал заверение первого секретаря обкома КПСС Б. Е. Кабалоева, о том, что специалистам будут предоставлены жилье и другие льготы. Хохлов дал поручение подготовить список таких ученых, но заметил при этом: «Никакой ректор не только не отдаст стоящих специалистов, но даже аспиранта»⁹⁸. Ярким подтверждением этих слов была история, случившаяся несколькими годами раньше в бытность предыдущего ректора СОГУ А. Х. Гудиева. Имея предварительную договоренность с Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР, он пригласил доктора юридических наук, профессора Свердловского юридического института Б. А. Стародубского для замещения должности заведующего кафедрой истории государства и права юридического факультета Северо-Осетинского государственного университета. Однако руководство Свердловского юридического института решительно отказалось отпустить профессора Стародубского, занимавшего в институте аналогичную должность, заявив, что это «может привести к срыву учебного процесса и планов научных исследований». В переписку по этому вопросу включился Северо-Осетинский обком КПСС, обратившийся непосредственно к первому секретарю Свердловского обкома партии. Попытка решить вопрос в пользу Северо-Осетинского университета закончилась неудачей⁹⁹. Однако работа в данном направлении продолжалась.

Одним из важных направлений в работе университета стала подготовка научных кадров. Вновь организованное высшее учебное заведение должно было превратиться в образовательный центр, способный обеспечить университетский уровень подготовки специалистов в условиях научно-технической революции. В университете была восстановлена аспирантура. По данным на 1 января 1970 г. в ней обучалось 34 человека. Одновременно по целевым направлениям в различных вузах страны учились 15 человек, еще 10 человек были прикреплены к ним в качестве стажеров.

В первые годы работы СОГУ нехватка научно-педагогических кадров отчасти восполнялась за счет привлечения специалистов из других вузов. В 1969 г. на конкурсной основе были приняты профессор, доктор наук В.К. Цвирко (анатомия) и 10 доцентов и кандидатов наук, в том числе Т. Чочиев (математика), Б. Медоев (химия), Ф. Долгов (география), А. Казиев (политэкономия), Г. Филатова (литература). В 1969/70 учебном году штат профессорско-преподавательского состава вуза равнялся 303 единицам, всего же работали 306 человек, из них 12 докторов наук и 107 кандидатов наук¹⁰⁰. В 1971/72 учебном году на 30 кафедрах работали уже 343 преподавателя, из них 127 имели степень доктора и кандидата наук. Среди ведущих преподавателей кафедр естественных и общественных наук университета были М.М. Блиев, И.С. Виноградов, М.И. Гиоев, Н.И. Калоев, В.А. Катаев, Н.И. Люткин, А.А. Магометов, Б.Х. Ортабаев, Б.М. Мостиев, М.С. Тотоев, Н.Ф. Шотаев и др.

В целях повышения научного уровня обучения и преподавания руководство университета приглашало для чтения лекций и проведения консультаций специалистов из ведущих вузов страны. В начале 1970-х гг. студентам СОГУ читали лекции профессора МГУ С.С. Ковалев (география), И.Л. Епифанов (история), Н.С. Киняпина (история), профессор ЛГУ В.А. Мануйлов (литература), профессор Московского института мировой литературы Е.М. Евнина, профессор Ро-

стовской Высшей Школы МВД К. Г. Федоров (правоведение) и др.¹⁰¹

Продолжалась подготовка кадров через аспирантуру и докторантуру. В течение 1971 г. докторскую диссертацию защитили три человека, кандидатскую – один. В аспирантуре вуза к концу года обучались 53 человека, в других вузах еще 16 человек. Трое выпускников исторического факультета СОГУ в 1972 г. решением ГЭК под председательством Н. С. Киняпиной получили дипломы с отличием и рекомендации в аспирантуру. В 1971 г. впервые 10 студентов университета были направлены для продолжения обучения в Московский, Ленинградский и Новосибирский государственные университеты¹⁰².

В связи с переходом на университетские планы проводилась большая учебно-методическая работа. Разрабатывались спецкурсы и спецсеминары, создавались лабораторные практикумы, совершенствовались в соответствии с новыми требованиями и достижениями науки прежние курсы. Модернизировались лабораторные площадки. В 1971 г. созданы новые лаборатории по атомной и ядерной физике, рентгеноструктурному анализу, аналитической и неорганической химии.

В 1981 г. в СОГУ насчитывалось 9 факультетов и 41 кафедра, на которых трудились 400 преподавателей и научных работников, в том числе 20 профессоров, докторов наук и 190 доцентов, кандидатов наук. В университете обучались около 7 тыс. студентов, более одной трети из них являлись вечерниками и заочниками. В распоряжении преподавателей, научных работников и студентов находились богатая фундаментальная библиотека с благоустроенными читальными залами, светлые аудитории, многочисленные лаборатории и кабинеты, уникальный зоологический музей, вычислительный центр и другие технические средства обучения. Вуз готовил специалистов по самым разным направлениям гуманитарного и естественного цикла: филологов, историков, химиков, математиков, юристов,

экономистов – всего по 14 специальностям. В аспирантуре обучались 50 человек по специальности «физика», «математика», «философия», «история КПСС», «история СССР», «всеобщая история»¹⁰³.

Как отмечалось выше, к концу исследуемого периода в вузах республики налицо был абсолютный рост численности выпускников по всем специальностям, за исключением медицинских. Здесь произошло абсолютное и доленое снижение. Наблюдалось также уменьшение удельного веса выпускников по инженерным и сельскохозяйственным специальностям. Такое положение было характерно для всей образовательной системы страны. Оно являлось результатом насыщения народного хозяйства специалистами.

Аналогичные изменения происходили в системе среднего специального образования. С 1960/61 по 1965/66 учебный год численность учащихся в техникумах и училищах республики выросла с 8,0 тыс. до 13,7 тыс. человек, т. е. в 1,7 раза. Здесь, также как и в высшей школе, наибольший количественный рост пришелся на 1970 год, когда численность учащихся средних профессиональных учебных заведений достигла 16027 человек. Но в последующие годы наблюдается обратная тенденция: происходит абсолютное сокращение численности обучавшейся в техникумах и училищах молодежи. В 1983 г. в них насчитывалось 13865 учащихся¹⁰⁴.

Среди выпускников традиционно высока была доля специалистов, готовившихся для индустриальных и сельскохозяйственных отраслей производства. Так, в 1970 г. 1726 специалистов (48,9% всех выпускников) готовились для работы в промышленности, строительстве, транспорте и связи. В сельское хозяйство было направлено 309 специалистов (8,7%). Остальные выпускники (42,4%) являлись специалистами в сфере просвещения, культуры, здравоохранения, бытового обслуживания. В 1983 г. для индустриальных отраслей было подготовлено 1647 специалистов (42,0%), для сельскохозяйственного производства 351 специалист (9,0%)¹⁰⁵.

Доля выпускников по техническим специальностям оставалась высокой и в последующем. Вместе с тем, в конце 1970-х – начале 1980-х гг. наметилась тенденция повышения удельного веса кадров специалистов для работы в сфере социально-бытового обслуживания, просвещения, культурно-просветительных учреждений. К примеру, из средних специальных учебных заведений республики, готовивших кадры для работы в сфере искусства и кинематографии, в 1970 г. было выпущено 90, в 1980 г. – 173, в 1983 г. – 156 специалистов¹⁰⁶.

В отличие от вузов в средних специальных учебных заведениях во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. рост числа учащихся происходил только по двум формам обучения: дневной и заочной. При этом наибольший прирост контингента учащихся, как и в вузах, пришелся на первую половину 1960-х гг. С 1960/61 по 1965/1966 учебные годы количество обучавшихся на дневных отделениях увеличилось с 4,6 тыс. до 6,8 тыс. человек, на заочных – с 2,7 тыс. до 4,9 тыс. человек. За этот же период на вечерних отделениях рост составил от 0,7 до 2,0 тыс. человек. Но на протяжении 1970-х гг. произошло абсолютное сокращение численности студентов вечерних отделений техникумов и училищ. В 1983/84 учебном году этой формой обучения были охвачены лишь 300 человек. На заочных отделениях также произошло сокращение численности учащихся с 5,1 тыс. в 1970/71 учебном году до 4,2 тыс. в 1983/84 учебном году, хотя удельный вес заочников по-прежнему оставался довольно высоким (30,7%). Что же касается дневных отделений, то здесь ситуация не претерпела существенных изменений. В 1970/71 учебном году на дневных отделениях обучением было охвачено 9,0 тыс. студентов. В последующие годы ситуация стабилизировалась: показатели колебались, но в небольшом диапазоне. В 1983/84 учебном году количество дневников составляло 9305 человек. За период с 1965/66 по 1983/84 учебный год удельный вес обучавшихся на дневных отделениях среди

всех студентов средних специальных учебных заведений республики вырос с 49,6 до 67,1%¹⁰⁷.

В отличие от средних специальных учебных заведений в системе высшего образования произошло значительное расширение вечерней и заочной форм обучения. Количество студентов на протяжении 1960-х гг. росло по всем трем формам обучения, но опережающими темпами развивались в первую очередь вечерняя и заочная формы обучения. Так, если численность студентов дневных отделений вузов республики выросла с 4988 в 1960/61 учебном году до 10106 человек в 1970/71 учебном году (в 2 раза), то заочников – с 3126 до 8682 (в 2,8 раза) и вечерников – с 306 до 985 человек (в 3,2 раза). Удельный вес студентов заочной и вечерней формы обучения за это же время вырос с 40,8 до 48,9%.

В 1970-е гг. показатели роста в вузах стабилизируются, и в последующем наблюдается некоторое снижение численности студентов высших учебных заведений республики. В 1980/81 учебном году в них насчитывалось 19168 человек, 11256 из которых учились на дневных отделениях. В процентном отношении эта цифра составляла 58,7% всех студентов вузов республики. На вечерних и заочных отделениях обучались соответственно 2201 (11,5%) и 5711 (29,8%) студентов. Таким образом, на заочников и вечерников по-прежнему приходилась значительная доля обучавшихся в вузах республики студентов – 41,3%. Однако к этому времени, как следует из приведенных выше данных, заочная форма обучения в системе высшего образования несколько уступила свои позиции вечерней форме обучения¹⁰⁸.

Вечерние отделения, которые стали открываться при всех высших учебных заведениях республики с начала 1960-х гг. (в СОГУ в 1974 г.), представляли собой в 1970-е гг. наиболее динамично развивающуюся форму обучения в системе высшей школы. Удельный вес студентов вечерней формы обучения в общей массе студенчества с 1960/61 по 1983/84 учебные годы увеличился с 3,6 до 12,3%. По сравнению с долей студентов

дневной и заочной формы обучения этот показатель был невелик. Но абсолютная численность «вечерников» выросла с 306 до 2329 студентов (в 7,6 раза). За тот же период численность всех обучающихся в вузах республики поднялась с 8420 по 18972 (в 2,2 раза)¹⁰⁹.

Прирост студентов вечерних отделений в 1983/84 учебном году по сравнению с 1970/71 учебным годом составил 236,4%, на дневных отделениях – 105,7%. На заочных же отделениях произошло абсолютное сокращение численности студентов. По отношению к показателю 1970 г. эта цифра составляла 68,6%. Тем не менее, удельный вес обучающихся на заочных отделениях по-прежнему оставался высоким. Вместе со студентами вечерних отделений вузов Северной Осетии он равнялся 43,7%¹¹⁰.

Вечерняя и заочная формы обучения были особенно привлекательны для работающей части населения. Вечерникам и заочникам предоставлялись льготы на время учебы. В период экзаменационных сессий успевающие студенты получали оплачиваемые отпуска (на 1-2 курсах – 30 дней, на старших курсах – 40 дней в год), во время сдачи государственных экзаменов – 30 дней. В период написания и защиты дипломной работы студенты вечерних и заочных отделений имели право на четырехмесячный отпуск.

Популярность вечерних и заочных отделений институтов из года в год росла. Однако по качеству подготовки будущих специалистов они по-прежнему уступали дневным отделениям вузов. Вузы не располагали материальными и организационными возможностями наладить нормальный учебный процесс. Практиковалось преподавание лекционных курсов и практических занятий по сокращенному варианту, не хватало аудиторных и лабораторных помещений, часто в дефиците была учебно-методическая литература, порой оставлял желать лучшего уровень профессиональной подготовленности преподавателей, отсутствовала системность в овладении знаниями. Работающая молодежь была ограничена во времени при под-

готовке к занятиям, часто не имела возможности пользоваться библиотекой. Неудивительно, что все эти обстоятельства нередко влияли на поведенческую мотивацию определенной категории студентов-заочников и вечерников, не проявлявших заинтересованности в качестве и глубине усвоения учебного материала.

В результате, опасность снижения уровня профессиональной квалификации молодых специалистов, среди которых высока была доля выпускников вечерних и заочных отделений вузов, ежегодно во все возрастающих количествах пополнявших отрасли народного хозяйства, приобретала реальные очертания. Особенно неблагоприятное мнение формировалось в отношении заочного обучения, которое в известной мере опорочивалось низкой организацией учебного процесса и нередко формальным подходом к оценке уровня научно-образовательной подготовки специалистов¹¹¹.

Тем не менее, выпускники школ или представители более взрослых возрастных категорий, не сумевшие поступить на дневные отделения вузов, не намерены были отказываться от очевидных преимуществ вечерней или заочной формы обучения. В общественном мнении прочно укоренилось представление о престижности учебы в вузе. Диплом о высшем образовании давал молодому человеку возможность повысить не только свой профессиональный, но, что представлялось еще более важным, социальный статус. Обладатель диплома о высшем образовании имел предпочтительные по сравнению с «необразованным» членом общества шансы занять официальный пост и обеспечить себе карьерный рост. Ежегодно тысячи абитуриентов оспаривали право на поступление в институты республики и других высших учебных заведений страны. Однако в конце 1960-х и особенно в 1970-е гг. перспективы поступления в вузы для значительного числа выпускников средних школ оказываются все менее очевидными.

Сопоставление статистических данных о количестве выпускников средних общеобразовательных школ Северной

Осетии и поступивших в вузы республики позволяет сделать вывод о том, что на рубеже 1970-х – 1980-х гг. немногим более половины выпускников средних школ республики имели шанс продолжить учебу в вузе. Так, полную среднюю школу закончили в 1975 г. 5857 человек, в 1980-6355 человек и в 1983-5852 человека. В эти же годы прием в вузы Северной Осетии составил соответственно 3488, 3663 и 3667 человек¹¹². Следует иметь в виду, что среди первокурсников, помимо окончивших среднюю общеобразовательную школу, были также выпускники ПТУ, средних специальных учебных заведений и подготовительных отделений вузов¹¹³.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1969 г. «Об организации подготовительных отделений при высших учебных заведениях» корректировало ситуацию в пользу работающей на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах молодежи. Отработавшие на производстве в течение двух лет, а также отслужившие в армии молодые люди получали преимущественное право поступления в вузы через систему подготовительных отделений, создававшуюся при высших учебных заведениях страны. Подготовительные отделения, ориентировавшиеся, прежде всего, на выходцев из среды рабочих и крестьян, рассматривались в качестве эффективного механизма регулирования социального состава учащейся молодежи.

Несмотря на позитивность такого подхода с точки зрения формирования социально ориентированной системы высшего образования, механизм осуществления образовательной политики в этой сфере оказался далеко не свободным от недостатков. В вузы приходило все больше молодых людей с низкой общеобразовательной подготовкой. Это не могло не сказываться на последующей учебе в вузе, на способности на должном уровне усваивать специальные знания. Количество специалистов с высшим образованием занятых в народном хозяйстве Северной Осетии, быстро росло. С 1970 по 1979 г. их численность увеличилась с 34869 до 54951 чело-

век. В процентном отношении этот показатель вырос от 15 до 17,2% от всего населения, имевшего высшее и среднее образование (законченное и незаконченное). Но качественные характеристики подготовки специалистов улучшались очень медленно¹¹⁴.

Серьезной проблемой, негативно влиявшей на всю систему подготовки профессиональных кадров, являлась неверная профессиональная ориентация выпускников средних учебных заведений. Нередко большое число абитуриентов при выборе вуза, которое оно намеревалось «штурмовать» в период вступительных экзаменов, руководствовалось не своими способностями, склонностями к тому или иному делу, а соображениями престижности избираемой профессии или оценкой вероятности поступления.

В конечном итоге, подобный подход к выбору специальности также отрицательно влиял на уровень профессиональной подготовленности кадров специалистов. Между тем, умение решать современные научно-технические задачи и осваивать инновационные технологии становилось жизненно важной задачей в условиях постоянно нарастающего соперничества двух мировых систем.

Объективно технократизация образованного слоя на протяжении 1950-х – 1970-х гг. диктовалась потребностями научно-технического прогресса. Усилия государства, направленные на обеспечение потребностей растущего производства, в том числе отраслей, связанных с оборонной промышленностью, в квалифицированных специалистах технического профиля, способствовали к концу 1970-х гг. насыщению отраслей народного хозяйства этими кадрами. Но попытка решить проблему в короткие сроки привела к отставанию качественных профессиональных характеристик от количественного роста инженерно-технических кадров в экономике страны.

Обратной стороной ускоренного процесса технократизации образования явилось резкое падение в отмеченные годы

уровня материальной обеспеченности инженерно-технического персонала. В 1950-е гг. зарплата советского инженера почти вдвое превышала заработок среднего рабочего и была выше оклада конторского служащего, что соответствовало мировым тенденциям. В 1970-е – 1980-е гг. наблюдалась устойчивая тенденция повышения размера заработной платы рабочих по сравнению с оплатой труда инженерно-технического персонала. В итоге, во многих отраслях промышленности стало нормой, что инженер получал за свой труд меньше рабочего. В первой половине 1980-х гг. среднемесячная зарплата инженерно-технических работников (ИТР) была выше зарплаты рабочих в среднем на 11 %, т. е. вдвое меньше оптимального расхождения. Но во многих отраслях показатели были хуже среднестатистических. К примеру, в строительстве инженерно-технические работники зарабатывали меньше рабочих. В подобной ситуации уже никого не удивляло, что дипломированный специалист мог оставить инженерную должность ради рабочей профессии. В 1983 г. число инженеров обдуманно сменивших костюм на рабочую робу увеличилось по сравнению с 1970 г. в 6 раз¹¹⁵.

Низкий уровень оплаты труда отрицательным образом сказывался не только на материальном положении инженерно-технических кадров. В социальном плане крайне негативным последствием реализуемой государством политики в сфере оплаты труда специалистов высокой квалификации явилось резкое падение престижности инженерной специальности. Профессия инженера, еще недавно столь востребованная и желанная, катастрофически теряла свою привлекательность в общественном мнении. Анекдоты о бедном инженере стали частью обыденной жизни советских людей. Наряду с тем, теряли социальную привлекательность учебные заведения, готовившие специалистов инженерно-технического профиля. Эта участь не миновала и Северо-Кавказский горно-металлургический институт, одно из ведущих учебных заведений на Северном Кавказе.

В целом развитие системы среднего и высшего профессионального образования в Северной Осетии во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг., по-прежнему, диктовалось социально-экономическими и политическими запросами общества. Деятельность профессиональной школы строилась в соответствии с утилитарно-практическими задачами обеспечения народно-хозяйственного комплекса квалифицированными кадрами специалистов. Данное обстоятельство определяло в целом количественные и качественные изменения в структуре вузов, техникумов и училищ республики в отмеченные годы. Шел абсолютный рост численности студентов и учащихся в этих учебных заведениях. Особенно впечатляющим он был по вечерним отделениям вузов республики. Дальнейшее развитие получила и политика технократизации образованного слоя общества. Но со временем в развитии профессиональной школы все более отчетливо проявлялись негативные тенденции. По ряду направлений наблюдалось явное отставание качественных профессиональных характеристик от количественного роста ежегодно выпускаемых молодых специалистов. Это обстоятельство особенно болезненно затронуло технические кадры специалистов. При резком падении уровня материальной обеспеченности инженерно-технического персонала престиж технических специальностей и вместе с ними учебных заведений этого профиля упал, что нашло яркое отражение в системе профессионального образования Северной Осетии.

Примечания к главе 3:

1. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С.113.
2. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С.113, 114.
3. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 119.
4. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. Орджоникидзе, 1981. С. 35-36.

5. Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 62.
6. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 34.
7. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 41, 42.
8. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 6. Д. 546. Л. 17, 19.
9. Культурное строительство в Северной Осетии. 1941-1977. Т. 2. С. 116.
10. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1958. С.116, 119, 120.
11. Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 62.
12. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 644. Л. 19, Культурное строительство в Северной Осетии. 1941-1977. Т. 2. С. 119.
13. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 644. Л. 19.
14. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 627. Л. 86; Д. 634. Л. 541.
15. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 121.
16. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. С. 120.
17. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 119.
18. Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР. Стат. ежегодник. М., 1959. С. 461; Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 63.
19. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. С. 120.
20. История Владикавказа. Сб. документов и материалов. Владикавказ, 1991. С. 779-780
21. КПСС в резолюциях... М., 1985. Т. 8. С. 190-192, 245-249.
22. История Владикавказа. Сб. документов и материалов. С. 779-780.
23. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 6. Д. 42. Л. 129, 130; Д. 46. Л. 92.
24. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Ед. хр. 2. Л. 46, 47.
25. Народное хозяйство СОАССР. С. 120-121.
26. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2003. Т. 2. С. 353, 354.
27. РГАСПИ, Ф. 566. Оп. 16. Ед. хр. 2. Л. 71.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 198. Л. 2, 3.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 198. Л. 3.
30. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 6. Д. 369. Л. 84.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 241. Л. 48.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 241. Л. 48, 49.

33. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Ед. хр. 48. Л.47.
34. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Ед. хр. 92. Л. 113.
35. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Ед. хр. 41. Л. 31.
36. ЦГА РСО – А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 308. Л. 2
37. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. Сборник. С. 120; Северная Осетия в восьмой пятилетке. Стат. Сборник. С. 152.
38. Рассчитано по: Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. 120; Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Стат. сб. Орджоникидзе, 1964. С. 181-182; Северная Осетия за годы советской власти. С. 218.
39. Рассчитано по: Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. С. 181-182; Северная Осетия за годы советской власти. С. 218.
40. Северная Осетия в восьмой пятилетке. Стат. Сборник. С.152, 154.
41. Рассчитано по: Северная Осетия за годы советской власти. С.222; Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. С. 182.
42. Северная Осетия за годы советской власти. С. 224.
43. Северная Осетия за годы советской власти. С. 219.
44. От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 162.
45. Северная Осетия за годы советской власти. С. 224.
46. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 47.
47. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 42.
48. Северная Осетия за годы советской власти. С. 219.
49. См.: Текиев В.Д. К сияющим вершинам. С. 70; Северная Осетия за годы советской власти. С. 69-70.
50. Текиев В.Д. К сияющим вершинам. С. 224..
51. Текиев В.Д. К сияющим вершинам. С. 73-74.
52. История Северо-Осетинской государственной медицинской академии. С. 11.
53. История Северо-Осетинской государственной медицинской академии. С. 12.
54. Северная Осетия за годы советской власти. С. 73.

55. См.: Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С.74; Северная Осетия за годы советской власти. С. 219.
56. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп.1, Д. 634. Л. 33.
57. Северная Осетия за годы советской власти. 224.
58. Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. С. 82-183; Северная Осетия за годы советской власти. С. 224.
59. ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп.1. Д. 561. Л. 30; Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 57.
60. Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 70; Северная Осетия за годы советской власти. Стат. сборник. С. 220-222.
61. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. С. 120; Северная Осетия за годы советской власти. С. 218.
62. Северная Осетия за годы советской власти. С. 219-220.
63. См.: Северная Осетия за годы советской власти. С. 220-222.
64. Рассчитано по: Северная Осетия за годы советской власти. С. 224.
65. Рассчитано по: Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. С. 120; Северная Осетия за годы советской власти. С. 218
66. Рассчитано по: Народное хозяйство СОАССР. Стат. сб. Орджоникидзе, 1958. С. 120-121; Северная Осетия за годы советской власти. С. 218.
67. Северная Осетия за годы советской власти. С. 227.
68. По данным переписи 1970 года русские составляли 36,6% всего населения республики и 45,2% городского населения; осетины составляли соответственно 48,7% всего населения и 39,8%. городского – Северная Осетия в восьмой пятилетке. Стат. сборник. С. 10.
69. См.: Студенческие брожения в СССР (конец 1956 года) // Вопросы истории. 1997. №. 1.
70. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 47. Д. 10. Л. 40.
71. КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 11. С. 237.
72. История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 3. С. 118.
73. Черджиев Х. С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. С. 62-63.
74. От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 98-99.
75. От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 100.

76. От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 101-102.
77. Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 49.
78. От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 100.
79. От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 102.
80. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С.140.
81. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С.140-141.
82. От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 104-105.
83. От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 105.
84. Северная Осетия в восьмой пятилетке. Орджоникидзе, 1972. С. 130; Северная Осетия за годы одиннадцатой пятилетки. Орджоникидзе, 1986. С. 90.
85. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 134, 140.
86. Культурное строительство в Северной Осетии. Т.2. С.141; От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 103.
87. Северная Осетия за годы одиннадцатой пятилетки. С. С. 90.
88. Северная Осетия за годы десятой пятилетки. С.104; Северная Осетия за 60 лет автономии С. 108-109.
89. История Северной Осетии. XX век. С. 477; Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С.134.
90. Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 108-109; Северная Осетия за годы десятой пятилетки. С. 104.
91. Северная Осетия за 60 лет автономии. С.110; Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Стат. сборник. С.183.
92. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С.145.
93. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С.145.
94. ЦГА РСО-А. ФР. 128. Оп. 6. Д. 209. С. 14. Д. 211. Л.3.
95. ЦГА РСО-А. ФР. 128. Оп.6. Д. 209. Л 17. Д. 85. Л. 44.
96. ЦГА РСО-А. ФР. 128. Оп.6. Д. 209. Л 17. Д.1. Л. 64.
97. ЦГА РСО-А. ФР. 128. Оп. 6. Д. 212. Л. 57.
98. Галазов А. Х. Пережитое. М., 2002. С 193.

99. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 26. Д. 406. Л.74..
100. ЦГА РСО-А. ФР.128. Оп. 6. Д.85. Л.28.
101. ЦГА РСО-А. ФР.128. Оп. 6. Д. 209. Л. 6; Д. 211. Л. 25.
102. ЦГА РСО-А. ФР.128. Оп. 6. Д. 209. Л.28; Д. 211. Л. 28.
103. Галазов А. А. Кузница педагогических и научных кадров // Мах дуг, 1981. №5. С. 76.
104. Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 109.
105. Северная Осетия за 60 лет автономии. С.110.
106. Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 110.
107. Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 108,109; Северная Осетия за годы десятой пятилетки. С. 104.
108. Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 108.
109. Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 108-109.
110. Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 109.
111. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Ед. хр. 74. Л. 8.
112. Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 107, 109.
113. Часть выпускников поступала в другие вузы страны, но это число было, как правило, незначительно и особо не влияло на общие показатели.
114. Рассчит. по: Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 6, 8.
115. Новейшая история Отечества. XX век. М., 1998. Ч. 2. С. 344.

ГЛАВА 4. РАЗВИТИЕ НАУКИ И НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х гг.

4.1 Формирование структурных подразделений и кадрового потенциала науки в послевоенное десятилетие

В культурной политике советского государства послевоенного времени науке как важнейшему фактору, обеспечивавшему восстановление и дальнейшее развитие страны, уделялось особое внимание. Поэтому, несмотря на огромные материально-финансовые трудности, предпринимались меры, нацеленные на восстановление и расширение научного пространства. Во всех регионах Советского Союза, в том числе в национальных республиках, постепенно налаживалась деятельность научных учреждений, восстанавливался и укреплялся материально-технический и кадровый потенциал.

К окончанию Великой Отечественной войны научное пространство Северной Осетии включало сеть научно-исследовательских учреждений разноуровневого подчинения, которые условно можно подразделить на три основные структурные подразделения: промышленная, вузовская и собственно республиканская наука.

Промышленная наука включала внутренние поисковые подразделения промышленных предприятий союзного и федерального подчинения. К ним относились научные лаборатории, опытные станции, опытно-конструкторские бюро, действовавшие на заводе «Электроцинк», Вагоноремонт-

ном заводе. Наиболее крупным по объему и результативности выполняемой научно-исследовательской работы являлся опорный пункт Центрального научно-исследовательского института крахмально-паточной промышленности при Бесланском маисовом комбинате. Вузовская наука развивалась на базе научно-исследовательских лабораторий, научно-производственных центров, опытных хозяйств высших учебных заведений республики. В определяющей степени деятельность научных подразделений Северо-Кавказского горно-металлургического, Горского сельскохозяйственного и других институтов республики носила практический, прикладной характер и нацеливалась на обеспечение потребностей промышленных и сельскохозяйственных предприятий республики. В качестве основных структурных элементов республиканской науки выделялись Северо-Осетинский научно-исследовательский институт, Республиканский музей краеведения, Центральный государственный архив, Республиканская научная библиотека, республиканская селекционная станция и др. Научная деятельность всех этих учреждений осуществлялась под непосредственным контролем партийно-государственных органов и была ориентирована на решение задач социально-экономического, политического и культурно-просветительского характера.

Война нанесла огромный урон кадровому потенциалу науки в Северной Осетии. Стремясь хотя бы отчасти восполнить потери, понесенные научной интеллигенцией республики в годы войны, руководство вузов и научных учреждений при активном содействии местных партийно-советских органов изыскивало возможности для наращивания кадрового потенциала научных учреждений. Предпринимались конкретные шаги по возвращению в Северную Осетию ученых, аспирантов, призванных во время войны в Красную Армию и продолжавших службу в различных уголках огромной страны. К примеру, на протяжении 1946 г. дирекция Северо-Осетинского НИИ вела переписку с Политуправлением Ставропольского военного

округа, а затем с Северо-Кавказским военным округом с просьбой демобилизовать капитана М. С. Тотоева из рядов Красной Армии «в связи с острой нуждой в национальных кадрах»¹. В том же году Северо-Осетинский обком ВКП (б) по ходатайству СОНИИ обратился с письмом к начальнику Главного политического управления Вооруженных Сил СССР с аналогичной просьбой по поводу Авр. Г. Кучиева, являвшегося преподавателем общественно-политических дисциплин в авиационном полку Аэрофотослужбы Высшего командного состава, базировавшегося в Красноярске².

С целью закрепления имевшихся научных кадров и стимулирования научной деятельности активно использовалась система материальных рычагов. Как известно, в марте 1946 г. в СССР в среднем более чем в два раза была повышена заработная плата профессорско-преподавательскому составу и научным работникам. Зарплата профессора, доктора наук поднята с 2 тыс. до 5 тыс. рублей, доцента, кандидата наук 1,2 до 3,2 тыс. рублей. Соотношение зарплаты доцента, кандидата наук и квалифицированного рабочего составляло примерно 4 к 1, профессора, доктора наук – 7 к 1³.

Заметно улучшилось и материальное обеспечение сотрудников научных учреждений национальных автономий. Так, с 1 апреля 1946 г. были повышены оклады сотрудникам Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Директору СОНИИ, имевшему ученую степень доктора наук или звание профессора, назначался оклад 4,8 тыс. рублей в месяц, имевшему ученую степень кандидата наук – 4 тыс. рублей. Доктор наук, занимавший должность старшего научного сотрудника получал 2,8 тыс. рублей и кандидат наук – 2,2 тыс. рублей. На 50% повышались должностные оклады и младшим научным сотрудникам, не имевшим ученой степени и звания⁴. Ученые могли рассчитывать на получение гонораров за выполнение заказных научных исследований. Так, за один печатный лист текста первого тома коллективной монографии «История Северо-Осетинской АССР с древнейших

времен до наших дней» была установлена плата в 2,25 тыс. рублей⁵.

Острота всеобщего дефицита первых послевоенных лет несколько смягчалась благодаря существовавшей в стране карточной системе. Распределение промышленных и продовольственных товаров среди сотрудников учебных заведений и научных учреждений происходило по принципу «литерного снабжения», зависевшего от занимаемой должности, сложности выполняемой работы и других профессиональных и социальных характеристик. Например, в 1945 г. директор научно-исследовательского института снабжался по списку «в», кандидаты наук или заведующие отделами – по списку «д» и остальные научные сотрудники – по списку «е»⁶. Изыскивались возможности и по улучшению жилищно-бытовых условий⁷.

Активно использовались меры морального стимулирования научной деятельности (награды, премирование промышленными товарами и др.). В июле 1946 г. руководство Северо-Осетинского НИИ обратилось в Президиум Верховного Совета республики с ходатайством присвоить звание заслуженного деятеля науки СОАССР «лучшему исследователю осетинского языка и фольклора» В.И. Абаеву. В том же году кандидатура В.И. Абаева была выдвинута дирекцией института на соискание звания члена-корреспондента АН СССР по специальности «Восточная филология»⁸.

В августе 1946 г. в ознаменование 60-летнего юбилея Указом Президиума Верховного Совета СССР один из старейших сотрудников Северо-Осетинского педагогического института, известный краевед и литературовед Л. П. Семенов был награжден орденом Трудового Красного Знамени «За плодотворную педагогическую и научную деятельность»⁹.

Социальная политика, проводимая в отношении научной интеллигенции, способствовала складыванию в общественном сознании представления о престижности занятий научной деятельностью. Средствами художественной литературы,

кино, публицистики создавался образ ученого, авторитетного и уважаемого члена общества.

Известно, что поколение послевоенных студентов наиболее быстро продвигалось по социальной лестнице, заняв почти сразу же после окончания институтов довольно высокие посты. Острая нехватка кадров и имевшийся у многих фронтовой опыт обеспечивали благоприятную почву для быстрого служебного роста. Их карьерному росту также способствовала действовавшая в вузах и научных учреждениях система аспирантуры. Продолжение образования и занятия наукой становились одним из самых престижных видов деятельности.

Вместе с тем, наряду с позитивными процессами, в научном пространстве страны в целом и регионов, в частности, усиливалась идеологическая и политическая регламентация научной деятельности. Начиная с 1946 г. развернулась кампания по восстановлению политического контроля над интеллигенцией, со временем все больше приобретающего форму усиленных идеологических проработок. Само же содержание такой «палочной» идеологии становилось все более и более зашоренным и подчас лишенным всякого смысла. Но в развитии этой формы управления поведением интеллектуалов выражалось стремление контролировать духовную жизнь общества, подчинить партийному влиянию всю интеллигенцию, вплоть до далеких от идеологии представителей точных наук¹⁰.

Ужесточение к концу 1940-х гг. идейно-политического курса в отношении научной и творческой интеллигенции нашло, в частности, выражение во введении с сентября 1948 г. персонального учета научных работников. Формировалась своеобразная база данных, дававшая представление о научных пристрастиях и научных интересах исследователя, о перемещениях по карьерной лестнице. В карточке учета фиксировались автобиографические сведения, которые позволяли прямо или опосредованно судить о социальном происхождении, о на-

циональной принадлежности, об общественно-политических взглядах человека и т. д. Обладая такой информацией, в условиях нарастающего идеологического диктата власть получала реальные рычаги для контроля умонастроений интеллигенции и корректировки поведения творческой личности в нужном ей направлении.

Показателем усиления регламентации общественной жизни, в том числе в научных и учебных учреждениях республики, явились решения V пленума Северо-Осетинского обкома ВКП (б) (февраль – март 1950 г.), состоявшегося после февральского (1950 г.) постановления ЦК ВКП (б) «О недостатках в работе Северо-Осетинского обкома ВКП (б)». Действуя в соответствии с идейно-политическими требованиями ЦК ВКП (б) к организации научно-образовательной деятельности вузов, пленум подверг резкой критике руководителей этих учебных заведений за «плохую постановку учебно-воспитательной и политической работы среди студенчества», за «допущение засоренности среди профессорско-преподавательского состава». Незадолго до этого, в 1949 г. директора медицинского и горно-металлургического институтов были сняты с должностей с формулировкой «за крупные ошибки и морально-бытовое разложение». В педагогическом институте была «вскрыта антисоветская подпольная группа»¹¹.

Об усилении давления на научную интеллигенцию в Северной Осетии свидетельствовали материалы заседания бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б), состоявшегося 27 мая 1950 г., и принятое по итогам обсуждения постановление «О подборе, расстановке и воспитании профессорско-преподавательских кадров вузов республики». Обсуждению вопроса предшествовал анализ социального состава, политических предпочтений, фактов привлечения к ответственности за политические взгляды профессорско-преподавательского состава вузов республики. Как отмечалось в справке, подготовленной к заседанию бюро обкома, из 460 человек профессорско-преподавательского состава четырех вузов республики 25% име-

ли сами или их родственники «серьезные компрометирующие материалы». Свидетельством «политической неблагонадежности» могли оказаться происхождение из «зажиточной семьи», служба в белой армии, связь с «буржуазными националистами», нахождение в плену или на оккупированной фашистами территории, наличие судимости самого, родственников или знакомых по «политической (58-ой – И. Ц.) статье», «нахождение родственников за границей», национальная принадлежность и т. д.¹²

Проводя социальные чистки среди научных и педагогических кадров республики, партийно-государственные органы использовали не раз испытанный прием – «бить наиболее видных, чтобы боялись остальные». Действительно, среди тех, кому было отказано в политической доверии, оказались многие видные представители научной интеллигенции, внесшие заметный вклад в становление высшей школы и науки в Северной Осетии. Одним из них был профессор Д. А. Тарноградский, стоявший у истоков основания Горского сельскохозяйственного института, зав. кафедрой зоологии, создатель одного из оригинальных зоологических музеев в стране, признанный ученый, известный далеко за пределами республики. Во многом благодаря его исследованиям по гидробиологии Северного Кавказа была ликвидирована малярия в данном регионе. Однако его биографические данные (происхождение из семьи крупного торговца, долгое пребывание и учеба в Сорбонском университете) воспринимались не столь однозначно, как его научные достижения. В вину заместителю директора Горского сельскохозяйственного института И. С. Грабовскому поставили то обстоятельство, что он скрыл факт принадлежности в 1921-1924 гг. к «Белорусской ассоциации студентов», члены которой были осуждены по обвинению в антисоветской деятельности. В политической неблагонадежности подозревался А. Б. Доев, осужденный в 1941 г. по 58-й статье (в 1937 г. по этой же статье был осужден его отец, офицер царской армии). Вернувшись после освобождения в Северную

Осетию, он был принят в качестве преподавателя на кафедру всеобщей истории Северо-Осетинского государственного педагогического института. Одним из тех, кто к рассматриваемому времени подвергся очередной обструкции, был филолог-языковед Б. А. Алборов зав. кафедрой Северо-Осетинского педагогического института, осужденный по обвинению в буржуазном национализме и вернувшийся из ссылки лишь в 1947 г. В 1949 г. он был восстановлен в должности. Однако через некоторое время, как отмечено в приведенной выше справке, он «вновь допустил антисоветский выпад» и был вынужден покинуть г. Дзауджикау¹³.

В списке неблагонадежных значились и многие другие профессора и преподаватели вузов Северной Осетии: зав. кафедрой поисково-разведочного дела Северо-Кавказского горно-металлургического института И. П. Шарапов («был связан по научной работе с осужденным по политической статье Крейтером»¹⁴); зав. кафедрой почвоведения Горского сельскохозяйственного института Е. В. Рубилин («выходец из социально-чуждой среды»); зав. кафедрой энтомологии Горского сельскохозяйственного института Г. Б. Бугданов («выходец из зажиточной семьи, восхвалял старую школу и высказывал антисоветские настроения»); заместитель директора Медицинского института Б. М. Брин («непроверенный в политическом отношении»), преподаватель педагогического института И. В. Малкиель («был в плену у немцев») и т. д.¹⁵

Культивирование атмосферы подозрительности, проявления «политической бдительности» в определенной степени имело следствием высокую текучесть научных и преподавательских кадров. По данным высших учебных заведений республики в течение 1948-1950 гг. в институты было принято 105 человек и уволено 72 человека. Из числа уволенных сотрудников на долю СКГМИ пришлось 23 человека. В Северо-Осетинском пединституте были уволены 30 сотрудников, причем пятеро из них в связи с арестом и осуждением на различные сроки¹⁶.

Активно поощряемая властью кадровая политика, базировавшаяся на принципе: «освобождение от лиц, не соответствующих своему назначению по политическим и деловым качествам», служила весьма эффективным профилактическим средством для предотвращения проявлений политической нелояльности со стороны наиболее образованных, интеллектуальных слоев общества. При этом совершенно очевидно, что предпочтение политических критериев отбора и аттестации научно-педагогических кадров в ущерб их профессиональным качествам крайне негативно сказывалось на научном, творческом потенциале вузов и действовавших на их базе научных учреждений. Сложившаяся система предпочтительного отбора по социально-классовым и политическим признакам усугубляла проблему острой нехватки научно-педагогических кадров. Решать ее предполагалось за счет привлечения в науку молодежи, в том числе из представителей коренной национальности. Однако отбор для поступления в аспирантуру должен был осуществляться, прежде всего, с учетом политической благонадежности, социальной принадлежности претендентов и лишь затем исходя из уровня их подготовленности, природных способностей и предрасположенности к занятиям научной деятельностью. Любые отступления от этих правил считались недопустимыми и резко пресекались.

Между тем, как отмечалось в приведенной выше справке, в 1950 г. из трех аспирантов горно-металлургического института на двоих имелись компрометирующие материалы. У аспирантки Л. М. Кузнецовой отец служил в 1919 г. в белой армии, В. И. Емекеев в годы войны оказался на оккупированной немцами территории. Большие претензии имелись к студентам медицинского института, направленным для обучения в ординатуру. Отец Н. В. Эреба был репрессирован в 1937 г. Мать А. И. Динензона Р. Т. Озерецкая являлась зав. кафедрой этого же института, а отец находился в заключении. Отец А. Г. Бараковой (писатель Гино Баракон) был арестован

в 1936 г., мать в 1938 г., брат во время войны пропал без вести, а сама находилась на оккупированной территории. Семья Б. А. Саламова была раскулачена в 1929 г. и т. д.¹⁷

Помимо политической составляющей было еще немало проблем учебно-организационного, профессионального характера, значительно осложнявших задачу подготовки профессиональных научных и педагогических кадров. Из-за недостатка квалифицированных научных руководителей, ограниченного круга диссертационных советов в вузах и научных учреждениях, материальной необеспеченности и трудностей иного порядка лишь незначительной части соискателей ученых степеней удавалось защитить диссертацию вовремя. По разным причинам некоторые аспиранты вообще выбывали из аспирантуры до окончания срока обучения. За пять послевоенных лет ни один из окончивших аспирантуру педагогического и горно-металлургического институтов не защитил диссертации. В справке Северо-Осетинского научно-исследовательского института о работе аспирантуры за 1949 год приведены данные о 19 человеках, завершивших курс обучения. Из них в срок диссертацию защитили лишь четверо: Х. Гутнов, А. Джанаев, С. Кулов и М. Тотоев. У шестерых: Б. Бигулаева, С. Куссаевой, Авр. Кучиева, С. Савкуева, А. Тедтоева и А. Хадарцевой научные работы были готовы к защите. Сведения об остальных выпускниках аспирантуры отсутствовали. В 1948 г. аспирантура Северо-Осетинского НИИ вообще оказалась перед фактом закрытия. Министерство финансов РСФСР исключило из сметы института финансирование аспирантов. Сохранить аспирантуру удалось лишь благодаря ходатайству обкома ВКП (б) и Совета Министров СОАССР. Министерство высшего образования СССР издало приказ, датированный 11 июня 1948 г., о возобновлении аспирантуры Северо-Осетинского НИИ с ежегодным приемом в количестве трех человек, начиная с 1948 г. Одновременно оно обратилось в Министерство финансов РСФСР с просьбой восстановить выплаты трем аспирантам, принятым в предыдущие годы¹⁸.

К началу 1950-х гг. был превзойден довоенный показатель числа обучавшихся в аспирантурах вузов и Северо-Осетинского научно-исследовательского института республики, хотя разрыв между предвоенным и последним военным годом был огромным. Так, в 1940 г. в заочной и очной аспирантуре обучалось 60 человек, а в 1945 г. – лишь 9 человек. Но за шесть послевоенных лет, с 1945 по 1951 год количество аспирантов в высших учебных заведениях Северной Осетии и научно-исследовательском институте выросло до 63 человек. Из них 92% обучалось в очной аспирантуре¹⁹. В большинстве своем это были аспиранты, не завершившие учебу из-за начавшейся войны и продолжившие обучение в послевоенные годы.

С 1954 г. приказом заместителя министра культуры СССР С. В. Кафтамова в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте было разрешено организовать аспирантуру «с контингентом приема аспирантов с отрывом от производства» по четырем специальностям: «история Северной Осетии», «осетинский язык», «экономика сельского хозяйства», «экономика деревоперерабатывающей промышленности»²⁰.

Подготовка аспирантов осуществлялась и за пределами республики. К примеру, в ноябре 1944 г. Президиум Академии наук СССР выделил для Северной Осетии 15 вакансий в аспирантуру (в том числе 8 в докторантуру) институтов Академии наук. Причем Совнарком Северо-Осетинской АССР давали право самому выбирать специальности, по которым должна была осуществляться подготовка научных кадров. В дополнение к аспирантуре в научно-исследовательских учреждениях Академии наук СССР предполагалась организация научной помощи и консультаций. Воспользоваться этими возможностями удавалось редко, поскольку Академия наук не располагала общежитиями и гостиницами для командированных научных сотрудников²¹.

Тем не менее, последовательная реализация курса на подготовку научных кадров давала ощутимые результаты. К середине 1950-х гг. по сравнению с последним предвоенным

годом численность работников, занимавшихся научной деятельностью, выросла почти в два раза. О положительной динамике в составе специалистов высшей квалификации свидетельствовало изменение соотношения между численностью остепененных научно-педагогических кадров и количеством студентов и учащихся. Если в 1940 г. на одного кандидата или доктора наук приходилось 127 студентов и учащихся, то в 1956 г. – 85 человек, то есть в полтора раза меньше. За неполные десять лет, с 1947 по 1956 год численность научных работников и преподавателей со степенью в научных учреждениях, высших и средних специальных учебных заведениях республики увеличилась со 122 до 187 человек. Наибольший прирост пришелся на научных сотрудников со степенью кандидата наук. Вместе с тем, росло и количество докторов наук. Так, если в 1947 г. в вузах и научных учреждениях республики работали только 17 докторов наук, то в 1956 г. их число выросло до 23²².

Приведенные выше цифры, незначительные в масштабах страны, объективно положительно характеризовали научное развитие небольшой республики, немногочисленные научные кадры которой были обескровлены сначала в ходе политических репрессий 1930-х гг., а затем в Великой Отечественной войне. К тому же если учесть сложности в подготовке специалистов высшей квалификации, особые требования идейно-политического характера, которые предъявлялись к научным исследованиям, выносимым на защиту, отсутствие диссертационных советов в вузах и научных заведениях Северной Осетии, нехватку квалифицированных научных руководителей, то положительная динамика в решении данной проблемы для республики была очевидна.

Количественный рост профессиональных научных кадров расширял возможности вузов и научных учреждений республики в организации научно-исследовательской деятельности. Неизменным при этом в государственной политике в сфере науки оставалось соблюдение принципов эко-

номической и социально-политической целесообразности, идеологической ориентированности научного творчества. Государство, выступая организатором научной деятельности и основным заказчиком научной продукции, содействовало развитию науки и научных учреждений. При этом оно аккумулировало и направляло творческую энергию научной интеллигенции в наиболее важных для него направлениях, которые обеспечивали решение социально-политических, хозяйственно-экономических, идеологических, культурно-просветительских задач.

4.2. Научная деятельность вузов и научно-исследовательских учреждений во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг.

В послевоенные годы научная деятельность в вузах и научных учреждениях Северной Осетии осуществлялась в полном соответствии с общесоюзными требованиями к организации научного процесса. Практически все вопросы от планов научно-исследовательской работы до утверждения состава Ученого совета, выносились на обсуждение и утверждались на заседаниях бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б). Научные исследования, предназначенные для печати, проходили цензуру Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит)²³.

Отмеченные явления особенно ярко проявились в деятельности сообщества гуманитариев. Ведущим научным учреждением республики, осуществлявшим научные исследования в области обществоведческих и гуманитарных наук, являлся Северо-Осетинский научно-исследовательский институт. С

момента организационного оформления Северо-Осетинского НИИ в марте 1925 г. его научно-исследовательская работа нацеливалась на решение научно-теоретических и практических задач обоснования идеи строительства коммунизма и воспитания нового, советского человека²⁴. Как правило, исследования в сфере языкознания, литературоведения, фольклористики и истории Осетии проводились в контексте идейно-политических запросов времени.

В рассматриваемый период продолжалось структурно-организационное строительство Северо-Осетинского научно-исследовательского института. В феврале 1945 г. Совнарком СОАССР принял постановление об организации при СОНИИ отделения по изучению природы, природных сырьевых и энергетических ресурсов Северной Осетии. Отделение должно было осуществлять исследования, направленные на изучение и использование природных ресурсов «в деле развития народного хозяйства республики». В том же году при литературном отделении института была создана фольклорная секция²⁵.

В 1947 г. структура Северо-Осетинского НИИ включала четыре отделения: историческое, литературное, лингвистическое и экономическое. Научно-исследовательская работа велась силами 16 научных сотрудников. Трое из них являлись профессорами и двое доцентами. Двое сотрудников имели степень доктора наук и четверо – кандидата наук. Ровно половина научных работников не имела ни ученой степени, ни ученого звания. Отличительной особенностью контингента сотрудников научно-исследовательского института являлся высокий удельный вес совместителей. На тот момент в штате института на постоянной основе числились лишь пять человек. Остальные являлись совместителями²⁶. Совместительство весьма неоднозначно расценивалось как форма участия в научно-исследовательской деятельности научных учреждений. Результативность и качество работы совместителей, как правило, оставляли желать лучшего. Однако неоднократные попытки на

протяжении многих лет решить эту проблему не давали должного результата²⁷.

Совместительство порождалось разными факторами. В ряду наиболее серьезных причин выступали, прежде всего, причины материального и статусного порядка. Возможности научных учреждений, в данном случае Северо-Осетинского НИИ, в пополнении штатов, как правило, были крайне ограниченными. К тому же, работа в НИИ хуже оплачивалась и представлялась менее престижной, чем в вузе. Поэтому определенную часть научных работников, преподавателей вузов, представителей творческой интеллигенции вполне устраивал статус совместителей. Совместительство рассматривалось ими как реальная возможность получения дополнительного заработка и, соответственно, улучшения своего материального положения.

В марте 1947 г. на основании постановления Северо-Осетинского обкома ВКП (б) Северо-Осетинский научно-исследовательский институт был передан из ведения Министерства просвещения СОАССР в непосредственное подчинение Совета Министров республики. Повышение статуса научно-исследовательского учреждения укрепляло его позиции в научном пространстве республики и стимулировало развертывание научно-изыскательских работ в области кавказоведения. Успешному решению исследовательских задач способствовало расширение финансовых возможностей института. Постепенно улучшалось техническое обеспечение института. Совершенствовалась практика оплаты труда штатных научных сотрудников (повышались оклады, осуществлялась выплата гонораров авторам за научные труды). Расширилась структура института (при экономическом отделении был создан сектор географии). Появилась возможность пополнить штаты научных сотрудников.

При этом проблематика научных исследований по-прежнему определялась партийными и советскими органами, курировавшими научную и культурно-просветительскую

деятельность учреждения. Формулируя научно-исследовательские задачи, научные сотрудники института должны были оценивать свою деятельность с точки зрения ее социально-политической значимости. Классовый подход определял приоритетность научно-исследовательских направлений, над которыми работали ученые Северо-Осетинского НИИ. В послевоенное десятилетие выделяются важнейшие направления исследовательской деятельности института: издание истории осетинского народа с древнейших времен до современности; написание истории осетинской литературы; разработка истории культуры осетинского народа. Существенное место в научно-исследовательской деятельности СОНИИ в исследуемый период занимала лексикографическая работа, предусматривавшая, в частности, составление разнообразных словарей, в том числе русско-осетинского словаря с кратким толковым, а также осетинского толкового словаря. В обязанности сотрудников института входило также агитационно-пропагандистское обеспечение организации работы промышленных и сельскохозяйственных предприятий «путем научного обобщения опыта работы лучших предприятий и колхозов». Еще одним важным направлением деятельности Северо-Осетинского НИИ являлась подготовка научных кадров на базе аспирантуры института ²⁸.

Расширение функций научно-исследовательских учреждений и повышение требовательности к результатам исследовательской деятельности научных работников были вполне объяснимы в контексте государственной культурной политики послевоенного времени. Советское государство активно использовало возможности науки, в том числе ее гуманитарных отраслей, в решении задач социалистического строительства. Общественные науки, и, прежде всего, историческая наука, обязаны были обеспечить дальнейшее развитие и практическое применение идей социалистического интернационализма, патриотизма, коллективизма, «безграничной преданности идеалам социализма».

Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. в Северной Осетии работали ученые-гуманитарии, чья научная и общественная репутация кавказоведов была довольно высокой. Благодаря научным разработкам Г. А. Кокиева, Б. В. Скитского, В. И. Абаева и ряда других исследователей важнейшие проблемы социально-экономического, политического и культурного развития осетин и других народов Северного Кавказа стали объектом пристального научного интереса. Опубликованные ими еще в 1930-е – начале 1940-х гг. работы по истории русско-кавказских отношений второй половины XVIII – первой половины XX в., по вопросам развития феодализма в Осетии, истории культуры и общественной мысли второй половины XIX и начала XX вв. вносили заметный вклад в развитие кавказоведения и в том числе осетиноведения.

Но происходивший пересмотр идеологических установок в послевоенной общественной жизни кардинально менял оценки многих исторических событий. В общественных науках эта перемена нашла выражение в отказе от прежней концепции истории русского народа, представлявшегося первым среди равных, в пользу его дореволюционного видения как народа просветителя и покровителя, открывшего «инородцам» революционную перспективу. Дореволюционная история страны трактовалась теперь как непрерывно крепнущая дружба между русским и другими народами России, а Российская империя изображалась уже не «тюрьмой народов», а центром, в котором выплавлялось единство этих народов, и складывалась революционная перспектива²⁹.

В новых политических реалиях любые попытки подчеркнуть своеобразие исторического развития отдельного народа, стремление глубже изучить его культуру и традиции истолковывались как проявление национализма и решительно пресекались. В конце 1940-х гг., впрочем, как и в 1930-е гг., самыми опасными обвинениями для национальной интеллигенции становились обвинения в буржуазном национализме.

В такой обстановке, в июле 1947 г. возобновилась прерванная войной работа над первым фундаментальным научным исследованием по истории Северной Осетии с древнейших времен до настоящего времени. 24 июля 1947 г. было принято совместное постановление Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Совета Министров Северо-Осетинской АССР о написании истории республики. Издание планировалось осуществить в двух томах. Хронологически первый том охватывал период с древнейших времен до Октября 1917 г. Второй – представлял историю советского периода. Постановлением бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) был определен состав Правительственного комитета. В него вошли секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП (б) К. Д. Кулов, председатель Совета Министров Северо-Осетинской АССР А. А. Газзаев, руководитель отдела пропаганды и агитации С. Н. Битиев (они являлись ответственными политическими редакторами готовившегося издания), а также ряд других партийных и советских работников республики³⁰. Авторский коллектив составили ведущие ученые республики – историки, филологи: В. И. Абаев, В. С. Гальцев, А. К. Джанаев, Б. В. Скитский, М. С. Тотоев и другие. Редколлегию готовившегося издания поручили возглавить Г. А. Кокиеву.

Следует подчеркнуть, что идеологизированный подход к освещению истории Северной Осетии, изначально predeterminedный поставленными перед исследователями задачами, был чреват конфликтом между политическим заказом и научным предложением. Именно это и произошло в ходе работы над «Историей Северо-Осетинской АССР...».

В процессе реализации исследовательского проекта были подняты актуальные проблемы истории Северной Осетии: происхождение осетинского народа, формирование государственности, особенности социально-экономического развития, значение присоединения к России, сущность и характер массовых народных выступлений конца XVIII – начала XIX вв., причины переселения горцев в Турцию. Разработка

этих и других вопросов вызвала споры, и не только в научной среде. Реакция республиканских партийных руководителей на способ и характер освещения ряда научных проблем, некоторые оценочные суждения и выводы, к которым пришли гуманитарии в ходе научно-исследовательской деятельности, оказалась негативной. Причина состояла в том, что они вошли в явное противоречие с концептуальными положениями, утверждавшимися в тот момент в официальной исторической науке. В рамках нового видения исторического прошлого менялась трактовка многих исторических событий и явлений. Совершенно противоположную позицию ранее принятой заняло партийное руководство в оценке характера массовых выступлений в Осетии в конце XVIII – первой трети XIX вв.

Как известно, в исторической науке в 1930-е – начале 1940-х гг. национальные движения рассматривались как прогрессивные и освободительные, а их руководители, подобно Беслану Шанаеву и Хазби Аликову, возглавлявшие национальные движения в Тагаурии в первой трети XIX в., причислялись к народным героям, которых прославляли в песнях и сказаниях. Восстание 1830 г. в Тагаурии в осетинской историографии, в частности в работах В. С. Гальцева, в отмеченный период рассматривалось как высшая точка национально-освободительной борьбы против царского самодержавия³¹.

Однако с середины 1940-х гг. оценка национальных движений начала кардинально меняться. «На смену возникших на волне преклонения перед всякой революционностью и протестными настроениями взглядов на национальные движения как однозначно прогрессивные в силу их антицаристской направленности, характерных для «школы» М. Н. Покровского, пришло восприятие их в контексте общероссийской государственности, что существенно поменяло акценты»³². Теперь трактовка этих движений в качестве прогрессивных и антиколониальных признавалась ошибочной и политически вредной.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. они представлялись уже реакционно-националистическими выступлениями против России. В результате, массовые выступления конца XVIII – первой трети XIX веков в Осетии также стали характеризоваться как реакционно-националистические, антирусские выступления части осетинских феодалов, руководимые ирано-турецкими правителями и ставившие своей целью отторжение Осетии от России.

Вопрос о характере национальных движений был тем более важен, что он непосредственно связывался с проблемой присоединения Осетии к России. В советской историографии вплоть до конца 1940-х гг. преобладала теория о вооруженном завоевании Северного Кавказа и в том числе Осетии³³. Однако в начале 1950-х гг. подобное утверждение расценивалось уже как «грубая политическая ошибка». Возвращалось распространенное в дореволюционной историографии представление о мирном присоединении Осетии к России. Термин «завоевание» исключался из исторических исследований и заменялся другим – «добровольное присоединение». В продолжение этой темы – абсолютно недопустимым признавалось «игнорирование» выдающегося прогрессивного значения факта присоединения Осетии к России в исторических судьбах осетинского народа³⁴.

Переосмысливалось и преобладавшее в предыдущие годы в исторической науке представление о переселении части горцев в Турцию как результата насильственных действий русских властей. Теперь это событие в истории народов Кавказа трактовалось с совершенно иных позиций. Переселение расценивалось как «антинародная деятельность кучки осетинских феодалов и турецких агентов во главе с турецким шпионом и провокатором генералом Кундуховым»³⁵.

Изменение идеологических ориентиров политического режима не могло не сказаться и на отношении к Шамилю, возглавившему движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-х – 50-х гг. XIX века. До середины 1940-х гг. в трудах со-

ветских ученых М. Н. Покровского, С. К. Бушуева, Р. М. Магомедова и других, национальное движение рассматривалось как антифеодалное, антиколониальное, направленное против экспансионистских притязаний царской России³⁶. В годы войны подобная трактовка официально поддерживалась с целью заручиться поддержкой народов Северного Кавказа в борьбе с фашистской Германией.

Но уже в 1944 г., на фоне депортации некоторых народов Кавказа, на состоявшемся в ЦК ВКП (б) совещании по проблемам истории СССР был поставлен вопрос об ошибочности признания Шамиля народным героем, возглавившим национально-освободительное движение горцев³⁷. В развернувшейся дискуссии приняли участие и партийные руководители страны. В 1950 г. в № 13 журнала «Большевик» была опубликована статья первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М. Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля». Смысл публикации можно свести к двум главным утверждениям: 1) возглавляемое Шамилем движение – реакционно по своей сути; и 2) Шамиль – ставленник Турции и агент английских колонизаторов, представляющий интересы военно-феодалной верхушки горцев. Этот взгляд на проблему получил официальное обоснование в специальном постановлении Президиума Академии Наук СССР «Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников АН СССР» от 22 сентября 1950 г.³⁸.

Переписывание истории народов Северного Кавказа в угоду политическим требованиям тяжело отражалось на состоянии науки и судьбах интеллигенции. Начались проработки и гонения на ученых, имевших расхождения в общественно-политических взглядах с официально поддерживавшейся позицией. Однако, несмотря на идеологическое давление и использование административно-правовых методов, некоторые из них в силу воспитания, особенностей психологического склада, моральных качеств, видения себя в научном

сообществе, не всегда были готовы отказаться от своих научных взглядов и покаяться в «заблуждениях». «Дела» инакомыслящих с подачи партийных органов выносились на заседания Ученых советов, на партийные собрания вузов и научных учреждений. Против них публиковали критические статьи на страницах газет и журналов. Их подвергали общественному осуждению, лишали возможности работать, арестовывали, ссылали³⁹.

Примером «трагического стечения обстоятельств» явилась судьба Георгия Александровича Кокиева – ученого, заложившего научные основы изучения русско-кавказских и русско-осетинских отношений, исследовавшего социально-экономические и культурные проблемы истории народов Северного Кавказа. Во многом, в силу определенных личностных качеств он не прислушивался к «предупредительным звонкам», звучавшим время от времени со стороны власти. Г. А. Кокиев выступал сторонником «школы Покровского» в интерпретации характера национальных движений на Северном Кавказе. Он не отказался от своих научных убеждений и тогда, когда кардинально изменилась оценка истории взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XIX в. Ученый не признавал теории о мирном характере присоединения Северного Кавказа к России. Он утверждал, что эта точка зрения «возникла вопреки исторической правде в конъюнктурных условиях сегодняшнего дня». Доказывая неправомочность подобной точки зрения, Г. А. Кокиев ссылался на карательные походы Ф. Ф. Симоновича, К. Ф. Кнорринга, А. П. Ермолова, И. Н. Абхазова, П. Д. Цицианова, на сожженные села, сотни и тысячи убитых в Северной и Южной Осетии⁴⁰.

Г. А. Кокиев категорически не соглашался и с негативной оценкой деятельности партии «Кермен», многие члены которой были репрессированы в 1930-е гг., а сама партия причислена к мелкобуржуазным и националистическим организациям. Неуступчивость в научной позиции, отказ следовать полити-

ческим и идеологическим соображениям времени и нежелание каяться в «политических ошибках», привели к тому, что ученый был обвинен в фальсификации истории народов Северного Кавказа, в «протаскивании (следуя партийной лексике – И. Ц.) мелкобуржуазной националистической идеологии»⁴¹.

Формальным предлогом к началу преследования Г. Кокиева послужила небольшая научно-популярная брошюра о жизни и творчестве одного из первых осетинских этнографов С. А. Туккаева. В начале апреля 1949 г. в республиканской газете «Социалистическая Осетия» под псевдонимом «К. Егоров» была опубликована статья с говорящим названием «Порочная книга». Статья содержала резкую критику брошюры Г. Кокиева⁴². По мнению автора публикации, книга «извращала историю народов Кавказа и популяризировала пронемецких буржуазных этнографов»⁴³. Помимо надуманных «политических ошибок», этнографу С. Туккаеву вменялась в вину дружба с В. Миллером. Подобно многим другим представителям интеллигенции Всеволод Миллер – выдающийся ученый, основоположник осетинского исторического и теоретического языкознания, был причислен в те годы к «реакционным буржуазным ученым». Как известно, принятая им индоевропейская теория языка расценивалась в языкознании 1930-х – 1940-х гг. как «реакционно-идеалистическая теория», в противопоставление господствовавшему в тот период в официальной науке «прогрессивному материалистическому» учению Н. Я. Марра о языке.

Вслед за публикацией статьи, 14 апреля 1949 г. с подачи республиканского руководства было проведено заседание Ученого совета Северо-Осетинского НИИ, посвященное обсуждению статьи К. Егорова. На заседании присутствовали представители обкома ВКП (б) Х. Гутнов и С. Битиев. Последний являлся одновременно редактором брошюры «Этнограф осетинского народа С. А. Туккаев». Участники заседания на этот раз не согласились с критикой в адрес Г. Кокиева. Напротив, они выступили в поддержку ученого и его работы. По иронии

судьбы в ночь после заседания Ученого совета Г. А. Кокиев был арестован в Москве. Об этом стало известно через некоторое время.

В августе 1949 г. бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) приняло постановление «О политической ошибке, допущенной Ученым советом СОНИИ на заседании 14 апреля 1949 года...». Постановление осудило «неправильное – непартийное обсуждение Ученым советом Северо-Осетинского научно-исследовательского института» статьи К. Егорова. «За неправильное поведение, за притупление большевистской бдительности, за допущение грубой политической ошибки» виновным, в том числе С. Битиеву и Х. Гутнову, было «указано». Обвиняемых в «восхвалении книжки Кокиева» предлагалось обсудить на партийных собраниях и привлечь к партийной ответственности.

В сентябре 1949 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Северо-Осетинского НИИ с участием партийного руководства республики. Участников заседания официально информировали об аресте органами Государственной Безопасности Г. А. Кокиева как якобы «белогвардейца, стоявшего на враждебных народу позициях», «фальсификатора исторических событий на Северном Кавказе, в частности в Северной Осетии», «буржуазного националиста и врага народа». Резкой критике «за притупление большевистской критики и восхваление книжки Кокиева» подверглись Б. Скитский, М. Тотоев и некоторые другие участники апрельского заседания Ученого совета СОНИИ. И ученые принуждены были каяться в своих «ошибках и заблуждениях»⁴⁴.

Одновременно научная деятельность Г. А. Кокиева подверглась жесткой критике на заседании бюро Кабардинского обкома ВКП (б), состоявшемся 1 ноября 1949 г. В решении бюро Кабардинского обкома подчеркивалось, что в трудах Г. А. Кокиева в освещении вопросов истории кабардинского народа «допущены грубейшие исторические и политические извращения, которые не нашли должного и своевременного

осуждения ни со стороны научной общественности республики, ни со стороны участников 3-ей сессии Кабардинского научно-исследовательского института, проходившей в августе 1948 г., на которой Кокиев выступил со своими антимарксистскими установками, фальсифицировавшими историю кабардинского народа». Утверждение Г. А. Кокиева о том, что к моменту Октября 1917 г. в Кабарде имелись частнокапиталистические отношения, что «задолго до ее колонизации царизмом сложился и существовал феодализм», признавалось абсолютно ошибочным. «Кабарда по уровню своего развития до Октября ... не ушла дальше первобытных форм патриархально-полуфеодального быта» – утверждали идеологические оппоненты ученого. По их мнению, трактовка Г. А. Кокиевым истории Кабарды принижала «значение Великой Октябрьской социалистической революции и помощи великого русского народа, которые обеспечили кабардинскому народу возможность за исторически короткий срок миновать капитализм, создать свою государственность, развить культуру и построить социалистическое общество»⁴⁵.

22 февраля 1950 г., постановлением Особого совещания при МГБ СССР Г. А. Кокиев был приговорен к восьми годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовом лагере» за антисоветскую агитацию и незаконное хранение огнестрельного оружия». В партийных же документах он был осужден «как фальсификатор исторических событий на Северном Кавказе, буржуазный националист и враг народа». Г. А. Кокиев не дожид до своего освобождения. Он умер в тюрьме от сердечного приступа 23 июля 1954 г.⁴⁶. Как писал о нем впоследствии М. С. Тотоев: «Профессор Кокиев был гуманным человеком в самом лучшем значении этого слова ..., но вместе с тем и нетерпим к тем, кто проявлял беспринципность, пошлость, нечестность в научной работе ... своей принципиальностью и прямоотой он был страшен для карьеристов, лицемеров и конъюнктурщиков, и это сыграло не последнюю роль в его трагической судьбе»⁴⁷.

Курс на идеологическую профилактику среди научной интеллигенции являлся ярким свидетельством подчинения науки партийной политике, политической конъюнктуре. Он объективно ограничивал возможности исследовательской деятельности при анализе и оценке важнейших событий и процессов в истории и культуре народов СССР. В таких сложных условиях в конце 1940-х – начале 1950-х гг. писались истории национальных республик Северного Кавказа, в том числе Северо-Осетинской АССР.

В развитии исторической науки Северной Осетии крайне негативную роль сыграло постановление ЦК ВКП (б) «О руководстве Северо-Осетинского обкома ВКП (б) идеологической работой в республике», принятое 4 марта 1952 г. В ответ на постановление ЦК ВКП (б) в апреле того же года был созван V пленум Северо-Осетинского обкома ВКП (б). Опираясь на положения партийного документа, он подверг жесткой критике творческую и научную интеллигенцию республики, в том числе и авторский коллектив, работавший над «Историей Северо-Осетинской АССР...». В выступлениях участников пленума прозвучали резкие обличительные высказывания против ученых-гуманитариев. Подчеркивалось, что в ходе подготовки обобщающего труда «допущены грубые политические ошибки и извращения буржуазно-националистического характера». В постановляющих документах пленума обкома окончательно прояснилась официальная позиция руководства республики по всем дискуссионным вопросам, возникшим в ходе подготовки рукописи монографии⁴⁸.

Исходя из партийной позиции и итогов дискуссии, многие разделы и главы монографии были коренным образом переработаны. К примеру, авторский коллектив отказался от теории о двуприродности происхождения осетинского народа, от оценки нартского эпоса в качестве исторического источника и от представления о существовании Аланской державы. Также произошла переоценка творческого наследия многих представителей осетинской интеллигенции в сторону показа их «ре-

акционных взглядов» по вопросам общественного развития Осетии.

Неразработанность многих аспектов истории и культуры Осетии, закрытость или ограниченность многих тем для изучения, неполнота источниковой базы, обязательность следования изменившейся трактовке некоторых исторических событий и фактов по итогам дискуссий начала 1950-х гг. в области гуманитарных и общественных наук, нехватка квалифицированных кадров определили долгую и подчас драматичную историю подготовки научного издания.

Макет первого тома «Истории Северо-Осетинской АССР» создавался под непосредственным контролем партийных органов. На протяжении первой половины 1950-х гг. велась постоянная переписка первого секретаря Северо-Осетинского обкома партии с секретарями и отделами ЦК КПСС, курировавшими вопросы идеологии, науки и культуры. Консультировались по самым разным проблемам: научным, политическим, организационным. Наконец, в 1954 г. рукопись со всеми изменениями и доработками была готова. 22 февраля 1955 г. на имя секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова был направлен экземпляр макета. В сопроводительном письме секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС В. М. Агкацев просил обязать Институт истории Академии наук СССР оказать «необходимую помощь путем рецензирования и редактирования для подготовки макета к изданию»⁴⁹. В научные учреждения страны были разосланы более 180 экземпляров. В Северо-Осетинский научно-исследовательский институт поступило 25 отзывов на макет «Истории ...».

В мае 1955 г. состоялась сессия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. В ее работе приняли участие известные ученые-кавказеды З. В. Анчабадзе, З. Н. Ванеев, В. П. Крикунов, Е. И. Крупнов, К. В. Сивков, Б. В. Скитский, А. В. Фадеев и другие, представлявшие ведущие научные учреждения страны. Сессия подвела итоги работы над книгой и в целом положительно оценила результаты деятельности

осетинских ученых. В качестве позитивных моментов выделялись: вовлечение в научный оборот большого круга новых архивных материалов и других ранее неизвестных источников, более полное и научно обоснованное освещение многих важных вопросов истории Северной Осетии. Подчеркивалось также «правильное с идейно-методологических позиций» написание «Истории ...»⁵⁰.

Вместе с тем, авторскому коллективу был высказан ряд принципиальных замечаний. Участники сессии отвергли трактовку вопроса о времени становления феодального общества у алан. В частности Е. И. Крупнов и В. Н. Алексеев, настаивали на том, что «становление феодального общества у алан следует датировать не V-VIII веками, как это делают авторы макета, а IX-X веками»⁵¹. Неправомерным и преувеличенным признавалось представление о степени социально-экономического развития феодального общества в Осетии. «Затушевывая тот факт, – отмечалось в докладной записке Отделения исторических наук АН СССР об итогах сессии Северо-Осетинского НИИ, направленной в Отдел науки и культуры ЦК КПСС, – что у народов Северного Кавказа, в том числе и у осетин, феодальные отношения вплоть до XIX века переплетались с дофеодальными (патриархально-общинным укладом и рабством), авторы макета изображают дело так, что будто бы еще в XVIII веке феодализм в некоторых районах Осетии достиг такого уровня, что внутри его созрели силы, способные ликвидировать феодальную формацию»⁵².

Антимарксистским и научно несостоятельным был назван тезис Б. В. Скитского о том, что под влиянием происходивших крестьянских волнений феодализм в части горной Осетии «выветрился» еще во второй половине XVIII века. Многие ученые, выступавшие по этой теме (З. В. Анчабадзе, Е. И. Дружинина, Е. Н. Кушева, В. П. Крикунов, А. В. Фадеев), подчеркивали, что в горной Осетии в XVIII в. еще не созрели буржуазные отношения и отсутствовали объективные предпосылки для низвержения феодализма.

Оживленные прения вызвал вопрос о присоединении Осетии к России. На данном этапе уже никто, ни авторы макета, ни приглашенные участники научной сессии, не высказывал сомнения в характере присоединения. Все были едины в признании добровольности этого политического акта со стороны осетинского народа. Спор шел лишь о датировке времени присоединения. Выступавшие по данному вопросу склонялись к мнению о том, что «фактическое присоединение Осетии к России началось еще в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг., а Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г., по которому к России отошла Кабарда, являлся формальной санкцией для начавшегося процесса»⁵³.

Однако на тот момент, единой точки зрения о хронологии событий, знаменовавших присоединение, не сложилось. Вскоре после состоявшейся научной сессии, в июне 1955 г., вопрос об определении точной даты присоединения к России обсуждался на совещании с участием осетинских историков при секторе истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР. Но вопрос остался открытым.

Среди слабых сторон макета значилось недостаточное раскрытие поступательного развития производительных сил и экономической жизни Осетии в результате присоединения к России в XIX в., что не позволяло судить в должной мере о прогрессивном значении этого события в истории народа. Имелись претензии к характеру освещения экономических, политических и культурных связей и взаимоотношений осетин с другими народами Кавказа. Нарекания вызывало и то, как анализировался процесс отмены крепостного права, как изображалась ведущая роль большевиков в революционном движении в Осетии т.д.⁵⁴ Рукопись рекомендовалась к изданию только после доработки текста с учетом высказанных замечаний и «тщательного политического и литературного редактирования»⁵⁵.

В макете «Истории Осетии» не нашла отражения история южных осетин. С предложением исправить этот недостаток и

включить в книгу разделы, посвященные истории Юго-Осетинской автономной области выступил Е. И. Крупнов. Он полагал, что в сводной «Истории Осетии» должен быть отражен исторический путь всего осетинского народа, независимо от места его обитания. Однако озвученное мнение содержало политическую подоплеку, и не было поддержано участниками научной сессии. По заявлению секретаря ЦК КП Грузии Мchedlishvili, история южных осетин не могла быть включена в «Историю Осетии», так как она входила в качестве составного элемента в «Историю Грузии», двухтомное издание которой готовилось к выходу в этот период⁵⁶.

15 июня того же года состоялось заседание бюро Северо-Осетинского обкома КПСС, которое подвело итоги работы сессии по истории Северной Осетии дооктябрьского периода. Отметив недостатки в подготовленном макете, оно подчеркнуло, что «задача написания подлинно научной марксистской истории Осетии далеко еще не завершена». Бюро обкома постановило: предложить руководству Северо-Осетинского НИИ обеспечить тщательное изучение материалов научной сессии и учесть критические замечания и предложения в дальнейшей научной работе коллектива авторов «Истории Осетии». Оно также обязывало осетинских историков руководствоваться «известными указаниями ЦК КПСС об идеологической работе в Северо-Осетинской парторганизации»⁵⁷. (Имелось в виду постановление ЦК ВКП (б) от 4 марта 1952 г. «О руководстве Северо-Осетинского обкома ВКП (б) идеологической работой в республике». – И. Ц.). Наконец, после многочисленных исправлений, к концу года рукопись была готова к печати. Однако понадобилось еще несколько лет прежде, чем «История Осетии» увидела свет.

В рассматриваемые годы одним из наиболее активно разрабатываемых направлений осетинской фольклористики стало нартоведение. В культурной политике государства изучению эпоса и использованию ее в пропагандистских целях придавалось особенное значение. Еще в предвоенном году был создан

Государственный нартовский комитет под председательством первого секретаря обкома ВКП (б) К. Кулова. В январе – марте 1941 г. Северо-Осетинский НИИ организовал экспедиции в горные и равнинные села Осетии с целью записи нартовских сказаний. В ходе экспедиционных поездок, а также отбора текстов из публиковавшихся прежде источников и из рукописного фонда института к концу 1941 г. было собрано более 150 авторских листов текстов сказаний. Впервые осетинские сказания о нартах были опубликованы на родном языке в Сталинире (Цхинвале) в 1942 г. Иллюстрации к изданию были созданы М. Тугановым. Русскоязычное население страны могло познакомиться с осетинскими нартовскими сказаниями позднее, в 1944 г., когда они были изданы в Москве в переводе В. Дыник. В годы Великой Отечественной войны народный эпос активно использовался в идейно-патриотическом воспитании населения. На примере нартовских героев в обществе воспитывались стойкость, мужество, самоотверженность, свободолюбие. Завет нартов «лучше смерть, чем позор» призван был вдохновлять людей на героические подвиги, бесстрашие и непримиримость в борьбе с врагом.

В 1946 г. вышли в свет «Сказания о нартах» («Нарты кадджытæ») на осетинском языке. Над составлением фундаментального свода в прозе и подготовкой его к изданию работали лингвисты, фольклористы, писатели: В. Абаев, Н. Багаев, И. Джанаев, Т. Епхийев, Б. Боциев. Книга вышла в иллюстрациях и художественном оформлении А. Хохова. Еще не раз в последующие годы (1947, 1948, 1949 гг.) нартовские сказания издавались в прозе и стихах на русском, осетинском, грузинском языках. Одной из наиболее значительных публикаций текстов эпоса в этот период стала книга «Нарты. Эпос осетинского народа». В подготовке издания, опубликованного в Москве в 1957 г., участвовали языковеды и литераторы В. Абаев, Н. Джусойти, Р. Ивнев, Б. Калоев.

Научное исследование нартовского эпоса началось еще в последней трети XIX в. В 1940-е гг. наряду с собирани-

ем, систематизацией и публикацией текстов продолжалась работа по их изучению. Одно из первых обстоятельных исследований эпоса – «Нарты кадджытæ» принадлежало перу талантливого осетинского поэта Нигера (И. Джанаева). Оно было опубликовано в 1941 г. Однако научных публикаций по нартскому эпосу обобщающего характера в этот период еще не существовало. Анализировались лишь отдельные аспекты проблемы.

Значительным событием в осетинской фольклористике явился выход в свет в 1945 г. монографии Василия Ивановича Абаева «Нартовский эпос». Работа, скромно названная ученым введением в изучение нартского эпоса, ставила важнейшие проблемы эпоса и представляла к рассмотрению оригинальную научную концепцию⁵⁸. Дальнейшее развитие эта концепция получила в другой работе В. Абаева «Осетинский язык и фольклор», опубликованной четыре года спустя. Автор рассмотрел вопросы о национальной и социальной принадлежности эпоса, о времени его создания, о взаимосвязи, взаимоотношении сказаний (проблема циклизации), о смысле образов и отношении их к реальному миру, происхождении имен героев эпоса и самого термина «нарт». Эти, а также ряд других исследований вызвали живой интерес научного мира и вывели в проблемное поле вопрос о происхождении осетинского народа и осетинского языка.

Поводом к началу дискуссии послужила рецензия В.К. Гарданова на книгу «Нартовский эпос». Обсуждение развернулось вокруг двух основных вопросов: о происхождении осетинского народа и о национальной принадлежности ядра эпоса. Подобно В.И. Абаеву, большинство исследователей сходились во мнении о том, что осетины являются прямыми потомками алан, но они также признавали роль (далеко не решающую) местного элемента в формировании народа. Как отмечал Б.В. Скитский: «... осетины народ двуприродного происхождения, образовавшийся от смешения местного кавказского «яфетического» элемента с пришлым на Северный

Кавказ иранским элементом, известным под именем скифы и сарматы в первом тысячелетии до нашей эры и аланами в первом веке нашей эры»⁵⁹.

Другая группа исследователей не признавала тождества алан с осетинами. В данном вопросе В. К. Гарданов был солидарен с Г. А. Кокиевым, полагавшим, что предками осетин являются асссы, но не аланы. По мнению В. К. Гарданова, термин «аланы» употреблялся в средние века в собирательном смысле, как «географический и политический термин, под которым скрывались многие народы Северного Кавказа, с одинаковым правом могущие претендовать на наследование этого имени и всех тех политических и культурных достижений, которые были связаны с этим именем»⁶⁰.

Их оппоненты соглашались с тем, что термин «аланы» мог употребляться в собирательном смысле. Но признание этого факта ни в коей мере не означало для них, что не существовало алан как народности с определенным языком, бытом, нравами, физическими признаками. И в данном случае аргументация В. И. Абаева и других, строившаяся на исторических источниках, данных археологии и лингвистики, представлялась более убедительной.

Так обстояло дело и по второму спорному вопросу – о национальной принадлежности эпоса. В поиске ответа на этот вопрос В. Абаев шел путем лингвистическим, через анализ собственных имен нартов. В результате кропотливого научного поиска ученый пришел к выводу, что значительная часть имен героев нартовского эпоса объясняется из иранских языков. А поскольку из всех северокавказских языков только осетинский имеет в себе иранский элемент, то, следовательно, творцами «ядра» эпоса являются древние предки осетин. Но, признавая первотворцами эпоса предков осетин, В. Абаев, вместе с тем, отвергал приписываемую ему оппонентами теорию «внекавказского» происхождения эпоса. Он называл Северный Кавказ и Южную Россию родиной нартовского эпоса. Но при этом, подчеркивал, что «мы имеем дело

со степным, а не горским эпосом»⁶¹. К этому выводу, «вопреки собственным ожиданиям», по словам ученого, он пришел, изучив несколько сотен сказаний, в которых ему ни разу не встретилось упоминание таких неизбежных элементов горных ландшафтов, как «ущелье» и «перевал». Вместе с тем, по мнению В. Абаева, кавказский субстрат как элемент внешнего влияния в нартовском эпосе проявился минимально. Гораздо более значительным ему представлялось монгольское влияние.

Многие исследователи склонялись к алано-осетинской теории происхождения нартовского эпоса. Но при этом наиболее спорной оставалась тема участия народов Северного Кавказа в создании эпоса. Являясь приверженцем алано-осетинской теории, Б. Скитский, к примеру, видел необходимость в том, чтобы определить вклад автохтонных кавказских народов в развитие эпоса. Народы Северного Кавказа были хорошо знакомы «с аланскими сказаниями, складывали свои варианты, соответственно чертам своего строя и своей народности, вносили свой вклад в эту сокровищницу и в смысле отдельных наименований своих героев, и отдельных сюжетов. В этом смысле эпос, этот, алано-осетинский в своей основе, стал интернациональным эпосом северокавказских народов»⁶². Этой же точки зрения придерживался В. И. Абаев. Он полагал, что эпос, сложившийся из аланского эпического цикла, приобрел интернациональный характер позднее, в результате межплеменных связей и влияний. Таковы были основные позиции, высказанные по актуальным проблемам древней истории и культуры Осетии, требовавшие дальнейшего углубленного исследования.

В послевоенные годы изучение литературного наследия и творчества современных писателей вызвало необходимость разработки литературоведческих вопросов, создания учебников по истории литературы для вузов и школ. В мае 1948 г. профессором Б. А. Алборовым были представлены к обсуждению на заседании Ученого совета Северо-Осетинского НИИ два

проекта программ по осетинской литературе: программа-максимум и программа-минимум⁶³. Однако эти проекты остались нереализованными и, прежде всего, по идейно-политическим соображениям. В программах предусматривалось изучение творческого наследия писателей дореволюционного периода Т. Мамсурова, И. Канукова, А. Токаева, которые в те годы были однозначно причислены к «буржуазным националистам». Вскоре профессор Алборов вынужден был уехать в Среднюю Азию. Поводом к отъезду послужило следующее событие. На одном из занятий со студентами филологического факультета из аудитории прозвучало восторженное высказывание в адрес статьи И. Сталина по вопросам языкознания. В ответ на это Б. А. Алборов неосторожно заметил, что не считает Сталина лучшим языковедом.

Северная Осетия не стала счастливым исключением. И здесь, доносительство – знак времени, имело такое же распространение, как и в других регионах страны. Доносительство культивировалось в трудовых коллективах, учебных заведениях, научных учреждениях и творческих организациях. Некоторые научные и творческие деятели не брезговали использовать доносительство в карьерных соображениях⁶⁴. Не была свободна от этого атрибута политической системы и студенческая среда. Информация об инциденте быстро дошла до «нужного адресата». В условиях разворачивавшейся дискуссии в языкознании, подобная опрометчивость в суждениях со стороны ученого, к тому же совсем недавно вернувшегося из восьмилетней ссылки, могла иметь самые нежелательные последствия. Обстановка вокруг него накалялась. Лучшим выходом из неблагоприятно складывавшейся ситуации был отъезд из республики. И Алборов, прислушавшись к совету осведомленного доброжелателя, уехал к сыну в Среднюю Азию. Домой ученый вернулся только в 1954 г. Но еще два года понадобилось, чтобы с него сняли все политические обвинения, и он был полностью реабилитирован.

На рубеже 1940-х – 1950-х гг. научная интеллигенция Се-

верной Осетии оказалась вовлеченной в кампанию критики «единого потока». Одним из поводов к ней послужило издание хрестоматий по литературе. В марте 1950 г. Северо-Осетинский обком ВКП (б) принял специальное постановление с осуждением идейно-политических ошибок, якобы содержащихся в хрестоматиях по осетинской литературе. Составителям учебных пособий Х. Ардасенову, С. Бритаеву и К. Казбекову были предъявлены необоснованные обвинения в аполитичности, идеализации творчества писателей дооктябрьского периода – Темирболата Мамсурова, Инала Канукова, Алихана Токаева, Розы Кочисовой, Елбыздыко Бритаева и других, обвинявшихся в «буржуазном национализме». Для того чтобы не повторять таких «ошибок» и избавиться от разночтений в определении идейно-политической сущности художественных произведений, было принято решение впредь сопровождать учебные пособия критико-биографическими очерками о жизни и творчестве писателей. На неопределенное время хрестоматии с элементами учебника должны были заменить и учебники по литературе⁶⁵.

Через два года партийные руководители республики снова вернулись к рассмотрению этого вопроса на своем V пленуме, состоявшемся 16 апреля 1952 года. Как отмечалось в выступлении первого секретаря обкома КПСС, «вновь изданные в 1951 г. хрестоматии для 9 и 10 классов по осетинской литературе страдают грубейшими ошибками». Перечень недостатков лежал, как обычно, в одной плоскости. Авторы хрестоматий обвинили в том, что «вопросы осетинской литературы в хрестоматии для 10 класса рассматриваются в отрыве от литератур других братских народов нашей Родины, в ней ничего не говорится о влиянии на развитие осетинской литературы основоположников советской литературы – Горького, Маяковского и других»⁶⁶. Критическую оценку получили и некоторые другие учебники и методические пособия, в том числе «Методика арифметики для 1-4 классов на осетинском языке», «Начальные разговорные уроки по русскому языку». В них обнару-

жили ошибки не только методического, но и идеологического характера.

Тогда же разгромной критике подверглась «Хрестоматия по истории Осетии» для студентов педагогического института и учителей средних школ Б. В. Скитского, изданная в 1949 г. Ученого обвиняли по ряду направлений. Ошибочной признавалась периодизация истории осетинского народа, тенденциозным назывался подбор документов по многим разделам книги. К примеру, в разделе «Завоевание Северной Осетии царизмом и освободительная борьба осетинского народа» был помещен материал о массовом выступлении в Тагаурии в 1830 г. Возмущение вызвал, прежде всего, сам термин «завоевание», вынесенный в заголовок раздела. К отмеченному времени движение в Тагаурии совершенно определенно расценивалось уже как реакционно-националистическое выступление тагаурских алдаров. Абсолютно недопустимым считалось и помещение в разделе «Переселение осетин в Турцию» якобы «протурецких» высказываний И. Канукова и «антирусских» стихотворений Т. Мамсурова, которые, как полагали критики, «автор хрестоматии выдает за революционные». Б. Скитского уличали в идеализации патриархально-феодальных отношений и далекого прошлого осетинского народа⁶⁷.

Закономерным итогом негативной оценки труда ученого явилось изъятие тиража «Хрестоматии по истории Осетии» с формулировкой «за тенденциозный подбор документальных материалов и идеализацию патриархально-феодальных отношений»⁶⁸. Основанием для подобного шага явилось постановление бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) от 27 мая 1950 г.

Б. В. Скитский болезненно переживал все нападки, считая их несправедливыми. От того времени сохранился полный драматизма документ. В январе 1951 г. Б. В. Скитский написал заявление на имя директора Северо-Осетинского государственного педагогического института: «В связи с тяжелым (сер-

дечным) заболеванием в ноябре – январе я не в состоянии в дальнейшем не только вести научную и педагогическую работу, но даже совершать малейшее физическое напряжение... Все это вынуждает меня просить освободить от исполнения мною обязанностей и тем дать мне возможность перейти на пенсию»⁶⁹. В сентябре 1951 г. его просьба была удовлетворена. А весной 1953 года Б. В. Скитский уехал из республики. Вернуться в Осетию он смог только после смерти. По инициативе научной общественности Северной Осетии Б. Скитский был похоронен в ограде Осетинской церкви. Так осетинское общество отдало дань уважения ученому, более четверти века посвятившему себя изучению истории и культуры осетинского народа и воспитавшему не одно поколение ученых-историков.

На рубеже 1940-х – 1950-х гг. состояние научной жизни и развитие научной деятельности в республике, также как и в стране в целом, в решающей степени определялось дискуссиями в языкознании и политэкономии. В русле отмеченных дискуссий произошло выступление журналиста А. Джикаевой на страницах главного партийного органа в 1953 г. В пятом номере журнала «Коммунист» была опубликована разгромная рецензия на книгу известного экономиста Б. А. Цуциева «Очерки экономического и культурного развития Северо-Осетинской АССР»⁷⁰. Предъявленные обвинения были очень серьезны. Автору вменялось в вину игнорирование социалистических производственных отношений, приукрашивание прошлого осетинского народа, некритическое отношение к общественной деятельности Елбыздыко Бритаева, Георгия Цаголова и ряда других представителей осетинской интеллигенции, на которых в тот период навесили ярлыки «буржуазных националистов». Заодно снова в грубой фальсификации истории, в националистических извращениях были обвинены Х. Ардасенов и М. Тотоев. «Вина» последнего еще более усугублялась тем, что он являлся научным редактором обсуждаемой монографии. Выводы, обычно сопровождавшие подобные выступления в партийной печати,

могли иметь самые негативные последствия для всех, кого так нелицеприятно критиковал автор статьи. Вероятно, только некоторое смягчение политического климата после смерти Сталина позволило избежать развития событий по драматическому сценарию.

В еще более сложной ситуации оказался выдающийся филолог, лингвист, нартовед В. И. Абаев, автор многих работ по общему и сравнительному языкознанию, иранистике и осетиноведению. Помимо своей воли он был вовлечен в 1950 г. в дискуссию в советском языкознании, завершившуюся полным разгромом «антинаучного, идеалистического и догматического» учения – марризма. Причина столь резкого низвержения господствовавшего на протяжении почти трех десятилетий «единственно верного учения о языке» имела идеологические и политические основания.

Как известно, марризм формировался в условиях революционной трансформации советского общества и отвечал политическим запросам времени. Н. Я. Марр решительно отверг классические представления сравнительно-исторического языкознания о существовании праязыка и заменил их прямо противоположным представлением о том, что языки возникли независимо друг от друга. Со временем в процессе скрещивания они должны были слиться в единый мировой язык. Данная концепция, прочно утвердившаяся в советском языкознании в 1920-е – 1940-е гг., служила обоснованием популярной в те годы идеи близкой мировой революции. Предпринимались даже шаги по созданию искусственного мирового языка. Однако к началу 1950-х гг. внешне- и внутривосточная ситуация кардинально изменилась, и принятые прежде концептуальные построения потеряли актуальность. На смену им приходила новая идея о русском языке как будущем мировом языке эпохи социализма, подобно тому, как латинский был языком античности и раннего средневековья, французский – языком эпохи феодализма, а английский – языком эпохи капитализма. В послевоенных политических реалиях уже иначе зазвучала

и теория стадиальности. Обнаружилось, что она болезненно задевает национальные чувства многих народов, потому что согласно учению Марра, например языки китайцев, грузин, адыгов и других находятся на более низкой ступени развития, чем языки славян, евреев, арабов или иранцев. Такое невольное противопоставление народов, помимо всего прочего, создавало угрозу осложнения национальных отношений как внутри многонационального Советского Союза, так и за его пределами⁷¹.

Становление В.И. Абаева как ученого пришлось на время утверждения в языкознании «нового учения о языке». Подобно многим лингвистам того времени В.И. Абаев учился у Н.Я. Марра, и это обстоятельство не могло не сказаться на его научных представлениях и пристрастиях. Он не стал последовательным и убежденным марристом, но многое воспринял из учения Н.Я. Марра. В некрологе по случаю смерти Н.Я. Марра в 1934 г., подписанном В.И. Абаевым и И.Г. Франк-Каменецким, одной из важнейших заслуг Марра признавалось создание учения о «языковых стадиях». Как глубокий исследователь-языковед В.И. Абаев не мог не отметить позитивного начала в данном учении: «... так как каждый язык несет в себе пережитки различных стадий вплоть до самых древних, то перед лингвистом открывается интересная и увлекательная задача: осветить бесконечно отдаленные периоды в истории человеческого общества ...»⁷².

Мысль Н. Марра о том, что «яфетические языки» – не семья, а типологическая стадия в развитии вообще всех языков находит своих сторонников в современном языкознании. Лингвисты приходят к выводу о том, что все языки универсально проходят через одни и те же стадии образования грамматической – синтаксической и морфологической структуры. Так, по мнению И.М. Дьяконова, признание типологической стадиальности развития языков совершенно не мешает тому, что языки и диалекты в своем развитии распадаются на все новые диалекты и языки, что они связаны между собой гене-

тическим родством, независимо от уровня их типологического развития⁷³.

Ученый воспринял идею Н. Я. Марра о надстроечном характере языка и отчасти учение о скрещивании языков. Марристы, как известно, в отличие от компаративистов, к которым принадлежал В. И. Абаев (за что неоднократно подвергался жесткой критике со стороны ортодоксальных сторонников марризма), отвергали существование единого праязыка. Они утверждали, что языки возникали независимо друг от друга, затем претерпевали процессы скрещивания, когда в результате взаимодействия два языка превращались в новый третий язык, который в равной степени являлся потомком обоих языков. Преломив идею скрещивания через призму сравнительно-исторического метода, В. И. Абаев создал свою теорию двуприродности осетинского языка и народа.

«Мы имеем в настоящее время, – писал ученый в своем фундаментальном труде «Осетинский язык и фольклор», – полное основание определить глоттогенез осетин краткой формулой: осетинский язык – это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате»⁷⁴. По утверждению В. И. Абаева: «Кавказский элемент вошел в осетинский не просто как внешнее влияние – подобно тюркскому, арабскому и другим, а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа. И если влияние других языков отразилось, главным образом, на лексике, обогатив осетинский язык значительным числом словарных заимствований, то кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, семантику, идиоматику»⁷⁵.

В одном В. И. Абаев решительно не согласился с создателем «нового учения о языке»: он отверг главное научное изобретение Н. Я. Марра – метод четырехэлементного анализа, с помощью которого предполагалось реконструировать стадии единого процесса происхождения и развития языков. «Четырехэлементный анализ (Марра) оказался такой устрашающей па-

родией на историзм, – писал в 1952 г. В. И. Абаев, – что кое-кто склонен был отшатнуться от всякого историзма и последовать за соссюрсовскими (социологическая школа Ф. де Соссюра) идеями об изучении «языка в себе и для себя», вне связи с историей народа»⁷⁶.

Четырехэлементному анализу В. И. Абаев предпочел сравнительно-исторический метод, избрав его в качестве главного метода научного познания. За эту приверженность ученого, также как и других лингвистов-компаративистов, не утруждая себя анализом весьма точной их аргументации, клеймили как «буржуазного ученого», что в те годы могло стать веским основанием для обвинений в политической неблагонадежности, чреватых далеко идущими последствиями.

Однако в 1950 г. в результате развернувшейся в языкознании дискуссии многое переменялось. Критика марризма, начавшаяся со статьи А. С. Чикобавы в газете «Правда» от 9 мая 1950 г. и поддержанная самим И. В. Сталиным в публикациях от 20 июня, 11 и 28 июля того же года, плавно перетекла в научные и учебные аудитории, вовлекая в дискуссию все более широкие слои научной интеллигенции. Со сравнительного языкознания были сняты ограничительные путы. Деятельность лингвистов-компаративистов, не воспринимаемая уже через призму марризма, заметно облегчилась. И это укрепило позиции В. И. Абаева. В научных кругах Северной Осетии звучала мысль о том, что гонения на В. И. Абаева за его приверженность сравнительно-историческому методу закончились, и необходимо заново переоценивать и использовать его работы в изучении истории языка и народа⁷⁷.

Весной 1951 г. в одном из мартовских номеров главной республиканской газеты «Социалистическая Осетия» была опубликована статья, в которой он был назван крупнейшим исследователем осетинского языка⁷⁸. Но уже через полгода после этих событий тон научных обсуждений и выступлений в республиканской печати резко изменился. Причина такой перемены заключалась в следующем.

В июне 1951 г. в газете «Правда» к годовщине публикации статей Сталина по вопросам языкознания был опубликован ряд статей, в том числе президента АН СССР А. Несмеянова, директора института языкознания В. Виноградова. В них подводились итоги дискуссии и определялись первоочередные задачи советского языкознания, суть которых сводилась к «полному освобождению языкознания от ошибок Марра» и «внедрению марксизма в языкознание»⁷⁹. Требование окончательного развенчания марризма подняло новую волну дискуссии, захлестнувшую осетиноведение. На этот раз главный удар пришелся по «вчерашнему герою дня» – В. И. Абаеву.

Повод для наступления нашелся. По В. И. Абаеву «... всякие крупные перемены в жизни общества: междугрупповое смешение, переворот в хозяйстве, глубокие общественно-политические потрясения и сдвиги, изменение классовой структуры общества, все это сопровождается катастрофическими последствиями для языка». Но представление ученого о том, что язык в своем развитии почти всецело подчинен внешним законам развития были отвергнуты как ошибочные⁸⁰.

В свете новых представлений о языкознании, формировавшихся в высших «эшелонах» власти, утверждалась абсолютная несостоятельность теории В. Абаева о двуприродности осетинского языка. Ведь по мысли И. В. Сталина: «Скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития. Правда, при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счет побежденного. Но это не ослабляет, а наоборот усиливает его»⁸¹.

В сентябре 1951 г. состоялось заседание бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б), рассмотревшее вопрос «Об освещении вопросов языкознания в республиканской печати». Принятое по итогам обсуждения постановление обкома определяло

основные направления деятельности по исправлению «ошибок». Оно обязало редакции республиканских газет «Социалистическая Осетия», «Растдзинад», «Молодой большевик», редакцию журнала «Мах дуг» принять необходимые меры по усилению пропаганды трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и «развернуть принципиальную критику ошибок в осетинском языкознании, литературе, литературоведении, а также в преподавании языка и литературы в школах и высших учебных заведениях». Одновременно руководство республики указало редактору «Социалистической Осетии» на «серьезную ошибку», выразившуюся в опубликовании в газете «Социалистическая Осетия» статьи об В. И. Абаеве, в которой якобы «ошибки последователя и ученика Марра», не были вскрыты, и потребовало публикации новой статьи с подробным разбором и критикой научной концепции ученого⁸².

И такая статья вскоре появилась. В ней развенчивались «грубые методологические ошибки» ученого. В вину ему вменяли и признание учения Н. Я. Марра о языке как надстройке, и разработку теории стадиальности, и неверное с точки зрения критиков понимание теории скрещивания. Общим недостатком работ В. И. Абаева называлось «чрезмерное» внимание к вопросам истории языка и исторической семантики. В результате простого подсчета было выяснено, что в его труде «Осетинский язык и фольклор», содержавшем 600 страниц, вопросам грамматики и фонетики было посвящено всего 60 страниц. По мнению автора статьи, это свидетельствовало «о некотором уходе лингвиста от непосредственных задач языкового строительства в республике, недооценке разработки вопросов грамматики, орфографии и орфоэпии современного осетинского языка. Результатом такого пренебрежительного отношения к грамматике одного из ведущих представителей так называемого «нового учения» Марра является тот печальный факт, что осетинский язык до сих пор не имеет своей ни научной, ни описательной грамматики»⁸³. Как отмечалось в другой газетной публикации: «Вульгаризаторские идеи Н. Я. Марра о

надстроечном характере языка, ... теория о «двуприродности» «гибридности» осетинского языка, слепо воспринятые осетиноведами, особенно много вреда нанесли в деле изучения осетинского языка. Теряясь в этих неясных и путаных идеях Н. Я. Марра и его «учеников», некоторые осетиноведы стали рассуждать так: стоит ли заниматься вопросами осетинского языка, если он ... скоро должен исчезнуть, ассимилироваться с другими языками?»⁸⁴.

Проблемы языкознания стали предметом обсуждения на совместном заседании исторического отделения Северо-Осетинского НИИ и кафедры истории народов СССР Северо-Осетинского педагогического института в декабре 1951 года. И вновь научные взгляды В. И. Абаева оказались под прицелом критиков. Выступление заместителя директора Института языкознания АН СССР Б. А. Серебрянникова было целиком посвящено «раскрытию ошибок убежденного марриста». По мнению докладчика, В. И. Абаев не просто излагал «порочные положения Н. Марра», а «пытался оригинально развивать их»⁸⁵.

Адресные «проработки» В. И. Абаева и некоторых других ученых еще более усилились в связи с развернувшейся партийной борьбой против «буржуазно-националистических концепций», «идеализации феодально-патриархального прошлого осетинского народа», «чрезмерного захваливания» и «преувеличенных оценок нартского эпоса»⁸⁶.

Многие вопросы, связанные с культурным наследием народа, его историей, по сути, закрывались для изучения. Зависимость от политической конъюнктуры, недопустимость выхода за рамки официально сформулированной исследовательской проблематики существенно ограничивали возможности гуманитариев в изучении вопросов исторического и культурного развития общества. Но без допущения творческой свободы в научном поиске невозможно было рассчитывать на создание достаточно полной и достоверной картины прошлого.

В не менее трудных условиях, чем общественные науки, развивались точные и естественные науки. Господство лысенковщины в биологической и сельскохозяйственной науке, гонения на генетику, кибернетику тяжело сказывались на состоянии научной деятельности в республике, подавляя любые проявления новаторской мысли в отмеченных направлениях науки. Вскоре после августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ Северо-Осетинский обком ВКП (б) принял специальное решение (18 ноября 1948 г.), которое обязывало руководителей вузов республики устранить выявленные сессией недостатки, обеспечить преподавание биологических наук на основе мичуринского (материалистического) учения. В решении подчеркивалась необходимость обеспечения систематического контроля работы преподавателей биологических наук, а также изъятия из планов «антинаучной вейсманистской тематики», препятствовавшей, по мнению партийных и научных идеологов, решению задач социалистического строительства⁸⁷.

Наряду с тем, необходимость укрепления материально-технической мощи государства, упрочения обороноспособности страны в условиях нарастающего противоборства двух мировых систем обуславливали выделение приоритетных направлений в науке, на которых достигалась высочайшая концентрация интеллектуальных и финансовых ресурсов. Развитие технических отраслей знания, точных наук приобретало первостепенное значение.

Отмеченная тенденция благотворно отражалась на развитии вузов и вузовской науки технического профиля. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. укрепляется материальная база Северо-Кавказского горно-металлургического института. В вузе создавались благоприятные условия для расширения научно-исследовательской базы, стимулировалась деятельность научных подразделений и кафедр института, нацеленная на совершенствование работы предприятий горнодобывающей промышленности и цветной металлургии. Многие разработки профессоров и преподавателей института В. Г. Агеенкова,

М. П. Верховцева, А. Е. Гуриева, И. Н. Духанина, Е. И. Жуковского, И. А. Остроушко, А. Д. Погорелого, Д. Ф. Пузощатова, В. Н. Федорова, Л. Н. Пламеневского и других имели конкретное целевое предназначение и принесли советскому государству в эти годы значительный экономический эффект. В послевоенный период благодаря научным разработкам М. П. Верховцева на заводе «Электроцинк» были осуществлены работы, в результате которых предприятие стало выпускать свинец улучшенных сортов. Под руководством А. П. Рылова на Садонских рудниках была проведена сбойка штреков⁸⁸.

Ученые института сотрудничали и с другими предприятиями цветной металлургии страны. Бригада научных работников института под руководством В. Г. Агеенкова оказала техническую помощь Челябинскому заводу по внедрению высококислотного режима, что позволило заметно улучшить качество выпускаемого металла. В результате внедрения на многих предприятиях цветной металлургии Советского Союза научных разработок группы И. Н. Духанина значительно повышалось суммарное извлечение металлов и одновременно улучшалось качество концентратов⁸⁹.

Несмотря на ограничительные препоны, развивалась и сельскохозяйственная наука. Деятельность ученых-аграриев нацеливалась на решение конкретных задач по формированию научно-производственной базы животноводства и растениеводства, внедрению научных достижений в сельское хозяйство. Важные исследования в области растениеводства и животноводства проводили профессора Горского сельскохозяйственного института А. М. Панков, Е. В. Рубилин, И. С. Грабовский. На изучение местных пород скота, сохранение генофонда, более эффективное использование горных пастбищ были направлены исследования Н. В. Рязанцева, Н. А. Крестова, Х. Б. Дзанагова и других⁹⁰.

Таким образом, сложность и противоречивость общественно-политической ситуации середины 1940-х – середины 1950-х гг. оказывали значительное влияние на развитие науки

в Северной Осетии. Выделение в качестве приоритетных исследовательских направлений одних вопросов и «закрытие» для изучения других угнетало творческую активность научного сообщества республики. Под жестким идеологическим и политическим прессом оказалась научная интеллигенция. Определенная категория научных работников вновь подверглась профессиональной дискриминации. Вместе с тем, несмотря на диктат в сфере науки и культуры, послевоенное десятилетие стало временем восстановления научного потенциала республики, накопления исследовательского материала, разработки традиционных и формирования новых отраслей научного знания. В эти годы создавались условия для дальнейших изысканий в области гуманитарных и естественных наук, обеспечивавших решение задач социалистического строительства.

4.3. Проблемы научно-исследовательской деятельности в условиях модернизационных преобразований второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг.

Вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг. были отмечены значительными переменами во всех сферах культурного развития, в том числе и в научной сфере. Ведущее место в научном пространстве Северной Осетии продолжала занимать вузовская наука. Параллельно с вузами научно-исследовательская деятельность осуществлялась на базе ряда научных учреждений: Северо-Осетинского научно-исследовательского института, Опорного пункта Центрального научно-исследовательского института крахмально-паточной промышленности, Северо-Осетинской селекционной станции, Республиканского

музея краеведения и Центрального государственного архива СОАССР и др.

4.3.1. Естественные и технические науки. Быстро развивающееся общественное производство предъявляло растущие требования к качеству и количеству теоретических и прикладных исследований, способствовало активизации деятельности научно-исследовательских организаций для решения научно-технических проблем, разработки новых высокопроизводительных машин, материалов, технологий их производства.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники» от 28 мая 1955 г. был создан Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике⁹¹. Принятый документ определил основные задачи Комитета, в обязанности которого входила координация деятельности по разработке и реализации программ комплексной механизации и автоматизации промышленных и других отраслей народного хозяйства, развитие научно-исследовательских институтов и т. д. Постановление подчеркивало важность подготовки квалифицированных научных кадров как необходимого условия научно-технического прогресса из числа специалистов, окончивших вуз и имевших опыт работы на общественном производстве.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» от 13 июня 1961 г. конкретизировало порядок организации деятельности соответствующих органов по созданию условий для подготовки научных кадров, увеличению численности докторов и кандидатов наук. Учеба в докторантуре на два года освобождала от преподавательской работы. Аспиранты-заочники получали один свободный день в неделю в течение четырех лет (с оплатой 50%); на последнем году обучения еще один – два дня (без оплаты). Командированные с

целью выполнения научной работы должны были быть обеспечены жильем, оплатой проезда и суточных в течение двух месяцев и т. д.⁹²

Государственная политика в сфере подготовки кадров высшей квалификации способствовала расширению и активизации деятельности отделов аспирантуры в высших учебных заведениях Северной Осетии и увеличению количества обучавшихся в них. Так, в 1955 г. в аспирантурах вузов и научных учреждений Северной Осетии по различным специальностям обучалось 25 человек⁹³. В 1960 г. количество аспирантов составляло 38 человек. В 1961 г. – 73, в 1962 г. – 129, а в 1965 г. – 164 человека.⁹⁴

Таким образом, с 1960 по 1965 год численность аспирантов, охваченных разными формами обучения, выросла в 4,3 раза. Подавляющее большинство аспирантов учились на очном отделении. За эти же годы аспирантуру вузов и НИИ республики окончили 93 человека, из них в 1960 г. – 1 человек, в 1965 г. – 52 человека. Политика поощрения профессиональной подготовки научных и педагогических кадров находила выражение в изменении количественного и квалификационного состава научно-педагогических кадров. С 1956 по 1963 год число работников, занимавшихся научной и научно-педагогической деятельностью, выросло с 258 до 699 человек, в том числе со степенью кандидата наук – с 164 до 204 человек. Несколько медленнее росла численность научно-педагогических кадров со степенью доктора наук. За отмеченный период были защищены лишь три докторские диссертации. В вузах и научных учреждениях республики к этому времени работали 26 докторов наук⁹⁵.

Увеличение количества специалистов высшей квалификации наряду с постепенным расширением и упрочением научной, материально-технической базы учебных и научно-исследовательских учреждений способствовало развитию изыскательских работ в различных отраслях научного знания. Организация научной деятельности осуществлялась в двух

направлениях: оказание научно-практической помощи в решении хозяйственных задач и расширение фундаментальных исследований в области естественно-технических и общественных наук.

В 1950-е – 1960-е гг. ведущее место в республиканской вузовской науке занимал Северо-Кавказский горно-металлургический институт. Деятельность научных подразделений института была направлена на повышение эффективности горнодобывающей и металлургической промышленности, составлявших важнейшие отрасли народнохозяйственного комплекса Северной Осетии. Большинство научных разработок ученых института носило конкретно-прикладной характер и нацеливалось на непосредственное внедрение в промышленное производство. Изучались возможности расширения сырьевой базы завода «Электроцинк»; разрабатывались новые способы бурения глубоких и сверхглубоких скважин. Шла работа по совершенствованию методов разработки месторождений полезных ископаемых, а также процессов извлечения цветных, благородных и редких металлов. Важным направлением было решение проблем механизации и автоматизации производственных процессов, совершенствование планирования и организации труда на предприятиях горнодобывающей и цветной металлургии.

Финансирование научно-исследовательской работы в институте осуществлялось из государственных бюджетных средств и посредством заключения хозяйственных договоров с различными предприятиями как внутри республики, так и за ее пределами. Система хозяйственных отношений с предприятиями рассматривалась как основная форма связи с производством, позволявшая наращивать научно-техническую деятельность, повышать уровень квалификации преподавательских кадров и качество подготовки специалистов⁹⁶. В начале 1960-х гг. по хозяйственному договору сотрудники СКГМИ и Севкавказметразведка под руководством доцента Г.С. Кряжева осуществили геолого-структурные исследования в Садоно-Уналь-

ском рудном районе. В результате проведенных исследований были выявлены перспективные площади, на которых поисковыми работами обнаружены несколько рудопроявлений и осуществлена проходка горных выработок и установка буровых скважин.

Конкретный характер научно-исследовательской деятельности всегда предполагал тесное сотрудничество с предприятиями цветной металлургии. Экономический эффект от внедрения изобретений и разработок ученых горно-геологического, металлургического, электромеханического и других факультетов СКГМИ на заводах «Электроцинк», «Победит», Свинцово-цинковым комбинате, на других металлургических предприятиях страны исчислялся десятками и сотнями тысяч рублей.

Одним из примеров успешности взаимодействия ученых Северо-Кавказского горно-металлургического института и предприятий цветной металлургии явилась в конце 1950-х – начале 1960-х гг. деятельность исследовательской группы под руководством доктора технических наук А. Д. Погорелого. Наряду с преподавателями и научными сотрудниками кафедры общей металлургии эта группа объединяла также инженеров и техников завода «Электроцинк». Результатом ее деятельности стала разработка электромеханического способа рафинирования индия. Годовой экономический эффект от внедрения разработки составил 830 тыс. руб. Тогда же на кафедре металлургических печей и теплотехники (ныне это кафедра литейных процессов и металлургических печей) под руководством профессора А. М. Давидсона были созданы опытные образцы функционального преобразователя для источников питания при сварке штабиков. Эти образцы проходили апробацию на базе завода «Победит»⁹⁷.

Как уже отмечалось, институт сотрудничал не только с предприятиями своей республики. Ученые СКГМИ участвовали в решении научных задач для предприятий горнодобывающей и металлургической промышленности страны⁹⁸. В

начале 1960-х гг. группа ученых горно-металлургического института во главе с И. А. Остроушко и В. И. Емеевым провела работы по механизации взрывных работ на Тырныаузском, Алтын-Топканском и Сихоте-Алинском комбинатах. В результате были разработаны конструкции заряжающих устройств для глубоких скважин, минных камер и шпуров. Приборы для заряжения патронированными взрывными веществами скважин и шпуров прошли государственные испытания в мае 1962 г. и были приняты к серийному производству. Такими приборами заряжались взрывные скважины не только на отмеченных комбинатах, но также на рудниках г. Кривой Рог и комбинате «Апатит»⁹⁹. По договору с Норильским никелевым комбинатом проводилась работа по выделению магнитной фракции из файнштейна для извлечения и концентрации в ней платиновых металлов. Кафедрой металлургии благородных металлов горно-металлургического института для номерного завода были выполнены две хоздоговорные работы. Первая предусматривала изыскание способа гидрометаллургического извлечения серебра из нерастворимых остатков от выщелачивания сульфатизированных осадков золотоизвлекательных заводов. Вторая была предназначена для разработки способа определения золота и серебра в осадках золотоизвлекательных заводов. Исследования проводились по договору с трестом «Алтайзолото», Семипалатинской геологоразведочной экспедицией и другими золотодобывающими предприятиями СССР¹⁰⁰.

В одном только 1962 г. исследовательская деятельность СКГМИ осуществлялась по 96 госбюджетным и 54 хоздоговорным работам. Из них в отмеченном году работа была завершена по 44 госбюджетным и 28 хоздоговорным проектам. Остальные имели продолжение. В научных исследованиях, финансирувавшихся из государственных бюджетных средств, участвовали 65 (27 из них со степенью доктора и кандидата наук) профессоров и преподавателей, что составляло 41,7% научных и научно-педагогических кадров специализированных профильных кафедр института. В хоздоговорных проек-

тах участвовали 47 человек, которые одновременно были заняты исполнением бюджетных заданий¹⁰¹.

Наряду с преподавателями и научными сотрудниками СКГМИ в научно-исследовательской работе участвовали и студенты, которых привлекали к проведению госбюджетных и хоздоговорных исследований. Использовались разные формы вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу. В 1962 г. в институте в 18 студенческих научно-исследовательских кружках были заняты 475 человек. Творческий потенциал студентов реализовывался также в студенческих конструкторских бюро. Первое конструкторское бюро в СКГМИ было создано в 1964 г.¹⁰².

С 1957 г. в СКГМИ начал выходить журнал «Цветная металлургия». Он быстро приобрел известность в научных кругах. На его страницах публиковались статьи ученых около 75 вузов и свыше 50 научно-исследовательских институтов Советского Союза. В журнале печатались также результаты исследований зарубежных авторов. Среди тем, выносимых на обсуждение, были вопросы, связанные с повышением эффективности способов получения цветных металлов из руд, концентратов и отходов предприятий; с переработкой вторичного сырья; с процессами рафинирования металлов и получения металлов высокой чистоты. Читательская аудитория журнала охватывала помимо Советского Союза еще сорок две страны мира¹⁰³.

Реформа сельскохозяйственного производства, предпринятая с середины 1950-х гг., серьезно стимулировала развитие сельскохозяйственной науки. В Северной Осетии научные исследования в области сельскохозяйственной науки осуществлялись на базе Горского сельскохозяйственного института, а также сельскохозяйственной опытной станции. В рассматриваемые годы аналогичные сельскохозяйственные станции были созданы при участии ГСХИ и в соседних республиках: Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии.

Укрепление материально-технической и научной базы ин-

ститута во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. способствовало активизации научно-исследовательской деятельности института. В середине 1960-х гг. в ГСХИ насчитывалось более 200 преподавателей, в том числе 12 профессоров и докторов наук, более 80 доцентов и кандидатов наук. Наряду с преподавательской деятельностью многие из них занимались разработкой научных и практических проблем растениеводства, земледелия, животноводства, экономики, механизации и электрификации сельскохозяйственного производства¹⁰⁴.

Со второй половины 1950-х гг., особенно после визита Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки, «царицей колхозных и совхозных полей» стала кукуруза. За исключением некоторых регионов страны, к тому времени данная зерновая культура не имела широкого распространения в СССР. Теперь кукурузу начали сеять повсеместно, не учитывая при этом ни природно-климатических, ни материально-технических возможностей колхозов и совхозов, ни психологии непосредственных производителей – сельских жителей. Результаты этой волонтаристской политики еще более усугубили состояние сельского хозяйства, которое и без того в результате непродуманных экспериментов к началу 1960-х гг. оказалось в глубоком кризисе.

В Северной Осетии в отличие от многих других регионов страны природно-климатические условия благоприятствовали возделыванию этой зерновой культуры. Традиция возделывания кукурузы здесь насчитывала многие десятилетия. Республика была одним из главных сырьевых поставщиков, обеспечивавших бесперебойную работу Бесланского маисового комбината, построенного еще в 1930-е гг. и являвшегося крупнейшим предприятием крахмально-паточной промышленности страны. В 1960-е гг. посевные площади под кукурузу в Северной Осетии значительно расширились. Одновременно активизировалась исследовательская селекционная работа в этом направлении. Выведением новых сортов и гибридов кукурузы, повышением ее урожайности занимались ученые-аграрии

агрономического факультета Горского сельхозинститута и Горской сельскохозяйственной опытной станции А. Б. Саламов, Ф. Я. Коновалов, К. И. Трофименко и другие¹⁰⁵.

Исследовательская работа велась и по другим направлениям. Ученые обследовали и изучали сорта сельскохозяйственных культур, распространенных в Центральном и Восточном Предкавказье, которые служили исходным материалом для получения новых селекционных сортов многолетних трав, картофеля и других культур. Их выведением занимались Г. Б. Бугданов, Н. Н. Оболенский, З. С. Чернецкая, Э. А. Штебер. Многие разработки преподавателей и научных сотрудников кафедр почвоведения, геологии, агрохимии и земледелия внедрялись в колхозах и совхозах Северной Осетии и соседних республик¹⁰⁶.

Проблемами развития животноводства занимались сотрудники зоотехнического факультета, многие годы возглавляемого учеником И. П. Павлова профессором Н. В. Рязанцевым. Одним из ярких представителей старшего поколения профессоров и преподавателей, стоявших вместе с В. Ф. Раздорским, В. И. Де-Фриу у истоков Горского сельхозинститута, был Д. А. Тарноградский. Под его руководством был накоплен обширный экспедиционный материал, на основе которого были описаны многие, неизвестные прежде в науке виды простейших организмов, обитавших в водоемах Северного Кавказа. Весь этот материал лег в основу созданного им зоологического музея Горского сельскохозяйственного института. Исследования Д. А. Тарноградского по гидробиологии Северного Кавказа, получившие признание во всем мире, способствовали успешной борьбе с малярией на Северном Кавказе¹⁰⁷.

В институте функционировала станция по испытанию сельскохозяйственных машин. На ней отрабатывались приемы механизации посевов пропашных культур, испытывалась работа кукурузоуборочных машин, приспособлений к зерновому комбайну для уборки эфирномасличных культур. Опытная станция позволяла находить наиболее рациональные и приемлемые типы и наборы машин для механизации обработки и

уборки сельскохозяйственных культур в конкретных географических и природно-климатических условиях региона, выявить способы их наиболее эффективной эксплуатации¹⁰⁸.

Горский сельскохозяйственный институт и сельскохозяйственная опытная станция успешно работали во многих направлениях сельскохозяйственной науки. Однако общим недостатком деятельности всех научных подразделений вузовской науки являлось медленное продвижение открытия от этапа научной разработки идеи до ее реализации на производственном уровне. Более того, научно-технические разработки ученых нередко вообще не доходили до потребителя. Причин тому могло быть множество: отсутствие должного руководства организацией научно-исследовательских групп, особенно на стадии завершения работы, финансовая необеспеченность, многоступенчатость и сложность системы согласований, инертность и низкая заинтересованность сторон в конечном продукте и прочее. К примеру, в 1955 г. на Северо-Осетинской селекционной станции осуществили 16 принципиально новых разработок по разным сельскохозяйственным направлениям. Но только 9 из них были внедрены в производство. Остальные осваивались не полностью или не были реализованы вовсе¹⁰⁹.

В 1950-е – 1960-е гг. одним из важнейших подразделений вузовской науки оставался Северо-Осетинский государственный медицинский институт. На базе этого института развивалась медицинская наука. В научных исследованиях сотрудников СОГМИ традиционно преобладала тематика, непосредственно связанная с вопросами краевой и профессиональной патологии.

Изучение факторов, вызывавших заболевания желудочно-кишечного тракта, дыхательных путей, опорно-двигательной системы, щитовидной железы и других систем организма, разработка методов их лечения и профилактики являлись областью научных интересов преподавателей и научных сотрудников института: И. А. Агеенко, В. И. Рахмана, С. М. Трегубова, И. И. Мошковского и других. Их научные разработки

были направлены на снижение заболеваемости желудочными болезнями, зобом, силикозом. Под руководством профессора И. А. Агеенко успешно разрабатывалась методика лечения хирургическими средствами болезней желудка. Развивались и другие разделы клинической медицины: травматология и ортопедия. В них применялись новые методы диагностики и оперативного лечения.

Крупным специалистом в области эндокринологии являлась профессор Е. Я. Резницкая. С 1957 по 1968 г. она возглавляла кафедру факультетской терапии Северо-Осетинского мединститута и была инициатором разработки многих научных проблем, в том числе использования курортных факторов Северной Осетии, ее минеральных вод при лечении ряда эндокринных заболеваний. Е. Я. Резницкой проводились исследования состояния сердечнососудистой системы, органов пищеварения, мочевыделения при сахарном диабете, диффузно-токсическом зобе. Результаты этих исследований получили отражение в более чем 200 научных статьях и монографиях. До настоящего времени не утратила своей актуальности так называемая «диета Генес – Резницкой» при сахарном диабете, «симптом болезненности пульсирующей брюшной аорты» при диффузно-токсическом зобе и др.¹¹⁰

В 1950-е гг. благодаря внедрению новых методов лечения, пропаганде и осуществлению санитарно-гигиенических мероприятий, были практически ликвидированы трахома и чесотка. Важнейшим достижением в области здравоохранения и медицинской науки стала положительная динамика в лечении туберкулеза, являвшегося одним из самых тяжелых и распространенных заболеваний в крае. Внедрение в медицинскую практику флюорографических установок с начала 1950-х гг. позволило проводить массовые осмотры населения на выявление туберкулеза. Широко применялись новейшие методы лечения с использованием новых лекарственных средств, прежде всего антибиотиков. Осуществлялось санаторно-курортное лечение больных. В Алагирском ущелье, в санатории «Цей» лечились

больные с закрытой формой туберкулеза. В 1958 г. был открыт еще один санаторий в высокогорном селении Фаснал в Дигорском ущелье. В Нузале в санатории и детских яслях лечили детей, больных туберкулезом. В комплексе внедрение новых методов лечения и проведение профилактических мероприятий способствовали снижению заболеваемости и смертности от туберкулеза. Значительную роль в улучшении общей картины здоровья общества сыграло внедрение программы всеобщей диспансеризации.

В 1950-е – 1960-е гг. изучение и использование курортных ресурсов республики рассматривалось в качестве одного из наиболее перспективных направлений медицинской и биологической науки. В этот период активно исследовалось содержание воды Кармадонских источников, курортов «Серноводск», «Тамиск», выяснялись перспективы использования ее для лечения различных заболеваний, в том числе желудочно-кишечных, сердечнососудистых, а также заболеваний опорно-двигательной системы¹¹.

Итак, к середине 1960-х гг. медицина и система здравоохранения Северной Осетии достигли такого уровня развития, когда стали возможны позитивные качественные сдвиги в совершенствовании медицинского обслуживания и улучшении здоровья людей.

В целом во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. особенности социально-экономического и политического развития Северной Осетии определяли приоритетные направления научной деятельности в контексте общегосударственных задач. Эти направления включали как традиционные, так и новые области научного знания. Хозяйственно-экономическое развитие республики, расширение индустриальных отраслей производства стимулировали развитие естественно-технических наук. Кроме того, они способствовали разработке передовых технологических новаций, которые обеспечивали повышение эффективности производственных процессов, в частности, в сельскохозяйст-

венном производстве, в горнодобывающей промышленности и цветной металлургии.

В условиях научно-технической революции естественные и точные науки в Северной Осетии приобрели статус не только и даже не столько экономической категории, сколько социальной базы развития северокавказского региона. Поддержка естественно-технических отраслей вузовской науки способствовала количественному, образовательному и профессиональному росту научной интеллигенции. Наука в этот период стала реальной участницей улучшения жизни рядовых граждан. Внедрение новых технологий и методик в медицине, в аграрном секторе, в цветной металлургии напрямую и соответственно влияли на качество медицинского обслуживания жителей республики, повышали уровень культуры землепользования в регионе, механизацию труда горняков всей страны.

В целом процесс модернизации во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. придал положительный импульс развитию естественных и технических наук на базе вузов Северной Осетии, что в свою очередь обеспечило достаточно устойчивое развитие республики на предстоящее десятилетие.

4.3.2. Гуманитарные науки. В научной деятельности одного из структурных подразделений вузовской науки Северной Осетии – Северо-Осетинского педагогического института в изучаемый период приоритетным направлением исследовательской деятельности являлась разработка обществоведческих проблем. Научно-исследовательская работа научно-педагогических кадров педагогического института была тесно связана с деятельностью Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Интеллектуальные силы этих двух научно-образовательных учреждений нацеливались на разработку различных проблем в области кавказоведения и осетиноведения.

Вторая половина 1950-х – 1960-е гг. отмечены ростом интереса к общественным и гуманитарным наукам. Политические события начала и середины 1950-х гг., смерть Сталина, реше-

ния XX съезда КПСС, значительно повлиявшие на общественно-политическую ситуацию в стране, делали возможным переосмотр многих обществоведческих проблем. Но общественные науки, как никакая другая область научного знания связанная с официальной идеологией, особенно остро ощущали противоречивость начавшегося процесса десталинизации. Они оставались инструментом обоснования исторической целесообразности социалистического строя и неизбежности победы коммунизма.

Политические процессы в общественной жизни страны сообразно запросам времени корректировали развитие исторической науки в центре и в регионах. Научно-исследовательская проблематика, как правило, диктовалась политическим заказом партийных органов. Подготовка первого фундаментального труда по истории Северной Осетии в 1950-е – 1960-е гг. определила приоритетные направления в развитии исторической науки в Северной Осетии. Преобладающее место в исторических исследованиях занимали вопросы социально-экономического и культурного развития Осетии. Вопросы развития феодальных отношений, феодального землевладения исследовались в работах Б. В. Скитского, А. К. Джанаева. Культура и общественно-политическая мысль Осетии являлись объектом научного интереса М. С. Тотоева. Работы К. Х. Дзокаева были посвящены экономическому развитию осетинского села.

В 1950-х гг. в научных исследованиях доминировала дореволюционная тематика и отчасти вопросы, связанные с событиями периода революции и гражданской войны. В значительно меньшей степени изучались вопросы послеоктябрьского развития североосетинского общества. Отмеченное обстоятельство было обусловлено не только хронологической близостью переломных событий, малочисленностью профессиональных научных кадров, ограниченностью документальной базы, отсутствием достаточно устоявшихся научных подходов при оценке исторических событий и фактов. Главная причина, как представляется, заключалась в инертности научных

кадров, над которыми довлел негативный опыт политических репрессий прошлых лет, опасения возможной несогласованности с официально принятой научной концепцией.

Однако позитивные перемены в развитии исторической науки все же происходили. Смягчение идейно-политического климата во второй половине 1950-х гг., начало реабилитационных процессов, открытие части недоступных прежде для исследователей архивных источников, открывали новые возможности для расширения тематики исторических исследований, для переосмысления и переоценки исторических и политических событий предшествующих десятилетий. Ученые получали некоторую свободу творческого самовыражения, хотя эта свобода по-прежнему ограничивалась рамками официальных, действовавших в науке концептуальных положений. Проблематика научных исследований, как правило, определялась политической конъюнктурой и решениями партийных органов.

В 1950-е – 1960-е гг. продолжавшаяся работа над двухтомным изданием «Истории Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней» определяла конкретные исследовательские задачи, ставившиеся перед историками, филологами, искусствоведами, экономистами. В ходе работы исследователи не раз сталкивались с проблемами научного, морального и этического характера. Особенно сложно продвигалась подготовка к изданию первого тома «Истории Северо-Осетинской АССР...», приведение ее в соответствие с требованиями, изложенными в материалах научной сессии СОНИИ, состоявшейся в мае 1955 г., и в постановляющих партийных документах. К концу отмеченного года выправленная рукопись монографии была готова к печати. Но в феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, и в духе решений этого съезда потребовалась очередная переработка текста.

События, происходившие в этот период в осетинском научном сообществе, могут служить иллюстрацией непоследовательности попыток демократизации в сфере науки в период правления Н. С. Хрущева. Деятельность осетинского научного

сообщества, особенно гуманитариев, отличалась определенной инерционностью развития. Значительное влияние на нее оказывала вынужденная, годами выработывавшаяся привычка соизмерять свои научные представления с менявшимися во времени политико-идеологическими ориентирами. Но, несмотря на это обстоятельство, научная мысль не угасала, она продолжала развиваться.

Итоговые материалы XX съезда КПСС вселили в авторский коллектив «Истории Осетии» надежду на то, что смягчение политической ситуации позволит ликвидировать имевшиеся в рукописи искажения, избавиться от «белых пятен» и «фигур умолчания». Руководство Северо-Осетинского НИИ обратилось в обком КПСС с просьбой рассмотреть совместно с историками те проблемы истории Осетии, освещение которых, с его точки зрения, нуждалось в пересмотре. Среди выделенных проблем, в частности, были вопросы о сущности колониальной политики царизма, о природе движения Шамиля и о характере национальных движений в Осетии в конце XVIII – начале XIX века.

Что касается первых двух вопросов, то сообразно духу «оттепели» в освещение их были внесены некоторые коррективы. Политика царского самодержавия на Северном Кавказе расценивалась как колониальная. Но отрицательные последствия колониальной политики в новом прочтении истории перекрывались исключительно прогрессивным значением присоединения Осетии к России для социально-экономического и культурного развития края. Значение этого события в истории Осетии еще более возрастало в исторической перспективе, так как в ходе общественно-политического взаимодействия двух народов «складывалось боевое революционное единство русских и осетинских трудящихся против самодержавия, крепостничества, против всех эксплуататоров», приведшее к победе социализма¹¹².

Признавалось также, что социальную основу движения Шамиля составляли «крестьянские массы, которые вели ан-

тиколониальную и антифеодальную борьбу». Но при этом подчеркивалось, что идеология этого движения (мюридизм), «насаждаемая имамами и наибамы в своекорыстных целях» и носившая реакционный, религиозно-националистический характер, не нашла опоры в осетинских обществах. Исключение составляла лишь небольшая часть социальных верхов Тагаурии и Дигории, поддержавшая идеи Шамиля. Самого Шамиля уже не называли агентом иностранных государств, но по-прежнему утверждалось, что мюридизм на Северном Кавказе распространялся при активной поддержке иностранных агентов¹¹³.

Несколько иную окраску получило обсуждение вопроса о массовом национальном движении в Тагаурии в 1830 г. Надежды на возможность пересмотра оценки этого движения были порождены дискуссией на страницах журнала «Вопросы истории», завершившейся летом 1956 г. научной сессией ученых Дагестана и созывом Всесоюзного совещания историков осенью того же года в Москве. Научные форумы, посвященные вопросам борьбы горцев Дагестана и Чечни против царского самодержавия в 20-50-е гг. XIX века, имели большое воздействие на умы ученых, среди которых оказались и историки Северной Осетии В. С. Гальцев, А. К. Джанаев и М. С. Тотоев. Под впечатлением итогов этих научных встреч и публикаций в журнале «Вопросы истории» М. С. Тотоев подал на имя первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС В. Агкацева докладную записку, в которой обосновывал несправедливость и неправомочность оценок восстания жителей Тагаурского ущелья в 1830 г. и песни «Хазби» и предлагал пересмотреть их.

Однако инертность общественного сознания, консервативность и инвариантность политического курса оказывались сильнее «оттепельных» побуждений. Руководство республики негативно отреагировало на предложение М. С. Тотоева. Оно расценило инициативу ученого как попытку «возродить прежние политические ошибки, пересмотреть решения V пленума

обкома 1952 г., вскрывшего с помощью ЦК КПСС серьезные ошибки... в идеологической работе в республике»¹¹⁴.

Вопрос был вынесен на рассмотрение членов бюро Северо-Осетинского обкома партии. По итогам состоявшегося обсуждения 5 марта 1957 г. было принято постановление обкома КПСС «О неправильном поведении доктора исторических наук, профессора Тотоева М.С.». Постановление обязывало руководителей Северо-Осетинского научно-исследовательского института обсудить вопрос на расширенном заседании Ученого совета.

Заседание Ученого совета института состоялось 14 марта 1957 г. «Ученый совет, – отмечалось в принятом по итогам обсуждения постановлении, считает необоснованным и ошибочным предложение профессора Тотоева М.С. оценивать движение 1830 г. в Тагаурии как антиколониальное и общенародное». Далее подчеркивалось, что «ошибочные предложения профессора Тотоева ... были возможны потому, что в Научно-исследовательском институте сложилась обстановка беспринципности и семейственности и отсутствия должной критики и самокритики»¹¹⁵. Постановление вполне обоснованно было воспринято как предупреждение всем ученым-гуманитариям. А М.С. Тотоев в силу характера обсуждения вынужден был заявить, что он поторопился с докладной запиской и что восстание 1830 г. «никак нельзя рассматривать как антиколониальное»¹¹⁶.

Между тем, продолжалась доработка первого тома рукописи «Истории Осетии». На завершающем этапе общее название двухтомного исследования было уточнено – «История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней». Не сразу, после ареста Г.А. Кокиева, решился вопрос и о главном редакторе. В 1952 г. секретарь Северо-Осетинского обкома партии К.Д. Кулов обратился с просьбой к секретарю ЦК ВКП (б) М.А. Суслову, «учитывая исключительное культурно-политическое значение издания научно-обоснованной истории Осетии», дать указание Институту истории Академии

наук СССР выделить главного редактора «из числа видных советских ученых историков»¹¹⁷. В ответ была предложена кандидатура доктора исторических наук, профессора К. В. Сивкова, занимавшегося исследованием проблем истории народов Северного Кавказа. Однако окончательное решение вопроса затянулось. В письме заместителя заведующего Отделом науки и культуры ЦК КПСС по РСФСР К. Кузнецова от 1 апреля 1955 г. отмечалось: «Что касается редактирования «Истории Осетии», считали бы целесообразным поручить его местным научным работникам»¹¹⁸. Поэтому в июне 1955 г., после научной сессии, подведшей итоги работы над историей Осетии, Северо-Осетинский обком КПСС вновь обратился в Центральный Комитет. Одновременно он просил о назначении членом редколлегии доктора исторических наук А. В. Фадеева¹¹⁹. Тогда же был утвержден состав редколлегии коллективного труда. В него вошли А. К. Джанаев, М. И. Кустов, М. С. Тотоев, Х. С. Черджиев и Х. Т. Чибиров. Ответственным редактором «Истории Северо-Осетинской АССР» был назначен доктор исторических наук С. К. Бушуев.

Однако отношения авторского коллектива с ответственным редактором не складывались с самого начала. Обращение осетинских историков в областной комитет партии с просьбой об отводе его кандидатуры не встретило понимания и поддержки. Обоснованность мнения ученых стала очевидной лишь после того, как был получен сигнальный экземпляр издания, изобиловавший ошибками научного и фактологического характера. С марта 1958 г. исправлением этих ошибок занялись ученые научно-исследовательского института М. М. Блиев и А. К. Джанаев, М. С. Тотоев. Наконец, в 1959 г., через двенадцать лет после начала работы, первый том «Истории Северо-Осетинской АССР с древнейших времен...» увидел свет. Объективно издание явилось важным шагом в исследовании исторического прошлого Осетии, несмотря на довлеющее влияние идеологии, наличие множества идеологических и политических догм и штампов в нем. Многолетняя работа над

монографией стимулировала развитие гуманитарных наук. Она положила начало разработке многих научных проблем в области исторического знания, в археологии, этнографии, языкознании, литературоведении и других науках.

Работа над вторым томом «Истории Северо-Осетинской АССР» происходила в более спокойной обстановке. Она развернулась в середине 1950-х гг. и способствовала значительному расширению исследовательских направлений в области истории советского периода. Важнейшим направлением научно-исследовательской деятельности Северо-Осетинского научно-исследовательского института с этого времени становится революционная тематика. Во второй половине 1950-х гг. научными сотрудниками института С. Д. Куловым, М. С. Тогоевым, В. С. Гальцевым и другими публикуются работы, посвященные событиям Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе, в том числе в Северной Осетии¹²⁰. Ученые института приступили к изданию серии брошюр по теме: «Видные деятели революции в Северной Осетии». Реабилитация многих партийных и государственных деятелей, репрессированных в 1930-е гг., открыла еще одну тему для изучения. В газетных и журнальных статьях научно-популярного характера рассказывалось о жизни, общественной, политической и культурной деятельности К. С. Бутаева, С. Г. Мамсурова, Д. Н. Тогоева, С. А. Такоева, Г. Арсагова, Б. Б. Гарданова. Эти публикации отличались большим объемом и новизной привлекаемых документальных источников, научной компетентностью и внутренней авторской свободой в изложении материала. «И историография, и источниковедение, и сама история обретали новый смысл в общественном назначении и восприятии»¹²¹.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. не менее важным исследовательским направлением в исторической науке Северной Осетии становится проблема формирования и развития рабочего класса. Актуальность данной темы обосновывалась общественно значимой ролью рабочего класса – «интеллек-

туального и морального двигателя, физического исполнителя исторической задачи – строительства коммунистического общества»¹²². Отдельные аспекты этой проблемы получили отражение в работах Б. А. Цуциева, Х. С. Черджиева, посвященных вопросам социально-экономического и культурного развития республики. А с начала 1960-х гг. история рабочего класса республики стала предметом специального исследования¹²³. В статьях и монографиях Г. В. Казбекова прослеживалась динамика промышленного отряда рабочего класса на протяжении большого временного промежутка с середины XIX века до начала 40-х гг. XX века. В качестве одного из важнейших аспектов проблемы рассматривался вопрос о создании национальных кадров рабочих. При этом вопрос формирования национальных рабочих кадров увязывался с более общей проблемой преодоления социально-экономической отсталости края и формирования осетинской социалистической нации¹²⁴.

Определенные успехи, достигнутые в разработке многих аспектов истории советского периода, обеспечили основу для написания второго тома «Истории Северо-Осетинской АССР». В 1962 г. был готов макет монографии. В конце октября 1963 г. состоялось его обсуждение. Еще два года понадобилось для доработок. И в 1966 г. труд ученых стал достоянием специалистов и широкого круга читателей. Второй том «Истории Северо-Осетинской АССР...» так же как и предыдущий, был написан в духе марксистской методологии и удовлетворял всем требованиям тогдашней исторической науки. Эти две монографии составили первый фундаментальный труд по истории Северной Осетии и, несмотря на недостатки, обусловленные неполнотой источниковой базы, уровнем разработанности актуальных проблем прошлой и современной истории Осетии, необходимостью следования политической и идеологической конъюнктуре, их появление стало важнейшим шагом в развитии исторической науки в республике. Оно оказалось возможным благодаря наличию подготовленных научных кадров,

сумевших исполнить столь сложный замысел. Значение двухтомной «Истории Северо-Осетинской АССР» состояло еще в том, что она, по сути, явилась пионерской для северокавказских республик. Ученые Северной Осетии одними из первых на Северном Кавказе шли по непроторенным дорогам исторического самопознания, преодолевая большие трудности научного, политического и морально-нравственного характера, через потери и обретения. Накопленный ими опыт служил надежным основанием для тех, кому только предстояло решать подобные задачи.

В середине 1950-х – 1960-х гг. продолжала разрабатываться дореволюционная тематика. По-прежнему пристальный интерес историков вызывала проблема русско-осетинских отношений. В трудах М. М. Блиева, М. С. Тотоева на основе широкого круга документальных источников анализировалась история взаимоотношений между двумя народами. Отличительной чертой исследований этого времени являлось признание исключительно прогрессивного характера этих отношений¹²⁵.

Одним из наиболее сложных и актуальных вопросов осетинovedения во второй половине XX века оставался вопрос об этногенезе осетин¹²⁶. Значительный вклад в разработку этой темы внесли работы В. И. Абаева. Монографии «Нартовский эпос», «Осетинский язык и фольклор», а также ряд других исследований ученого послужили толчком к развертыванию дискуссии о происхождении осетинского языка и осетинского народа. Наибольшие расхождения во мнениях выявлялись при рассмотрении вопроса о роли алан и местного кавказского субстрата в формировании осетин. Сложность ситуации заключалась в том, что в науке по-прежнему не существовало единства в определении термина «аланы». Одни ученые полагали, что аланы являются по своему происхождению индоевропейцами. Другие исходили из представления о том, что аланы – это союз этнически разнородных племен. А поскольку «аланы» воспринимались ими как собирательное

название, то тезис о происхождении осетин от алан лишился всякого смысла¹²⁷.

Проявившаяся в исторической науке в 1950-е – начале 1960-х гг. тенденция поставить под сомнение основные положения этногенеза осетин и, прежде всего, этническую индивидуальность алан, потребность в тщательном анализе, систематизации и обобщении значительного материала по этой актуальной проблеме вызвали необходимость созыва научного форума. С 6 по 8 октября 1966 г. в Орджоникидзе (Владикавказе) под эгидой Северо-Осетинского и Юго-Осетинского научно-исследовательских институтов состоялась научная сессия. В ее работе приняли участие известные ученые-кавказоведы из Москвы, Ленинграда, Ставрополя, Ростова, Северной и Южной Осетии, Грузии, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Абхазии и Калмыкии. Среди них были В. Н. Алексеев, В. Н. Гамрекели, В. Б. Виноградов, Г. Д. Тогошвили, Г. Ф. Турчанинов и другие. Важнейшие аспекты проблемы этногенеза осетин были сформулированы в семи основных докладах, представленных лингвистом В. И. Абаевым, археологами Е. И. Крупновым и В. А. Кузнецовым, историком Ю. С. Гаглойти, этнографом Б. А. Калоевым, антропологами В. Н. Алексеевым и М. Г. Абдушелишвили. Уже сам состав участников свидетельствовал о том, что история происхождения осетинского народа впервые в рамках научного форума рассматривалась комплексно, с привлечением данных смежных наук – истории, археологии, этнографии, языкознания и антропологии.

Острые дискуссии, развернувшиеся в ходе работы сессии, выявили разнообразие мнений по вопросу о происхождении осетинского народа¹²⁸. Были ясно обозначены три основные точки зрения на проблему. Первая формулировалась в основном историками и лингвистами, которые исходили из представления о том, что в этногенезе осетин участвовали два компонента: кавказский и иранский. «Никакая этногенетическая теория об осетинах, которая не считается с фактом смешения

скифо-сарматских племен со старым местным населением, не может считаться отвечающей современному уровню наших знаний»¹²⁹, – подчеркивал В. И. Абаев. Но, при этом определяющее значение в становлении осетинского народа эта группа исследователей отводила иранскому элементу, который расценивался как доминирующий. Кавказский же компонент признавался, хотя и важным, но не основным.

Другие исследователи, ссылаясь на данные археологических и антропологических разысканий, склонялись к мнению о том, что осетины по своему происхождению являются кавказцами, принявшими иранский язык. «Не отрицая определенного и даже значительного вклада иранства в процесс формирования осетинского этноса, – говорил Е. Крупнов, – ... ведущее место в этногенезе осетин следует отнести кавказской аборигенной общественной среде. Определенная ее часть... на протяжении веков развивая свою самобытную культуру и во многом сохраняя существо кавказского этноса, на определенном этапе сменила свой кавказский язык на иранский. Это и определило современное состояние осетинского народа. Именно поэтому современные осетины и являются истыми кавказцами по происхождению, внешнему облику и культуре и... иранцами – по языку»¹³⁰.

Наконец, третья точка зрения была выражена Б. А. Калоевым. Он высказал мнение о том, что имеющийся материал «не дает пока возможности определить преобладающую роль какого-либо из двух компонентов (древнекавказского или скифо-сармато-аланского – И. Ц.) в формировании осетинской народности» и считал, что оба пласта одинаково важны в формировании осетин¹³¹.

Таким образом, участники научной сессии демонстрировали разность подходов к пониманию проблемы. Хотя в итоговой резолюции сессии было записано признание участия в этногенезе осетин двух основных компонентов: скифо-сармато-аланского и кавказского, спорные моменты не были преодолены. Открытым остался главный вопрос – о степени участия

каждого из выделенных элементов в формировании осетинского народа.

Тем не менее, научно-практическое значение сессии было бесспорным. Научное совещание не только подвело общий итог состоянию изучения вопроса происхождения осетин, выявило отдельные аспекты проблемы и определило новые направления в ее изучении. Оно также стимулировала дальнейшее развитие языкознания, этнографии, нартоведения и других отраслей осетиноведения¹³².

Во второй половине 1950-х – 1960-х гг. продолжается археологическое изучение Северной Осетии. На территории республики вела изыскательские работы Северо-Кавказская археологическая экспедиция (СКАЭ). Руководил ею заместитель директора Института истории материальной культуры АН СССР, профессор Е. И. Крупнов. Заинтересованное и активное участие в экспедиционных мероприятиях принимали и осетинские археологи. В составе экспедиции были задействованы многие известные ученые – В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов, В. И. Марковин и другие. В 1957 г. Северо-Кавказской археологической экспедицией в районе селения Эльхотово и станицы Змейской впервые в широких масштабах были осуществлены раскопки поселения кобанской культуры IX-VIII вв. до нашей эры. Тогда же были начаты раскопки обширного аланского катакомбного могильника XI-XII вв. нашей эры у станицы Змейской, а затем Крупнейшего средневекового городища на территории Северной Осетии «Верхний Джулат». Извлеченные во время археологических экспедиций данные принадлежат ныне к числу основных источников по древней и средневековой истории предков не только осетин, но и других народов Северного Кавказа. Полученный археологами в результате раскопок материал позволял с большей определенностью судить об уровне социально-экономического развития, о времени классообразования и формирования государственности у северокавказских алан, выяснить характер внешних связей алан с другими

странами и народами в области экономического, политического и культурного сотрудничества¹³³.

Заметно продвигалось и изучение этнографии Осетии. Исследованием материальной и духовной культуры осетин, сбором полевого и этнографического материала занимались Е. Г. Пчелина, Е. Н. Студенецкая, К. А. Берладина и другие. При поддержке ученых Москвы, Ленинграда, Тбилиси, по мере расширения собственной исследовательской базы, роста числа квалифицированных профессиональных кадров удается охватить все более широкий круг исследовательских тем. Среди них – изучение форм земледелия и скотоводства, поселений и жилищ, древних верований осетин, нартовского эпоса, этнического состава населения Северного Кавказа и т. д. Они исследуются в статьях и монографиях А. Х. Магомедова, Я. С. Смирнова, В. К. Тотрова, Л. А. Чибирова и других.

Время «оттепели» в кавказоведении, в том числе осетиноведении, отмечено поступательным развитием нартоведения. Освоение богатейшего эпического наследия кавказских народов происходило в рамках реализации государственной программы «Эпос народов СССР». Координационную деятельность осуществлял Президиум АН СССР. Руководство работой в региональных научных учреждениях было возложено на Институт мировой литературы имени М. Горького АН СССР. С начала 1950-х гг. в ИМЛИ ведется систематическая работа по консолидации сил нартоведов страны¹³⁴.

Накопленный к отмеченному времени значительный опыт в изучении эпического наследия кавказских народов делал возможным постановку и решение важнейших исследовательских задач. 19-20 октября 1956 года в г. Орджоникидзе состоялось научное совещание, организованное Институтом мировой литературы совместно с Северо-Осетинским НИИ. Проведение научного форума в республике было символично, поскольку здесь уже в 1930-е – 1940-е годы благодаря таким выдающимся деятелям науки, как Вс. Миллер, В. Абаев, Ж. Дюмезиль сложилась осетинская школа нартоведения.

В работе совещания приняли участие ученые из Москвы, республик Северного Кавказа и Закавказья, Ташкента и Кishинева. Был рассмотрен широкий круг вопросов от истории записи и публикации эпоса, ее художественной специфики, отражения в памятниках культуры до выяснения ее этнической принадлежности, времени и места возникновения.

Важным итогом научного мероприятия явился отказ от двух крайностей в оценке эпоса, существовавших в фольклористике 1940-х – 1950-х гг.: от его идеализации, с одной стороны, и от нигилистического отношения, с другой. Нартовский эпос был определен как памятник мировой культуры мирового значения, как один из немногих циклов эпических сказаний, сложенных еще в доклассовом обществе¹³⁵. «Нартский эпос является типичным высокохудожественным образцом героического эпоса, – отмечал Е. М. Мелетинский, – сохранившим, однако, весьма архаические черты фантастики мифологического характера. Это позволяет сопоставить его в древнейшей части с такими образцами мифологического эпоса, как «Калевала», «Эдда», «Гильгамеш», а в более поздних пластах – с эпосами якутским, монгольским и ирландским»¹³⁶.

Совещание подвело общие итоги изучения Нартовского эпоса. При этом в процессе его работы отчетливо обозначилась разность подходов к пониманию проблемы об этнической, национальной идентификации эпоса. К примеру, Е. М. Мелетинский, рассуждая о причинах многонационального характера эпоса, полагал, что он сложился в пределах Северного Кавказа в условиях аланской военной демократии. Наличие национальных вариантов ученый объяснял тремя факторами: во-первых, в аланский союз племен, помимо самих алан, входили синдо-меотские племена – предки современных адыгских народов; во-вторых, аланы могли участвовать не только в этногенезе осетин, но и адыгских народов; наконец играло роль взаимовлияние соседствующих народов.

Тем не менее, участники форума не пришли к общему мне-

нию по поводу того, как совместить положения о национальном характере и многонациональном бытовании эпоса. Требовали прояснения обстоятельства, которые привели к образованию эпоса, единого в существенных чертах, но выступающего в разных национальных вариантах. Решение этих и других вопросов требовало дальнейших совместных усилий по изучению эпоса. По мнению В. И. Абаева, успешное решение проблемы было возможно только при глубоком сравнительном изучении всех национальных типов эпоса в рамках Кавказа, так как «изучение каждого из этих типов в отдельности будет лишено солидной научной основы, а параллели мирового масштаба могут оказаться преждевременными и поверхностными»¹³⁷.

Проведение научного мероприятия курировалось местным партийным руководством. Обсуждению итогов совещания было посвящено заседание бюро Северо-Осетинского обкома КПСС. В принятом 5 ноября 1956 г. постановлении бюро было подчеркнуто: «...совещание пришло к правильному заключению о том, что нартский эпос, относящийся к числу выдающихся памятников мировой культуры, имеет многонациональный характер и является плодом творчества народов ряда национальностей Кавказа: осетин, кабардинцев, адыгов, абхазцев и некоторых других народов...

Совещание правильно нацелило исследователей эпоса на осуществление новых работ с позиций марксистско-ленинской идеологии».

Бюро обкома КПСС постановило: «1) обязать отдел пропаганды и агитации обкома (Х. Чибиров) и руководство СОНИИ (В. Тотоев) обеспечить всестороннюю научно-исследовательскую работу по дальнейшей разработке проблем нартского эпоса с позиций марксизма-ленинизма, а также по сбору, обработке, изданию материалов эпоса...». Перед руководством Северо-Осетинского научно-исследовательского института ставилась также задача организовать подготовку академического издания осетинского нартского эпоса в течение 3-4 лет¹³⁸.

Научная конференция 1956 г. подвела итоги всей пред-

шествующей работы, определила направления дальнейших исследований эпоса, и тем самым способствовала активизации деятельности научных учреждений Северного Кавказа по сбору и изданию текстов эпоса, проведению научных исследований. Научные изыскания осуществлялись в направлении поиска общих корней эпосов кавказских народов. Вместе с тем, при исследовании самоназваний народов, терминов с неясной этимологией, встречающихся в эпосе, осетинские нартоведы, как правило, склонялись к их иранскому происхождению¹³⁹.

Огромный научно-познавательный и практический интерес к проблеме, обеспечивший динамичное развитие нартоведения в 1960-е гг., и явное стремление исследователей подчеркнуть «первородность» своей национальной версии сделали актуальным проведение нового коллективного обсуждения проблем Нартовского эпоса. В 1963 г. в Сухуми состоялась конференция, в работе которой приняли участие не только исследователи национальных версий эпоса, но и историки, лингвисты, этнографы, философы. Материалы сухумской конференции (и ряд новых работ) были опубликованы в книге «Сказания о нартах – эпос народов Кавказа»¹⁴⁰. На основании решения конференции в план издания академической серии «Эпос народов СССР» были включены тома адыгского, абхазского, карачаево-балкарского и осетинского Нартского эпоса¹⁴¹.

Конференция продемонстрировала количественный и профессиональный рост национальных кадров нартоведения, значительное расширение исследовательской проблематики. В выступлениях докладчиков поднимались самые разные вопросы: теоретические и методологические проблемы изучения эпоса, взаимосвязь с другими жанрами, поэтика эпоса. В этот период наряду со старшим поколением исследователей (В. И. Абаев, Б. А. Алборов, Б. А. Калоев и др.) осетинское нартоведение пополнилось новыми именами (З. В. Абаева, А. Х. Бязыров, Т. А. Гуриев, С. Ш. Габараев, Н. К. Мамиева, К. Г. Цхурбаева)¹⁴².

В региональном нартоведении, по-прежнему, наиболее спорным оставался вопрос о происхождении и ядре эпоса. В 1966 году на научной сессии по этногенезу осетин В. И. Абаев так изложил свою точку зрения на проблему: «... нартовский эпос – памятник многослойный, с разнородными этническими включениями. Ядром осетинских версий, как это с полной и абсолютной убедительностью показали Вс. Миллер и Дюмезиль, являются древние аланские и скифские мифы и предания. После исследований этих ученых уже не возникает сомнений, что аланы пришли на Кавказ не только со своим языком, но и со своим эпосом»¹⁴³.

Новые исследования ученого заметно обогащали научное нартоведение. В работе «Скифо-европейские изоглоссы» В. И. Абаев исследовал скифо-европейские параллели в области языка и мифологии¹⁴⁴. Вслед за Ж. Дюмезилем он обратил внимание, что Нартовский эпос при всей своей исключительной самобытности имеет параллели в далеком скандинавском эпосе: Сырдон – Локи. В результате глубоких изысканий он пришел к выводу, что в данном случае речь может идти не о типологическом сходстве, а скорее о сходстве в результате конкретных контактов в определенную историческую эпоху и на определенном ареале взаимодействия скифо-сарматов с германцами. Точнее с германскими племенами герулов, которые участвовали наряду с норвежцами в заселении Исландии.

Послевоенные десятилетия, особенно 1950-е – 1960-е гг. в истории осетинского литературоведения отмечены постоянно растущим интересом к жизни и творчеству основоположника осетинской литературы – Коста Хетагурова. Творческая, научно-публицистическая, общественная деятельность великого поэта стали предметом монографических исследований. Первая монография, в которой исследовалась творческая лаборатория «Осетинской лиры» Коста Хетагурова, принадлежала перу А. А. Хадарцевой. Работа увидела свет в 1955 г. Вскоре вышла книга Л. П. Семенова «К вопросу об отношении Коста к русской культуре». Монография, также как и предыдущее

исследование, являлась итогом долгих лет кропотливой работы. В ней рассматривалась проблема литературных влияний, роли русской культуры и русской литературы в развитии осетинской художественной культуры. На конкретных примерах автор проследил тесную связь творчества Коста с русской литературой.

Под знаком 50-летия со дня смерти Коста Хетагурова прошел 1956 г. К исторической дате было приурочено издание ряда его произведений. Впервые издается собрание сочинений поэта в трех томах под редакцией Х. Н. Ардасенова с переводом на осетинский язык почти всего того, что было написано Коста на русском языке. Тогда же в Москве было издано «Избранное» Хетагурова.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. вышли подряд три монографии о жизни и творчестве поэта, написанные Н. Джусойты, В. Корзуном и Г. Кравченко¹⁴⁵. Последний из авторов предпринял еще одну важную работу. Он приступил к созданию «Летописи жизни и творчества Коста Хетагурова». К сожалению, «Летопись...» осталась незавершенной.

Помимо общих работ, посвященных изучению жизни и деятельности поэта, исследовались и отдельные аспекты его творчества. Большой научный интерес представляло изучение проблемы соотношения литературы и фольклора в творчестве Коста Хетагурова. Этой теме была посвящена работа З. М. Салагаевой «Коста Хетагуров и осетинское народное творчество», вышедшая к 100-летию со дня рождения поэта. В работах Н. Г. Джусоева, А. А. Хадарцевой, К. Е. Гагкаева анализировались мировоззренческие аспекты творчества Коста, его исторические и этические взгляды, драматургическое наследие и театральная деятельность.

Наряду с исследованием творчества Хетагурова с середины 1950-х гг. начинается монографическое изучение творчества и других осетинских писателей. В 1955 г. вышла в свет книга, посвященная творческому пути Арсена Коцоева. Большой литературоведческий интерес вызывало творчество Ивана Джа-

наева (Нигера). В 1956 г. была издана монография С. Т. Марзоева «Проблема положительного героя в творчестве Нигера». Тогда же увидела свет работа А. А. Хадарцевой «Творческий путь Давида Туаева»¹⁴⁶.

Вначале осторожно, а затем все более активно в исследовательские планы стали включаться имена представителей национальной творческой интеллигенции, которых еще в начале 1950-х клеймили как «буржуазных националистов». Среди намеренно преданных забвению значились имена писателей, умерших еще до Октябрьской революции и в советское время. Из истории национальной культуры были вычеркнуты и те, кто подвергся политическим репрессиям и гонениям в 1930-е гг. Обращение историков и литературоведов к жизни и творчеству Елбыздыко Бритаева, Дзахо Гагуева, Инала Канукова, Батырбека Туганова, Георгия Цаголова являлось свидетельством менявшейся общественно-политической атмосферы, смягчения политического климата в стране под влиянием «оттепельных» процессов. Но широкому кругу читательской аудитории общественная деятельность и творчество этих представителей осетинской культуры, а также исследования, посвященные их жизни и творчеству, оставались малоизвестными. В отмеченные годы шло накопление и обобщение материала, осмысление творческого метода, что позднее превращалось в глубокие, добротные исследования. Так, спустя почти двадцать лет после начала исследовательской работы была опубликована монография З. Н. Суменовой, посвященная жизни и творчеству Инала Канукова¹⁴⁷.

В целом, анализ состояния осетинского литературоведения середины 1950-х – середины 1960-х гг., свидетельствует о позитивных сдвигах в ней. Вместе с тем, в рассматриваемый период не удалось реализовать программу по написанию «Истории осетинской литературы», сформулированную в свое время Нигером. Незнание отдельных узловых литературоведческих вопросов, отсутствие научных исследований о жизни и творчестве отдельных писателей, определенные соображения идеологического характера не позволили авторскому

коллективу на должном научном уровне решить вопросы, позволявшие представить достаточно полную картину истории осетинской литературы. Поэтому Х. Н. Ардасенов, возглавлявший исследовательскую группу, проанализировав полученные результаты, счел наиболее приемлемым написание не «Истории осетинской литературы», а «Очерка развития осетинской литературы», ограничившись при этом дореволюционным периодом. В 1959 г. «Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период» увидел свет. В ней автор проследил литературный процесс в его историческом развитии, уделив существенное внимание вопросам зарождения и становления осетинской художественной литературы.

В целом во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. особенности социально-экономического и политического развития Северной Осетии определяли в контексте общегосударственных задач приоритетные направления научной деятельности, которые включали как традиционные, так и новые области научного знания. Хозяйственно-экономическое развитие республики, расширение индустриальных отраслей производства стимулировали развитие естественных наук, способствовали разработке передовых технологических новаций, которые обеспечивали повышение эффективности производственных процессов, в частности, в сельскохозяйственном производстве, в горнодобывающей промышленности и цветной металлургии. Изменение политического климата в обществе в значительной степени влияло на формирование государственной политики в области общественных наук и, прежде всего, исторической науки. Во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. расширяется тематика научных исследований, меняются оценки некоторых исторических событий, возвращаются имена несправедливо забытых или репрессированных ученых, писателей, художников. Но, несмотря на «оттепельные» перемены, неизменно оставался принцип сохранения критериев идеологической и идейно-политической значимости всех научных изысканий, подчинение средней и

высшей школы, всех общественных наук задачам воспитания граждан в духе советского патриотизма и преданности социалистическим идеалам. Данные установки в значительной мере определяли содержание и направление деятельности научных и научно-педагогических кадров вузов и научных учреждений в Северной Осетии во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.

4.4. Основные направления развития естественно-технических наук в период «развитого социализма»

Научно-техническая революция формировала приоритетные направления в развитии различных отраслей науки. На региональном уровне, где отсутствовали научно-технические центры гражданского профиля, обеспечение задач научно-технического прогресса связывалось, прежде всего, с развитием вузовской науки. В Северной Осетии технические отрасли знания развивались, в частности, на базе естественно-технических факультетов Северо-Осетинского государственного университета. В конце 1960-х – начале 1980-х гг. в научно-исследовательских лабораториях физико-математического, химико-биологического, географического факультетов вуза проводились изыскательские работы в области физики и технологии полупроводниковых соединений и по созданию приборов на их основе. Исследовались химия природных вод, соединения редких элементов методами физико-химического анализа. Важным направлением научно-исследовательской деятельности являлось изучение природных ресурсов Центрального Кавказа и их рациональное использование в интересах развития экономики и социальной сферы региона.

Ведущее место в развитии научно-технических отраслей знания занимал Северо-Кавказский горно-металлургический институт, являвшийся крупным научно-исследовательским центром на Северном Кавказе. Научные исследования ученых института, как и на предыдущем этапе, носили практический характер и осуществлялись в неразрывной связи с потребностями и запросами предприятий горнодобывающего и металлургического комплекса страны.

Вторая половина 1960-х – начало 1970-х гг. явились для научных подразделений Северо-Кавказского горно-металлургического института наиболее продуктивным периодом в плане научно-исследовательских изысканий. Исследовательская деятельность ученых и преподавателей института сосредоточивалась на нескольких главных направлениях: повышение эффективности горнодобывающей и металлургической промышленности, расширение сырьевой базы завода «Электроцинк», усовершенствование методов разработки месторождений полезных ископаемых, а также процессов извлечения цветных, благородных и редких металлов. Большое место в научных разработках занимали проблемы механизации и автоматизации производственных процессов, вопросы совершенствования организации труда на металлургических предприятиях Северного Кавказа. Многие научные разработки, направленные на совершенствование производственного процесса, повышение безопасности и улучшение условий труда, пройдя успешную апробацию на заводах «Электроцинк», «Победит», Садонском свинцово-цинковом комбинате, на многих других горнодобывающих и металлургических предприятиях страны, затем внедрялись в производство. Сотрудники института активно сотрудничали с Тырныаузским комбинатом Кабардино-Балкарии. На протяжении 1960-х – начала 1970-х гг. для комбината было выполнено более 20 научно-исследовательских работ. Важным исследованием, результаты которого нашли широкое применение в промышленном производстве, явилась работа по изысканию рациональных параметров буро-взрывного

комплекса при отработке скарновых руд на руднике «Молибден». Внедрение этого новшества снижало трудоемкость выпуска руды. Ученые и преподаватели института профессор И. А. Остроушко, кандидаты технических наук Е. Г. Бобин, С. И. Крохин, В. И. Емекеев и другие выполнили немало других исследований для комбината. Они работали над решением таких научно-технических проблем, как механизированное зарядание скважин и минных камер пневмозарядниками, внедрение опытной системы автоматического регулирования процесса среднего дробления.

Важным фактором оценки исследовательской деятельности работников института являлось его официальное признание. В частности, в 1966 г. СКГМИ был присужден диплом второй степени Выставки достижений народного хозяйства СССР за разработку и внедрение в производство пневматических колонн для зарядания взрывных скважин и узлов.

Финансирование научно-исследовательских работ осуществлялось по двум каналам: из государственных бюджетных средств и за счет заключения хозяйственных договоров. Ограниченность бюджетных вливаний делала второй способ более предпочтительным. Государство поощряло его, но жестко контролировало при этом доходы. В 1971-1975 гг. объем хоздоговорных работ, выполненных сотрудниками института, составил 3 млн. 625 тыс. рублей. Из этой суммы доля вложений, выделенных предприятиями Северной Осетии на проведение исследований, составляла 2 млн. 25 тыс. рублей¹⁴⁸.

В Северо-Кавказском горно-металлургическом институте довольно успешно действовала практика привлечения к работе по госбюджетным и хоздоговорным проектам студентов. Это была одна из важных организационных форм привлечения молодых людей к научно-исследовательской деятельности. Работа велась в студенческих научных кружках. Но наиболее эффективным видом научного творчества признавались студенческие конструкторские бюро. Студенты СКГМИ спроектировали семь планетарных редукторов для завода «Электроцинк».

Среди изобретений были различные приборы и устройства, которые рекомендовались для внедрения на предприятиях страны. В 1970 г. в студенческом конструкторском бюро строительного факультета для Бесланского маисового комбината по исследованиям института, проводившимся на хоздоговорной основе, были выполнены 10 курсовых работ, а в следующем году на это предприятие на два месяца был откомандирован студенческий отряд «Наука», освоивший 50 тыс. рублей¹⁴⁹.

В 1974 г. в Москве состоялась выставка, посвященная Северо-Кавказскому научному центру высшей школы. Она проходила под девизом «Участие молодых ученых и специалистов в ускорении научно-технического прогресса». На ней были представлены 25 научно-исследовательских работ молодых ученых и студентов Северо-Кавказского горно-металлургического института. В 1970-е гг. на кафедре промышленной электроники действовало студенческое конструкторское бюро «Инвертор», выполнявшее в год 15-20 курсовых и 7-10 дипломных проектов. Коллективом СКБ была выполнена работа для одного из предприятий г. Киев. Опытный образец успешно работал и был рекомендован для серийного внедрения в промышленное производство. Предполагаемый экономический эффект от внедрения одного образца составлял 20 тыс. рублей. Такие изобретения демонстрировали высокий научный потенциал молодых исследователей Северо-Кавказского горно-металлургического института¹⁵⁰.

В 1960-е – 1970-е гг. в СКГМИ получило широкое распространение движение изобретателей. Координация деятельности изобретателей и рационализаторов осуществлялась через патентно-информационную и метрологическую службы, созданные в 1975 г. Во второй половине 1970-х гг. ученые института подали 185 заявок на изобретения и 105 из них были рекомендованы к получению авторских прав. В институте хорошо были известны имена профессоров А. М. Давидсона и П. А. Воронина, являвшихся авторами 10 изобретений. Ежегодный экономический эффект от изобретений доцента

А. И. Денисова составлял свыше полумиллиона рублей. Изобретение профессора А. В. Ягупова «Способ самоизмельчения руд и других минеральных материалов и устройство для его осуществления» успешно выдержало испытания на Днепровском электродном заводе в г. Запорожье. Оно вызвало интерес западных ученых. О признании значимости изобретения свидетельствовали и патенты, выданные автору в США, Канаде и Франции. Изобретательством и рационализацией занимались также профессор Е. В. Маргулис, доценты В. А. Кечин, К. К. Мулухов, Е. Г. Бобин и другие преподаватели и научные работники вуза. Экономический эффект от внедрения изобретений ученых СКГМИ только за три года (с 1978 по 1980 г.) составил 1 млн. 252 тыс. рублей¹⁵¹.

В изобретательской деятельности тесно переплетались творческое и практическое начало. Идея ученого получала реальное воплощение в жизни благодаря работе инженеров и техников. Нередко складывались довольно устойчивые и успешные тандемы. В активе профессора В. И. Емекеева и старшего инженера научно-исследовательского сектора В. В. Сергеева, к примеру, насчитывалось 14 авторских свидетельств¹⁵².

Большим недостатком в организации научно-исследовательской деятельности являлось то, что значительное число изобретений так и оставалось на уровне авторских разработок и не получало применения в промышленном производстве. Крайне негативное влияние на результативность изобретательской деятельности оказывала неразвитость системы материального и морального стимулирования со стороны государства как на уровне разработки и реализации идеи, так и внедрения ее в производство.

Примерно такая же ситуация складывалась и в отношении многих научных разработок ученых Северо-Кавказского горно-металлургического института. Подавляющее большинство перспективных исследовательских работ, из-за отсутствия должной организации научной и технической доводки изобретения, нехватки государственного финансирования,

незаинтересованности производственного комплекса в совершенствовании технологического процесса и повышении эффективности труда, оставалось на уровне эксперимента. Такое нерациональное использование творческого потенциала профессиональных кадров одного из ведущих технических вузов Северо-Кавказского региона неблагоприятно отражалось на развитии конструкторской мысли, сдерживало творческий процесс, порождало социальную апатию и вело в конечном итоге к отставанию в важных сферах, определявших научно-технический прогресс. Застойные тенденции в развитии технических наук особенно отчетливо стали проявляться к началу 1980-х гг.

Наряду с другими факторами (традиционно более высокий интерес среди представителей титульной национальности к гуманитарным отраслям знания, наметившаяся тенденция перепроизводства кадров специалистов, и соответственно падение спроса на них, низкий уровень оплаты труда инженерно-технического персонала и др.) они вели к падению интереса к овладению инженерно-техническими специальностями. Вместе с тем, падал престиж учебных заведений технического профиля, в том числе Северо-Кавказского горно-металлургического института.

В структуре общественного производства Северной Осетии сельское хозяйство занимало традиционно высокое место. Со второй половины 1960-х гг. сельскохозяйственная наука в республике получает новый импульс, обусловленный снятием идеологических препон для развития генетики, биофизики, биохимии. Разработка научных и практических вопросов растениеводства, земледелия, животноводства, механизации, электрификации сельского хозяйства с учетом новых требований научно-технического прогресса велась на базе филиала Всесоюзного научно-исследовательского института крахмала и патоки при Бесланском маисовом комбинате. Значительное расширение исследовательской проблематики в области сельскохозяйственной науки стало возможно в результате создания

в 1971 г. на базе существовавших научно-исследовательских подразделений, в том числе сельскохозяйственной опытной станции, Северо-Кавказского научно-исследовательского института горного и предгорного сельского хозяйства. Аналогичные сельскохозяйственные станции в свое время были созданы при участии ученых Горского сельскохозяйственного института и в соседних северокавказских республиках: Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии. Практическим полигоном для организации научно-исследовательской работы и внедрения научных разработок были хозяйства республики, а также колхозы, совхозы и промышленные предприятия автономных республик Северного Кавказа.

В 1970-е гг. Институт горного и предгорного сельского хозяйства последовательно работал над решением задач интенсификации сельскохозяйственного производства. Наряду с селекционной работой ученые-аграрии занимались изучением возможностей использования водных ресурсов Северного Кавказа при возделывании сельскохозяйственных культур, разрабатывали вопросы орошения земель в различных природно-климатических зонах региона¹⁵³. Их деятельность осуществлялась в тесном контакте с научными сотрудниками Горского сельскохозяйственного института, остававшегося базовым научно-исследовательским центром в области сельскохозяйственной науки. Укрепление материально-технической базы факультетских, кафедральных лабораторий и учебно-опытного хозяйства института, формирование профессиональных научных кадров расширяли исследовательские возможности его подразделений. Научно-исследовательская и опытно-конструкторская работа велась по госбюджетной и хоздоговорной тематике¹⁵⁴.

Основными исследовательскими направлениями института в 1970-е гг. являлись разработка теоретических основ и методов программирования высоких урожаев сельскохозяйственных культур на обычных и мелиорируемых землях; изучение закономерностей формирования почв, почвенного покрова и

его сельскохозяйственного использования, составление почвенных карт и классификация почв.¹⁵⁵

Большим вкладом в изучение строения, состава, свойств предгорной зоны Северной Осетии стали исследования, проводившиеся на протяжении многих лет под руководством Е. В. Рубилина. Ученым было опубликовано более 100 работ по генезису и географии почв края. Основные результаты исследовательской работы были изложены в монографии «Почвы предгорий и предгорных равнин Северной Осетии».

Масштабные исследования почв Северо-Кавказского региона были проведены профессором П. Е. Простаковым. Результаты работы были обобщены в двухтомной монографии «Агрономическая характеристика почв Северного Кавказа». Немаловажное значение имело исследование староместных сортов сельскохозяйственных культур Центрального и Восточного Предкавказья. Эти исследования закладывали фундамент для развертывания селекционной работы.

Одним из наиболее важных направлений в области селекции сельскохозяйственных культур являлась работа по выведению новых сортов кукурузы, занимавшей значительное место в структуре сельскохозяйственного производства республики. Повышенное внимание со стороны руководства страны к возможностям Северной Осетии в возделывании этой культуры служило важным стимулирующим и поддерживающим фактором развития селекционной работы в этом направлении. Ученые-аграрии искали способы выведения новых сортов и гибридов кукурузы, повышения их урожайности. Работа велась на базе агрономического факультета Горского сельскохозяйственного института и сельскохозяйственной опытной станции.

Многие годы селекционной деятельностью по выведению новых сортов кукурузы занимались профессора сельхозинститута К. И. Трофименко, Ф. Я. Коновалов. Среди ученых-селекционеров, добившихся заметных результатов в создании новых сортов сельскохозяйственных культур был профессор А. Б. Са-

ламов. В результате многолетних, кропотливых изысканий он вывел новый сорт кукурузы «Осетинская белая зубовидная», гибриды «ВИР – 37», «Горская желтая кремнистая», «Круг грозненский». Работа над выведением новых сортов кукурузы происходила с учетом природно-климатических и почвенных возможностей региона. Ученые занимались большой селекционной работой по выведению новых сортов традиционных сельскохозяйственных культур. К примеру, А. Б. Саламовым был создан сорт помидоров «Терский», сорт фасоли «Осетинская 302». Новые сорта карликовых и полукарликовых подвоев вывел профессор Р. Г. Цаболов. Его подвои получили широкое распространение по всему Северному Кавказу¹⁵⁶.

На агрономическом факультете Горского сельскохозяйственного института в рассматриваемые годы продолжалась работа по выведению новых сортов многолетних трав, картофеля и других культур. Обследовались и изучались сорта сельскохозяйственных культур, распространенных в Центральном и Восточном Предкавказье, которые служили исходным материалом для получения новых селекционных сортов. Многие научные разработки ученых Горского сельскохозяйственного института проходили апробацию, а затем внедрялись на колхозных и совхозных полях Северной Осетии и других северокавказских республик¹⁵⁷.

Успех внедрения открытий селекционеров во многом зависел от координации научно-исследовательской деятельности многих ученых-аграриев. Вопросы теории и практики водопотребления сельскохозяйственных культур, возделываемых в республиках Северного Кавказа, были исследованы профессором Г. К. Лыговым. Он разработал научные рекомендации по орошению земель в различных природно-климатических зонах региона. И поныне не потеряли своей научной значимости и работы профессора Г. Е. Немерюка, открывшие круговорот солей в результате их миграции в атмосферу из почвы и растений. Изучением влияния органических удобрений на почвы и растения и разработкой рекомендаций по их применению в

различных районах Северного Кавказа на протяжении 1960-х – 1980-х гг. занимался профессор Г. Г. Джанаев.

Зоотехническая наука в Северной Осетии развивалась по нескольким основным направлениям: совершенствование пород различных видов сельскохозяйственных животных, разработка новых методов лечения болезней крупного и мелкого рогатого скота, формирование кормовых рационов и т. д. Проблемой совершенствования местных пород скота многие годы занимался профессор Х. Б. Дзанагов¹⁵⁸. Он вывел породу коров, приспособленных к жизни в суровом горном климате, дававших удой молока до 3 тыс. килограмма в год с четырехпроцентной жирностью.

Одним из важных направлений сельскохозяйственного производства являлось развитие овцеводства. Совершенствование популяции овец в Северной Осетии и на Северном Кавказе занимались профессора Г. Ф. Мухин, Г. С. Авсаджанов, М. А. Жаболиев. Исследованием вопросов закономерностей роста, развития кожного и шерстного покрова овец разных пород и разных групп занимался Г. С. Авсаджанов. Изучению Карачаевской и Осетинской породы овец и созданию расадника для их разведения посвятил свои работы Г. Ф. Мухин. Довольно продолжительное время М. А. Жаболиев трудился над созданием кроссбридных овец на основе скрещивания пород овец «Осетинской», «Ставропольской» и «Линкольн».

Предметом научного интереса профессора Д. И. Войтко являлся вопрос совершенствования продуктивных качеств свиной крупной белой породы.

Еще одним направлением деятельности ученых-зоотехников и ветеринарных врачей являлась работа по совершенствованию качества молочной продукции. В частности, вопросами производства биомолока занимался доцент А. А. Анатовский. Он был одним из первых, кому удалось выделить штаммы микроорганизмов, пригодные для производства биомолока.

Во второй половине 1960-х – 1980-е гг. важным направлением научно-исследовательской и опытно-конструкторской

деятельности ГСХИ являлась работа по созданию сельскохозяйственных машин. Исследования в области агроинженерии проводились в Горском сельскохозяйственном институте практически со дня его основания. Но их эффективности мешала слабая материальная и научно-техническая база. Ситуация стала выправляться начиная с 1950-х гг., когда ученые института занялись совершенствованием конструкций сельскохозяйственных машин, с целью приспособления их для работы в условиях горного и предгорного ландшафта. Одним из достижений отмеченного времени явилось создание приспособлений к зерноуборочному комбайну для уборки эфирномасличных культур.

Заметное продвижение в развитии инженерной науки намечилось в 1960-е – 1970-е гг. В институте под руководством А. В. Калоева развернулась работа по созданию системы автоматического вождения колесных тракторов. На рубеже 1970-х – 1980-х гг. на испытательном полигоне ГСХИ были проведены успешные испытания созданной системы. Она была признана одной из лучших в мире среди подобных систем¹⁵⁹.

Работы профессора И. А. Стоюшкина положили начало новому методу комбайновой уборки винограда в СССР. Практически одновременно с североосетинскими учеными над этой же проблемой работали американские инженеры. В 1970-е гг. в результате научной и опытно-конструкторской работы группы И. А. Стоюшкина, в которую входили Г. И. Гребенюк, С. М. Джигилов, Б. Х. Котиев, П. А. Козаев, Ю. Н. Саватеев, Т. О. Тебиев, был создан комбайн для уборки технических сортов винограда ВК – 1. В 1977 г. впервые в мировой практике виноградарства виноуборочным комбайном в производственных условиях проведена уборка урожая технических сортов винограда методом прямого комбайнирования с переработкой ягод на сусло в процессе их сбора. В процессе испытания достигалась высокая производительность труда. При одном обслуживающем человеке выработка комбайна за 8-10 часов

работы составляла 4-5 га. Для уборки урожая такой площади вручную требовался труд 80-100 человек¹⁶⁰.

В 1980-е гг. эта машина дважды проходила модернизацию. На ее базе Б. Х. Котиевым и С. М. Джибиловым был создан комбайн ВК – 2, установивший мировой рекорд по сезонной выработке. Другая модель комбайна ВК-2М, модернизированная С. М. Джибиловым и А. Б. Кудзаевым под руководством И. А. Стоюшкина, также с успехом прошла государственные испытания. Разработанный группой И. А. Стоюшкина способ сбора винограда получил патенты многих западных государств, в том числе Германии, Италии, Франции¹⁶¹.

В 1970-е гг. созданные на базе Горского сельскохозяйственного института Опытно-селекционная станция, Центральное конструкторское бюро с экспериментальным цехом (в 1973 г.), отраслевая научно-исследовательская лаборатория биотехнологии производства кормового белка, отраслевая лаборатория садовых машин и другие подразделения (в 1979 г.) способствовали активизации научных разработок в сфере технического оснащения и усовершенствования технологических процессов в сельскохозяйственном производстве. В 1969-1970 гг. профессором Ю. И. Крамаровым на факультете электрификации была создана лаборатория по применению токов повышенной частоты в сельскохозяйственном производстве. На протяжении 1970-х – 1980-х гг. на базе этой лаборатории под руководством Ю. И. Крамарова, а после его гибели профессора И. К. Хузмиева, были осуществлены многие научно-технические проекты, предусматривавшие разработку новых методов и средств применения электроэнергии повышенной частоты в сельскохозяйственном производстве; создание электрооборудования для электрообогрева, освещения, облучения и создания микроклимата в теплицах и прочее, и имевшие большое значение для развития различных отраслей сельского хозяйства. В перечне изобретений лаборатории были электрофарезы для обработки почвы, измельчители кормов, стригальные машины, водо-

подъемные установки, ветроэнергетические станции, малые гидростанции, мостовые агрегаты, аэрозольные генераторы и др. Безредукторный молочный сепаратор был удостоен 4-х медалей ВДНХ СССР, генератор импульсов для электроизгороди – серебряной медали ВДНХ и золотой медали Лейпцигской ярмарки. Статический преобразователь частоты тока для электродвигательных агрегатов получил 2-ую премию ВДНХ.

Разработки лаборатории садовых машин ГСХИ, создававшиеся в тесном сотрудничестве с ГСКБ «Плодсельхозмаш», Всесоюзным институтом сельскохозяйственного машиностроения, Всероссийским институтом садоводства и питомниководства, также неоднократно отмечались на различных выставках и конкурсах. Плодоуборочный комбайн МПУ-1А был удостоен на ВДНХ золотой медали и получил высокую оценку специалистов немецкой технической палаты на Лейпцигской ярмарке. Большой интерес в ряду образцов плодоуборочной техники, созданных научными сотрудниками лаборатории, представляла машина МПУ-3. Она имела простую конструкцию и была весьма эффективна при возделывании садов на склонах.

Все создававшиеся сельскохозяйственные машины проходили испытания на опытной станции института. Здесь отрабатывались приемы механизации посевов пропашных культур, испытывалась работа кукурузоуборочных машин, приспособлений к зерновому комбайну для уборки эфирномасличных культур. Опытная станция позволяла находить наиболее рациональные и приемлемые типы и наборы машин для механизации обработки и уборки сельскохозяйственных культур в конкретных географических и природно-климатических условиях, выявить способы их наиболее эффективной эксплуатации¹⁶². Горский сельскохозяйственный институт и сельскохозяйственная опытная станция успешно работали во многих направлениях сельскохозяйственной науки.

Однако общим недостатком в деятельности научных подразделений Горского сельскохозяйственного института, Севе-

ро-Кавказского научно-исследовательского института горного и предгорного сельского хозяйства, впрочем, как и всех научных учреждений республики, являлся низкий процент внедрения научных разработок на промышленном уровне.

Причина низкой эффективности результатов научной деятельности крылась в слабом финансировании научных проектов на начальном этапе и стадии их доработки, в отсутствии производственных возможностей для внедрения конечного продукта, в инерционности мышления потребителей, в нескоординированной деятельности сторон, ответственных за внедрение научно-технических разработок в производство. В итоге, многие научные разработки осваивались не полностью, оставаясь на уровне эксперимента, или не реализовывались вовсе. В лучшем случае лишь половина изобретений внедрялась в массовое производство.¹⁶³

В 1960-е – 1980-е гг. одним из главных подразделений вузовской науки оставался Северо-Осетинский государственный медицинский институт, на базе которого развивалась медицинская наука. Традиционными направлениями научно-исследовательской работы научных подразделений медицинского института на протяжении всей ее истории являлись проблемы непосредственно связанные с проявлениями краевой и профессиональной патологии. Актуальность сохраняли исследования факторов, вызывавших заболевания желудочно-кишечного тракта, дыхательных путей, опорно-двигательной системы, щитовидной железы и других систем организма, разработка методов их лечения и профилактики. Благодаря научным разработкам профессоров и преподавателей мединститута удалось добиться позитивной динамики в лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта, болезней эндокринной системы, совершенствовалась методика лечения хирургическими средствами болезней желудка. Развивались и другие разделы клинической медицины: травматология и ортопедия. В них внедрялись новые методы диагностики и оперативного лечения.

Большой объем научно-исследовательской работы имел конкретную, практическую направленность и был обусловлен наличием в республике горнорудной и металлургической промышленности. Многие исследования, связанные с влиянием этих производств на здоровье человека и профилактикой заболеваний, проводились на базе заводов «Электроцинк», «Победит», Садонского свинцово-цинкового комбината. Часть научных исследований осуществлялась за счет бюджетных средств, другие как хозяйственные работы. В 1975 г. институт работал над четырьмя договорными темами: «Изучение общей реактивности организма под влиянием производственных факторов свинцово-цинкового производства (М. С. Ахриева, М. Д. Дигоева)», «Распространенность и особенности течения бронхитов и других пылевых болезней легких у рабочих в основных цехах завода «Победит» и разработка профилактических мероприятий (А. Х. Адырхаев, З. Е. Дзугкаев, Г. А. Георгиади)», «Эффективность медико-биологических методов профилактики заболеваний среди работающих в основных цехах завода «Электроцинк» (О. Г. Хугаева, Т. Г. Бутаева, Е. Т. Алферова, С. Д. Беляев)», «Изменения слизистой оболочки верхних дыхательных путей у рабочих завода «Победит» при интоксикации аэрозолем молибдена и кобальта (Г. А. Георгиади)».

Интересно рассмотреть характер проводившихся работ на примере одной из перечисленных тем. Так, работа Г. А. Георгиади была предпринята с целью выяснить характер изменений слизистой оболочки верхних дыхательных путей у рабочих завода «Победит», работавших в цехах, в воздушной среде которых имелись аэрозоли тяжелых металлов, в том числе молибдена и кобальта. При проведении исследования использовались известные в науке методики (риноцитоскопия, ольфактометрия, ринопневмометрия). В эксперименте участвовали 200 рабочих, из них считались здоровыми 40 мужчин и 65 женщин. Большинство здоровых рабочих имели небольшой стаж работы, до трех лет. Но даже у них были вы-

явлены те или иные изменения слизистой оболочки полости носа и функции обонятельного анализатора, проявившиеся в снижении обоняния, нарушении функций мерцательного эпителия, дегенеративных изменениях в клетках цилиндрического эпителия слизистой оболочки полости носа. Рабочих с гиперпластическими процессами в гортани, с явлениями хронического тонзиллита и отита брали на диспансерный учет. В отдельных случаях рекомендовалось изменить профессию¹⁶⁴.

Подобные исследования проводились на многих предприятиях республики. Как правило, объем финансирования этих работ был невелик. Поэтому выводы по результатам проводившихся исследований носили рекомендательный характер для медико-санитарных частей предприятий. В такой ситуации эффективность научных исследований, их влияние на снижение показателей заболеваемости среди персонала в большой степени зависела от позиции руководителей предприятий. Если руководство предприятия не игнорировало, а учитывало рекомендации ученых и выделяло средства на осуществление мер по улучшению условий работы в цехах, оказанию квалифицированной медицинской помощи, периодически организовывало профилактические осмотры, обеспечивавшие своевременное выявление первых симптомов интоксикации, и проводило диспансеризацию, то это благотворно сказывалось на здоровье работников, занятых во вредном производстве.

В 1970-е гг. организация научно-исследовательской работы в вузах и научных учреждениях строилась в русле борьбы с «мелкотемьем» и «многопроблемностью». С учетом этих требований осуществлялась исследовательская деятельность научных подразделений Северо-Осетинского медицинского института. В соответствии с приказом Министерства здравоохранения РСФСР от 15 июня 1977 г. научный профиль СОГМИ был определен пятью проблемами: 1. Научные основы профилактики, диагностики и лечения важнейших инфекционных

заболеваний, в том числе вирусных и природно-очаговых; 2. Научные основы гигиены труда и профпатологии; 3. Травма, травматизм и ортопедические заболевания; 4. Научные основы применения физических факторов внешней среды в лечебных и профилактических целях; 5. Физиология, патология и биохимия эндокринной системы¹⁶⁵.

В соответствии с отмеченными проблемами, остававшимися основными научными направлениями с момента организации медицинского института, осуществлялось программно-целевое планирование научно-исследовательской деятельности. Масштабы и характер работы во многом определялись условиями и потребностями республики. Основная тематика была тесно связана с вопросами краевой патологии. Данное обстоятельство определило интерес к изучению физиологии и патологии эндокринной системы, патогенеза, лечения и профилактики эндокринных заболеваний.

Начало этому научному направлению в республике положили исследования И.Г. Дзилихова, Е.Я. Резницкой, Б.М. Брин, Н.Н. Прониной. Проблемы эндокринологии, в частности, изучения эндемического зоба в Северной Осетии, морфологии зоба, его распространенности по отдельным населенным пунктам, хирургического лечения в 1970-е – 1980-е гг. оставались в центре внимания ученых института Р.Д. Хубецовой, Ф.С. Дзугкоевой, В.Б. Брина, З.В. Хетагуровой, В.Х. Дзобелова, Д.А. Езеевой, Ф.А. Николовой. Благодаря внедрению разработок этих ученых в медицинскую практику наметилось снижение показателей заболеваемости эндемическим зобом. Разрабатывались новые методы лечения и профилактики тиреотоксикоза и сахарного диабета¹⁶⁶.

Другим важным направлением научных исследований медицинского института в 1960-е – 1970-е гг. являлась проблема профилактики, диагностики и лечения инфекционных, паразитарных и венерических заболеваний. Заметный вклад в развитие этих направлений медицины внесли научно-практические исследования профессоров К.Т. Овнатаняна, А.Е. Ха-

ева, З.Г. Басиева, А.М. Рамоновой, доцентов И.А. Отараева, З.И. Калитиной, А.А. Езеева. Внедрение новых методов лечения, пропаганда и осуществление санитарно-гигиенических мероприятий обеспечили резкое снижение заболеваемости населения республики бруцеллезом, трихинеллезом, гельминтозами, токсоплазмозом, трахомой.

Важнейшим достижением в области здравоохранения и медицинской науки в республике стала положительная динамика в лечении туберкулеза, одного из самых тяжелых и распространенных заболеваний в крае. Внедрение в медицинскую практику флюорографических установок и всеобщая диспансеризация населения с начала 1950-х гг. позволили проводить массовые осмотры населения на выявление туберкулеза. Широкое применение в практике лечения туберкулеза находили новейшие методы с использованием новых лекарственных средств, прежде всего антибиотиков. Важным исследовательским направлением являлось изучение проблемы лечения этой сложнейшей болезни на фоне других серьезных заболеваний. К примеру, в середине 1970-х гг. Ф.Х. Шамилевой, С.Б. Хетагуровой под руководством З.Г. Басиева были проведены изыскания и клинические испытания по теме: «Лечение больных туберкулезом легких с сопутствующей патологией». Ученые предложили оптимальные схемы лечения больных с заболеваниями желудочно-кишечного тракта, печени, сердечно-сосудистой системы, основанные на опыте лечения 200 человек. При лечении использовалась внутривенная химиотерапия туберкулеза. Форма сопутствующей патологии определяла комбинацию этиотропной и патогенетической терапии. При рациональной комбинированной терапии удовлетворительные результаты получались даже у тяжелого контингента больных, страдающих язвенной болезнью желудка, хроническим гепатитом, циррозом печени. Методика лечения была внедрена в 8-ми отделениях Республиканского противотуберкулезного диспансера¹⁶⁷.

В 1960-е – 1970-е гг. учеными и преподавателями Северо-Осетинского медицинского института немало делалось для внедрения достижений медицинской науки в работу органов здравоохранения республики. В 1973 г. из ректората на кафедры института было направлено 37 методических писем и инструкций, предназначенных для внедрения на практике. В том же году было получено методическое письмо о клинике лечения токсокозов у детей. По инициативе профессора Е. Ф. Чамоковой состоялась клиническая конференция, обсудившая методическое письмо. Решения, принятые по итогам обсуждения были положены в основу работы вновь созданного отделения интенсивной терапии детской больницы. Тогда же стали применяться аллергологические методы диагностики и специфической терапии бронхиальной астмы при лечении детей. Одновременно началась подготовка специалистов, способных работать с новыми методиками¹⁶⁸.

Большие возможности для внедрения медицинских достижений открывались на кафедрах хирургического профиля. В 1970-е – начале 1980-х гг. в клинике общей хирургии успешно продвигалась работа по внедрению в практику операции резекции желудка в модификации профессора У.Т. Такулова, с 1963 по 1978 год заведовавшего кафедрой общей хирургии Северо-Осетинского медицинского института. Внедрялась сакроспинальная блокада в комплексном лечении острых панкреатитов, проводилось электрохирургическое лечение больных с варикозным расширением вен нижних конечностей. Кафедра госпитальной хирургии занималась также разработкой метода брюшного диализа, флюорографией брюшной полости при перитонитах на аппарате, разработанном учеными института. В работу хирургического отделения Республиканской больницы внедрялась перитонеоскопия при острых хирургических заболеваниях. В стоматологическом отделении больницы при лечении больных стал широко применяться гемодез; внедрялся опыт работы по использованию формализованной гомокости при цисто-

эктомии и секвестрэктомии, разработанные в центральных медицинских институтах¹⁶⁹.

Богатая природа, целебные минеральные источники Северной Осетии создавали уникальные возможности для развития курортного комплекса. В 1960-е – 1980-е гг. изучение и использование курортных ресурсов республики по-прежнему оставалось одним из ведущих направлений в планах научно-исследовательской работы СОГМИ. На базе действовавших в высокогорных районах республики санаторно-курортных учреждений (санатории в Цее, Фаснале, Нузале) продолжалась работа по совершенствованию методов лечения и профилактики туберкулезных больных¹⁷⁰.

Концентрация сил и средств на развитие этого направления создавала благоприятные предпосылки для развития исследований в области лечебного использования минеральных вод Северной Осетии при лечении больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями, ревматоидным артритом, хроническими заболеваниями желудочно-кишечного тракта, мочеполовой системы, с эндокринными и кожными заболеваниями. В 1970-е – 1980-е гг. продолжалось активное исследование содержания и химического состава вод Кармадонских источников, курортов «Серноводск», изучение влияния их на организм человека. На основе проведенных исследований затем сложился целый комплекс лечебно-профилактических мероприятий, направленных на лечение заболеваний желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой и опорно-двигательной системы.

Исследование проблем курортологии шло по пути разработки показаний и противопоказаний к использованию курортных факторов Северной Осетии. По результатам научных исследований в области курортологии в 1970-е гг. были защищены 2 докторские и 12 кандидатских диссертаций, изданы 3 монографии, 4 сборника научных трудов, проведены научно-практические конференции и юбилейная научная сессия совместно с Пятигорским НИИ курортологии¹⁷¹. Изучением

лечебного действия высококонцентрированных сероводородных ванн курорта «Тамиск» при истинной экземе, изучением ряда показателей функционального состояния организма и разработкой рациональных методов сульфидной бальнеотерапии занимался Б. А. Тотоонов. В 1983 г. по этой теме им была защищена докторская диссертация – первая по дерматологии в Северной Осетии и первая по дерматокурортологии на Северном Кавказе¹⁷².

Разработкой вопросов влияния курортных факторов на здоровье населения и развития курортной зоны в регионе занимались многие другие преподаватели и научные сотрудники СОГМИ: Н. Н. Пронина, И. Х. Габанова, Е. Ф. Чамокова, А. Х. Адырхаев, З. В. Хетагурова, Л. М. Мосин, С. Я. Иоффе, Л. Б. Мальцева и т. д. Серьезное внимание уделялось проблеме внедрения научных разработок. К примеру, по результатам выполненных в 1977 г. научных исследований институт включил в план внедрения на 1978-1979 гг. 25 предложений, в том числе 5 союзного значения по практическому использованию Тибских минеральных вод, 4 – федерального уровня и 16 – местного. В 1978 г. в Бюро рационализации и изобретательства было представлено 3 заявки на регистрацию изобретения и оформлено 17 рационализаторских предложений¹⁷³. Санатории и курорты Северной Осетии пользовались большой популярностью. В республику приезжали лечиться не только из европейской части России, но и из Сибири и других регионов Советского Союза.

В целом во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. фундаментальные и практические исследования в области естественно-технических наук осуществлялись на базе научных подразделений естественно-технических факультетов вузов, а также предприятий промышленности и сельского хозяйства Северной Осетии. Так, на всех ведущих промышленных предприятиях («Электроцинк», «Победит», «ОЗАТЭ», «Электроконтактор», Вагоноремонтный завод и другие) действовали научные лаборатории, опытно-конструк-

торские бюро, которые занимались разработкой и внедрением научно-технических изобретений, нацеленных на совершенствование технологических процессов и повышение производительности труда. К наиболее крупным подразделениям этой группы относился опорный пункт Центрального научно-исследовательского института крахмально-паточной промышленности при Бесланском маисовом комбинате, который был создан еще в 1940-е гг. В 1970-е гг. структура промышленной науки заметно расширилась за счет создания новых научно-производственных учреждений. В августе 1971 г. на базе Северо-Осетинской селекционной станции был организован Северо-Кавказский научно-исследовательский институт горного и предгорного сельского хозяйства. Учреждениями естественно-технического профиля были Проектный институт «Кавказгипроцветмет», Специальное конструкторское бюро «Цветметавтоматика», Орджоникидзевское отделение института ВНИИцветмет. Научная деятельность большинства из них была непосредственно связана с потребностями предприятий оборонного комплекса («Гран», «Рубин», номерные заводы), созданных на территории Северной Осетии в 1960-е – 1970-е гг.

Исследования в области естественных и точных наук проводились также на базе научно-исследовательских лабораторий, научно-производственных центров, опытных хозяйств высших учебных заведений республики.

Утилитарно-прикладной принцип организации научной деятельности в области естественно-технических наук позволял достаточно успешно выполнять функции оказания научно-практической помощи в решении конкретных задач социально-экономического и хозяйственного развития республики, повышения эффективности промышленного и сельскохозяйственного производства, совершенствования системы здравоохранения, повышения благосостояния общества.

4.5. Развитие гуманитарных наук во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. вектор развития общественных наук, как и прежде, в решающей степени определялся политической конъюнктурой. Соблюдение принципа политической целесообразности и необходимости было основным условием формирования государственной культурной политики, в том числе в сфере гуманитарных наук. В обозначенное время в национальных регионах между местным партийно-государственным руководством и научной интеллигенцией сложились своеобразные «договорные» отношения, которые, как правило, уже не требовали открытого, прямого вмешательства в творческий процесс. Научный поиск осуществлялся в заданных и четко обозначенных границах. Попытки выхода за очерченные рамки контролировались и пресекались достаточно эффективно действовавшей системой посредствующих цензурных инстанций. Важными «профилактическими средствами инакомыслия» служили научное рецензирование, «телефонное право», «внутренняя» цензура ученого и т. д. Одновременно в рамках допустимых для изучения тем обеспечивалась система благоприятствования для научно-исследовательской деятельности, что весьма плодотворно сказывалось на развитии определенных областей научного знания.

В Северной Осетии ведущими учреждениями, на базе которых велись научные изыскания в области общественных наук, оставались Северо-Осетинский государственный университет и Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, литературы и искусства.

С приданием СОГУ с 1969 г. нового университетского статуса в соответствии с постановлением Совета Министров

СССР от 2 ноября 1967 г. заметно расширились его возможности в осуществлении научно-исследовательской деятельности в области естественных и общественных наук. Укрепление материально-технической и финансовой базы вуза, расширенная подготовка научных и педагогических кадров способствовали повышению эффективности научной деятельности в области технологических и обществоведческих проблем.

В исследовательской деятельности преподавателей и научных сотрудников СОГУ удельный вес изысканий в области общественных наук, наряду с естественными науками, был достаточно высоким. Однако, если во второй половине 1950-х – 1960-е гг. под влиянием «оттепельных» процессов намечилось некоторое расширение проблемно-тематической структуры общественных наук, то в 1970-е – 1980-е гг. никаких существенных новаций в этой области уже не наблюдалось. Можно даже говорить о некотором сужении исследовательской проблематики, особенно в отношении изучения древней истории народа, традиционной этнической культуры. Тематический перечень научных исследований включал историю большевистского движения и Коммунистической партии в Северной Осетии; проблемы этнокультурных, политических, революционно-демократических связей России с народами Кавказа. Акцентированный интерес вызывали вопросы взаимовлияния и взаимодействия языков и литератур народов Северного Кавказа; соотношения национального и интернационального в развитии советского общества; научно-технической революции и эффективности социалистического производства; проблемы совершенствования социалистической демократии и законности; проблемы государственного и правового развития Северной Осетии.

Разработкой этих и ряда других обществоведческих проблем ученые Северо-Осетинского госуниверситета занимались в тесном контакте с Северо-Осетинским НИИ, являвшимся базовым научным учреждением в области гуманитаристики. На

1 января 1976 г. в штате СОНИИ насчитывалось 45 человек, в том числе 33 научных сотрудника. В институте работали один доктор наук, восемнадцать кандидатов наук и один лауреат Ленинской премии. Спектр исследовательских проблем СОНИИ был довольно широк. Он охватывал вопросы социально-экономического, политического и культурного развития не только Северной Осетии, но и всего Северного Кавказа с древнейших времен до современности¹⁷⁴.

Фольклористика оставалась одним из наиболее динамично развивающихся направлений в деятельности института. Важное место в ней занимало освоение богатейшего наследия Нартиады. Научные конференции 1956 г. в Орджоникидзе и 1963 г. в Сухуми по Нартовскому эпосу заметно расширили научную проблематику и вовлекли в исследовательское поле представителей разных наук. Предметом углубленного изучения фольклористов, лингвистов, историков, литературоведов были связи осетинского эпоса с эпосами других народов, соотношение эпоса с другими жанрами, поэтика жанра. Освоение обширного лингвистического и фольклорно-этнографического материала позволило Т.А. Гуриеву развить высказанную еще В.И. Абаевым идею о монгольском влиянии в осетинском эпосе¹⁷⁵. Исследования ученого на новом этапе вновь актуализировали дискуссии вокруг эпоса¹⁷⁶ и объективно способствовали более глубокому осмыслению проблемы происхождения, времени, условий складывания и ареала функционирования эпоса.

Гуманитариев неизменно привлекали нартовские герои, среди которых одним из наиболее ярких образов оставалась Сатана. Анализу этого образа были посвящены работы З. Абаевой и Н. Мамиевой¹⁷⁷. Опираясь на разные варианты Нартовского эпоса, бытующие у кавказских народов, авторы проследили эволюцию образа Сатаны. Выводы во многом оказались схожими. Исследователи обосновывали идею о том, что на протяжении эпоса образ сильной и гордой Сатаны эволюционировал до образа бытового, лирического плана. Подтверж-

дение этой идее они находили во всех вариантах нартовского эпоса¹⁷⁸.

Наряду с разработкой общетеоретических вопросов эпоса во второй половине 1960-х – 1980-х гг. ученые Северо-Осетинского НИИ продолжали большую текстологическую работу. В фольклористике утвердилось мнение о том, что Нартовский эпос (как и типологически во многом сходный с ним карело-финский эпос) не представляет собой сложившейся эпопеи¹⁷⁹. Опровергнуть эту точку зрения взялся К. Ц. Гутиев. Более трех десятилетий (начиная с 1956 года) он занимался текстологической подготовкой научного издания эпоса. Им было собрано и обработано более 370 а.л. Первоначально планировалась подготовка семи- или одиннадцатитомного академического (научного) издания эпоса.

Погружение в богатейший материал Нартовского эпоса подвело К. Ц. Гутиева к идее создания эпопеи. Речь шла уже не просто о подготовке академического издания, а о более значительном и важном – о реконструкции эпоса. Вопреки общепринятому мнению, он давно уже представлялся исследователю «монолитным и цельным, а не застывшим где-то на стадии циклизации мертвым явлением». К. Ц. Гутиев утверждал, что в процессе работы, всем ходом вещей на передний план выдвинулась проблема архитектоники эпоса, расцениваемая им как проблема первостепенной важности. Ученый скрупулезно подходил к анализу эпоса. Он отмечал: «Здесь уже мало текстологических усилий, мало академического тщания. Надо знать буквально все, что имеет отношение к эпосу вообще и в частности, все предвидеть и предусмотреть, ни в чем не ошибиться, ни в чем не погрешить против правды и воссоздать эпос таким, каким он был на самом деле – величественным и стройным, богатейшим по содержанию памятником мировой культуры, может быть единственным, где с такой художественной силой и мощью разворачивается живая панорама веков»¹⁸⁰.

Однако выполнить такую масштабную, трудоемкую ра-

боту одному человеку, какими бы знаниями и опытом он не обладал, было не под силу. К сожалению, работа по многим причинам осталась незавершенной. В 1989 году вышел лишь первый том планируемого издания. И по сей день реализация этого проекта ждет своих исследователей, энтузиастов-продолжателей дела К. Ц. Гутиева.

Параллельно с теоретическими и текстологическими изысканиями К. Г. Гутиева на протяжении 1970-х – 1980-х гг. сотрудниками отдела литературы Северо-Осетинского НИИ в тесной связи с учеными Института мировой литературы АН СССР осуществлялась подготовка научного издания Нартовского эпоса в академической серии «Эпос народов СССР». Результатом долгой, кропотливой работы коллектива ученых во главе с Т. А. Хамицаевой и А. Х. Бязыровым явилось академическое двуязычное издание осетинского героического эпоса в 3-х книгах¹⁸¹. Переводы с оригинала на русский язык были осуществлены Г. А. Дзагуровым, А. А. Дзантиевым, Т. А. Хамицаевой. Ответственным редактором выступила сотрудник Института мировой литературы, доктор филологических наук У. Б. Далгат.

Первая книга открывалась вводной статьей В. И. Аббаева. Здесь же публиковались оригинальные тексты на разных диалектах и говорах. Вторая книга содержала переводы на русский язык, которые в соответствии с требованиями научного перевода осуществлялись максимально близко к оригиналу. Третья книга содержала паспортные данные текстов, комментарии. Она включала сведения о собирателях эпоса, перечень имен сказителей, глоссарий и прочие справочные материалы. Академическое издание осетинского эпоса явилось большим шагом в освоении богатого эпического наследия народа.

Несмотря на доминирование нартоведения в осетинской фольклористике, во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. изучение устного народного творчества стало более многоплановым. В работах Т. Хамицаевой исследовался

историко-песенный фольклор: классифицировались типы осетинских исторических песен (песни, таурахъи, кадаги), выяснялась историко-событийная основа, время и обстоятельства сложения песен, анализировались художественные средства, характеризующие этот фольклорный жанр¹⁸². В творчестве Л. А. Чибирова, С. З. Габисовой объектами научного анализа выступали семейно-обрядовая, календарно-обрядовая традиция, фольклорные произведения советского периода¹⁸³.

Предметом исследования являлась осетинская советская поэзия. Анализируя поэтическое творчество осетинских писателей 1920-х – 1930-х гг., Ш. Ф. Джикаев¹⁸⁴ обнаружил связь поэзии с фольклором не только в близости сюжетов, мотивов, образов, но и в воздействии на нее народно-поэтических принципов изображения действительности. По мнению А. А. Хадарцевой, он увидел ее в творческом освоении эстетического опыта и нового воплощения его идеалов¹⁸⁵.

Следует отметить, что в отличие от ряда других отраслей гуманитарного знания фольклористика развивалась в относительно более благоприятных условиях. Финансовая поддержка обеспечивала проведение активной полевой работы. В 1960-е – 1980-е гг. в ходе ежегодно организуемых фольклорных и этнографических экспедиций в сельские районы республики шло интенсивное накопление памятников народного творчества. Поисковая работа велась не только в «полевых» условиях. Ценные материалы извлекались из фондов архивов Москвы, Ленинграда. В 1970-е гг. в архивах АН СССР и Института востоковедения сотрудниками Северо-Осетинского НИИ были выявлены тексты осетинских песен, сказок, пословиц, поговорок, собранные Вс. Миллером во время его поездок в Осетию. Эти материалы, переснятые на микро пленку, приобретенные институтом, дополнили богатую коллекцию фольклорных документов Северо-Осетинского научно-исследовательского института.

Ежегодно Отдел рукописных фондов (ныне Научный ар-

хив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований) пополнялся новыми материалами по истории и культуре Осетии. К примеру, в 1969 г. институт приобрел фольклорные записи Е. Б. Туаевой (исторические сказания, сказки, пословицы) и Н. В. Хетагуровой (народные песни, заплачки, молитвословия). Архивные фондыполнились также воспоминаниями, рассказами и песнями о жизни и подвигах участников революции и Гражданской войны¹⁸⁶.

Выявление, сбор, обработка и систематизация новых и отложившихся в фондах архивов и редких изданиях произведений народного творчества позволили в 1960-е – 1980-е гг. осуществить публикацию большого количества фольклорных сборников. Еще на рубеже 1950-х – 1960-х гг. было осуществлено издание двухтомника «Осетинское народное творчество». Подготовленное З. М. Салагаевой, оно вобрало в себя большое количество уникальных фольклорных текстов, извлеченных из архивных фондов СОНИИ. В 1976 г. К. Ц. Гутиевым была издана осетинская афористическая поэзия на языке оригинала. Это популярное издание включало в себя пословицы, поговорки, проклятия, благожелания, клятвы, приметы, присловия, метафорические выражения. А в 1980 г. издательство «Наука» опубликовало научное издание осетинской афористической поэзии. Составителем и переводчиком выступил Г. А. Дзагуров. Он также собрал и перевел книгу осетинских сказок, вышедшую в 1978 г. в серии «Сказки и мифы народов Востока». В нее вошли сказки разных жанров: волшебные, новеллистические, бытовые, о животных. Книга была снабжена комментариями и типологическим анализом сюжетов.

1960-е – 1980-е гг. явились временем больших успехов в собирании и публикации богатого фольклорного наследия осетинского народа. Однако и здесь имелись свои «запретные» темы. В 1970-е гг. было решено возобновить издание «Памятников народного творчества»¹⁸⁷. Велась работа по

подготовке к изданию 6-го тома. Но из плана была исключена глава по обрядово-похоронной поэзии. С точки зрения партийных цензоров она могла служить пропаганде древних традиций и обычаев, расценивавшихся как «вредные пережитки прошлого». Выпавшую главу решили заменить произведениями осетинской народной поэзии. В 1974 г. собрание осетинской народной поэзии было издано отдельным сборником¹⁸⁸. А публикация 6-го выпуска «Памятников народного творчества осетин» состоялась в 1992 г. В него были включены трудовые, мифологические песни, календарная и семейно-обрядовая поэзия в переводах А. Хадарцевой, Т. Хамицаевой, Т. Саламова, Д. Тменовой, а также статьи по этнографии. Книга была снабжена комментариями и словарем.

На протяжении рассматриваемого периода одним из актуальных направлений осетинского литературоведения оставалось изучение творчества Коста Хетагурова. Исследования Н. Джусойти, З. Суменовой, А. Хадарцевой, З. Салагаевой, В. Цаллагова углубляли представления о мировоззренческих, историко-этических взглядах поэта, драматургическом наследии, театральной и публицистической деятельности Коста. Осуществлялась публикация его произведений. В 1974 г. в издательстве «Художественная литература» вышло трехтомное собрание сочинений К. Хетагурова, составленное К. Ц. Гутиевым. Успех исследовательской и издательской деятельности обуславливался постоянным поиском и накоплением новых материалов о жизни и деятельности выдающегося представителя осетинского народа. Так, в 1969 г. Отдел рукописных фондов института приобрел у Н. Н. Петровой рукопись – автограф сборника поэта «Ирон фандыр», признанный наиболее поздней из всех известных рукописей Коста. В ней содержались неизвестные до этого времени стихотворения. Тогда же были приобретены автограф стихотворения «Предчувствие», письма поэта к Н. Хетагурову, подлинники его фотографий и другие материалы¹⁸⁹.

Продолжалось изучение творчества других осетинских писателей: Ц. Гадиева, Нигера, А. Коцоева, М. Камбердиева, А. Гулуева, Д. Мамсурова, Д. Туаева. Реабилитация осетинских писателей, подвергшихся в 1930-е гг. репрессиям, возвращала в исследовательское поле осетинского литературоведения имена А. Кубалова, И. Арнигона, Г. Малиева, Г. Баракова, К. Дзесова, К. Фарниона, Ч. Беджызаты, С. Кулаева и др.

1960-е – 1970-е гг. – время бурного роста романной прозы в осетинской литературе, развивавшейся в двух основных направлениях: создание современного и исторического романа. Литературоведов привлекали вопросы художественного осмысления истории Осетии на фоне глубоких социальных преобразований, преломления в художественном произведении проблем исторической преемственности, социальной адаптации личности, поиска нравственного идеала.

В 1960-е гг. продолжалась работа над «Очерком истории осетинской советской литературы». Авторскому коллективу предстояло решить ряд специфических задач, определявшихся как политическим заказом, так и степенью изученности литературного процесса. Основательной разработки требовали вопросы становления и развития жанров, определения их национальной специфики¹⁹⁰. В работе над «Очерком...» участвовали ученые и писатели Л. Семенов, Н. Лукашенко, З. Салагаева, Г. Калоев, С. Марзоев, Д. Гиреев, З. Сагутонов, Т. Балаев, Е. Бекоев, Н. Еремеева, Х. Дзуцев, Д. Излецкая, Т. Цомаева, Т. Хамицаева, З. Хетагурова. Обобщающие разделы и большая часть литературных портретов были написаны Х. Ардасеновым, А. Хадарцевой, Н. Джусойты. Хронологический принцип изложения материала позволял проследить эволюцию литературного процесса в Осетии с момента зарождения до современности. Каждая глава предварялась статьей, содержащей общую оценку состояния литературной жизни на определенном историческом этапе, и творческие портреты писателей, представлявших анализируемое время. Общественная и культурная значимость художественных

произведений определялась соответствием идейно-политическими запросами времени, «встроенностью» творчества в общественную жизнь.

Несмотря на определенную избирательность и «пустоты» в привлеченном материале, объяснимое в духе времени идеологическое оформление текста, «Очерк истории осетинской советской литературы» являлся важным шагом в развитии осетинского литературоведения. В нем были рассмотрены основные этапы и обобщены достижения осетинской художественной литературы в условиях общественной трансформации 1920-х – 1960-х гг., изменившей содержание общественной жизни Северной Осетии и оказавшей огромное влияние на развитие национальной культуры¹⁹¹.

«Очерк истории осетинской советской литературы», также как и опубликованный несколькими годами ранее «Очерк развития осетинской литературы. Досоветский период», выявил «белые пятна» осетинского литературоведения и заложил основу для дальнейшего, более углубленного изучения спорных и малоизученных вопросов осетинского литературного процесса в исторической ретроспективе.

В начале 1980-х гг. была издана двухтомная история осетинской литературы Н. Джусойты, хронологически охватывшая период возникновения и развития осетинской художественной литературы с древнейших времен до 1940-х гг.¹⁹² Монография вобрала в себя опыт предыдущих исследований и подвела итоги развития осетинского литературоведения советского периода.

В истории лингвистического осетиноведения 1960-е гг. отмечены важным событием – завершением многолетней работы над «Грамматикой осетинского языка». Над фундаментальным трудом, изданным в двух томах (1963 и 1969 гг.) работали Г. Ахвледиани (главный редактор), В. Абаев, А. Агнаев, К. Гагкаев, М. Гуриева, Т. Гуриев, М. Исаев, Т. Козырева, Н. Кулаев, А. Цагаева, Р. Цаболов. В 1960-е – 1970-е гг. учеными Северо-Осетинского НИИ и филологического факультета Севе-

ро-Осетинского госуниверситета велась кропотливая лексикографическая работа. Дважды, в 1964 и 1970 гг. с дополнениями переиздавался осетинско-русский словарь А. Касаева¹⁹³. В 1970 г. в Москве в издательстве «Советская энциклопедия» вышел русско-осетинский словарь В. И. Абаева.

Большим достижением лингвистического осетиноведения второй половины XX в. явился «Историко-этимологический словарь осетинского языка» В. И. Абаева в 5-ти томах, над которым ученый работал практически на протяжении всей своей жизни. Четыре тома издания были опубликованы в течение 1958-1989 гг.: Т. 1. М.-Л., 1958; Т. 2. Л., 1973; Т. 3. Л., 1979; Т. 4. Л., 1989. В 1995 г. вышел последний том – Указатель к словарю. В. И. Абаев исследовал этимологию и историю осетинских слов на широкой сравнительно-лексикографической базе, используя материал 190 языков мира. Он проследил связи осетинского языка с иранскими и индоевропейскими, а также тюркским, финно-угорским и другими языками. При этом автор исходил из определения осетинской лексики как исконно иранского наследия. Он выявил и разделил субстратные и заимствованные элементы в словарном составе языка. Фундаментальный труд В. И. Абаева – энциклопедия истории осетинского народа, его языка и культуры, получил признание научного мира. За третий том издания в 1981 г. ученый был удостоен Государственной премии СССР. На родине его вклад в национальную культуру был оценен еще раньше. В 1964 г. В. И. Абаев стал первым лауреатом премии Коста Хетагурова.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. заметно продвигается археологическое и этнографическое изучение Северной Осетии. Научные изыскания в этом направлении осуществлялись в тесном сотрудничестве с научными учреждениями Москвы, Ленинграда, Тбилиси, другими научными центрами страны. Совместно с археологическими экспедициями Северо-Осетинского НИИ, Северо-Осетинского госуниверситета, Республиканского музея краеведения

работали экспедиции Института археологии АН СССР, Государственного исторического музея, Государственного музея этнографии народов СССР. Археологические памятники на территории Северной Осетии исследовались В. А. Кузнецовым, В. И. Марковиным, Л. Г. Нечаевой, Е. Г. Пчелиной, М. П. Абрамовой и другими. Хронологически диапазон исследований охватывал время от эпохи палеолита до позднего средневековья, а территориально – горы и равнинную часть республики. В результате полевых работ было выявлено и исследовано множество новых памятников. Учеными проводилась фиксация и обследование разновременных и разнохарактерных археологических памятников на территории Северной Осетии и соседних республик.

Изучались памятники каменного века (Кобан, Моздок), курганы эпохи бронзы (Дзуарикау, Хазнидон, Ахсарисар, Чикола, Новоосетинская), могильники сарматского времени (Комарово). Исследовались аланские городища и катакомбы (Зилги, Алагир, Змейская, Карца), позднесредневековые каменные ящики, склепы, культовые сооружения (Эльхотово, Дзивгис, Махческ, Фаснал, Уакац) и пр.¹⁹⁴ На протяжении многих лет велись разведка и раскопки различных археологических объектов Карачаево-Черкессии, в том числе одного из крупнейших на Кавказе аланских городищ – Нижне-Архызского, являвшегося центром Аланской епархии и раннефеодального аланского государства. В 1967-1969 гг. В. А. Кузнецовым и В. Х. Тменовым исследовался один из самых значительных на Северном Кавказе склеповых некрополей («Город мертвых») у селения Даргавс. Это позволило пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды на склеповую культуру эпохи позднего средневековья. Материалы проведенных изысканий легли в основу изданных впоследствии многочисленных статей и монографий по археологии, древней и средневековой истории Осетии¹⁹⁵. Североосетинскими археологами производились планомерные раскопки разновременных памятников и на территории Ставропольского и Краснодарского краев.

Изучение древних памятников велось с применением новейших методов исследования; постоянно совершенствовалась и методика раскопок. Археологами, изучавшими период палеолита, производился биохимический анализ проб грунта, анализ остеологического материала и т. д. В 1970-е – начале 1980-х гг. для датировки памятников средневекового зодчества впервые в практике северокавказской археологии стал применяться лихенометрический анализ (по мхам и лишайникам). Методика датировки архитектурных памятников по известковому раствору, запатентованная как научное открытие, была разработана учеными Северо-Осетинского госуниверситета. Для выявления закономерностей и взаимосвязи различных конструктивных элементов башенной и склеповой архитектуры довольно успешно использовались методы математико-статистического анализа исследуемых памятников; путем соответствующих расчетов был определен модуль, использовавшийся средневековыми зодчими при строительстве оборонительных сооружений. Совершенствованию методики и качества проводимых работ во многом способствовали развитие сети археологических научных учреждений и увеличение числа квалифицированных специалистов археологов¹⁹⁶.

Во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. расширились творческие контакты местных археологов с научными центрами страны страны. С 1973 г. в республике работала бригада под руководством архитектора Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината В. Е. Кулакова, которая осуществила паспортизацию и фотофиксацию памятников архитектуры горной части Осетии. Министерством культуры Северной Осетии и Северо-Осетинским НИИ в 1980 г. был подготовлен к изданию первый выпуск «Свода памятников истории и культуры Северной Осетии». Для оказания помощи в составлении «Свода» в СОГУ в 1978 г. была создана на хоздоговорных началах группа во главе с А. Х. Магометовым. Работа финансировалась Министерством культуры СОАССР и

Всероссийским обществом по охране памятников истории и культуры. В ходе проведенных разысканий, на которые было выделено 25 тыс. рублей, подготовлены и сданы 225 комплектов документации на памятники. В соответствии с полученными результатами Северо-Кавказский научный центр высшей школы признал Северо-Осетинский госуниверситет головным на Северном Кавказе учреждением Минвуза РСФСР по археологическому изучению памятников древности. Было принято также решение о создании при университете отраслевой историко-археологической лаборатории¹⁹⁷.

В целом в рассматриваемый период в северокавказском регионе, в том числе в Северной Осетии, наблюдался рост числа научных учреждений, занимавшихся археологическими и этнографическими исследованиями. В 1978 г. была организована Северо-Кавказская археологическая экспедиция, а также открыты Отдел памятников, Археологический музей при СОГУ. В 1980 г. был создан отдел археологии и этнографии в СОНИИ.

Результативность археологических исследований во многом зависела от координации усилий ученых республики и различных научных центров страны. Об успешности координированного подхода к организации научно-исследовательской деятельности свидетельствовали результаты совместных экспедиций ученых Северо-Осетинского НИИ, Северо-Осетинского государственного университета и Института археологии в начале 1980-х гг. В течение нескольких полевых сезонов совместной экспедицией этих научных учреждений велись раскопки одного из крупнейших на Северном Кавказе «земляных» городищ у селения Зилги. В результате изучения этого памятника участники экспедиции (В. А. Кузнецов, В. Б. Ковалевская, И. А. Аржанцева) пришли к ряду выводов принципиального характера. Они выявили многослойный характер памятника и определили его как один из протогородских центров, возникших в регионе в первой половине I тыс. н. э.¹⁹⁸

Объединенными экспедициями археологов Северной и Южной Осетии раскапывались могильники сармато-аланского времени у селения Гусыра в Куртатинском ущелье, исследовались кобанские и раннесредневековые памятники у селений Нижний Зарамаг и Цми. Материалы этих экспедиций указывали на прочное освоение ираноязычными племенами горной зоны Северной Осетии в течение длительного периода времени и их оседание здесь. Перспективными признавались дальнейшие раскопки открытого В. А. Кузнецовым кобанского поселения у селения Нижний Зарамаг, дававшего представление о малоизвестных и малоизученных бытовых памятниках кобанцев. В середине 1980-х гг. была осуществлена также совместная разведочная экспедиция Северо-Осетинского и Юго-Осетинского научно-исследовательских институтов по выявлению археологических и историко-архитектурных памятников Трусовского ущелья. Договор о научном сотрудничестве между СОНИИ и СОГУ позволил провести в 1985 г. объединенную археологическую экспедицию в горных районах Северной Осетии¹⁹⁹.

В 1971 г. по инициативе группы североосетинских археологов во главе с В. А. Кузнецовым на базе Северо-Осетинского научно-исследовательского института состоялись первые «Крупновские чтения», посвященные памяти видного ученого-кавказоведа Е. И. Крупнова, внесшего значительный вклад в развитие археологической науки на Кавказе. С тех пор «Чтения» превратились в представительный научный форум, регулярно проводимый на базе различных научных центров страны. Они определяют исследовательскую проблематику и отражают состояние археологической науки в кавказском регионе.

Научные школы, сложившиеся в кавказоведении и осетиноведении во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. способствовали значительному продвижению в изучении проблем традиционной и современной этнографии Северного Кавказа, Северной и Южной Осетии. Серьезное

внимание в исследованиях В. П. Кобычева, Е. Н. Студенецкой, Я. С. Смирновой, Л. А. Чибирова и других уделялось рассмотрению вопросов материальной и духовной культуры осетин и других кавказских народов²⁰⁰.

Объектом исследовательского интереса А. Х. Магометова выступали социальные институты осетин (общественный строй и социальные отношения, брак и семья, обычное право, обычаи и традиции) в их историческом развитии, хозяйственный быт и материальная культура северных осетин²⁰¹. Богатый и многообразный мир традиционной материальной и духовной культуры осетин исследовался в работах В. Уарзиати. Ученый подверг глубокому анализу структуры повседневной жизни. Он реконструировал картины повседневного быта, раскрыл многофункциональность и своеобразие праздничного мира народа²⁰².

В исследованиях Б. А. Калоева поднимался широкий круг проблем, связанных с изучением форм хозяйственной деятельности, земледелия, скотоводства, домашних промыслов и ремесел, современного сельского хозяйства и промышленности, религиозных верований, общественных и семейных отношений, видов поселений и жилищ, культурного развития, этнического состава населения Северного Кавказа. Центральное место в его творчестве занимала проблема этногенеза осетин, для освещения которой автор привлекал не только всю совокупность доступных ему этнографических материалов, но и археологические и фольклорные источники, данные топонимики и т. д. Важнейший труд ученого «Осетины. Историко-этнографическое исследование», который он продолжал совершенствовать на протяжении почти всей жизни, опираясь на научные достижения и привлекая новые документальные свидетельства, выдержал не одно издание и до сих пор не потерял научной актуальности²⁰³.

Одним из главных исследовательских направлений являлась совместная «полевая» работа этнографов Северной Осетии, Москвы, Ленинграда и других городов страны. Во второй

половине 1960-х, в 1970-е гг. в горах Северной и Южной Осетии работала этнографическая экспедиция под руководством А. И. Робакидзе. В ее составе были ученые Северо-Осетинского НИИ и Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР. Участники экспедиции исследовали формы жилищ и структуру поселения горной Осетии, хозяйственный быт и социальные взаимоотношения осетин. Материалы экспедиции подтверждали культурно-историческую общность народов Кавказа, такие характерные для всего кавказского ареала явления хозяйственного быта и культуры, как отгонная система альпийского скотоводства, высокая степень интенсификации полеводства, довольно сложная система орошения, патронимическая форма поселения, монументальные жилые комплексы и т. д.

В 1973-1975 гг., а затем в 1983 г. Институтом этнографии АН СССР совместно с Северо-Осетинским НИИ под руководством В. К. Гарданова проводились этносоциологические обследования сельского и городского населения Северной Осетии. Целью экспедиций было выявление нового и традиционного в быте, материальной и духовной культуре осетинского народа. Накопленные материалы легли в основу многочисленных статей, монографий, кандидатских и докторских диссертаций²⁰⁴.

В целом во второй половине 1960-х – 1970-е гг. содействие партийно-государственных органов развитию региональных научных школ и исследовательских направлений в области гуманитарных наук способствовало поступательному развитию фольклористики, этнографии, археологии и других научных дисциплин гуманитарного профиля.

В несколько иной ситуации развивалась историческая наука. В силу специфики предмета истории, она всегда в большей степени, чем другие гуманитарные науки, вовлекалась государством в решение вопросов организации и управления жизнью социума, формирования мировоззренческих установок в обществе. Естественно, объективным последствием этой

политики становилась неизбежная политизация различных этапов исторического развития в контексте общественно-политических запросов времени.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. принцип политической целесообразности оставался доминирующим при постановке и решении многих научных проблем, что существенно затрудняло развитие исторического кавказоведения и осетиноведения. Трудности в организации исследовательского пространства в значительной мере определялись внедисциплинарными, политическими обстоятельствами, прежде всего, необходимостью следования требованиям марксистско-ленинской идеологии. Односторонний классовый подход ограничивал возможности освещения дореволюционной истории, истории революционных событий, Гражданской войны и социалистического строительства вне рамок марксистско-ленинской парадигмы. Преобладающее место в исторической науке занимала современная тематика.

Пространство для изучения дореволюционной истории было ограничено. Исключение составляли ряд тем, которые продолжали активно разрабатываться. К ним относились вопросы развития русско-осетинских отношений, определения роли России в социально-политическом, экономическом и культурном развитии Осетии. Их изучение вызывалось необходимостью обосновать существование глубоких исторических связей, базировавшихся на идее интернациональной солидарности, дружбы между народами. В работах М. М. Блиева, В. В. Дегоева, М. С. Тотоева и других исследовалась история русско-осетинских отношений и история Кавказской войны, определялось место Осетии в системе отношений Кавказа и России в период XVIII-XIX вв., оценивалось влияние России на социально-экономическое и культурное развитие Осетии²⁰⁵.

Большое внимание уделялось исследованию вопросов социально-экономического и политического развития Осетии в конце XIX – начале XX веков. В работах Б. Х. Ортабаева,

Ю. В. Харуева и других эта проблема рассматривалась в контексте обострения социально-классовых противоречий в процессе становления и развития рыночных, капиталистических отношений, формирования революционной ситуации на Северном Кавказе²⁰⁶.

Одним из наиболее разрабатываемых направлений исторической науки стала революционная тематика. Изучение истории революционного движения в Осетии, расстановки классовых и политических сил, участия разных социальных слоев североосетинского общества в Гражданской войне диктовалось подготовкой к изданию второго тома «Истории СОАССР». В 1960-е – начале 1980-х гг. изучение истории революции и Гражданской войны стимулировалось также празднованием многочисленных юбилейных исторических и революционных дат. Десятки работ, посвященных этой проблематике, были богато документированы. Некоторые из них писались непосредственными участниками событий, потому в них было немало точных наблюдений, авторских впечатлений от увиденного²⁰⁷. Большой объем научных исследований по теме потребовал обобщения накопленного знания. Историографическим исследованием по истории Октябрьской революции и Гражданской войны на Тереке явилась докторская диссертация Н. Д. Малиева²⁰⁸.

Однако общим недостатком работ по истории революции и Гражданской войны оставался односторонний классовый подход к освещению изучаемой проблемы. Интерпретация исторических событий с классовых позиций не позволяла представить объективную картину революционных событий на Северном Кавказе, показать истинную расстановку противоборствующих политических сил, раскрыть неоднозначность и противоречивость процесса революционного переустройства общества.

Еще одним востребованным направлением являлась история формирования и развития рабочего класса. В диссертационных работах Х. Г. Гутнова, А. Г. Фарниева, Р. И. Цориева рас-

крывалась деятельность партийных организаций по формированию системы вовлечения различных категорий населения в общественное производство, подготовке квалифицированных рабочих кадров в период кардинальных общественных преобразований 1920-х – 1930-х гг.²⁰⁹ Особое внимание уделялось изучению проблемы создания национальных рабочих кадров. В работах Х.С. Черджиева, А.А. Аствацатурова она рассматривалась с позиции обоснования решающей роли национального отряда пролетариата в формировании осетинской социалистической нации²¹⁰.

Значительное внимание в осетиноведении уделялось истории Великой Отечественной войны, активно разрабатывавшейся в контексте общесоюзной традиции. В работах историков раскрывались массовый героизм народа в тылу и на полях сражений, патриотизм и пролетарский интернационализм²¹¹. При этом важнейшие вопросы повседневной жизни людей, социальной и психологической адаптации человека в условиях военного лихолетья оставались за пределами научных изысканий.

На подобное искусственное ограничение предметного поля, характерное для исторической науки 1960-х – 1980-х гг., указывают современные российские историки. Оно определялось той теоретической доктриной, которая господствовала в советском обществе в виде официальной идеологической системы и государственной концепции отечественной и всемирной истории. Как отмечает Г.Д. Алексеева, по ряду важных проблем шел бурный процесс накопления фактов, однако в рамках господствовавшей в науке схемы они либо совсем не учитывались, либо осмысливались неглубоко, что не отвечало требованиям науки²¹².

Это в значительной мере касалось работ по истории КПСС и непролетарских партий в России, которые располагали богатейшей источниковой базой. Однако, как правило, значительная часть документов оставалась за рамками научного исследования. В 1962 г. Северо-Осетинский обком КПСС сфор-

мировал авторский коллектив по написанию истории республиканской партийной организации. К работе были привлечены ученые Северо-Осетинского научно-исследовательского института и вузов республики. В 1969 г. «Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации» были изданы. Идеологический посыл, положенный в основу работы, предопределил одномерность и схематизм в освещении социальной и политической истории республики. В соответствии с принятой исследовательской традицией в «Очерках...» много говорилось о классовой борьбе, о решающей и направляющей роли Коммунистической партии в социалистическом строительстве. При этом игнорировалось существование иных политических партий и движений, отсутствовало упоминание о противоречиях социализма, была обойдена тема политических репрессий.

В начале 1980-х гг. цензурная политика в научной и культурной сфере Северной Осетии резко ужесточилась. Развернувшаяся кампания борьбы с так называемыми «националистическими проявлениями» во всех сферах общественной жизни республики явилась следствием трагических событий 24-26 октября 1981 г. В эти дни в Пригородном районе и столице республики Орджоникидзе (Владикавказе) произошли массовые беспорядки, поводом к которым послужило жестокое убийство осетина. Люди были возмущены тем, что местное руководство не предпринимало сколько-нибудь энергичных мер по борьбе с преступностью и коррупцией.

Проведенное центральной властью расследование не прояснило истинных причин беспорядков. Анализ событий был сведен к недостаткам и ошибкам местного руководства в идеологической работе с населением. В постановлении ЦК КПСС «О крупных недостатках в работе Северо-Осетинского обкома КПСС по идейно-политическому, интернациональному воспитанию трудящихся», обсужденном на V пленуме обкома КПСС 15 января 1982 г., декларировалось, что «идейно-воспитательная работа партийных организаций республики страдает фор-

мализмом, слабо направлена против таких чуждых социализму уродливых пережитков прошлого, как проявление национализма»²¹³.

Постановление ЦК КПСС от 12 января 1982 г. и последовавшие за ним решения V и VI пленумов обкома КПСС имели крайне негативные последствия для развития общественных наук, прежде всего исторической науки. В новой политической ситуации произошло существенное сужение круга исследований, затрагивавших национальную проблематику истории Осетии. Среди тем, подвергшихся негласному ostracism, оказались, в частности, вопросы развития государственности и этногенеза осетин.

Примером непростой судьбы книг, исследовавших проблему происхождения осетинского народа, стала монография В. А. Кузнецова «Очерки истории алан», опубликованная в 1984 г.²¹⁴ Работа, написанная с привлечением обширного археологического, исторического и этнографического материала, представляла картину широкого расселения аланских племен на Северном Кавказе. Решая вопрос о роли алан и аланской культуры в формировании осетинского народа, автор подчеркивал, что это синтез кавказского субстрата и аланского суперстрата, в результате чего возникла новая этническая общность – осетины. Ученый обосновывал также идею об участии алан, в том числе в качестве субстрата, в формировании некоторых других народов Северного Кавказа. Результаты исследования были положительно оценены большинством научной общественности. Но не все рецензенты согласились с выводами автора. В одном из отзывов, направленных на имя первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС В. Е. Одинцова и председателя КГБ СОАССР В. А. Пономарева, отмечалось: «Выход книги В. А. Кузнецова «Очерки истории алан» не будет способствовать интернациональному воспитанию трудящихся, в ней излишне подробно приводятся факты межнациональных на Северном Кавказе столкновений, походы русских в регион оцениваются как

грабительские, превосносится могущество аланских племен – предков осетин»²¹⁵.

В русле борьбы с «проявлениями национализма» новое политическое руководство республики проводило особенно жесткую селекцию научной продукции, в которой в какой бы то ни было форме затрагивались вопросы происхождения народов и межнациональных отношений, поэтому бюро обкома КПСС предпочло перестраховаться. Оно наложило запрет на распространение издания. Лишь в феврале 1985 г. после личного вмешательства заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Б. И. Стукалина арест с тиража монографии В. А. Кузнецова был снят. Она поступила в продажу и была раскуплена в считанные дни²¹⁶.

Таким образом, в 1960-е – 1980-е гг. организация научной деятельности, свободной от политизированных оценок исторической реальности, в Северной Осетии, также как и в других национальных регионах, была крайне затруднена. Тем не менее, было бы неверно игнорировать успехи, имевшие место в развитии исторического кавказоведения. В отмеченные годы были предприняты важные шаги в объединении творческих усилий кавказоведов с целью создания фундаментальных научных работ по истории народов Кавказа. Большая группа североосетинских историков (М. М. Блиев, В. К. Гарданов, Б. А. Калоев, В. А. Кузнецов, А. Х. Магомедов, В. Х. Тменов, Ф. В. Тотоев и другие) была привлечена к работе над четырехтомным академическим изданием «Истории народов Северного Кавказа». Перестройка и последовавшие затем разрушительные постперестроечные процессы не позволили завершить проект. В 1988 г. в издательстве «Наука» были опубликованы лишь два тома издания. Первый том (под редакцией Б. Б. Пиотровского) охватывал период с древнейших времен до конца XVIII века, второй том (под редакцией А. Л. Нарочницкого) – с конца XVIII века до 1917 года. Несмотря на очевидную идеологическую заданность основополагающих позиций, этот фундаментальный

труд имел большое значение для развития научной мысли Кавказа и занял достойное место в историческом регионоведении. Он явился своеобразным итогом многолетней исследовательской традиции в кавказоведении и закладывал основу для дальнейшего изучения истории социально-экономического, политического и культурного развития народов Северного Кавказа.

В целом историческое регионоведение в Северной Осетии развивалось в контексте общесоюзных тенденций и страдало теми же «болезнями», что и вся советская историческая наука. В начале 1960-х гг. проблемно-тематическая структура исторического осетиноведения пополнилась несколькими новыми темами (история партийной организации Северной Осетии, тема революции и Великой Отечественной войны, проблема соотношения национального и интернационального в развитии советского общества). В последующие два десятилетия принятая тематика не претерпела никаких существенных изменений. Отмеченные проблемы преобладали в научных разработках ученых. Однако подходы к их изучению, формировавшиеся в рамках официальной идеологической парадигмы, оставляли мало простора для объективного научного анализа. Трактовка тех или иных исторических событий и явлений не предполагала вариативности и самостоятельности суждений исследователя вне официально принятой в науке концепции. Заданные исследовательские схемы определяли избирательность в подборе и интерпретации документальных источников, призванных подкреплять господствовавшие теоретические построения. Инвариантность организации научного процесса, не допускавшая свободы научного творчества, обедняла содержание исторических исследований, препятствовала формированию объективной картины прошлого. В подобной ситуации вклад в науку во многом зависел от уровня профессионализма, таланта и внутренней свободы исследователя, его готовности к преодолению трудностей на пути научного познания действительности.

Отмеченные положения в сочетании с личностными характеристиками ученых-гуманитариев в решающей степени определяли развитие всех отраслей гуманитарных наук.

Примечания к главе 4:

1. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 327. Л. 2.
2. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 317. Л. 16.
3. Вдовин А. И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2014. С. 313.
4. Для сравнения: в 1945 г. зарплата директора того же института составляла 2000 рублей, заведующего отделом без научной степени – 1300 рублей. – ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 361. Л. 13; Научный архив СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 65. Л. 24, 25.
5. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 340. Л. 20.
6. Научный архив СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 65. Л. 47.
7. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 313. Л. 1.
8. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 327.
9. Социалистическая Осетия. 1946. 21 августа. С. 1.
10. Соколов А. К., Тяжелникова В. С. Курс советской истории. 1941-1991. М., 1999. С. 171.
11. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 233. Л. 28
12. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 6. Д. 261. Л. 25.
13. См.: ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 6. Д. 261. Л. 25-30.
14. В. М. Крейтер, ученый с мировым именем, доктор геолого-минералогических наук, профессор был осужден в 1949 г. по сфабрикованному «делу геологов» – Чекалин В. Репрессированная геология // <http://www.ap.altaregion.ru/337-09/8.html> //
15. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 6. Д. 261. Л. 27, 28, 30.
16. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 6. Д. 261. Л. 29,30.
17. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 6. Д. 261. Л. 33.
18. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 261. Л. 32; ЦГА РСО-А. Ф.126. Оп. 2. Д. 369. Л. 32; Д. 352. Л. 2.
19. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 123; Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989. С. 81.
20. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 126.

21. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 308. Л. 2.
22. Культурное строительство. Т. 2. С. 117; Народное хозяйство СОАССР. С. 120-121.
23. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 1. Д. 323. Л. 17; Д. 334. Л. 1. Д. 314. Л. 9.
24. Тотоев Ф., Бекмурзов Х. Путь в полвека (к 50-летию СОНИИ) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1976. № 1. С. 95.
25. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 308. Л. 13, 15.
26. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 335. Л. 16.
27. Культурное строительство в Северной Осетии. 1941-1977. Т. 2. С. 125.
28. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 333. Л. 4-7.
29. Верт Н. История советского государства. С. 340-341.
30. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 333. Л. 8-10.
31. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 780. Л. 24.
32. Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008. С. 64.
33. См.: Скитский Б.В. Хрестоматия по истории Осетии. Дзауджикау, 1949. Ч. 1.
34. Цориева И. Т. К истории изучения осетинской культуры в конце 40-50-х годы XX века // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной конференции. Владикавказ, 13-14 октября 2005 года. Владикавказ, 2006. С. 444-445.
35. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 713. Л. 24, 28.
36. См.: Магомедов М.Б. Кавказская война 20-50-х годы XIX века: историко-правовые аспекты. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2004. С. 16.
37. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 г. (Вступительная статья Ю.М. Амиантова) // Вопросы истории. 1996. №2. С. 64.
38. Магомедов М.Б. Кавказская война 20-50-х годы XIX века: историко-правовые аспекты. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2004. С. 16.
39. Цориева И. Т. Культурная политика и гуманитарные науки в Северной Осетии в середине 1940-х – середине 1950-х гг.//Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения. Владикавказ, 2006. С. 127.

40. Гаппоев Т.Т., Тотоев Ф.В. Величие и трагизм судьбы профессора истории // Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Владикавказ, 2000. Т. 1. С. 47.

41. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 234. Л. 67.

42. Социалистическая Осетия. 1949. 2 апреля.

43. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 233. Л.28.

44. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 371. Л. 40, 61.

45. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Ед. хр. 342. Л. 27.

46. См.: Цориева И. Т. Идеология и гуманитарные науки в Северной Осетии (середина 1940-х – середина 1950-х гг.) // Вестник ВНИЦ. 2006. №. 4. Т. 6. С. 3.

47. НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 284. Л. 2.

48. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 713. Л. 24.

49. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 54.

50. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 55.

51. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 63.

52. Там же.

53. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 64.

54. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 56,57, 64.

55. Научный архив СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

56. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 60, 66.

57. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 57, 58.

58. Хамицаева Т. А. Советская осетинская фольклористика (1919-1972) // Вопросы осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1981. Т. 37. С. 181.

59. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336. л. 15, 17.

60. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336. Л. 15, 40.

61. . ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336. Л. 53.

62. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336. Л. 23.

63. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 335. Л. 6.

64. История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 381.

65. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 385. Л. 4.

66. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 71.. Л. 44.

67. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 71.. Л. 45.

68. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 713. Л. 45.

69. Научный архив СОИГСИ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 15.

70.. Джикаева А. Об антимарксистских извращениях в книге Б. Цуциева// Коммунист, 1953, №5.

- 71.. См.: Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С.295-297.
- 72.. См.: Социалистическая Осетия. 1951. 26 сентября.
- 73.. Дьяконов И.М. По поводу воспоминаний О.М. Фрейденберг о Н.Я. Марре //Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. Вып.3. С. 179.
- 74.. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. С. 11.
- 75.. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. С.76.
- 76.. Абаев В.И. История языка и история народа// Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М., 1952. С. 43.
- 77.. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 395. Л. 17.
- 78.. Гагкаев К.Е. И. Абаев – крупнейший исследователь осетинского языка // Социалистическая Осетия. 1951. 13 марта.
- 79.. Правда. 1951. 20 июня..
- 80.. Научный архив СОИГСИ. Ф. 14. Оп. 1. Д.2. Л. 8
- 81.. Сталин И. Относительно марксизма в языкознании // Большевик. 1950. №2. С. 12.
- 82.. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 535. Л.132.
- 83.. Гагкаев К.Е. За критику и самокритику в языкознании // Социалистическая Осетия. 1951. 26 сентября.
- 84.. Козырева Т. Некоторые задачи осетинского языкознания в свете трудов И.В. Сталина // Социалистическая Осетия. 1951. 28 сентября.
- 85.. Социалистическая Осетия. 1951. 30 декабря.
- 86.. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 780. Л. 24-26.
- 87.. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 5. Д. 579. Л. 103-104.
- 88.. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 37.
- 89.. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 37-38.
- 90.. Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Владикавказ, 2008. С. 148.
91. КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т.8. С. 505.
92. КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 10. С. 51, 53.
93. Данные представлены только по вузам. См.: ЦГА РСО-А. Ф. 384. Оп. 9. Д. 53. Л. 16.
94. Северная Осетия за годы советской власти. Стат. сб. С.228.

95. См.: Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Стат. сб. С.185.
96. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 39.
97. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 40.
98. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 37.
99. ГАРФ, Ф. Ф –605. Оп. 1. Д. 1402. Л.3.
100. ГАРФ, Ф. А – 605. Оп.1. Д. 1402. Л. 4, 5.
101. ГАРФ, Ф. А – 605. Оп.1. Д. 1402. Л. 22.
102. ГАРФ, Ф. А – 605. Оп.1. Д. 1402. Л. 11.
103. См.: 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 39-41.
104. Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х – середина 60-х гг. XX в.). С. 153.
105. 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. Владикавказ, 2008. С. 25, 27.
106. 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. С. 16.
107. 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. С. 17-18.
108. 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. С. 19.
109. Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. Т. 2. С. 130.
110. История Северо-Осетинской государственной медицинской академии. С. 246-247.
111. Здравоохранение и медицина в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958. Вып. 7. Ч. 1. С. 26-27.
112. См.: История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. Т.1. С. 6.
113. История Северо-Осетинской АССР. Т.1. С. 174.
114. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 13. Д. 692. Л. 35.
115. Научный архив СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. д. 20. Л. 13-15
116. Тотоев Ф.В. Некоторые вопросы историографии Северной Осетии // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ, 1995. С. 26.
117. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 342. Л. 116.
118. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 55.
119. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 58.
120. Кулов С. Д. Борьба трудящихся Северной Осетии против деникинской контрреволюции // Ученые записки СОНИИ. 1957. Т. 22;

Тотоев М. С. Очерк революционного движения в Северной Осетии в 1917-1920 годы. Орджоникидзе, 1957, Гальцев В. С. Китайский и грузинский революционные отряды в борьбе за советскую власть на Тереке. Орджоникидзе, 1957; Он же. К истории разгрома бичераховщины на Тереке. Орджоникидзе, 1959.

121. Тотоев Ф. В. Некоторые вопросы историографии Северной Осетии // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С. 27.

122. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 73.

123. См.: Цуциев Б. А. Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе, 1967; Черджиев Х. С. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1.

124. См.: Казбеков Г. В. Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1963; Он же. Создание национальных кадров рабочих в промышленности Северной Осетии в период довоенных пятилеток // Ведущая сила современности. Махачкала, 1964; Аствацатуров А. А. О формировании и развитии осетинской социалистической нации. Орджоникидзе, 1963 и др.

125. Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге. Орджоникидзе, 1961; Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1963.

126. См.: Цориева И. Т. Становление научного нартоведения и проблема происхождения осетинского народа // Бюллетень Владикавказского института управления. Владикавказ, 2009. № 28.

127. См.: ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 363. Л. 3; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1; Он же. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 10.

128. См.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

129. Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. С. 18.

130. Крупнов Е. И. Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. С. 41

131. Калоев Б. А. Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин // Происхождение осетинского народа. С. 124.

132. История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 479.
133. Тменов В. Х. Археология и этнография Северной Осетии: история изучения, проблемы, задачи // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ. 1995. С. 25-26.
134. Алиева А. И. Издание национальных версий нартского эпоса в двуязычной академической серии «Эпос народов Европы и Азии» // Нартоведение в XXI веке: Современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2012. С. 7.
135. Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 года. Орджоникидзе, 1957.
136. Мелетинский Е. М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 года. С. 73.
137. Абаев В. И. Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 года. С. 28.
138. Мелетинский Е. М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 года. Орджоникидзе, 1957. С. 13-14.
139. Алборов Б. А. Осетинские нартские сказания о Созруко и гумском человеке // Ученые записки СОГПИ. Орджоникидзе, 1958. Т. 23. Вып. 3; Он же. «Цирыхъ» осетинских нартских сказаний // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1960. Т. 22. Вып. 1; Он же. Легендарное колесо нартских сказаний // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1968. Т. 27.
140. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1964.
141. Алиева А. И. Издание национальных версий нартского эпоса в двуязычной академической серии «Эпос народов Европы и Азии» // Нартоведение в XXI веке: Современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2012. С. 14.
142. Хамицаева Т. А. Итоги и проблемы развития осетинской фольклористики // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С. 74-75.
143. Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 17.
144. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1964.
145. Джусоев Н. Г. Коста Хетагуров. Сталинир, 1958; Корзун В. В. Коста Хетагуров. Очерк жизни и творчества. М., 1957; Кравченко Г. И. Коста Хетагуров. Жизнь и деятельность. Орджоникидзе, 1961.

146. Хадарцева А. А. Становление и развитие осетинского литературоведения // СОИГИ 70 лет. С. 9-97.
147. Суменова З. Н. Инал Кануков. Жизнь и творчество. Орджоникидзе, 1972
148. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 39-40.
149. Там же. С.41.
150. Там же. С. 41.
151. Там же. С.53-54.
152. Там же. С. 54.
153. 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. С. 27.
154. Там же. С. 25-29.
155. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 85. Л. 53.
156. 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. С. 27.
157. 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. С. 16.
158. Первый выпуск института состоял из трех человек. Одним из них был Х. Б. Дзанагов. Он стал также первым среди осетин доктором сельскохозяйственных наук. – 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. С. 29.
159. 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. С. 30.
160. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 85. Л. 59.
161. 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. С. 30.
162. См.: 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. С. 16-19.
163. Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 130.
164. ЦГА РСО-А. Ф. 687. Оп. 4. Д. 55. Л.34.
165. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 85. Л. 6.
166. История Северо-Осетинской государственной медицинской академии. 1939-1999. Владикавказ, 2001. СС.44-45.
167. ЦГА РСО-А. Ф. 687. Оп.4. Д. 55. Л.19.
168. ЦГА РСО-А. Ф. 687. Оп.4. Д. 41. Л. 121-122.
169. ЦГА РСО-А. Ф. 687. Оп.4. Д. 41. Л. 123-124.
170. Здравоохранение и медицина в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958. Вып. 7. Ч. 1. С. 26-27.

171. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 85. Л. 8-9.
172. История Северо-Осетинской государственной медицинской академии. С. 340-341.
173. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 85. Л. 9.
174. Научный архив СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 127. Л. 32.
175. Гуриев Т.А. К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса (О монгольском влиянии). Орджоникидзе: Ир, 1971.
176. Хамицаева Т.А. Итоги и проблемы развития осетинской фольклористики// Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ, 1995. С.75.
177. Абаева З. К образу Сатаны нартского эпоса // Известия ЮОНИИ. Цхинвал, 1965. Т. 14; Мамиев Н. Сатана в осетинском нартском эпосе. Орджоникидзе, 1971.
178. См.: Хамицаева Т.А. Итоги и проблемы развития осетинской фольклористики. С.75.
179. Алиева А. И. Издание национальных версий нартского эпоса в двуязычной академической серии «Эпос народов Европы и Азии» // Нартоведение в XXI веке: Современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2012. С. 14.
180. Научный архив СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 171 Л. 1.
181. Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х тт. М., 1989-1991.
182. Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор. Орджоникидзе, 1973.
183. Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976; Габисова С.З. Осетинские народные песни о Ленине // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1966. Т.26.
184. Джикаев Ш. Ф. Фольклорные традиции в осетинской советской поэзии (1917-1941). Орджоникидзе, 1972.
185. Хадарцева А. А. Становление и развитие осетинского литературоведения// Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С. С.98.
186. Научный архив СОИГСИ. Ф.126. Оп. 3. Д. 211. Л.49.
187. В 1920-е гг. были изданы четыре выпуска «Памятников народного творчества осетин». Первый выпуск (1925 год) включал нартовские сказания на русском языке, записанные Гациром Шанаевым в 1870-е годы. Во втором выпуске (1927 год) было представлено дигорское народное творчество разных жанров в записи Михаила

Гарданова. Третий (1928 год) и четвертый (1929 год) выпуски содержали нартовские сказания и сказки в записи Цоцко Амбалова. В 1941 г. был осуществлен еще один выпуск «Памятников народного творчества осетин». Он включал нартовские и даредзановские сказания на осетинском языке, собранные Казбеком Казбековым в фондах архивов и извлеченные из ранее опубликованных изданий.

188. Песни далеких лет / сост. З.М. Салагаева, Т.А. Хамицаева. Орджоникидзе, 1974

189. НА СОИГСИ. Ф.126. Оп. 3. Д. 211. Л.49.

190. Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967. С. 3.

191. Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 1940-х – середина 1960-х гг.). Владикавказ, 2008. С.174.

192. Джусойти Н. История осетинской литературы. В 2-х тт. Тбилиси, 1981. Т. 1; 1985. Т. 2.

193. Гуриев Т.А. Разработка вопросов языкознания в СОИГИ// Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С.55.

194. Тменов В. Х. Археологическое изучение Северной Осетии в 1971-1985 гг. (итоги, основные проблемы) // XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 3.

195. Тменов В. Х. Археология и этнография Северной Осетии: история изучения, проблемы, задачи// Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С.126-127.

196. Тменов В. Х. Археологическое изучение Северной Осетии в 1971-1985 гг. (итоги, основные проблемы) // XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. С. 4.

197. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 328. Л. 78.

198. Тменов В. Х. Археология и этнография Северной Осетии: история изучения, проблемы, задачи// Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С. 130.

199. Тменов В. Х. Археология и этнография Северной Осетии: история изучения, проблемы, задачи// Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С. 130-131.

200. Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа XIX-XX вв. М., 1982; Студенецкая Е.Н. Маски народов Северного Кавказа. Народный театр. Л., 1974; Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина

XIX-XX вв.). М., 1983; Чибиров Л. А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970;

201. Магомедов А. Х Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968; Он же. Общественный строй и быт осетин. Орджоникидзе, 1973.

202. Уарзиати В. Элементы традиционного костюма в современном быту осетин // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980. Т. 36. Вып. 1; Он же. Эволюция типов поселений в Осетии в XIX-XX вв. // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1982. Вып. 2; Он же. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987 и др.

203. Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973; Он же. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 2004.

204. Тменов В. Х. Археология и этнография Северной Осетии: история изучения, проблемы, задачи // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С.128.

205. Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге. Орджоникидзе, 1961; Блиев М. М., Киняпина Н. С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII в. – 80-е гг. XIX в.); Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1987; Тотоев М. С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977.

206. Ортабаев Б. Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Великого Октября. Владикавказ, 1992; Хоруев Ю. В. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Северной Осетии в эпоху империализма. Орджоникидзе, 1983 и др.

207. Коренев Д. З. Революция на Тереке 1917-1918 гг. Орджоникидзе, 1967; Кесаев А. К. Из истории борьбы трудящихся Северной Осетии за власть Советов. Орджоникидзе, 1979.

208. Малиев Н. Д. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в национальных районах Северного Кавказа в освещении советской историографии (1918-1978 гг.): дисс. ... док. ист. наук. Орджоникидзе, 1984.

209. Гутнов Х. Г. Деятельность Северо-Осетинской парторганизации по выполнению первого пятилетнего плана по промышленности и сельскому хозяйству: дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1969; Фарниев А. Г. Северо-Осетинская партийная организация за выпол-

нение плана второй пятилетки в области промышленности и сельского хозяйства: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969; Цориев Р.И. Деятельность Северо-Осетинской парторганизации по осуществлению ленинского плана электрификации в республике: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1975.

210. Аствацатуров А.А. О формировании и развитии осетинской социалистической нации. Орджоникидзе, 1963; Черджиев Х.С. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1.

211. Худалов Т.Т. В тылу врага. Орджоникидзе, 1976; Абаев А.И. Рабочий класс Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны. Орджоникидзе, 1978.

212. Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика. (60-80-е гг. XX века). М., 2003. С. 22.

213. История Северной Осетии. XX век. С. 441-443.

214. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

215. Кантемиров А. Трудные судьбы книг. Записки издателя. Владикавказ, 2006. С. 103-104, 108.

216. Там же. С. 108.

ГЛАВА 5. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

5.1. Политико-идеологические аспекты развития профессиональной художественной культуры в последнее сталинское десятилетие

Советское общество вышло из Второй мировой войны значительно измененным. Народ, прошедший через огромные страдания и лишения, невосполнимые потери близких, жил ожиданием новой, прекрасной мирной жизни. Люди остро чувствовали потребность в красоте, желание внешнего и внутреннего преображения. Духовные тяготения народа-победителя девальвировали устоявшиеся каноны идеологической работы, диктовали запрос на новое в культуре и искусстве. Его социальный заказ требовал формирования иной политической архитектуры отношений и связей с властью в сфере культуры.

Политическое руководство страны в ответ на сложившуюся ситуацию сформулировало основные требования нового этапа работы с «человеческим материалом», расставив приоритеты следующим образом: пропаганда социалистических идеалов, воспитание людей в духе социалистического патриотизма, убежденности в верности избранного КПСС пути. Новым важнейшим направлением культурной политики в условиях нарастания международной напряженности, противоборства двух мировых систем являлось привлечение советской культуры к противостоянию в «холодной войне». Мобилизацион-

ное вовлечение культуры в противоборство с капиталистической системой, после некоторого смягчения идеологического давления в годы войны (послабления церкви, предоставление большей свободы в творческой сфере), послужило аргументом усиления контроля во всех областях культурной жизни, стало мотивационной основой реализации поставленных властью задач культурной политики в борьбе с инакомыслием. Вновь обычной становится практика активного вмешательства в творческую лабораторию деятелей литературы и искусства. Интеллигенции отказывали в какой-либо самостоятельности суждений в делах культуры. Художник получал возможность работать в рамках социалистического реализма, официально провозглашенного единственным идеологически и политически выдержанным методом художественного познания мира, основанным на принципах партийности, классовости и народности. Все, что не соответствовало принципам этого метода, объявлялось «заграничным влиянием», «буржуазным индивидуализмом», «искусством ради искусства» и решительно пресекалось.

После принятия известных постановлений ЦК ВКП (б) в 1946-1948 гг. («О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь», «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели»), творчество многих видных деятелей литературы и искусства подверглось резкой критике. Их обвиняли в аполитичности, безыдейности, продвижении чуждых партии идеологий, преклонении перед буржуазной культурой, «формалистическом трюкачестве» и «мнимом новаторстве».

5.1.1. Литературная политика и литературное творчество. Художественная культура Северной Осетии середины 1940-х – середины 1950-х гг. являлась неотъемлемой частью многонациональной советской культуры, поэтому она отразила всю сложность и неоднозначность общественной и культурной жизни страны послевоенного десятилетия. И хотя поста-

новления по вопросам литературы и искусства 1946-1948 гг. непосредственно не касались литературно-художественной жизни Северной Осетии, но они закономерно предопределяли развитие культурного процесса в республике. Дискуссии, развернувшиеся вокруг постановлений ЦК в центре, нашли здесь немедленное продолжение.

В сентябре на страницах республиканских газет «Социалистическая Осетия» и «Растдзинад» появились статьи, послужившие толчком к началу кампании против национальной интеллигенции. В ноябрьском (1946 г.) постановлении бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) было подчеркнуто, что «недостатки и ошибки», отмеченные в постановлении ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 г.), «имеют место и в осетинской советской литературе»¹.

В подражание центру, первым резкой критике подвергся журнал «Мах дуг» («Наша эпоха») за публикации произведений, «не отвечающих идейным требованиям партии, за умолчание современных тем, за политические ошибки и извращения идеологического характера»². Здесь, так же как и с научной интеллигенцией Северной Осетии, успешно действовал принцип: «бить наиболее видных, чтобы боялись остальные». Поэтому было совершенно естественным, что первыми «под прицелом критиков» оказались ведущие писатели республики.

Среди тех, чье творчество подверглось тщательному разбору с точки зрения идеологической приемлемости, был Д. Мамсуров. По мнению критиков, писатель «за последние годы ушел в отдаленное прошлое осетинского народа», что в своих произведениях, «отображая времена алдаров и князей», он «вольнo или невольнo идеализирует такое вредное уродливое явление старого быта, как кровная месть». «Ошибочность» позиции писателя раскрывалась на примере его драмы «Афхардты Хасана». Особое возмущение идеологических цензоров вызывало то обстоятельство, что в произведении борьба за справедливость, по их мнению, велась на основе кровной мести, а не классового антагонизма. Резкое неприятие вызы-

вали «индивидуализм» героя, его «оторванность» от народа. Автору вменяли в вину и «голый социологизм», и «искажение исторических явлений», обнаруживаемые в другой его поэме – «Чермен»³.

В разряд недостаточно идейных попали неоднократно ставившиеся на сцене Осетинского драматического театра и пользовавшиеся неизменным успехом у зрителей пьесы Д. Туаева «Поминальщики», «Желание Паша», «Фатима». Вместе с драматургом несправедливым нападкам подвергся и Северо-Осетинский драматический театр, который был обвинен в невзыскательности и меркантилизме. По мнению партийных критиков, мерилом для него служило «не идейное содержание пьесы, а успех театральной кассы»⁴.

В первые послевоенные годы в условиях формирования двуполярного мира разворачивавшаяся «холодная война» между Советским Союзом и Западом меняла не только характер международных отношений. Она по-новому высветила содержание многих литературных произведений. В ряду безыдейных и политически вредных художественных произведений оказались рассказы и очерки Т. Джатиева о Великой Отечественной войне – «Честь осетина», «Об одной девушке», «Около Берлина». Упоминание писателем-фронтовиком в очерке «Около Берлина» о голоде и тифе трактовалось как грубая политическая ошибка, которой якобы могли воспользоваться в своей антисоветской пропаганде противники социализма⁵.

С точки зрения идеологической и политической лояльности расценивались даже сказочные персонажи – «Две ласточки» И. Джанаева (Нигера), «Бедняк и сыновья алдара» И. Джанаева и Т. Епхиева⁶. Как отмечалось в одной из литературно-критических статей: «Очень важно воспитывать подрастающее поколение на положительных образах, созданных народом. Но надо отличать сказки, имеющие действительно воспитательное значение, от сказок, утративших свое значение, порой вредных для нашего времени»⁷.

В аполитичности и безыдейности обвиняли С. Бритаева. Особое возмущение вызвало его произведение «Дикий кабан», которое, по мнению критиков, искажало действительность и изображало советский народ беспечным, забывшим об угрозе возможной войны. За «упадочнические настроения», за грусть и отсутствие оптимизма резкому осуждению не раз подвергали творчество Б. Муртазова. В декадентстве уличали Т. Баллаева. Его критиковали за «вредные рассуждения» о прошлом, за сужение понятия «родина» до «семейного очага». Ошибочным и абсолютно недопустимым с идеологической точки зрения считалось создание привлекательного образа «малой родины», своего аула, тем более, если речь шла не о том, который «обрел счастье в колхозе», а связан с «проклятым прошлым»⁸.

Не было обойдено вниманием политических цензоров и творчество талантливого осетинского поэта А. Гулуева. Наибольшее неприятие вызвали его стихотворения, написанные в период Октябрьской революции и гражданской войны. Они были расценены как «вредные и идеологически чуждые советскому народу». Основная причина столь негативного отношения заключалась в том, что миропонимание и мировосприятие художника в произведениях, написанных в 1918-1919 гг. (например, в стихотворении «В ночь бессонную»), вошли в явное противоречие с официально принятыми оценками исторических событий тех грозных лет.⁹

Осетинских писателей критиковали за «недопонимание» роли революционного романтизма и увлечение «чистой лирикой». Так, анализируя поэму Х. Плиева «Поход баделят», председатель правления Союза писателей СССР А. Фадеев не отказывал произведению в художественной значимости. Вместе с тем, он говорил, что такие произведения «ничего не дают... в смысле коммунистического воспитания, оторваны от действительности и избилуют «голой эстетикой». Схожие недостатки обнаруживали в поэзии Д. Дарчиева, А. Царукаева и некоторых других писателей¹⁰.

Перед писательским сообществом ставились вполне кон-

кредные задачи. Художественная литература должна была формировать в обществе, в людях из разных социальных слоев, особенно в подрастающем поколении, чувство оптимизма, веры в светлое будущее и настойчивости в его достижении.

Очередное наступление на художественную интеллигенцию в конце 1948 г. было связано с «разоблачением» космополитизма. Но несмотря на то, что осетинская писательская организация не отказалась от поисков космополитов в своих рядах, ей удалось относительно безболезненно выйти из этой области критики. Лишь в некоторых рассказах Д. Мамсурова («Тень», «Телефон»), пьесах Д. Туаева, в стихотворениях А. Гулуева, написанных в 1917-1918 гг., были «обнаружены» отдельные «элементы» космополитизма, символизма и формализма.

Гораздо большую опасность для национальных культур представляли обвинения в буржуазном национализме. Они стали особенно популярны в начале 1950-х гг. и были обусловлены, как уже отмечалось, изменением политических акцентов внутренней национальной политики в СССР. Как известно, во второй половине 1940-х гг. изменилось толкование статуса русского народа. Он перестал восприниматься официальной идеологией как первый среди равных. Было возвращено его дореволюционное видение как народа – просветителя и покровителя. Это концептуальное положение было исторически обосновано прославлением прошлого русского народа и ревизией истории его отношений с другими народами СССР. Отныне, если русское прошлое превозносилось во всех своих аспектах, то политические и культурные достижения, имевшиеся в далеком прошлом нерусских народов, должны были затушевываться.

Для творческой интеллигенции Северной Осетии новые политические установки приобрели вполне осязаемую форму после принятия постановления ЦК ВКП (б) «О недостатках в работе Северо-Осетинского обкома ВКП (б)» от 7 февраля 1950 года. Через три недели состоялся V пленум Северо-Осетинского областного комитета ВКП (б). Отвечая на критику по

поводу «серьезных ошибок, допущенных партийной организацией в идеологической работе», Президиум пленума посвятил существенную часть повестки дня обсуждению вопросов, связанных с идейно-политическим состоянием осетинской литературы. Как отмечалось в постановляющем документе: «В литературу и театр проникает чуждая идеология, имеют место попытки оживить в сознании людей пережитки капитализма и феодально-родового быта»¹¹.

Жесткой критике подверглись пьесы «Хадзимет Рамонов» Д. Кусова и «Коста» Т. Епхиева и Т. Джатиева. Автору первого произведения поставили в вину якобы неверное изображение революционных событий и гражданской войны в Северной Осетии, а также забвение роли русского рабочего класса в освобождении осетинского народа от феодального и капиталистического ига. Авторам пьесы «Коста» инкриминировали грубое искажение исторической действительности и образа великого осетинского поэта-революционера. Большим идейным пороком пьесы было названо «отсутствие в ней исторически правдивого отображения влияния великих русских революционных демократов и передовых прогрессивных деятелей русской культуры последующего периода на формирование общественно-политических взглядов и всей революционной деятельности К. Хетагурова». Пьесу критиковали и за якобы идеализацию феодального прошлого, пропаганду «великого времени» в истории Осетии¹². За критикой последовали организационные выводы. Пьеса «Коста» изымалась из репертуара Северо-Осетинского драматического театра. Пьеса «Хадзимет Рамонов» допускалась к постановке только после коренной переработки. Решения пленума распространялись и на деятельность самодеятельных театральных коллективов, которые создавались повсеместно, даже в самых отдаленных уголках Северной Осетии. Отмеченные пьесы с неизменным успехом ставились на сценах многих сельских клубов и домов культуры и пользовались большой популярностью и у самодеятельных артистов, и у зрителей.

Принимая подобные решения, партийное руководство республики предупреждало деятелей культуры о том, что отражение прошлого и настоящего народа не должно расходиться с официальными политическими оценками явлений и событий.

В документах V пленума Северо-Осетинского обкома ВКП (б) в феврале – марте 1950 г. еще не прозвучало открытых обвинений в национализме, но политическое тяготение к такой практике было уже очевидно. Через два года новое постановление ЦК ВКП (б) «О руководстве Северо-Осетинского обкома ВКП (б) идеологической работой в республике» от 4 марта 1952 г. расставило все акценты в данном вопросе. В нем подчеркивалось, что в некоторых произведениях осетинских писателей имеются крупные идеологические ошибки и извращения националистического характера, увлечение патриархальным прошлым¹³.

Реакция областного комитета ВКП (б) на столь жесткое замечание высшего партийного органа была незамедлительной и предсказуемой. На повестку дня V пленума обкома партии, состоявшегося 16 апреля 1952 г., вынесли единственный вопрос: «О состоянии и мерах по улучшению идеологической работы в республике». Здесь наряду с жесткой критикой представитель научной интеллигенции, особое внимание было уделено анализу идеологической и политической состоятельности художественной литературы.

Критика творчества писателей носила конкретный, адресный характер. Их обвиняли в «чрезмерном увлечении исторической тематикой», «воспевании седой старины, приукрашивании и пропаганде пережитков родового быта» (творчество С. Бритаева, Т. Епхиева, Х. Плиева, Д. Хетагурова). Осуждалось изображение в качестве национального героя «реакционера Хазби Аликова», защищавшего, по мнению литературных цензоров, интересы феодальной знати. Резкой критике подверглось сказание А. Гулуева «Бечир», где переселение горцев в Турцию в 60-е годы XIX века рассматривалось поэтом, как результат насильственных действий русских властей¹⁴. Подобная

трактовка трагической страницы истории горцев явно диссоциировала с изменившейся концепцией истории русского государства. В подобной ситуации, для художника становилось небезопасным обращение к историческому прошлому своего народа, так как именно здесь, по убеждению партийных идеологов, можно было особенно легко оказаться в плену националистических представлений.

Партийное руководство республики не ограничилось критикой только творчества современных писателей. Тщательному разбору было подвергнуто наследие предшественников до- и послеоктябрьского периода. Поводом к началу кампании критики послужило издание хрестоматии по осетинской литературе для студентов филологического факультета Северо-Осетинского педагогического института под редакцией Х. Н. Ардасенова. Писателя обвинили в том, что он якобы воспользовался в своей работе «порочной теорией единого потока». Х. Н. Ардасенов включил в хрестоматию всех писателей дореволюционной Осетии без учета их взглядов, места и роли, которую они играли в культуре и общественной жизни. Между тем, политические цензоры полагали, что в книгу нельзя было включать «служителя церкви» Аксо Колиева или «буржуазного националиста» Елбыздыко Бритаева. По их мнению, редактор «Хрестоматии...» идеализировал творчество Алихана Токаева, Инала Канукова и других и, при этом, обходил молчанием, к примеру, факт, что Инал Кануков якобы выступал в защиту алдар и баделят, восхвалял «турецкого агента» Муссу Кундухова или замалчивал «националистические ошибки» Розы Кочисовой. Таким образом, обращение к древней и средневековой истории, проблемам национальной культуры, национальных традиций могло стать поводом к обвинению в национализме.

Весьма показательной в этом плане была переоценка творчества основоположника осетинской драматургии Елбыздыко Бритаева. В 1947 г. был издан сборник произведений Е. Бритаева, в следующем году республика отмечала двадцатипятилетие со дня смерти драматурга. Тогда же был подписан указ о

присвоении его имени осетинскому драматическому театру. А в начале 50-х гг. творческое наследие писателя было осуждено как буржуазно-националистическое. На V пленуме Северо-Осетинского обкома ВКП (б) первый секретарь обкома К. Д. Кулов говорил в своем выступлении: «... творчество Бритаева в большей своей части («Хазби», «Побывавший в России») проникнуто идеями буржуазного национализма и восхваления феодально-патриархальных порядков в Осетии»¹⁵.

Причина столь резкой перемены в отношении драматурга объясняется, на наш взгляд, достаточно просто. Пропагандируя в своих произведениях такие нравственно-этические нормы, как уважение к старшим, честь, достоинство, простота, отсутствие высокомерия в отношениях с людьми, разумная сдержанность в поведении, любовь к родному языку, художник вовсе не отстаивал «наследие прошлого», что ему вменялось в вину, а пропагандировал общечеловеческие моральные ценности. При этом он решительно осуждал кровную месть, абречество, бесправие женщины в обществе, справедливо полагая, что они приносят неисчислимые бедствия и страдания народу, ведут его к вырождению.

Приверженность интересам своего народа не совмещалась в нем с национальным пренебрежением, высокомерием по отношению к другим народам. Напротив, он считал, что только солидарность и добрососедство позволят народам отстаивать свое право на будущее. Он надеялся увидеть эту идею, воплощенной в жизнь.

В мае 1917 г. Е. Бритаев был избран в ЦК Союза объединенных горцев. Он верил, что этой организации удастся осуществить демократические преобразования в горских обществах. В своих статьях и выступлениях он призывал покончить с недоверием и враждебностью и объединиться, «... чтобы, живя с русскими в русском государстве, иметь право устраивать свою судьбу»¹⁶.

Отчетливая в контексте времени, открытая гражданская позиция писателя позволяет достаточно определенно утвер-

ждать, что обвинения в национализме и превознесении патриархально-родового прошлого, выдвинутые местными партийными руководителями в начале 1950-х гг., не имели под собой реальных оснований.

На наш взгляд, причина заключалась в ином. Власти не могли смириться с тем, что писатель не желал видеть социальной разнородности осетинского общества и призывал к классовому миру среди осетин. И, самое важное обстоятельство, ставившее его в оппозицию к официальной идеологии, состояло в том, что он представлял самодержавие как абсолютное зло. Это не позволило ему выделить в колониальной политике царского самодержавия исторически прогрессивную миссию русского государства в отношении присоединенных народов. Подобная позиция писателя в условиях нового видения Российской империи в качестве центра, где формировалось единство народов, и зрела революционная перспектива, расценивалась крайне отрицательно. Такое восприятие державности России было особенно неприемлемо в условиях строительства мировой системы социализма, когда требовалось поднять авторитет Советского государства как защитника объединенных народов.

Негативная оценка творчества Е. Бритаева и других представителей дореволюционной интеллигенции была продиктована стремлением, запугав одних и заставив замолчать других, закрыть тему углубленного изучения национальных традиций, культуры, исторического прошлого народа. В новых политических обстоятельствах главным критерием оценки творчества писателя становилась не художественная ценность произведения, талант мастера, а политическая, классовая позиция, его отношение к революции и идеям социализма.

Реакция художественной интеллигенции на критику, звучащую со страниц республиканской печати, и поиски в произведениях писателей элементов безыдейности, аполитичности, формализма и декадентства, как правило, была одинаковой. Обычно большинство покаянно принимали критику в свой

адрес, признавая свои «ошибки». Лишь немногие находили в себе мужество занять более смелую и независимую позицию, оппонировать критикам, отстаивая свое миропонимание. А иной раз выступить в защиту своих товарищей по литературному творчеству¹⁷. Однако и эта позиция сводилась в основном к желанию избежать официально санкционированного «покаяния». Писатели никогда не вступали в открытую конфронтацию со сложившимися идеологическими стереотипами и не выходили за рамки лояльного отношения к существовавшей системе.

Мотивы поведения творческой личности в середине 1940-х – середине 1950-х гг. во многом определялись изменением форм государственного регулирования культурных процессов. Несмотря на ужесточение идеологического диктата, в рассматриваемый период методы искоренения инакомыслия среди деятелей культуры претерпели существенные изменения. Политическая архитектура с оглядкой на «мировую систему социализма» предполагала изменения в декоративном оформлении власти. Если в 1930-е гг. широко практиковались открытые репрессивные меры: арест, суд, физическая расправа, то в послевоенное десятилетие к подобным методам прибегали уже редко. В среде художественной интеллигенции было немало таких случаев. В частности, аресту подвергся писатель Р. Чочиев. По обвинению в политическом хулиганстве оказался в тюрьме художник Г. Едзиев. Причем, истинная причина злочключений последнего состояла даже не в том, что его политическая позиция и творческий стиль не соответствовали канонам соцреализма. Как говорил о нем писатель С. Марзойты: «... строптивый характер, да наивная открытость и прямота суждений оказались губительными»¹⁸.

Впрочем, как было отмечено выше, для второй половины 1940-х – 1950-х гг. такой сценарий взаимоотношений власти и творческой личности был все же нетипичным. В послевоенное десятилетие произошел переход от открытых репрессивных мер к завуалированным методам борьбы с инакомыслием. Об-

щественное порицание, коллективное осуждение, невозможность профессиональной реализации и материального существования вне творческого союза, вне официальной идеологии – эти методы оказались не менее эффективными в подавлении творческой личности. Творить в условиях ограниченной свободы было условием ее существования. От художника постоянно требовали соизмерять свои замыслы, творческие планы с социальным заказом государства. В этом заключались драматизм его положения и причины растущего внутреннего конфликта, проявившегося в последующие годы.

Тем не менее, некоторое смягчение принудительных методов воздействия на творческую интеллигенцию было очевидно. Оно обуславливалось рядом внутренних обстоятельств.

Прежде всего, в результате массовых политических чисток в обществе, имевших место в 1920-е – 1930-е гг., реальная оппозиция существовавшему режиму была практически уничтожена. Одновременно происходило планомерное вытеснение старой интеллигенции выходцами из среды рабочих и крестьян. Целенаправленная пролетаризация интеллектуального слоя наиболее легко происходила в национальных окраинах Российской империи, где до Октябрьской революции интеллигенция была немногочисленной. За годы советской власти в ходе реализации политики выравнивания уровня социально-экономического развития народов, проживавших на огромном пространстве СССР, в национальных регионах сформировалась новая «трудовая интеллигенция», в абсолютном большинстве состоявшая из представителей пролетарских слоев и исключительно лояльно настроенная по отношению к существовавшему политическому строю.

Государство стремилось обеспечить представителям активной части интеллектуальной элиты в области литературы и искусства наиболее благоприятные условия для создания «выдающихся образов» социалистического реализма. Учитывалась и необходимость усиления идеологического воздействия культуры на укрепление союза рабочего класса, крестьянства

и интеллигенции в формировании единой социальной и интернациональной общности – советского народа. Был отработан также государственный механизм манипулирования общественным сознанием и процессами, в частности, в сфере науки и художественной культуры, который позволил несколько ослабить репрессивные методы воздействия на интеллигенцию. Наконец, принимался во внимание и международный фактор, предполагавший в условиях возникновения двух мировых систем формирование позитивных установок в отношении практики государственного строительства в СССР.

Важным инструментом идеологического контроля служили творческие союзы, объединившие художественную интеллигенцию сначала организационно, а затем идейно на базе марксистско-ленинской идеологии. Находясь под непосредственным контролем партийно-бюрократической системы, они были лишены даже права самостоятельного избрания собственного руководства. Но членство в творческом союзе было обязательным условием существования творческой личности. Поскольку это позволяло художнику рассчитывать на определенную степень защиты от произвола власти, а также получение определенных материальных благ. Он мог ездить в дома творчества, получать денежные авансы в период работы над художественными произведениями. Союзы финансировали участие членов своей организации в конкурсах, выставках, помогали в издании и переиздании произведений и т. д. Со временем творческие организации все более бюрократизировались и приобретали черты корпоративной организации. В послевоенное десятилетие по мере упрочения организационной и материальной базы, количественного пополнения рядов, в них утверждались традиции авторитарного управления.

Типичная ситуация складывалась и в творческих организациях Северной Осетии¹⁹. Сформировавшаяся система отношений в Союзе писателей Северной Осетии обеспечивала членам Правления преимущественное право на издание своих произведений, на участие в творческих встречах, декадах осетин-

ской литературы и искусства. Их преимущество реализовывалось при выдвижении кандидатур на соискание Сталинской премии, при получении творческих командировок, улучшении жилищно-бытовых условий. Из-за отсутствия механизма низового контроля они по своему усмотрению могли распоряжаться финансовыми средствами творческой организации, крайне затрудняя к ним доступ рядовым членам Союза²⁰.

Творческие Союзы активно использовались для поощрения и наказания членов организаций. В послевоенные годы писатели, получив свою норму «кнута», были наделяемы и долей «пряника». Как следует из протоколов заседаний Правления Союза писателей Северной Осетии, с начала 1950-х гг. все чаще выносятся вопросы с обсуждением заявлений писателей, содержащих различные просьбы об оказании помощи, чаще всего материального порядка, поскольку прожить на авторские гонорары было крайне затруднительно. В частности, рассматривались вопросы о предоставлении членам Союза за счет Литфонда СССР или Северо-Осетинского отделения Литфонда путевок на курорты Крыма и Кавказа, оказания материальной помощи (не только действующим писателям, но и семьям уже умерших)²¹. Писатели были заинтересованы в этих «вливаниях». Для многих из них, не имевших постоянной оплачиваемой работы, к тому же в условиях всеобщего дефицита послевоенных лет, подобная помощь нередко являлась основным источником дохода.

Методы морального и материального поощрения, широко использовавшиеся с начала 1950-х гг., служили одновременно средством для обуздания инакомыслящих и для поощрения лояльных.

Так формировалась художественно-бюрократическая элита. Выражая интересы авторитарного государства, она все более сближалась с партийно-советской номенклатурой и превращалась в проводника идеологических установок в среде художественной интеллигенции. Приоритетными направлениями развития литературы в рамках Союза писателей станови-

лись разработка современной тематики, создание образа положительного героя, воспитанного в духе советского патриотизма и преданности социалистическим идеалам.

Несмотря на идейно-политическую направленность литературных произведений, большинство из них, тем не менее, не было лишено художественных достоинств. В послевоенное десятилетие осетинская литература пополнилась произведениями, которые заняли достойное место в многонациональной советской культуре. Вышли в свет романы Д. Мамсурова «Поэма о героях», Т. Епхиева «Вперед», Е. Уруймаговой «Навстречу жизни», повести Н. Гаглоева «Плечом к плечу», М. Цагараева «Повесть о колхозном плотнике Саго», комедия А. Токаева «Женихи», трагедия Г. Плиева «Чермен». Были опубликованы сборники стихотворений А. Гулуева, Б. Муртазова, Г. Кайтукова, Г. Плиева и других. После войны в осетинской литературе появились новые имена. В плеяде молодых писателей выделялись А. Царукаев, Ч. Айларов, Т. Ефимцов, Мусса Хаким.

Важным направлением художественной политики являлось развитие культурных связей между народами СССР. Во второй половине 1940-х гг., особенно в 1950-е гг. большое распространение получили встречи представителей творческой интеллигенции, называвшиеся вечерами дружбы народов. Знакомство с культурными достижениями республик, краев и областей происходило в дни празднования юбилеев писателей и других творческих деятелей, представлявших народы Советского Союза. Такие формы сотрудничества рассматривались как важное средство пропаганды идей интернационализма, развития дружеских отношений между народами. Тесные творческие связи складывались с писателями национальных республик и областей Северного Кавказа, других регионов страны. Так, в литературном вечере дружбы в январе 1955 г., приуроченном к открытию в Орджоникидзе памятника Коста Хетагурову, наряду с осетинскими писателями участвовали русские, дагестанские, кабардинские и грузинские писатели: Н. Атаров, Р. Гам-

затов, В. Казин, Н. Капиева, А. Кешоков, К. Кулиев, А. Мирцхулава, А. Яшин.

В рамках культурных обменов активно поощрялась практика художественного перевода. В конце 1940-х, особенно в 1950-е гг. в осетинской литературе наблюдается расцвет переводческой деятельности. Благодаря переводам известных русских писателей и переводчиков А. Ахматовой, А. Гатова, Н. Заболоцкого, М. Исаковского, Ю. Либединского, С. Липкина, Н. Тихонова, В. Шефнера и других русскоязычное население страны смогло познакомиться с творчеством талантливых осетинских писателей. На рубеже 1940-х – 1950-х гг. были опубликованы избранные стихи и поэмы «Думы Осетии» Нигера, «Избранные рассказы» А. Коцоева, «Стихи и поэмы» М. Камбердиева, «Рассказы» Д. Мамсурова, «На берегах Терек» Т. Джатиева, поэма «Сказание о победе» Х. Плиева²².

В жанре художественного перевода работали и осетинские писатели Х. Ардасенов, С. Бритаев, А. Гулуев, Д. Мамсуров, Г. Плиев и другие. Диапазон их интересов был велик, от наследия мировой и русской классики до произведений писателей представлявших многонациональную культуру Советского Союза. В отмеченные годы на осетинский язык были переведены «Отелло» и «Король Лир» У. Шекспира, «Путешествие Гулливера в страну Лилипутов» Д. Свифта, «Семь планет» А. Навои, «Слово перед казнью» Ю. Фучика, «Хаджи-Мурат» Л. Толстого, «Дом у дороги» А. Твардовского, «Произведения» А. Пушкина в двух томах, «Сочинения» Н. Гоголя, «Произведения» И. Тургенева, «Рассказы и пьесы» А. Чехова, «Избранные произведения» М. Горького, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Два капитана» В. Каверина, «Весна в Сакене» Г. Гулиа, сборники рассказов и стихов грузинских, кабардинских, украинских писателей). Благодаря их работе осетинский читатель получил возможность приобщиться на родном языке к шедеврам мировой и русской классики, к лучшим образцам современной литературы.

Далеко не все переводы на осетинский язык, впрочем, как

и на русский язык, отличались профессионализмом и достоверностью, могли передать все богатство содержания оригинала. Однако, без сомнения, формировавшаяся традиция художественного перевода способствовала взаимообогащению культур разных народов и, что особенно важно, переводческая деятельность благотворно сказывалась на развитии осетинского литературного языка.

Послевоенное десятилетие является одним из сложных и драматичных периодов в истории осетинской литературы. Оно стало частью творческой биографии писателей трех поколений. Свою литературную деятельность первое поколение начало еще до 1917 г. Второе – формировалось в годы становления советской власти. Третье поколение пришло в литературу уже в послевоенный период. Эти три поколения внесли не только посильный вклад в развитие осетинской литературы, но и заметно повлияли на духовное состояние общества.

Вместе с тем, оценивая достижения и характер духовного воздействия писателей, следует учитывать, что успехи и неудачи творческих деятелей, их авторитет определялись не только талантом, нравственными качествами и чувством личной ответственности перед обществом. В условиях регламентированной общественной и духовной жизни писатели вынуждены были в своем творчестве руководствоваться идеологическими и политическими требованиями, предъявляемыми государственно-бюрократической системой к «инженерам человеческих душ». А это во все времена – серьезное испытание для любой творческой личности. И выдержать его без потерь способен далеко не каждый.

5.1.2. Изобразительное искусство. Во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. специальных партийных решений по проблемам изобразительного искусства принято не было. Но оно не в меньшей мере, чем другие виды искусства, ощущало жесткое идеологическое давление. Нетерпимость к творческим поискам за пределами метода социалистического

реализма, неприятие самостоятельности художников, проявлений оригинальности мышления и критического восприятия советской действительности – с этих позиций осуществлялось государственное управление сферой изобразительного искусства.

В послевоенное десятилетие творчество художников Северной Осетии под прессом идеологов соцреализма оказалось перед необходимостью держать строгий экзамен на «политическую зрелость». Отдел пропаганды и агитации обкома ВКП (б), Управление по делам искусств при Совете Министров СО АССР, Министерство культуры и Северо-Осетинское отделение Союза советских художников не только наделялись правом определять конкретную тематику работ художников, но и давали их творчеству идейно-политическую и профессиональную оценку. Художественное произведение могло прийти до потребителя искусства только с одобрения приемочной комиссии, состоявшей из представителей контролирующих органов. От ее мнения зависела судьба не только произведения искусства, но и самого художника, поскольку этим решением определялись его социальный статус, материальное и моральное благополучие.

Отмеченные факторы обозначили вектор развития творческого процесса и привели к формированию двух основных тенденций в осетинском изобразительном искусстве в послевоенный период. Первая тенденция выражалась в развитии официального направления в искусстве, закономерно поощрявшегося и поддерживавшегося. Художественные образы, создаваемые на принципах соцреализма, вполне соответствовали общепринятой идеологии и с успехом выполняли задачи пропаганды идеалов и достижений социализма. Наряду с тем, сложилось относительно независимое художественное пространство, в котором творческая личность была вольна искать свой стиль в искусстве, разрабатывать собственный творческий метод, в наибольшей мере позволявший ей через создаваемые художественные образы выразить свое мироощущение

и миропонимание. Однако, поскольку эти поиски, как правило, не совпадали с официально принятыми представлениями о формах и способах восприятия и отображения окружающей действительности, то они были чреватые для творческой личности мировоззренческим конфликтом.

В изобразительном искусстве Северной Осетии такая двойственная ситуация наиболее ярко проявилась в судьбе выдающегося осетинского художника М. С. Туганова. Он создал немало произведений, отображавших эпоху революционных перемен: «Первый съезд колхозников Северной Осетии», «Открытие ГизельдонГРЭС», «Разгром белыми селения Христиановское», «Переход Апшеронского полка на сторону красных партизан». Эти и другие живописные полотна были плакатны по способу воплощения художественной идеи, но с успехом выполняли свое главное предназначение²³. Наполненные агитационным пафосом и героической патетикой, они демонстрировали внешнюю лояльность М. Туганова к идеологическим ценностям советской действительности²⁴.

Вместе с тем, создаваемые им образы современности, также как и картины прошлой жизни народа («Посвящение коня», «Примирение кровников», «Собачья скала», «Чермен») представляли подлинного художника-новатора. Исполненные с присущей художнику страстностью темперамента и воображения, в творческой манере, формировавшейся под непосредственным влиянием экспрессионизма, они сближали его с неопримитивистами XX века и одновременно отдаляли от канонов соцреализма. Это обстоятельство во многом объясняет тот факт, что ни одна из его работ вплоть до 1953 г. (художник умер в 1952 г. – авт.) не была представлена в экспозиции Северо-Осетинского Республиканского художественного музея, ныне носящего его имя.

Многие годы в запасниках музея пролежало одно из самых значительных произведений художника «Пир нартов». Картина, созданная по заказу Художественного музея, затем была отвергнута приемочной комиссией с формулировкой: «худож-

жественно несостоявшееся произведение». На наш взгляд, причина неприятия творения художника состояла не в ее художественной незавершенности, а в том, что сфера творческих пристрастий М. Туганова, его творческий метод, получивший наиболее полное выражение в отмеченной картине, вошли в явное противоречие с общепринятыми нормами социалистического искусства.

Не составлял исключения и весь его нартовский цикл. Создавая эпические образы народных мстителей, богоборцев, независимых и мужественных нартов, художник героизировал сильную личность. Как отмечал Н.Г. Джусойти, художник «вообще был влюблен в героическое начало в человеческом характере и, в особенности, в характере родного народа»²⁵. Но такие индивидуальные качества человека, как мужество, независимость, самостоятельность, непокорность, высоко востребованные в годы военного лихолетья, уже не соответствовали идеологическим и воспитательным запросам мирного времени. В новых условиях, когда для решения задач скорейшего восстановления разрушенного войной хозяйства и его дальнейшего развития требовалось объединить усилия больших коллективов людей, на первый план выдвигался приоритет коллективного начала над индивидуальным. В силу новаторской направленности произведения М.С. Туганова «выпадали из общего ряда», а сам художник находился в известном отдалении не только от официального искусства, но и от творческих организаций.

Тем не менее, на протяжении всей своей непростой жизни художник оставался настоящим подвижником, страстным пропагандистом и хранителем реалистических, нравственно-этических традиций осетинского изобразительного искусства. Помимо художественного творчества М. Туганов занимался общественной и педагогической деятельностью. Он создал Художественную студию в Цхинвале, преобразованную в 1937 г. в Художественное училище, воспитавшее не одно поколение осетинских художников. Он был инициатором открытия На-

циональной художественной галереи при Музее краеведения в Южной Осетии. Итогом его многолетней научно-исследовательской деятельности стало издание в 1948 г. монографии «Осетинское народное изобразительное искусство», охватившее памятники осетинской культуры с древнейших времен до XX века.

Официальное направление в изобразительном искусстве строилось на социально-политическом заказе. В зависимости от запросов времени художественные сюжеты и образы менялись, но неизменным оставалось предназначение искусства: формировать позитивное восприятие советской действительности, пропагандировать достижения социалистического строя, воспитывать в людях патриотические и интернационалистские настроения.

В первое послевоенное десятилетие в творчестве осетинских художников доминирующее место занимали две основные темы: трудовая и историко-революционная. События исторического прошлого, революции, гражданской войны, социалистической модернизации представляли в живописных полотнах конца 1940-х – первой половины 1950-х гг. «Аланы» А. Джанаева, «Слушают радио» П. Зарона, «Переход XI армии во главе с С. М. Кировым через Мамисонский перевал» А. Хохова и Ф. Варлакова; в скульптурах «С. М. Киров среди красногвардейцев» Ч. Дзанагова, «Вперед, победа за нами» С. Тавасиева; графических работах «Советская Осетия» А. Хохова и других. Особое место в творчестве художников занимали образы революционных вождей.

В начале 1950-х гг. тематические планы были несколько скорректированы в соответствии с запросами социально-экономического развития страны. К этому времени восстановление разрушенного войной хозяйства в основном было завершено. Но, ситуация в аграрном секторе оставалась крайне тяжелой. Низкий уровень механизации сельскохозяйственных работ, нехватка рабочих рук, высокая интенсивность труда и неадекватное материальное вознаграждение негативно вли-

яли на показатели в аграрной сфере и делали крайне непривлекательным труд в колхозах и совхозах. Реформы, принятые в аграрной сфере в начале 1950-х гг., были направлены на оптимизацию показателей развития сельскохозяйственного производства, важнейшим условием чего было сохранение и воспроизводство рабочей силы в сельском хозяйстве. Реформы требовали надежного пропагандистского обеспечения.

На деятелей искусства была возложена задача формирования в общественном сознании художественными средствами позитивного восприятия проводившихся преобразований и создания привлекательного образа сельской жизни. Необходимость создания оптимистичной картины труда и быта сельских жителей подчеркивалась в резолюции XIV пленума Оргкомитета Союза советских художников СССР (1954). «Советские художники призваны создавать вдохновенные, волнующие высокохудожественные картины, скульптуры, плакаты, рисунки, глубоко и ярко отражающие жизнь колхозов, совхозов и МТС, воссоздавать образы передовых работников сельского хозяйства, создавать произведения, мобилизующие весь советский народ на выполнение исторических решений партии»²⁶.

В соответствии с тематическим заказом на ближайшие годы значительное место в творческих замыслах художников Северной Осетии заняли «колхозные стада», «горные пастбища», «полевые станы», «колхозники». Подобные сюжеты не раз повторялись в самых разных вариациях в творчестве практически всех осетинских художников. К отмеченному времени относится создание многих живописных полотен «Осенний перегон» А. Джанаева, «Косарь» А. Дзантиева, «Колхозные сады» В. Мордовина, «Колхозное стадо» М. Марабанца, скульптурных произведений «Колхозница» Н. Баллаевой, «Колхозный сторож» С. Санакоева, воспроизводивших картины трудовых будней и праздников сельских жителей. Не претендуя в целом на оригинальность исполнения, они ярко характеризовали суть времени.

Своеобразной отдушиной, отчасти позволявшей избежать

необходимости следовать обязательным тематическим установкам, являлась в исследуемое время работа в портретном и пейзажном жанрах. Используя присущую этим жанрам камерность изображения мира, художник мог выразить через них свою творческую индивидуальность, сохранить относительную независимость от идеологических догм, господствовавших в искусстве. «Не от того ли, – отмечал в своем докладе на XIV пленуме в марте 1954 г. оргсекретарь Оргкомитета Союза советских художников СССР Х. А. Ушенин, – успешно развивается наше пейзажное искусство, что над ним не довлеют вымученные и скучные тематические планы, что пейзажист волен в выборе мотива по своему вкусу, мотива, отвечающего его настроению, стремлениям его души...»²⁷.

Художники Северной Осетии много работали в жанрах портрета и пейзажа. Среди созданных в середине 1940-х – 1950-х гг. произведений пластического искусства было немало художественных образцов, удачно воспроизводивших многообразие и сложность изображаемых человеческих характеров, передававших проникновенный лиризм и суровую красоту горного края: «Портрет колхозника Г. Созанова» Ч. Дзанагова, «Портрет красноармейца» А. Дзантиева, «Автопортрет» Г. Едиева, «Горный пейзаж» Н. Жукова, «Весна в предгорьях» П. Зарона, «Портрет осетинки» Н. Кочетова.

Вместе с тем, засилье идеологических и политических штампов, постоянная борьба идеологических кураторов с «безыдейностью и эстетством», «формализмом и натурализмом», четкое определение границы «допустимого» в проявлении творческой свободы, подчинение определенным конъюнктурным соображениям часто приводили к однообразию и повторяемости художественных образов. В отмеченные годы немногим художникам Северной Осетии удалось избежать искушения создать образ «чабана»²⁸. В одном ряду с ним в творческих замыслах художников стоял и образ «металлурга»²⁹. Идеологическая ограниченность художественного пространства проявлялась, в частности, в создании множества портре-

тов стариков и школьников. Иллюстрацией к сказанному служит выставка художников Юга России в г. Краснодар в 1954 г. Среди семи работ осетинских художников, включенных в экспозицию выставки, были живописные полотна «Портрет ученицы Эды Абаевой» П. М. Зарона, «Портрет старухи-осетинки» Н. Е. Кочетова, «Портрет старика» Г. О. Зарницкого, скульптура «Старик» С. П. Санакоева, графические работы «Старик» А. З. Хохова, «Старик с газетой» В. П. Глушкова и др.³⁰.

Анализ вышеотмеченного позволяет судить о том, что общие направления в развитии творческого процесса формулировались ясно. Но в персонификации художественных образов четкие критерии отсутствовали, что порождало, на наш взгляд, кризис тематики. Бесконечный ряд портретов стариков или школьников в данном случае может быть расценен как проявление идеологического тупика в развитии этого жанра изобразительного искусства.

Подчеркивая важную идейно-политическую роль изобразительного искусства в формировании общественных настроений, партийное руководство видело главную задачу художников в создании «нужных народу произведений искусства, вдохновляющих его на успешное строительство коммунизма»³¹. Искусство, по их мнению, должно было быть функциональным, «полезным» и формировать в общественном сознании мысль о том, что жизнь становится лучше. А для этого следовало изображать советскую действительность только в оптимистическом, позитивном ключе. Многие художники положили этот постулат в основу своего творчества.

Однако такое безальтернативное восприятие мира деструктивно влияло на развитие подлинного искусства. Излишнее рвение «ремесленников» от искусства следовать теории бесконфликтности выливалось в чрезмерную лакировку действительности, что делало слишком очевидным разрыв между реальностью и ее художественным отображением, и в конечном итоге подрывало доверие к искусству и не обеспечивало, в результате, достижения поставленной цели.

К середине 1950-х гг. бесперспективность такой политики была уже очевидна идеологам культуры. Как указывал оргсекретарь Оргкомитета Союза советских художников СССР Х. А. Ушенин в 1954 г.: «Передовое, прогрессивное искусство, если оно хочет быть действительно передовым и прогрессивным, не может лакировать действительность, изображать только красивое». Изображать недостатки разрешалось, но «не бесстрастно, а, внося свое отношение... Без этого не может быть роста, движения вперед»³². Таким образом, управляя культурными процессами партийно-советская бюрократия корректировала направления и формы творческой активности художников.

Ограничивая творческую индивидуальность, политическая система одновременно поощряла коллективные формы труда. Практика коллективной работы нашла яркое воплощение в бригадном методе, получившем распространение в изобразительном искусстве с начала 1950-х гг. Многие художники Северной Осетии включились в разработку этого метода. Так были написаны картины «Выступление Сталина во Владикавказском городском театре на съезде горских народов в 1921 г.» А. Хохова и Н. Кочетова, «Пушкин на Кавказе» Н. Кочетова и П. Зарона, «Туристы в Цее» П. Зарона и Г. Зарницкого и др.

Но изъяны и недостатки подобной формы творческой работы были очевидны для всех и, прежде всего, для самих пропагандистов бригадного метода. По их признанию, большинство коллективных произведений не достигало идейной и эмоциональной цельности, «страдало схематичностью решения темы, рыхлостью изобразительных средств выражения»³³. Наиболее известной из этого ряда являлась картина А. Хохова и Ф. Варлакова «Переход XI армии во главе с С. М. Кировым через Мамисонский перевал». По мнению искусствоведов, она с достаточной убедительностью воспроизводила исторический факт. Но произведение представляло больше документальный, чем художественный интерес³⁴.

Между тем, пропаганда бригадного метода способствовала

тому, что его стали использовать даже при создании произведений «малых форм». Так была создана серия работ П. Зарона и Г. Зарницкого на производственную тему – «Портрет бригадира скреперистов», «Портрет бригадира экскаваторщиков» и др.

Естественно, такой подход дискредитировал коллективные формы труда. В 1952 г. Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР дважды – 19 февраля и 22 сентября – выносил на обсуждение вопрос о бригадном методе, «для разъяснения сущности этого метода», а также преодоления «неправильного понимания значения коллективного метода работы, когда творческие коллективы создаются написание пейзажа, портрета». В конечном итоге, Оргкомитету Союза советских художников СССР и Академии художеств СССР было рекомендовано «перестроить всю свою работу с художниками под углом зрения систематической, индивидуальной работы с каждым художником»³⁵. Но при этом, не рекомендовалось отказываться и от бригадного метода.

В целом, несмотря на значительное влияние идеологических факторов на творческий процесс и содержание художественного творчества, вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х гг. явились этапной вехой в развитии изобразительного искусства Северной Осетии.

Обозначенный период отмечен формированием национальных кадров профессиональных художников. Именно тогда начинают свой творческий путь Азанбек Джанаев («Пахота в горах»), «Осенний перегон»), Батыр Калманов («Коста среди горцев»), «Одевание невесты»), Чермен Дзанагов («Х.-М. Дзарахохов на коне»), «С.М. Киров среди красногвардейцев»), Сергей Санагоев («Бибо устал», «Музыканты»). Знание национального характера и традиций, хорошая профессиональная подготовка позволяли молодым художникам добиваться значительных результатов при отображении реальных жизненных ситуаций, при раскрытии духовного мира создаваемых образов.

Заметные успехи в этот период были достигнуты в развитии монументальной скульптурной пластики. Ярким представителем этого направления в искусстве стал С. Д. Тавасиев. Скульптор создал масштабные, запоминающиеся образы народных героев, просветителей, вождей. Его произведения проникнуты возвышенным революционным романтизмом. Однако творческая манера С. Тавасиева не являлась простой данью времени и моде. Созданные талантом и мастерством художника монументальные памятники основоположнику осетинской литературы Коста Хетагурову, народному герою Башкирии Салавату Юлаеву и другие не менее известные работы были совершенно созвучны его духовному мироощущению и мировосприятию.

С начала 1950-х гг. в области изобразительного искусства, также как в литературе и других видах искусства, получают широкое распространение культурные обмены. Они облекаются в форму обменных и передвижных выставок. Одним из первых мероприятий подобного рода стала выставка грузинских художников, состоявшаяся в 1955 г. в столице республики, городе Орджоникидзе. В следующем году принимающей стороной был уже Тбилиси. В Выставочном зале Академии художеств Грузии выставлялась экспозиция произведений художников Северной Осетии³⁶. С тех пор осетинские художники не раз принимали у себя и участвовали сами в обменных выставках, в неделях литературы и искусства, проводившихся в разных республиках и областях Советского Союза.

Такая форма сотрудничества между народами, нацеленная на воплощение идеи пролетарского интернационализма и дружбы народов, страдала обилием идеологических штампов. Но, несмотря на идеологическую предопределенность, она имела прогрессивное значение, так как содействовала развитию взаимопонимания и взаимоуважения между народами и, что не менее важно, взаимообогащению национальных культур.

Таким образом, во второй половине 1940-х – 1950-е гг. изо-

бразительное искусство в Северной Осетии развивалось на фоне и под влиянием сложных социально-политических процессов. В силу образности творческого языка оно оказалось особенно подверженным идеологическому и политическому воздействию. Это обстоятельство крайне негативно сказывалось на творческом процессе, вело к однообразию и повторяемости художественных направлений, тем и образов. Но, несмотря на идеологическую предопределенность, изобразительное искусство Северной Осетии развивалось и обогащалось благодаря творческой отдаче художников. Их природная одаренность в сочетании с профессионализмом, знанием традиций и культуры народа помогали создавать запоминающиеся, колоритные образы современного им мира.

5.1.3. Музыкальное искусство. В послевоенное десятилетие советское музыкальное искусство слыло с точки зрения политической бюрократии «рассадником вольнодумства и инакомыслия». Логическим следствием подобной идентификации «самого абстрактного из искусств» была назидательная для творческой интеллигенции, громкая, публичная практика «кнута и пряника». Рядом с преуспевающими, обласканными властью представителями музыкальной культуры, появлялась группа музыкантов, чье творчество оказалось идеологически ущербным. Травля группы, как правило, состоявшей из известных и талантливых музыкантов, представлялась в качестве идеологической профилактики от инакомыслия в музыкальной культуре.

Во второй половине 1940-х гг. музыкальное искусство в СССР подверглось очередной идеологической коррекции от «заграничного влияния», «буржуазного индивидуализма» и формализма во имя закрепления принципов социалистического реализма. Постановление ЦК ВКП (б) «Об опере В. Мурадели «Великая дружба» от 10 февраля 1948 г., к примеру, осудило «декадентские тенденции» в советской музыке. Жесткой критике подверглась музыка В. Мурадели, С. Прокофьева,

Д. Шостаковича, В. Шебалина. Их обвиняли в формализме, в том, что они якобы принизили высокую общественную роль музыки, сузили ее значение, ограничившись удовлетворением «извращенных вкусов эстетствующих индивидуалистов»³⁷.

Несколько ранее, в январе 1948 г. в Казани состоялось творческое совещание композиторов национальных республик Российской Федерации. Заключительные документы совещания не оставляли сомнения в ужесточении политического курса в отношении музыкальной культуры. Перед творческой интеллигенцией ставилась задача создания «полноценных в идейном и художественном отношении произведений, отражающих в художественных образах новую социалистическую действительность, несущих народу коммунистическое мировоззрение»³⁸. В качестве одной из главных творческих задач определялось прославление трудового подвига советского народа, воспитание патриотизма, беззаветной преданности Коммунистической партии. Вскоре в регионах последовали повсеместные проработки в рядах композиторов и «чистки» в творческих организациях.

Довольно сложная обстановка в отмеченный период складывалась в Союзе композиторов Северной Осетии. В 1948 г. в нем насчитывалось немногим более 10 человек. Причем большинство из них прибыло в республику в годы войны³⁹. Но, несмотря на немногочисленность творческой организации, в ней четко обозначились две группы. Одна из них представляла руководство Союза композиторов, другая – рядовых членов. Между двумя лагерями наблюдалось жесткое противостояние. По сути, речь шла о том, кому руководить Союзом. В этой борьбе одержали верх представители второго лагеря, умело использовавшие в своих притязаниях новые идеологические установки. В творчестве многих композиторов обнаружилось «абстрактные» и «безыдейные» музыкальные произведения. Их появление поставили в вину руководителям творческой организации, в частности, его председателю А. Поляниченко. В конечном итоге «критика и самокритика», развернувшиеся в

Союзе композиторов Северной Осетии, завершились сменой его руководства. Новым председателем творческой организации был избран Т. Кокойти⁴⁰.

После февральского (1948 г.) постановления ЦК ВКП (б) система отбора музыкальных произведений стала более жесткой и многоступенчатой. Отныне все музыкальные произведения рассматривались и принимались Главлитом к исполнению только при наличии визы Союза композиторов. Это обстоятельство, помимо всего прочего, значительно укрепляло позиции руководства творческих организаций, в том числе региональных. Они получали возможность по своему усмотрению решать вопросы не только приемлемости музыкальных произведений, но и рассматривать вопросы о приеме в Союз композиторов. Принадлежность к Союзу, как уже отмечалось, давала преференции, так как в целом при низком уровне материального обеспечения и всеобщем дефиците член Союза мог рассчитывать на определенные материальные блага и моральное поощрение. Тогда же было принято решение о пересмотре имеющегося фонда музыкальных произведений. Главными критериями при оценке и отборе произведений выступали, прежде всего, идейность, а затем уже художественная ценность и эстетика⁴¹.

Культурно-партийная бюрократия уделяла особое внимание идеологической работе среди творческих работников. Секретариат Союза советских композиторов СССР специальным письмом обязывал местные творческие объединения усилить работу по политическому воспитанию своих членов. Предлагались самые разные формы организации этой работы: проведение семинаров, лекций, вовлечение в кружки по изучению произведений классиков марксизма-ленинизма. Отчеты о проделанной работе, вплоть до тематики проводимых занятий должны были высылаться в Секретариат Союза композиторов⁴².

Важнейшим принципом развития музыкального искусства, в том числе и национального, являлась общедоступность: со-

здание «доступной и массовой музыки, не для кучки эстетов», а для массового слушателя. Вместе с тем, в национальной музыкальной культуре обязательным признавалось использование фольклорных и национальных мотивов с уточняющей оговоркой: «при недопущении примитива и упрощенчества»⁴³. Следование этим принципам способствовало созданию кантат и ораторий, предназначенных для исполнения большими хорowymi коллективами, расцвету жанра лирической песни.

В национальной музыкальной культуре развитие песенного жанра опиралось на богатое народное песенное творчество. Большой популярностью у слушателей пользовались героические песни нартов А. Аликова, народные песни и танцы в обработке Т. Кокойти и А. Поляниченко, героические песни Х. Плиева. Неизменный отклик в сердцах людей находили трудовые и лирические песни А. Кокойти, Х. Плиева, Л. Кулиева. Революционной и трудовой героикой были наполнены кантаты и оратории композиторов Северной Осетии.

Наряду с усилением идейно-политического контроля над деятельностью творческой интеллигенции, в музыкальной жизни наблюдались и несомненные позитивные сдвиги. В предвоенные и военные годы политическое руководство республики предпринимало меры, направленные на развитие действовавших и создание новых музыкальных коллективов, решавших пропагандистские задачи. Важным событием в культурной жизни Северной Осетии явилась организация в 1944 г. первого в северокавказских республиках Государственного симфонического оркестра. До середины 1950-х гг. в репертуаре оркестра почти не была представлена музыка советских композиторов, и лишь изредка исполнялись произведения осетинских авторов. Но оркестр играл важную роль в пропаганде классической русской и западной музыки и приобщении слушателей к произведениям великих мастеров – Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина, Танеева, Рахманинова, Бетховена, Моцарта, Брамса и других. В годы войны был также создан Оркестр народных инструментов при

Северо-Осетинском Радиокomiteте, который занимался пропагандой и популяризацией профессионального музыкального искусства республик Северного Кавказа.

Отмеченные годы – время становления и творческого роста музыкально-танцевальных коллективов республики. В 1946 г. «в целях пропаганды лучших образцов музыки и литературы, а также улучшения концертной деятельности в республике», как отмечалось в постановлении бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б), была организована Северо-Осетинская государственная филармония. В ее состав вошли Симфонический оркестр, Ансамбль песни и танца и Концертно-эстрадное бюро⁴⁴.

Государственный ансамбль песни и танца Северной Осетии был создан в 1938 г. Прерванная войной деятельность молодого коллектива возобновилась в 1943 г. Ансамбль получил в г. Орджоникидзе постоянное помещение с концертным залом на 600 мест (нынешнее здание Северо-Осетинской филармонии – И. Ц.). Практически сразу с момента создания начались гастрольные поездки по городам и селам Кавказа – Дагестана, Азербайджана, Грузии, Ставрополя. В 1947 г. ансамбль побывал в Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь музыканты, певцы и танцоры работали в течение пяти месяцев. Яркое, самобытное искусство всегда ожидал зрительский успех. В 1949 г. ансамбль выступал в Москве, в Зале имени П. Чайковского, в театре «Эрмитаж», Центральном доме Советской Армии. В 1950 и 1951 г. коллектив отправился с концертами в республику Средней Азии. В 1953 г. его встречали уже в Донбассе, в городах Центральной России – Брянске, Курске, Туле, Калуге.

Для творческого танцевального коллектива первое послевоенное десятилетие стало периодом совершенствования исполнительского мастерства, перехода от художественной самодеятельности к профессиональному искусству. Бережно сохраняя песенно-танцевальные традиции народа, ансамбль не канонизировал их, а развивал, обогащал элементами профессиональной хоровой и танцевальной культуры. Значительная заслуга в развитии этого направления музыкальной культуры

принадлежала художественному руководителю ансамбля, заслуженному деятелю искусств СОАССР, композитору Г. Гуржибекову. С его именем связаны лучшие страницы истории ансамбля. Он постоянно искал новые формы сценического исполнения, позволявшие объединить хоровые и танцевальные группы. Данью времени было осуществленное им в 1954 г. театральное действие, представлявшее музыкально-хореографическую картину «Праздник в колхозе». В этот же период была поставлена танцевальная сюита по мотивам осетинского Нартовского эпоса «Нарты».

Среди первых участников музыкально-танцевального коллектива были блестящие исполнители М. Кесаева, А. Сланов, Б. Сопоев, Н. Тогузова. Известные в Осетии певцы Н. Кокаева, З. Калманова, Ф. Суанов начинали свою артистическую карьеру в Ансамбле песни и танца. Многие из участников ансамбля потом стали артистами Музыкального театра Северной Осетии, работа по созданию которого началась в послевоенные годы.

Во второй половине 1940-х гг. продолжилась прерванная войной работа по созданию Театра оперы и балета. Важным условием, обеспечивавшим решение сложной задачи создания театра, являлось наличие профессиональных кадров исполнителей. С этой целью еще в предвоенном году была организована осетинская оперная студия при Московской государственной консерватории. Были созданы также осетинское балетное отделение при Ленинградском хореографическом училище, хореографическая студия и вокальный класс при Северо-Осетинском музыкальном училище. Кадры, подготовленные этими учебными заведениями, вместе с Симфоническим оркестром должны были составить творческий коллектив будущего музыкального театра⁴⁵. К началу 1950-х гг. оперную студию при Московской консерватории окончили свыше 20 певцов, композиторов, учились еще 18 человек. Республиканское музыкальное училище окончили 38 человек и обучались 120 человек.

Но на рубеже 1940-х – 1950-х гг. условий для открытия

оперного театра еще не сложилось. Поэтому Северо-Осетинский обком ВКП (б) обратился в ЦК КПСС просьбой разрешить создание при Государственной филармонии вокально-оперного ансамбля⁴⁶. Распоряжением Советского правительства в марте 1951 г. Совету Министров СОАССР было дано разрешение израсходовать 250 тыс. рублей из средств местного республиканского бюджета для организации Оперного ансамбля⁴⁷. Начало работы нового творческого коллектива было ознаменовано постановкой в 1952 г. оперы «Евгений Онегин» П. И. Чайковского.

Наличие относительно развитой профессиональной музыкальной базы позволяло приглашать в республику с концертами многих выдающихся музыкантов того времени. С Северо-Осетинским симфоническим оркестром выступали пианист Э. Гилельс, скрипачи Л. Коган, Э. Грач, Г. Баринава, вокалисты П. Лисициан, Н. Казанцева, А. Огнивцев, Д. Гамрекели. По приглашению Госфилармонии в Северную Осетию приезжали Александр Вертинский, Рина Зеленая, оркестр Покрасса, цирк Шапито и другие знаменитые исполнители. Выступления выдающихся мастеров исполнительского искусства превращались в настоящие праздники культуры для жителей республики.

Во второй половине 1940-х – 1950-х гг. одним из главных направлений государственной политики в развитии национального музыкального искусства являлось формирование профессиональных кадров. В 1950-е гг., наряду с существовавшей детской музыкальной школой имени П. И. Чайковского в столице республики, в г. Орджоникидзе, были открыты музыкальные школы в городах районного масштаба – Алагире и Моздоке. Первоначальная музыкальная подготовка давала возможность для продолжения обучения в открытом в 1947 г. Северо-Осетинском музыкально-педагогическом училище, готовившем педагогические и исполнительские кадры⁴⁸. Подготовка специалистов высшей квалификации осуществлялась в ведущих музыкальных вузах страны, в частности, в консер-

ваториях Тбилиси, Баку и Еревана. Кроме того, существовала практика выделения мест на внеконкурсной основе для представителей коренной национальности в музыкальных вузах Москвы и Ленинграда⁴⁹.

В целом анализ событий и явлений музыкальной жизни и музыкальной культуры Северной Осетии в послевоенное десятилетие позволяет заключить, что музыкальное искусство республики не избежало в своем развитии влияния идеологических догм и штампов. Однако оно в меньшей степени, чем другие виды искусства, оказалось подверженным идейно-политическому давлению. В определенной мере «щадящее» отношение к данному виду искусства объяснялось тем, что национальное профессиональное музыкальное искусство в рассматриваемые годы еще только формировалось. Творчество немногочисленных профессиональных кадров музыкантов базировалось на основных принципах социалистического реализма: классовости и народности. Воплощаемые осетинскими композиторами героико-эпические и трудовые темы и образы были созвучны «политическим требованиям дня».

Профилактическим средством от протестных настроений в творческой среде служила патерналистская политика региональной власти в области музыкальной культуры. Несмотря на огромные трудности послевоенного времени, учитывая большое мировоззренческое, воспитательное воздействие искусства на общество, местные партийно-государственные органы предпринимали меры по укреплению материально-финансовой базы существовавших и вновь создававшихся музыкальных коллективов. Они активно содействовали подготовке профессиональных кадров музыкантов.

Государственная политика поощрения национальной музыкальной культуры обеспечила создание собственной композиторской школы. Благоклонное отношение культурно-партийной бюрократии к творчеству уже известных осетинских музыкантов и композиторов – Н. Карницкой, А. Поляниченко, Т. Кокойти, а также начинающих – Х. Плиева, И. Габараева

благоприятствовало развитию осетинской камерной и симфонической музыки. Растущий профессионализм композиторов Северной Осетии позволял избежать упрощенных этнографических обработок при создании многих музыкальных произведений.

В итоге, к середине 1950-х гг. осетинское музыкальное искусство вышло на качественно новый уровень, пройдя путь от простых обработок народных мелодий и песен до создания профессиональных художественных произведений, отличавшихся жанровым многообразием и наполненных национальным колоритом.

5.1.4. Театральное искусство. Важное место в культурной жизни Северной Осетии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. занимало театральное искусство. После войны в республике работали три профессиональных коллектива – старейший Республиканский русский театр, Северо-Осетинский драматический театр (со дня основания, с 1935 г. за неимением собственного здания он работал на сцене русского театра) и Республиканский театр кукол. Наряду с тем действовали Алагирский передвижной народный театр и множество самодеятельных драматических кружков.

Театральное искусство развивалось с учетом и в духе идеологических канонов времени. Постановление ЦК ВКП (б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г. утверждало тему советской современности в качестве главного направления в развитии советской драматургии. Первостепенное внимание уделялось производственной тематике. Такой выбор казался вполне объяснимым, так как перед страной стояла жизненно важная проблема восстановления в кратчайшие сроки разрушенного войной хозяйства. Деятельность театров, как и других культурных учреждений, нацеливалась на мобилизацию всех людских и материальных ресурсов для выполнения этой сложнейшей задачи. Однако в искусстве боязнь отклониться от заданных идеологических

установок приводила порой к профанации даже самой возвышенной идеи. Это довольно ярко продемонстрировала критика теории бесконфликтности, развернувшаяся на рубеже 1940-х – 1950-х гг. и достаточно типично выраженная в театральной жизни Северной Осетии. Реакция на критику в условиях полной зависимости от официальной идеологии сводилась к изображению конфликта, как борьбы между хорошим и лучшим. Поэтому творческие коллективы нередко выбирали пьесы в зависимости от актуальности декларируемых проблем, мирясь с невысоким их качеством. А это влияло на художественный уровень спектаклей и их сценическое долголетие⁵⁰.

В осетинской национальной драматургии современная производственная тематика олицетворялась с колхозами. Поэтому подавляющее большинство драматургических произведений строилось на изображении сельской, колхозной жизни. Ведущим жанром при этом выступала комедия. Приступая к работе, писатели заведомо выполняли социальный заказ, уже потерявший творческую остроту и общественный интерес. Из-за чего многие пьесы, которые шли на сценах республиканских театров в рассматриваемый период, с художественной точки зрения были откровенно слабы. Вялая сюжетная линия, схематизм, пасторальная надуманность ситуации, неубедительность художественного воплощения образов – эти и другие недостатки были присущи многим планово-репертуарным спектаклям того времени. Они не вызывали должной реакции у зрителей и быстро сходили с театральных подмостков. Хотя, без сомнения, были и удачные постановки.

В первое послевоенное десятилетие на сценах театров шли спектакли по пьесам Р. Хубецовой («Наши друзья»), М. Цаликова («Похождения Мурата»), С. Хачирова («Друзья») и другие, пользовавшиеся большой популярностью у зрителей. Одним из лучших комедийных спектаклей послевоенных лет, по общему признанию, считался спектакль «Женихи», поставленный по пьесе А. Токаева. Пьеса была даже представлена к Сталинской премии. Спектакль долгие годы не сходил с те-

атральных подмостков Республиканского русского и Северо-Осетинского театров. Он ставился самодеятельными коллективами республики. Богатство действия, неожиданные сюжетные переходы, яркие, запоминающиеся образы, остроумные диалоги, эмоциональность и оптимистичное восприятие действительности обеспечили огромный зрительский успех спектакля, который перешагнул границы национально-автономной республики. Пьеса А. Токаева шла на сценах многих театров Советского Союза и зарубежных стран Польши, Чехословакии, Венгрии.

Важнейшее место в осетинском театральном искусстве занимала революционно-романтическая и историческая тематика. В осетинской драматургии, черпавшей вдохновение в богатой фольклорной культуре народа, воплощались образы любимых народных героев. Причем, если современность изображалась, как правило, в веселых, жизнерадостных тонах, в жанре комедии, то историческое прошлое преподносилось чаще в героических и мрачных картинах. В прошлом царили бесправие и несправедливость. Высокая трагедия выступала лейтмотивом спектаклей о дореволюционной жизни. Такими трагическими нотами были наполнены спектакли «Чермен», «Фатима», «Мать сирот». Но, несмотря на политически заказной характер, идеологическую заряженность и патетический настрой, эти спектакли благодаря проповедуемым гуманистическим идеалам, глубокому психологизму, художественной образности, проникновенной исполнительской игре актеров стали лучшими образцами национального театрального искусства и имели огромное влияние на духовно-нравственное развитие общества.

Одним из самых больших достижений осетинского сценического искусства этого периода стал спектакль по драме Г. Плиева «Чермен». Спектакль был поставлен З. Бритаевой на сцене Осетинского театра и показан в 1949 г. к 25-летию автономии Северо-Осетинской АССР. В основе спектакля лежала тема борьбы за справедливость и свободу народа. Образ

Чермена, созданный выдающимся осетинским актером Владимиром Тхапсаевым, воплощал в себе лучшие черты человека: преданный и бесстрашный друг, отзывчивый товарищ, неутомимый труженик.

В театральном искусстве изображение в исторических произведениях прошлого Осетии имело давнюю традицию. Но на рубеже 1940-х – 1950-х гг., на волне нового этапа борьбы с «безыдейностью», «буржуазным национализмом» и «феодално-родовыми пережитками» исторические пьесы превратились в объект политических нападков. Одним из первых в полосу критики попал драматург Д. Кусов. Осуждению за якобы «идейные пороки» подверглись его пьесы «Хадзимет Рамонов» и «Сын народа». Большой проработке со стороны идеологических кураторов подвергся и репертуар Северо-Осетинского драматического театра, который, по мнению партийных руководителей, включал пьесы, искажавшие историческую действительность и идеализировавшие феодальное прошлое Осетии⁵¹.

Спасительной гаванью от критики для театров выступала тема революции и Великой Отечественной войны. Но и здесь следовало учитывать «подводные камни и течения», чтобы не оказаться в плену «исторических заблуждений». В сентябре 1951 г., в период подготовки к неделе осетинской культуры в Москве секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП (б) К. Д. Кулов направил письмо секретарю ЦК М. А. Сулову с просьбой разрешить постановку спектакля по пьесе Е. Уруймаговой «На восходе», с последующим показом его в предстоящих днях культуры в Москве. Для разрешения вопроса пьеса была направлена на экспертизу в Институт Маркса, Энгельса и Ленина (в 1956 г. переименован в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – авт.).

В ноябре 1951 г. сектор истории ВКП (б) Института МЭЛ дал ответ на запрос. Рецензия, подписанная заведующим сектором Морозовым, оказалась отрицательной. В декабре того же года руководство Института направило письмо на имя

М. А. Сулова. В нем отмечалось: «В пьесе имеется ряд исторических неточностей, а также искажений... Не отражены важнейшие события на Тереке, не показана деятельность Владикавказской большевистской организации, неправильно показаны Киров и Орджоникидзе, не показана помощь русского народа трудящимся горцам». В вину автору ставилось и «вольное обращение с фактами»⁵². Статья И. В. Сталина «Одна из очередных задач», относившаяся к апрелю 1918 г., в пьесе, по воле драматурга, превратилась в письмо, датированное октябрём 1917 г. и адресованное И. В. Сталиным С. М. Кирову. То обстоятельство, что «искажение исторического факта» могло быть допущено в качестве художественного приема, не было принято во внимание.

Обращаясь к военно-революционной проблематике, театральные коллективы не ограничивались возможностями местной драматургии. На сценах русского и осетинского театров ставились многие известные пьесы советских писателей и драматургов: «Любовь Яровая» К. Тренева, «Гибель эскадры» А. Корнейчука, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Победители» Б. Чирского. На фоне нарастания противоречий между двумя мировыми системами рождались такие пропагандистские спектакли, как «Русский вопрос» К. Симонова, «Голос Америки» Б. Лавренева. Кураторские, творческие контакты, завязывавшиеся между писателями и театральными коллективами, порой перерастали в дружеские отношения. Впервые К. М. Симонов побывал во Владикавказе в 1943 г., где встретился с актерами Русского театра. В дальнейшем он еще не раз оказывал творческое содействие коллективу театра⁵³.

Театральные коллективы широко использовали в своих репертуарах классические произведения. На сценах театров Северной Осетии ставились пьесы: «Не все коту масленица», «Без вины виноватые» А. Островского, «Ревизор» Н. Гоголя, «Васса Железнова», «Егор Булычев и другие» М. Горького, «Король Лир» У. Шекспира, «Разбойники» Ф. Шиллера, «Жорж Данден» Ж. Мольера.

Необыкновенно богата была репертуарная палитра Русского драматического театра. Она включала в себя лучшие произведения мировой драматургии, произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Грибоедова, А. Островского, А. Чехова, Ж. Мольера, Лопе де Вега, Р. Шеридана, У. Шекспира. Яркие интересные постановки осуществлялись режиссерами Б.А. Пиковским, Е.Г. Марковой, С. Рейнгольдом. Успех реализации режиссерского замысла обеспечивался талантливой игрой актеров театра А.В. Карпова, Л.А. Кондырева, Б.Г. Киворкова, М.Е. Западина, Е.П. Арычевой, В.В. Хугаевой, Л.Е. Шапошниковой. Творческое сотрудничество известной актрисы и режиссера В. Хугаевой с Русским театром началось с успешного дебюта выпускницы ГИТИСа в спектакле А. Корнейчука «Гибель эскадры».

В репертуаре театральных коллективов Северной Осетии важнейшее место занимала шекспириана. Героико-романтической направленности Северо-Осетинского театра оказались особенно созвучны трагедии У. Шекспира. Выдающимся творческим достижением осетинского театрального искусства был признан спектакль по пьесе У. Шекспира «Отелло». Пьеса впервые была поставлена в 1940 г. на сцене Северо-Осетинского драматического театра В.С. Фотиевым. В 1950 г. союзом талантливых единомышленников, возглавляемых режиссером Зарифой Бритаевой, была осуществлена новая постановка «Отелло».

Спектакль намечалось показать вместе с другой работой театра – комедией А. Токаева «Женихи», московскому зрителю во время Дней литературы и искусства в 1951 г. Как писала театровед Ж.Х. Плиева, «чтобы отработать эти две постановки, дать им более глубокое и полное сценическое воплощение», по инициативе З. Бритаевой был приглашен бывший педагог первой осетинской студии, режиссер-консультант Московского художественного театра И.М. Раевский⁵⁴.

И.М. Раевский откликнулся на просьбу своих учеников и принял активное участие в работе над спектаклем. По мнению

создателей и участников второй постановки «Отелло», он внес неоценимый вклад в доработку спектакля, «совершенствуя и углубляя каждый эпизод, организуя развитие массовых сцен, стремясь дать более точное оправдание ранее найденным мизансценам»⁵⁵.

Душой спектакля стал образ Отелло, созданный выдающимся осетинским актером Владимиром Тхапсаевым. Творческая свобода, глубина проникновения в образ обусловили триумфальный успех выступлений В. Тхапсаева как перед зрителями в Северной Осетии, так и в других городах и областях Советского Союза. Осетинский театр не раз представлял шекспировских героев московской аудитории. Осенние гастроли 1951 г., шекспировский вечер в Центральном доме работников искусства в декабре 1954 г., трехразовая гастроль в 1956 г. в театре имени Моссовета по приглашению Ю. А. Завадского и, наконец, Декада осетинского искусства и литературы в 1960 г. И каждый раз – восторги зрителя, одобрительные рецензии, творческие обсуждения во Всесоюзном театральном обществе⁵⁶.

Исполнительское мастерство В. Тхапсаева получило высокую оценку театральной критики. «Он играет не трагедию выдающегося человека, – писал театральный критик Б. Зингерман, – а трагедию человечности, носителем которой оказывается простая честная душа. Он воспеваает не простоту величия. А величие простоты.

...Дерзость исполнения Тхапсаева заключается в том, что, показывая всю силу переживаний Отелло, огромный накал страстей, он делает это с той простотой и сдержанностью, которые мы привыкли связывать с более поздними формами реализма, нежели реализм Возрождения, и которые в театре казались достижимыми разве лишь при воплощении пьес Чехова.

Однако Тхапсаев отнюдь не покидает шекспировской почвы. Раскрывая трагедию поруганной, но не побежденной человечности, он в итоге докапывается до таких пластов трагедии «Отелло», в которых она соприкасается с «Гамлетом» и другими великими трагедиями Шекспира»⁵⁷.

Эта работа поставила В. Тхапсаева в ряд лучших мировых исполнителей роли Отелло. Успех артиста по праву делили с ним ведущие актеры театра М. Цаликов, Е. Туменова, В. Баллаев, Т. Кариаева. Спектакль принес коллективу Северо-Осетинского драматического театра признание критики и любовь зрителей на многие годы, как в республике, так и далеко за ее пределами.

На послевоенное десятилетие пришлось пора становления театра кукол. Он был открыт в 1940 г. Но из-за военного времени проработал недолго. Новое рождение театра состоялось после изгнания фашистских войск с территории Северной Осетии. 12 апреля 1943 г. Начальником управления по делам искусств при СНК СОАССР Б. Боциевым был подписан приказ об открытии русского театра кукол. Коллектив театра, возглавляемый К. П. Волковой, был небольшой. Позднее она вспоминала: «Открытие кукольного театра было встречено с радостью, радовались не только дети, но и взрослые»⁵⁸. В день давали несколько спектаклей. Ставили детские спектакли, концерты для взрослых. Занимались шефской работой, выезжали в колхозы, воинские части, госпитали. Актеры уставали, их было всего шесть человек. А пьесы были большие, громоздкие, тогда работали на петрушечных куклах. Трудности перекрывались радостью, с которой актеров встречали в сельских районах, в самых отдаленных уголках республики.

Энтузиастам детского театра хотелось, чтобы забавные куклы заговорили на осетинском языке. И в ноябре 1943 г. по инициативе Б. Боциева был создан осетинский театр кукол. Художественным руководителем его назначен М. Цаликов. Театр открылся спектаклем «Человек и лев», поставленным по пьесе Б. Боциева. Однако осетинский театр кукол испытывал большие трудности в связи с отсутствием необходимых профессиональных кадров, драматургического материала. В 1948 г. он был закрыт как нерентабельный.

Более удачно складывалась судьба русского кукольного театра. В 1947 г. из г. Барнаула в качестве художественного руко-

водителя был приглашен режиссер-кукольник В. Ф. Ткаченко. Понимание назначения детского театра кукол, роли сказки в формировании личности ребенка позволили В. Ткаченко создать в Северной Осетии подлинно профессиональный театр кукол. Важным шагом на пути к профессиональным вершинам явился спектакль «Цветы мести», поставленный новым художественным руководителем по пьесе С. Преображенской. Спектакль кардинально отличался от всех предыдущих постановок театра по режиссерскому замыслу, по художественному оформлению, по способам кукловодства. Именно в этом спектакле впервые были использованы тростевые куклы и прием смены декораций при открытом занавесе. Вслед за первой постановкой последовали другие, не менее интересные: «Волшебная калоша» Г. Матвеева, «Снежная королева», «Царевна лягушка» Е. Елагиной и другие⁵⁹.

В целом, несмотря на определяющее влияние идейно-политических факторов на характер и содержание театральной жизни, на постановку и решение творческих задач, вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х гг., явилась одним из наиболее ярких и запоминающихся этапов в развитии профессионального театрального искусства в Северной Осетии. Шло активное накопление кадрового и профессионального потенциала, делавшее возможным освоение классического и современного драматургического наследия. Преобладающее место в репертуарной политике театральных коллективов занимали темы советской современности, войны и революции.

Для национального театрального искусства послевоенное десятилетие отмечено расцветом политически востребованного героико-романтического стиля. Духом революционно-романтизма были проникнуты спектакли, ставившиеся по произведениям русской и зарубежной классики. В эти годы благодаря мастерству талантливых режиссеров, драматургов, артистов и других деятелей культуры в историю осетинского сценического искусства были вписаны замечательные страницы.

Таким образом, профессиональная художественная культура Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. развивалась в контексте идейно-политических запросов времени. Это неизбежно влияло на тематическую ограниченность, заведомую определенность творческих стилей, приемов и форм отражения действительности, приводило к созданию однообразных художественных образов в литературе и искусстве. Вместе с тем, именно на послевоенные годы приходится становление профессиональных видов искусства, накопление творческого опыта национальных художественных школ, начало активного формирования профессиональных кадров художественной интеллигенции.

5.2. Культурная политика и литературно-художественная жизнь в годы «оттепели»

В середине 1950-х гг. вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?», всегда выступавшие предвестниками модернизационных преобразований в России, стали вновь актуальны, свидетельствуя об исторической коллизии, которую связывают со смертью И. В. Сталина и развенчанием культа вождя – событиями, поколебавшими монолитность советского общества и положившими начало его десталинизации. Последовавшие затем июльский и сентябрьский (1953 г.) пленумы ЦК КПСС и XX съезд КПСС (1956 г.) явились мощным импульсом, побудившим к критическому переосмыслению пройденного пути, анализу уроков истории, поиску ответов на вопросы, волновавшие общество. На протяжении последующего десятилетия реформаторское размягчение общественного уклада, поисковые манёвры власти определили содержание общественно-политической и культурной жизни страны.

Происходившие в советском обществе на фоне десталинизации социально-политические процессы оказали существенное влияние на развитие художественной культуры и способствовали распространению либеральных и радикальных умонастроений в среде художественной интеллигенции. Опубликованные в середине 1950-х гг. «Оттепель» И. Эренбурга, «Времена года» В. Пановой, «Волга-матушка» Ф. Панферова, «Не хлебом единым» В. Дудинцева, привлекая внимание не столько высокой художественностью, сколько правдивостью и публицистичностью, положили начало дискуссиям в интеллигентских кругах. Обоснованно опасаясь неконтролируемого развития критических умонастроений в литературно-художественной среде, власть сама инициировала обсуждение спорных вопросов художественного творчества. Предметом открытого обсуждения стали острые и злободневные вопросы о предназначении литературы и искусства, о роли и месте творческой личности в обществе, о пределах творческой свободы, о праве художника представлять свое видение мира, создавать свой стиль в искусстве.

Большой общественный резонанс вызвала статья В. Померанцева «Об искренности в литературе», опубликованная в журнале «Новый мир» осенью 1953 г. Публикация немедленно обрела горячих сторонников и непримиримых оппонентов. В ней не содержалось общих деклараций, обязательных штампованных заверений о незыблемости принципов социалистического реализма, партийности, народности советской литературы, хотя автор ни в коей мере их не оспаривал. В. Померанцев призывал писателей писать искренне, честно, не думая «о выражении лиц высоких и невысоких читателей»⁶⁰.

В контексте описываемого времени этот призыв приобрел особый смысл и звучание, которые не могли остаться без ответа со стороны официальной власти. С ее подачи на страницах ряда изданий появились статьи, обвинявшие автора в «поверхностном знании действительности», в игнорировании вопроса о мировоззрении и партийности писателя⁶¹. Статья

послужила предлогом к критике «Нового мира» и снятию А. Твардовского с поста главного редактора журнала. Постановление ЦК КПСС «Об ошибках журнала «Новый мир», принятое в июне 1954 г., подтверждало незыблемость партийной позиции, сформулированной в постановлениях 1946-1948 гг. по вопросам литературы и искусства.

Однако решения XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 г., вновь обострили противоречия между творческой практикой и идеологическими догмами. В мае 1958 г. постановление ЦК КПСС «Об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца» реабилитировало ранее обвиненных в формализме Д. Шостаковича, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, Н. Мяковского, В. Шебалина. Это решение вселяло надежду, что изменится отношение и к постановлению «О журналах «Ленинград» и «Звезда». Новые настроения в обществе находили выражение в публичных выступлениях представителей художественной интеллигенции. Наиболее запоминающимися из них явились выступления О. Берггольц на семинаре в Доме литераторов в июне 1956 г. и К. Симонова на Всесоюзном съезде преподавателей русского языка и литературы в октябре 1956 г. Писатели не покушались на принцип партийности в литературе. Они говорили лишь о том, что нужно менять методы и формы политического руководства литературным процессом. Гораздо дальше шла студенческая молодёжь. Она открыто заговорила о необходимости отделить искусство от политики, вывести его из-под партийного контроля.

5.2.1. Литературная жизнь. Литературная общественность ясно ощущала колебания политического курса. Ужесточение ситуации стало особенно заметным после декабрьского 1956 г. совещания писателей в ЦК КПСС. В начале 1957 г. в журнале «Коммунист» появилась редакционная статья, в которой подвергались критике роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», ряд других произведений и указывалось, что, несмо-

тря на элементы администрирования и необоснованно резкой критики, основное направление в руководстве литературой и искусством в 1946-1948 гг. состояло в осуществлении марксистско-ленинских принципов, что известные постановления ЦК ВКП (б) сыграли огромную роль в дальнейшем развитии художественного творчества в рамках социалистического реализма. Статья призывала писательские организации стать «действительными проводниками партийной линии в области литературы и искусства», что по существу означало призыв не выходить за рамки данных оценок⁶².

Но надежды, порожденные в обществе «оттепелью», были столь заразительны, что идеи творческой и индивидуальной свободы художника-гражданина, творческой независимости в объективном осмыслении реальности повсеместно все в большей мере овладевали умами художественной интеллигенции.

Не оставалась сторонним наблюдателем дискуссий, разворачивавшихся в центре, и либерально настроенная часть интеллигенции в регионах. Хотя под влиянием особенностей общественно-политического развития её реакция на происшедшие события иногда проявлялась своеобразно.

В январе 1957 г. в столице Северной Осетии проходило совещание молодых драматургов. Обсуждались художественные достоинства произведений осетинских писателей, их тематика, композиция, сюжетные линии. За два дня до завершения работы совещания на обсуждение была вынесена пьеса Х. Цопанова «Картины былого» об истории становления советской власти в Северной Осетии. Пьеса получила положительную оценку литературных критиков и участников совещания.

Неожиданным диссонансом в общем хоре благожелательных отзывов прозвучало эмоциональное выступление писателя и критика Г. Гагиева. Анализируя стиль произведения, он заметил: «У наших драматургов нет бритаевского языка». Далее была высказана мысль, никак не связанная ни с темой, ни с характером обсуждения: «У нас была хорошая, большая традиция в осетинской драматургии до революции, которую

мы похоронили. Было суровое время, когда ряд драматургов совершенно отверглись в нашей драматургии... Бритаев, у которого были идейные ошибки, и это перенесли на его пьесы... Его произведения имеют отрицательный налёт национализма, но в основном творчество Бритаева заслуживает внимания»⁶³.

Выступление было воспринято настороженно, поскольку обвинения в буржуазном национализме и идеологических ошибках, наложенные на Е. Бритаева на рубеже 1940-х – 1950-х гг., еще не были сняты. Неоднозначно воспринимался и сам Г. Гагиев, ни в одной позиции не поставивший под сомнение верность партийных оценок. Важно было другое. В заключении Г. Гагиев сказал: «Есть определённая точка зрения обкома партии, в основном правильная, но *мы не должны бояться*» (выделено автором – И. Ц.)⁶⁴. Именно последняя фраза являлась знаковым свидетельством времени: отступал страх перед возможностью наказания – уголовного или административного – за высказанные сомнения в верности партийного решения.

Но консерватизм большинства одерживал верх: «...есть ошибочные работы и есть специальные решения партийных органов, и мы не уполномочены пересматривать постановления обкома», – оппонировал один из участников совещания. Продолжая ту же мысль, министр культуры С. Н. Битиев говорил: «...ставить под сомнение решения обкома партии по недостаткам литературы неправильно»⁶⁵.

Тем не менее, с середины 1950-х гг. все отчетливее оформлялись два подхода к пониманию творческой свободы и оценке литературного творчества. Либерально настроенная интеллигенция исходила из убеждения необходимости полной свободы творчества, представляя ее условием реализации творческого потенциала художника, избавления от однообразия и серости в художественном творчестве, создания «высоких образцов» подлинного искусства. Другая часть интеллигенции, выступая с охранительных позиций, видела в происходивших изменениях посягательство на основополагающие принципы социали-

стического реализма, разрушение социалистических канонов в художественном творчестве⁶⁶.

Консервативные настроения в среде художественной интеллигенции, как правило, формулировало и отстаивало руководство творческих союзов, демонстрируя тем самым неизменность идейно-политического вектора культурной политики государства, которое, по сути, не предусматривало внесения каких-либо существенных корректив в ее идеологические основы. Отстаивалась незыблемость метода социалистического реализма, признававшегося единственным идеологически выверенным и официально допустимым способом познания и отражения мира. Неизменными оставались задачи советской художественной культуры: отображать действительность с жизнеутверждающих позиций, создавать произведения, прославляющие «великую эпоху», художественно воплощающие образ «подлинного героя времени – активного строителя коммунизма».

Художественно-бюрократическая элита демонстрировала на съездах, пленумах, общих собраниях творческих союзов одобрение культурной политики в сфере литературы и искусства. Решения III пленума правления Союза писателей СССР, состоявшегося в мае 1957 г. свидетельствовали об устойчивости консервативных сил в творческой среде. В те дни «Литературная газета», орган Правления Союза писателей СССР, сообщала, что пленум «единодушно разоблачил и показал несостоятельность целого ряда путаных и извращённых представлений отдельных литераторов»⁶⁷.

В том же контексте происходило обсуждение актуальных проблем художественного творчества на региональном уровне. В июле 1957 г. на общем собрании Союза писателей Северной Осетии, посвященном обсуждению итогов пленума Союза писателей СССР, руководители Союза подвергли критике некоторых писателей – А. Агузарова, К. Дзесова, Дз. Фарниева, Б. Муртазова, творчество которых не решало, по их мнению, задач политического воспитания общества. Они напоминали о

незыблемости принципа партийности литературы и о необходимости быть бдительным, поскольку, как утверждалось, «появились попытки восстановить буржуазные издержки». При этом под «буржуазными издержками» подразумевалось стремление писателей иметь свободу для творческого эксперимента, от чего, естественно, литературный процесс в Осетии также не был застрахован⁶⁸.

Под знаком усиления бдительности в августе 1958 г. проходил II съезд Союза писателей Северной Осетии. Съезд призвал бороться за идейную чистоту художественного творчества, против «сползания с партийных позиций», потребовал отбросить любые сомнения в правильности политики Коммунистической партии в области литературы и искусства, отказаться от попыток ревизовать принципы социалистического реализма. Ревизионистскими назывались и требования освободить литературу и искусство от партийного руководства и обеспечить свободу творчества⁶⁹.

Все эти решения свидетельствовали о том, что колебания власти в определении границ допустимой свободы в художественном творчестве не могут носить сколько-нибудь продолжительного характера. Исторической коллизией, использованной в качестве предлога к началу «идеологического наступления» на «фронте» литературы и искусства стало событие, произошедшее 1 декабря 1962 года на художественной выставке в Манеже, где Н. С. Хрущев подверг «начальственному разносу» работы молодых художников. Последовавшая затем серия встреч советских партийных деятелей с интеллигенцией (17 декабря 1962 года, 7 и 8 марта 1963 года) и пленум ЦК КПСС по идеологическим вопросам в июне 1963 г. не оставляли сомнений, что время уступок и послаблений художественной интеллигенции заканчивалось⁷⁰.

В июле 1963 г. состоялся пленум Северо-Осетинского обкома партии, выразивший солидарность с решениями июньского (1963 г.) пленума ЦК КПСС. В постановляющем документе пленума было подчеркнуто, что в советском искусстве недопу-

стимо использование принципов «абсолютной свободы творчества, беспартийности, безыдейности и аполитичности»⁷¹.

Обеспечение принципов идейности и партийности искусства и литературы увязывалось с решительной борьбой против «формалистических проявлений». Отмеченная тема стала предметом серьезного обсуждения на III съезде писателей Северной Осетии в феврале 1963 г. Руководство Союза писателей республики от имени членов своей организации выразило поддержку политическому курсу в определении целей и задач литературы и искусства в советском обществе, указало на недопустимость «идейных шатаний» и «формалистических вывертов». Но обсуждение не осталось в привычных границах «всеобщего одобрения» партийной позиции, выявив в литературной среде Северной Осетии разность подходов к пониманию проблемы. Неоднозначность писательских позиций высветило выступление писателя и литературоведа Н. Джусойты. Ссылаясь на авторитет секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева, выступившего в декабре 1962 г. с критикой «формалистического фокусничества» и с «оборотной стороной формализма – ремесленничества и натурализма, которые обедняют литературу и искусство, делают их бескрылыми», Н. Джусойты подчеркнул: «Это две стороны медали, с одной стороны, формализм, с другой – натурализм и ремесленничество. Какая сторона в нашей литературе на первом плане, против чего надо сосредоточить огонь критики? Я думаю, на второй стороне, против ремесленничества и примитивизма»⁷².

С осуждением примитивизма, представлявшегося, по мнению либерально мыслящей интеллигенции, главной опасностью для осетинской культуры, выступили и молодые писатели. Не обремененные прошлым опытом идеологических запретов они активно восприняли новые веяния в общественно-политической жизни страны. В день открытия III съезда писателей Северной Осетии 5 февраля 1963 г. в газете «Социалистическая Осетия» была опубликована статья А. Кодзати и К. Ходова с символическим названием «За новую весну».

Молодые авторы отвергли призыв писать «просто и понятно». Они утверждали, что следование этому принципу «становится преградой для поисков и надежным щитом примитивности». «Подобного рода наставники почти всегда ссылаются на гениальную простоту Коста. Но нам кажется, что великий осетинский поэт сегодня жестоко осмеял бы творения некоторых своих «поклонников», воображающих себя продолжателями его традиций»⁷³. О необходимости развивать образную систему осетинской литературы, обогащать ее новыми поэтическими образами писал Г. Бестаев. В качестве современного образца истинной поэзии он приводил творчество А. Вознесенского. Однако мнение молодых писателей не встретило понимания партийных кураторов культуры. А их выступления были расценены как «формалистическое трюкачество» и «оригинальничание». «Для них и Коста становится «трамплином», «стартовой площадкой». И передовые традиции нашей литературы, и опыт старших товарищей ставится ими под сомнение», – говорил на собрании творческих работников Северной Осетии в апреле 1963 г. председатель Союза писателей М. Цагараев⁷⁴.

Ситуация, сложившаяся в начале 1960-х гг. в литературной жизни Северной Осетии свидетельствовала о существовании выраженных либерально-обновленческих настроений в среде осетинской художественной интеллигенции, формулировавшей свое понимание традиции и новаторства, предназначения и смысла художественного творчества в современном мире. Однако, представляется, что степень их воздействия на духовную и творческую атмосферу североосетинского общества в целом была невелика, поскольку протестные умонастроения, как правило, не выходили за рамки профессиональных, межгрупповых и внутригрупповых обсуждений. Амплитуда дискуссий быстро угасала в «заводе» мнимого спокойствия в творческом сообществе республики. Поэтому неудивительно, что в официальных документах творческих союзов, в выступлениях их руководителей нередко звучала мысль о том, что

«страсти бушуют там», у нас же «ничего подобного не наблюдается».

Такое «благодушие» не разделялось партийными руководителями республики, требовавшими «усилить бдительность, чтобы не допустить восстановления буржуазных издержек». Так, выступая на общем собрании Союза писателей Северной Осетии в июле 1957 г., секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС Б. Кабалоев подчеркивал: «Наша литература глубоко партийна, и это не надо забывать и осетинским писателям»⁷⁵.

Впрочем, анализ имеющихся в нашем распоряжении документальных источников не дает сколько-нибудь серьезных оснований утверждать о наличии явных отступлений от принципов партийности и народности, о проявлениях «абстракционизма и формализма» в художественной культуре Северной Осетии. В значительной мере отсутствие подобных отступлений обеспечивалось годами отработанным механизмом управления творческим процессом. Руководство творческих союзов республики внимательно следило за деятельностью членов организаций, регулировало творческий процесс, контролировало исполнение утверждавшейся свыше тематики художественных произведений. Литературные произведения, не прошедшие цензуры, подлежали кардинальной переработке или запрещались к публикации⁷⁶.

Вместе с тем, было бы неправомерно сводить отсутствие отступлений от «идейно-художественных позиций» в осетинской литературе лишь к эффективному действию запретительных мер. В осетинской культуре советского периода существовала развитая литературная традиция, заложенная еще в дореволюционные годы благодаря деятельности выдающихся представителей национальной интеллигенции. Но в 1930-е гг. в результате политических репрессий, а затем во время Великой Отечественной войны осетинской интеллигенции был нанесен сокрушительный урон. Новое же поколение писателей было воспитано советской школой в духе марксистской идеологии, поэтому почва для возникновения инакомыслия в пи-

сательской среде была практически размыта. Необходимость подчинения творческих задач определенным идеологическим и эстетическим требованиям не вызывала возражений.

Переоценка на волне «оттепели» многих исторических событий, возвращение имён репрессированных в 1930-е гг. А. Кубалова, Г. Малиева, К. Дзесова, Г. Тогузова, К. Фарниона и других деятелей культуры принципиально отражались на возможности художника реализовать свой творческий потенциал. Широко отмечавшиеся 40-летие Октябрьской революции, 40-летие автономии Северной Осетии и другие юбилейные исторические даты также побуждали к творческой активности. К примеру, при подготовке сборника рассказов и стихов о гражданской войне писатели получили возможность рассказать о тех, кого в своё время называли «врагами народа» и «буржуазными националистами»⁷⁷. А среди них были известные культурные и общественные деятели 1910-х – 1930-х гг. Г. Цаголов, А. Цаликов, Е. Бритаев и многие другие.

Круг отображаемых проблем в национальной литературе не выходил за рамки общепринятых тем. Большое место в творчестве писателей республики по праву занимала тема недавно пережитой войны. Высокое понимание долга, служения Родине и народу, самопожертвование ради победы над врагом, боевая дружба – эти и другие качества, проявляемые человеком в неординарных условиях, требующих огромного напряжения физических и нравственных сил, находили отражение в творчестве поэтов, прозаиков, драматургов: А. Агузарова, Т. Джатиева, Т. Епхиева, Г. Кайтукова, К. Казбекова и др. Трудовому героизму народа, его борьбе против оккупантов были посвящены книги «Повесть о колхозном плотнике Саго» М. Цагараева, «Долг» Т. Бесаева. Огромной впечатляющей силой обладала военная лирика Г. Плиева. Его стихи о войне вышли отдельной книгой в 1948 г. в сборнике «Солдат» и в 1957 г. в книге «Стихи». Поэт сам говорил о них, что это «не песня веселья», а сказания о солдатском долге, непоказном мужестве и окопных муках⁷⁸.

Менее активно разрабатывалась тема современности, прославления «великой эпохи», «подлинного героя – активного строителя коммунизма». Недостаточное внимание к ней писатели обычно объясняли тем, что действительность может быть оценена объективно только по мере отдаления от нее во времени: «отставание естественно, нужно, чтобы события отлежались»⁷⁹. Руководство творческих союзов выступало с резкой критикой теории дистанции. Отказ от следования предлагаемой тематике истолковывался, как «уход в историю от современности» и солидарность писателя с теорией дистанции. В 1957 г. с разьяснением недопустимости подобной позиции и игнорирования темы современности перед осетинскими писателями выступил один из руководителей Союза писателей РСФСР А. Д. Деев⁸⁰. Одновременно была вновь подтверждена главная задача творческой интеллигенции. Литература была призвана показывать героику и романтику созидания нового социалистического общества, отражать действительность с жизнеутверждающих позиций.

Несмотря на пропагандистскую кампанию, в рассматриваемый период не было создано сколько-нибудь значительных произведений, прославлявших советскую действительность и героический труд рабочих и колхозников ради «светлого будущего». Изображение современности, как правило, не выходило за рамки пьес и небольших жанровых произведений. Обычно главными героями в них выступали партийные руководители, причём уже не сталинской, а хрущёвской эпохи. Проблемы морального облика руководителя, коммунистической нравственности разрабатывались в осетинской драматургии («Доверие» Г. Плиева, «Что посеешь, то и пожнёшь» М. Цаликова и др.). Писатели вносили свой вклад в борьбу с «пережитками прошлого»: мещанской психологией, страстью к накопительству, нежеланием заниматься общественно полезным трудом, пьянством. Социальные пороки зло высмеивались в драматургических произведениях. В пьесах «Свадьба Замират» Д. Туаева, «Барометр» А. Макиева ставилась проблема нравственного

выбора, осуждались явления, которые несли в общество зло и социальное разрушение⁸¹. Поскольку эти произведения писались «на потребу дня», то они редко оказывались долговечными. Многие из них отличались художественной необидительностью и плакатностью изображения, страдали схематизмом и шаблонностью создаваемых образов. Но социальная и политическая востребованность продлевала им жизнь.

Наряду с тем, «оттепель» подняла одну из самых болезненных вопросов исследуемой эпохи – проблему культа личности. Но с самого начала характер обсуждения, заданный партийными установками, был направлен на то, чтобы определить допустимые пределы её отображения в художественной культуре. От творческой личности требовались «политическая зрелость», «высокое чувство ответственности, чтобы не исказить правду, не впасть в крайности». Вообще рекомендовалось не увлекаться изображением «тёмных сторон жизни» периода культа личности. По мнению политических цензоров, в некоторых произведениях «под видом борьбы с вредными последствиями культа чернится, искажённо воспроизводится советская действительность»⁸². В стихотворении А. Царукаева «Разговор с младенцем» одинокий лирический герой сбрасывал с плеч тяжелую статую, олицетворявшую вождя. «Где же тогда партия, которая действительно разоблачила культ личности Сталина? Где здесь пафос строительства социализма, где героика советского народа в 30-х и 40-х гг.?» – спрашивали литературные критики. За отсутствие изображения «конкретно-исторического фона, реальной обстановки» критиковали и стихотворение Б. Муртазова «Лавина гремела». Здесь лирический герой называл вождем эпохи народ. «А кто тогда партия? ... некоторые молодые поэты, да и не только молодые, слишком увлекаются интимной лирикой, пейзажными картинками. Надо знать меру». Писателям вновь напоминали об опасности умаления идейной значимости лирики⁸³.

Таким образом, определялись границы, за которые не сле-

довало выходить писателям в обсуждении проблем современности, в том числе культа личности.

Тем не менее, смягчение идейно-политического климата в обществе в период «оттепели» заметно оживило культурную жизнь республики. В конце 1950-х гг. национальная интеллигенция была вовлечена в подготовку двух важнейших культурных событий.

Первое было связано с юбилейными торжествами, посвящёнными 100-летию со дня рождения Коста Хетагурова и проходившими с большим размахом. В столице республики состоялось торжественное собрание. В нем приняли участие представители писательских организаций Москвы, Украины, Туркмении, Чувашии, северокавказских республик и др.⁸⁴ К юбилею Коста на «Ленфильме» по сценарию М. Цагараева и Р. Фатуева был снят художественный фильм «Сын Иристоня». К знаменательной дате был приурочен выход первого тома академического пятитомного собрания сочинений поэта. Издание, подготовленное К. Ц. Гутиевым, было осуществлено в течение 1959-1961 гг.

Юбилейные празднества, завершившиеся торжественным вечером в Москве, стали большим праздником национальной культуры. На вечере со словом о великом осетинском поэте выступили Н. Тихонов, Г. Кайтуков, Б. Кербабаяев, А. Кешоков, К. Кулиев, латышский поэт В. Лукс⁸⁵.

Другим крупным событием в культурной жизни Северной Осетии явилась Декада осетинской литературы и искусства в Москве в августе-сентябре 1960 г., демонстрировавшая достижения национальной культуры. По масштабам организации, по количеству вложенных средств, по представленности различных направлений культуры, по вовлечению людских ресурсов это было самое крупное мероприятие подобного рода. Оно готовилось объединёнными усилиями руководства и творческой интеллигенции республики.

К Декаде приурочили издание многих произведений осетинских писателей: Нигера, А. Коцоева, М. Камбердиева,

Г. Плиева, Т. Епхиева, Г. Кайтукова. Были изданы сборники молодых писателей Г. Цагараева, Г. Гагиева и других. Многие произведения осетинских авторов («Поэма о героях» Д. Мамсурова, «Мои земляки» М. Цагараева, «Осетинские сказки» С. Бритаева, «Навстречу жизни» Е. Уруймаговой и другие) были вынесены на обсуждение в Союзе писателей РСФСР. В план обсуждения включили также монографию Х. Ардасенова «Очерк осетинской литературы дооктябрьского периода».

Во второй половине 1950-х – 1960-е гг. на волне либерализации общественной жизни широко практиковались и другие формы сотрудничества между народами Советского Союза. Традиционными становились творческие вечера и встречи представителей художественной интеллигенции республик Северного Кавказа, Закавказья, других регионов страны. Творческие контакты деятелей культуры содействовали взаимообогащению культур народов, укреплению дружеских отношений.

Таким образом, несмотря на идеологические ограничения в области художественного творчества, «оттепель» заметно обогатила литературную жизнь республики, содействовала духовному раскрепощению североосетинского общества, создавала условия для раскрытия творческого потенциала художественной интеллигенции. Наряду с тем, она породила либерально-обновленческие настроения в среде литературного сообщества, формулировавшей и утверждавшей свое понимание предназначения и смысла творческой личности и художественного творчества в современном мире. Но противостояние консервативным силам в литературной жизни не приобрело отчетливых, организованных форм. Отчасти это обуславливалось консерватизмом общественного устройства и устоявшихся идейно-политических стереотипов. Немаловажную роль в позиционировании писателей Северной Осетии в творческом процессе играло и то обстоятельство, что в исследуемый период в подавляющем большинстве своем они относились к поколению людей, выросших в советский период и воспитанных в духе марксистско-ленинского миро-

воззрения. К тому же они в подавляющем большинстве были выходцами из рабоче-крестьянской среды. Им были особенно близки основополагающие принципы соцреализма – народность и социалистический гуманизм. Отсутствие последовательно выраженного радикально-протестного сознания в литературном сообществе Северной Осетии объяснялось и некоторым смягчением идейно-политического климата во всех сферах общественной жизни, в том числе в художественной культуре.

5.2.2. Изобразительное искусство. Развитие либерально-демократических тенденций в советском обществе в середине 1950-1960-х гг. послужило побудительным толчком к критическому переосмыслению состояния художественной культуры, в том числе изобразительного искусства. Зачатки разномыслия, на протяжении долгих лет сохранявшиеся в общественном сознании в скрытой форме, под влиянием «оттепельных» процессов получили позитивный импульс и довольно быстро распространились в сфере художественного творчества.

Как известно, к началу исследуемого периода в официальном советском искусстве в качестве единственно признанного метода познания действительности утвердился метод социалистического реализма. Однако отсутствие альтернативы социалистическому реализму негативно сказывалось на художественном творчестве. Оно нивелировало искусство, приводило к замещению подлинного творческого начала ремесленничеством, выразившимся в бесчисленном копировании заданных тем, сюжетов, художественных приемов. Художественные произведения, созданные в полном соответствии с канонами соцреализма, по формальным признакам вполне соответствовали идейно-политическим запросам времени. Но шаблонные, тематически однообразные, эмоционально невыразительные, они оказались неспособными выполнить ставившиеся перед искусством задачи социализации личности, воспитания об-

щества в заданной системе знаний и ценностных ориентаций, определенных социальных норм и правил.

К середине 1950-х гг. понимание необходимости совершенствования механизма управления творческим процессом, приведения сферы художественного творчества в соответствие с новыми потребностями социально-политического развития страны заставило партийно-советское руководство выступить с критикой метода «лакировки» действительности в искусстве. О признании недопустимости приукрашивания действительности, изображения только «красивого», об ошибочности недооценки роли творческой индивидуальности в реалистическом искусстве было заявлено в марте 1954 г. с трибуны XIV пленума Оргкомитета Союза советских художников СССР оргсекретарем творческой организации Х. А. Ушениным⁸⁶.

Демократизация духовной жизни общества, смягчение идеологического диктата в сфере художественной культуры освобождали творческую инициативу художника, раздвигали пространство для творческого самовыражения. Но свобода художника допускалась лишь в рамках социалистического реализма, принципы которого оставались незыблемыми в советском искусстве. Эта позиция была подтверждена на I Всесоюзном съезде советских художников в марте 1957 г. О приверженности методу социалистического реализма, об его окончательной победе над «эстетско-формалистическими течениями и натуралистическими извращениями» в осетинском изобразительном искусстве заявило на общем собрании, посвященном обсуждению итогов съезда, и Северо-Осетинское отделение Союза советских художников. Как было записано в протоколе общего собрания, метод соцреализма не ограничивает свободу творческой личности, напротив, обеспечивает «безграничные возможности для проявления смелой творческой инициативы, для всестороннего развития творческой индивидуальности»⁸⁷.

Между тем, «нормированная» свобода устраивала уже не всех художников. А партийные кураторы и руководство

творческих организаций, участвовавшие в обсуждении темы свободы творчества, демонстрировали все более жесткую позицию. Выступая на I пленуме Союза художников РСФСР в 1957 г., В. А. Серов обращался к аудитории: «О какой же свободе ведут речь некоторые наши художники? Им, видите ли, нужна свобода от партии, от народа, от той земли на которой мы живем... Эта тенденция охватила некоторую часть наших художников. Это явление опасное, требующее того, чтобы к нему внимательно присмотреться... опасность заключается не в том, сколько имеется таких, а в том, что мы не дали решительного безоговорочного отпора этим заблуждениям. Мне кажется, что в дальнейшей работе мы должны договориться все как один, что наш путь – это путь партии, а не буржуазная свобода художников, продавшихся чистогану. Наша свобода – это свобода людей, которые по велению сердца идут за партией, за народом»⁸⁸.

Тем не менее, в первые «оттепельные» годы, в условиях либерализации режима жесткость и однозначность официальных формулировок и установлений, звучавших из уст партийных кураторов культуры разного ранга, не лишали художников надежды на расширение границ творческой свободы. Но уже к началу 1960-х гг. в творческой среде на фоне постепенного свертывания процесса десталинизации и ужесточения политического курса в сфере культуры в противоборстве консервативных и либеральных настроений доминирование первых становилось все более отчетливым. Яркой иллюстрацией наступления официальной идеологии на либеральные умонастроения художественной интеллигенции явилось уже упомянутое событие, произошедшее 1 декабря 1962 г. во время посещения Н. Хрущевым выставки в Манеже, посвященной 30-летию московского отделения Союза художников СССР. Разнос, устроенный главой государства организаторам и участникам экспозиции «Новая реальность», представившей творчество художников-авангардистов, свидетельствовал о завершении периода колебаний в отношении определения творческой сво-

боды в художественном процессе. Скандальное событие было использовано в качестве предлога к началу «идеологического наступления» на «фронте» литературы и искусства⁸⁹.

Методологическая основа государственной политики в сфере художественной культуры была ясно сформулирована в выступлении секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева на встрече членов идеологической комиссии с молодыми писателями, художниками, композиторами, творческими работниками кино и театров в декабре 1962 года: «Чтобы выиграть битву за коммунизм, надо завоевать умы, сердца и души людей. А для этого надо постоянно приводить оружие в порядок, а литература и искусство – сильнейшее и острое оружие. Партия борется за то, чтобы такое могучее средство коммунистического воспитания как литература и искусство были в исправности и действовали безотказно, были бы верно направлены и остро отточены, вдохновляли народ на труд во имя коммунизма, били по недостаткам в нашей работе, поддерживали наших друзей и без промаха разили врагов коммунизма»⁹⁰.

Высказывание высокопоставленного партийного функционера, курировавшего идеологические вопросы, подтверждало неизменность видения властью художественного творчества как «передового рубежа» идеологической борьбы, – области, которой отводилась решающая роль в формировании сознания людей, создания духовно-нравственного климата в обществе. В официальной художественной культуре принципы осмысления и отображения действительности также остались незыблемыми. Вместе с тем, демократические процессы, происходившие в общественной жизни в середине 1950-1960-х гг. не могли пройти бесследно для художественного метода познания действительности, дополнив его новым, гуманистическим смыслом. Особое звучание приобрел принцип народности в искусстве. «Искусство должно быть народным не только по сущности содержания, но и по широте воздействия, – отмечалось на I-м пленуме Союза художников РСФСР. – Надо в корне пересмотреть наше отношение к разным классификаци-

ям культуры. Именно то, что длительно считалось менее важным... что делалось, как говорилось, для заработков, становится непререкаемо важным видом пластического искусства. Это массовая и бытовая скульптура, это декоративная садово-парковая и прикладная скульптура – словом все, что имеет своего повседневного зрителя»⁹¹.

Обращение к живым народным корням в скульптуре было шагом в сторону от доминировавшего в прежние годы монументализма в искусстве к развитию «малых форм». Отмеченная тенденция нашла яркое воплощение в изобразительном искусстве Северной Осетии. Скульптурные композиции, изображавшие сценки из жизни: фигуры стариков, детей, спортсменов, составлявшие интерьеры парков, скверов, стадионов; фарфоровые статуэтки юношей и девушек в национальных нарядах, слоники на комодах и в сервантах, знаменовали поворот к духовному и эмоциональному миру обычного человека. Новый подход к пониманию принципа народности в искусстве расширял границы творческих возможностей и поисков для художников, способствовал формированию новых художественных образов, созвучных духу времени, отвечавших социальным запросам общества, стремившегося освободиться от политической конъюнктуры. Искусство становилось менее пафосным и монументальным. Оно приобретало более утилитарный, прагматичный характер, понятный и близкий рядовому потребителю искусства.

Хотя тематика художественных произведений второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. как и в предыдущие годы определялась «сверху», но содержание социально-политического, художественного заказа корректировалось на фоне либерально-демократических сдвигов в советском обществе. Одним из свидетельств, наблюдавшихся перемен в художественном пространстве Северной Осетии являлось снижение интереса в изобразительном искусстве к историческому прошлому народа. Исключение составляли лишь несколько тем: «Коста», «Октябрьская революция», «Гражданская война», в

большинстве своем традиционно трактовавшиеся в контексте официальной государственной идеологии. Вместе с тем, определенная часть художественных произведений, посвященных отмеченной тематике, на наш взгляд, может быть отнесена к образцам осетинского реалистического искусства. Среди них «Становление Советской власти в Осетии» (художник З. Абоев), портреты К. Хетагурова и В. Тхапсаева (художник А. Джанаев), «С.М. Киров в селе Ольгинском» (художник Б. Калманов), «Ленин и горец» (скульптор С. Санакоев), памятник К.Л. Хетагурову (скульптор С. Тавасиев) и др. Важным направлением в изобразительном искусстве в изучаемые годы становилась тема Великой Отечественной войны. Она звучала в творчестве Ч. Дзанагова («Связист»), А. Дзантиева («Скорбящая мать»), П. Зарона («Семья партизана») и др.

Наряду с разработкой традиционной тематики, художники все чаще обращаются к настоящему и будущему, с которым связывались надежды общества на «лучшее завтра». Требование «изображать современность в лучших его проявлениях» оказалось созвучно настроениям и ожиданиям осетинской творческой интеллигенции. Тем более что «оттепель» сама побуждала к поиску новых форм осмысления и отражения происходивших изменений в общественной жизни. В целом, современная тематика, представляемая в различных видах и жанрах изобразительного искусства, занимала все больше места в творчестве художников Северной Осетии. Отмеченная тенденция нашла яркое воплощение в жанре портрета. Причем, отличительной характеристикой времени стала смена героя жанра. Живописные полотна и скульптурные композиции 1930-х – 1940-х гг. с изображением абстрактных, безымянных стариков и школьников были потеснены портретами реальных людей – передовиков производства, деятелей национальной культуры. Следует отметить, что изображение человека труда, строителя коммунизма в новых общественных реалиях означало для художника не просто исполнение обязательного социального заказа. Не менее важным для него становилось

гуманистическое восприятие образа современника, осознание ценности отдельной личности. Стремление отразить сложность и богатство внутреннего мира человека, понять психологию поступков в неординарных жизненных ситуациях открывало новые перспективы для творческого поиска.

И на этом пути многие художники Северной Осетии достигали больших высот в постижении духовного и эмоционального мира своих героев. Среди лучших образцов портретного жанра в осетинском изобразительном искусстве 1950-х – 1960-х гг. произведения живописцев А. Дзантиева («Портрет Нигера», «Герой социалистического труда Битиева»), П. Зарона («Портрет металлурга», «Портрет солдата»), Б. Калманова («Портрет врача Гурциева»), скульпторов С. Санакоева («Старики», «Портрет Коста»), Ч. Дзанагова («Портрет хирурга Дзилихова», «Портрет Г. Созанова») и т. д.

Свидетельством большой популярности жанра портрета в рассматриваемые годы может служить даже беглый обзор экспозиций организуемых выставок. Так, в 1964 г. на зональной выставке «Художники Юга» одну треть выставленных на обозрение работ составляли портреты передовиков производства, деятелей культуры⁹².

Отличительной особенностью периода «оттепели» в сфере изобразительного искусства являлось расширение пределов творческого взаимодействия художников, представлявших разные регионы и разные национальные традиции в профессиональной советской художественной культуре. Активная выставочная деятельность превратилась в важнейший элемент культурной жизни исследуемого периода. Причем организованные на самых разных уровнях, по разному принципу, (тематические, юбилейные, территориальные) выставки рассматривались не только как способ объединения художников всей страны, обеспечения возможностей для творческой самореализации. В культурной политике им отводилась все более значимая роль в пропаганде идей интернационализма и дружбы народов, приобретающих в отмеченные годы особую актуальность.

Количество организуемых выставок и их участников, в том числе и из регионов, росло из года в год, резко контрастируя с предыдущим десятилетием. К примеру, на Всесоюзных выставках 1946 и 1949 гг. искусство Северной Осетии представлял лишь один художник, скульптор С. Тавасиев, к тому же работавший за пределами республики. А на Всесоюзной выставке 1957 г., посвященной 40-й годовщине Октябрьской революции, экспонировались произведения уже четверых осетинских художников – А. Дзантиев, А. Хохов, Б. Калманов и С. Санакоев⁹³. Произведения художников Северной Осетии выставлялись в том же году на Всероссийской юбилейной выставке и получили высокую оценку критики. В частности, искусствоведы особо отметили скульптуру Ч. Дзанагова «Связист», посвященную теме человека на войне, привлекающую внимание динамизмом, образной выразительностью, напряженностью передачи настроения. Большой интерес вызвало творчество и другого художника С. Санакоева. Его серию жанровых статуэток назвали «новым и интересным в скульптуре явлением, далеко стоящим от принятого до революции этнографического и псевдонародного жанра»⁹⁴. Национальное своеобразие, типичность, жизненность и юмор его произведений органично вписывались в фольклорные традиции национальной культуры, развивали принципы народности в новых условиях.

Со второй половины 1950-х гг. наряду с коллективными выставками заметное место в художественном пространстве страны начинают занимать персональные выставки. В 1957 г. запоминающимися событиями в культурной жизни Северной Осетии стали персональные выставки произведений художников А. Джанаева и Б. Калманова. Творческие достижения художников были высоко оценены зрителями и искусствоведами. О художниках писали как о наследниках и продолжателях лучших традиций в осетинском искусстве, заложенных К. Хетагуровым, М. Тугановым и другими выдающимися представителями осетинского национального искусства. В 1958 г. состоялось открытие еще одного имени в осетинском изобра-

зительном искусстве. В г. Орджоникидзе прошла выставка выпускника ленинградского Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Ю. Дзантиева. Уже первые его работы «Возвращение с покоса», «Материнство» свидетельствовали о философском осмыслении жизни народа, неразрывности его творчества с национальными традициями.

Пик выставочной деятельности и интереса к ней пришелся на рубеж 1950-х – 1960-х гг. Выставки занимали существенное место в культурном пространстве и пользовались большой популярностью. В отзывах потребителей искусства, организаторов и участников выставок рефреном звучала мысль о необходимости чаще устраивать подобные мероприятия⁹⁵.

Однако в начале 1960-х гг. в общественном мнении произошел надлом, свидетельствующий о падении интереса к подобной форме пропаганды творческих достижений и организации культурного досуга. Казалось, что «любители искусства» «пресытились» художественными выставками. Наметился своеобразный «кризис перепроизводства» и в художественном сообществе. На смену активности и эйфории нескольких предыдущих лет пришли апатия и усталость. Одна из причин подобного состояния видится в чрезмерном количестве выставок, в которых принимали участие художники. Так, только в 1961 г. изобразительное искусство Северной Осетии было представлено в девяти республиканских, зональных, всероссийских, всесоюзных выставках⁹⁶.

В результате, уже к началу 1960-х гг. стало ясно, что выставочный ажиотаж чреват профанацией идеи настоящего искусства, поскольку он самым негативным образом сказывался на качестве экспонируемых художественных произведений. Подавая заявку об участии в выставке, художник авансом получал материальное вознаграждение за труд. Желая заработать больше, он брал на себя обязательство выполнить объем работы, с которым, как правило, не справлялся. Приходилось спешить. В итоге страдало качество исполнения художественного произведения. Закономерным итогом подобной практики явился ряд

неудач, постигших осетинских художников на региональных и республиканских выставках в 1960-1961-м гг. Неудачи стали свидетельством творческого кризиса в художественной среде, выветив разность подходов к пониманию творчества и ремесленничества в искусстве. Они ярко иллюстрировали столкновение разных групповых интересов внутри творческого союза. Конфликт оказался настолько серьезным, что к его разрешению подключились руководящие органы Союза художников РСФСР и Идеологический отдел Северо-Осетинского обкома КПСС⁹⁷.

Среди определенной части творческих деятелей формировалось убеждение о недопустимости подобной ситуации и необходимости совершенствования формы организации выставочной деятельности. Известные художники, не нуждавшиеся в подтверждении высокого уровня своего мастерства, все реже представляли свои работы для экспозиций выставок. Общее мнение выразил Азанбек Джанаев, не принявший очередное предложение участвовать в выставке. Свой отказ А. Джанаев мотивировал однозначно: «Работа только для выставки – это не дело для художника»⁹⁸.

Таким образом, в середине 1960-х гг. художественные выставки перестали быть самоцелью для многих художников. Тем не менее, их значение как важнейшей формы идейно-политического и эстетического воспитания сохранялось. Выставки пропагандировали достижения национальных культур, способствовали развитию межкультурных и межнациональных контактов. Они стимулировали творческую активность художников, заставляли совершенствовать профессиональное мастерство, и в конечном итоге делали разнообразней и насыщенней культурную жизнь республики.

Таковы были отличительные черты и особенности развития изобразительного искусства Северной Осетии периода «оттепели», вместившего в себя все противоречия и достижения своеобразного исторического этапа, короткого по времени, но насыщенного многими переломными политическими и соци-

ально-культурными событиями. Несмотря на двойственность и неоднозначность рассматриваемого времени, оно оставило заметный след в профессиональном искусстве Северной Осетии. Осетинское искусство развивалось в русле советской культурной традиции, наполняя и обогащая его национальным своеобразием. Отмеченные годы явились временем количественного и качественного роста рядов профессиональных кадров художников. В исследуемые годы в республике, наряду с уже известными художниками, представлявшими старшее и среднее поколение, Аз. Джанаевым, Н. Баллаевой, А. Дзантиевым, И. Дзантиевым, Н. Жуковым, Б. Калмановым, М. Марабанцем, С. Санакоевым, П. Зароном, появляются новые имена. Среди начинающих художников – Ю. Дзантиев, У. Гасиев, З. Абоев, Б. Тотиев и другие. Многие из них получили высшее профессиональное образование в художественных учебных заведениях Москвы и Ленинграда. Высокая профессиональная подготовка, соединенная со знанием истории и культуры своего края, особенностей национального характера, а также незаурядные способности и смелые замыслы, подпитываемые «оттепельными» процессами середины 1950-х – 1960-х гг., открывали перед художниками большие перспективы в творческой деятельности, позволяли им создавать реалистичные художественные образы, передавать красоту народа, его традиций и обычаев.

5.2.3. Музыкальное искусство. Своеобразие ситуации, складывавшейся в музыкальном искусстве Северной Осетии в середине 1950-х – середине 1960-х гг., заключалось в том, что идейно-политическое давление со стороны партийных и государственных органов в этой отрасли художественной культуры проявлялось в не столь резкой и открытой форме, как в литературе или изобразительном искусстве. Поэтому в послесталинское десятилетие музыкальное искусство менее болезненно, чем изобразительное искусство и художественная литература, переживало смену «потеплений» и «заморозков» в обществен-

ной жизни страны. Некоторые послабления в идейно-политическом и эстетическом оформлении творческого процесса в эти годы способствовали заметному оживлению музыкальной жизни республики.

В середине 1950-х гг. в Северной Осетии работали несколько профессиональных музыкальных коллективов: симфонический оркестр, государственный ансамбль песни и танца, оперный ансамбль, эстрадное бюро, оркестр народных инструментов Радиокomiteта и др. Музыкально-педагогическое училище готовило педагогические и исполнительские кадры для художественных коллективов, музыкальных и общеобразовательных школ. В республику нередко приезжали с выступлениями выдающиеся музыканты.

К отмеченному времени осетинское музыкальное искусство вышло на качественно новый уровень, пройдя путь от простых обработок народных мелодий и песен до создания профессиональной музыки в самых разных жанрах и формах. При этом официальное число постоянных членов Союз композиторов Северной Осетии составляло лишь четыре человека. В него входили А. Поляниченко, Н. Карницкая, Т. Кокойти и Л. Кулиев. Сокращение численности членов Союза было вызвано тем, что несколько музыкантов, вошедших в состав организации в период войны и первые послевоенные годы, вернулись домой.

Но, несмотря на немногочисленность творческой организации, внутри нее сложилась ситуация, которая крайне негативно сказывалась на имидже, а вместе с ним на состоянии национального музыкального искусства. Конфликт, тлевший в течение нескольких лет, в 1955 г. перешагнул границы республики и с энергичной подачи бывшего дирижера Северо-Осетинского симфонического оркестра И. А. Аркина был доведен до руководства Союза композиторов СССР. В конфликт оказались втянуты и республиканские партийные и советские органы.

Неблагоприятная обстановка в творческой организации

все более накалялась под воздействием различных факторов. По сути, повторялась история десятилетней давности, когда А. Поляниченко, возглавлявший в тот период Союз композиторов республики, был обвинен в безынициативности и бездеятельности, в результате чего, по мнению оппонентов, в осетинском музыкальном искусстве стало возможным появление «абстрактных» и «безыдейных» произведений. Итогом горячих споров стало смещение А. Поляниченко с поста председателя союза композиторов. Новым руководителем союза был избран Т. Кокойти.

Однако смена руководства не изменила ситуации. Конфликт не был преодолен, и в середине 1950-х гг. вылился в открытую форму. Но теперь груз обвинений оказался гораздо тяжелей, и прежний обвинитель превратился в основного обвиняемого. Т. Кокойти обвинили в непрофессионализме. Под сомнение было поставлено даже его авторство в создании Первой осетинской симфонии. В вину ему ставили неумение организовать работу Союза композиторов. В частности, молодые композиторы И. Габараев и Д. Хаханов мотивировали свой отказ возвращаться в республику невозможностью сотрудничать с руководством творческой организации. Предъявлялись также серьезные претензии в связи с нарушением материально-финансовой дисциплины, «разбазариванием» денежных средств музыкального фонда, руководимого Л. Кулиевым⁹⁹.

К разрешению конфликта вынужден был подключиться секретариат Союза композиторов СССР. По итогам проверки сложившейся ситуации Т. Кокойти был снят с должности, выведен из состава правления и исключен из Союза композиторов Северной Осетии. Его место в творческой организации вновь занял А. Поляниченко.

В течение нескольких лет в отчетной документации Союза композиторов и в прессе не было упоминания о Т. Кокойти. Композитор будто бы выпал из орбиты культурной жизни. Произведения Т. Кокойти не вошли и в программу отчетных концертов, посвященных 40-летию Октябрьской революции.

Имя автора Первой осетинской симфонии не было включено в список осетинских музыкантов, представленный в 1956 г. для готовившегося к изданию «Словаря советской музыки». Заодно обструкции подверглось и творчество его брата, популярного композитора-песенника А. Кокойти.

Культурная реабилитация Аслана и Татаркана Кокойти и возвращение их произведений в репертуар музыкальных коллективов республики стали возможны только в конце 1950-х гг. во многом благодаря личному вмешательству Ваню Мурадели. Композитор курировал осетинское музыкальное искусство в период подготовки к Декаде осетинского искусства в июле 1958 г. и Декаде осетинского искусства и литературы в августе – сентябре 1960 г. в Москве и участвовал в подборе музыкальных произведений для исполнения во время этих мероприятий. Таким образом, творчество братьев Кокойти было вновь востребовано.

Несмотря на обозначенные проблемы социального и морально-этического характера, конец 1950-х – начало 1960-х гг. являлись рубежными для осетинской музыкальной культуры. Свидетельством обогащения музыкального искусства был не только опыт, накопленный в освоении богатств народной музыки и традиций классического искусства, но и включение в музыкальный мир республики новой плеяды молодых композиторов, среди которых особенно выделялись своим талантом Илья Габараев, Христофор Плиев, Дудар Хаханов.

Получив профессиональное образование в музыкальных вузах Москвы, Ленинграда и Тбилиси, молодые композиторы активно работали в различных музыкальных жанрах. Отличительной чертой их произведений являлось обогащение представлений о национальном характере в музыке, расширение круга выразительных средств¹⁰⁰. Осетинские композиторы успешно использовали приобретенные знания и навыки, создавая музыкальные произведения на темы современности. Жизнь современника отражалась в симфонических произведениях, опереттах, кантатах, ораториях.

Важным достижением осетинской музыкальной культуры признана Первая циклическая симфония И. Габараева, названная «Осетинской». Музыковеды отмечали большие достоинства Осетинской симфонии, ее выраженный национальный характер, драматизм и мелодичность музыки. Композитор писал много вокальной музыки. Одной из самых востребованных тем тех лет – теме борьбы за мир был посвящен вокальный цикл «Песни борьбы», написанный в 1957 г. на тексты прогрессивных поэтов Азии. В этих произведениях нашли отражение интернациональные и патриотические тенденции советской музыки. И. Габараев писал вокальные циклы на стихи финских поэтов, романсы, музыку к спектаклям. Его музыка была востребована и кинематографистами. Первый опыт написания музыки к фильму «Сын Иристана», снятому к 100-летию со дня рождения Коста Хетагурова режиссером-постановщиком В. А. Чеботаревым, оказался успешным и положил начало его многолетнему сотрудничеству с миром кино.

Заметный вклад в развитие осетинской музыкальной культуры внес выпускник Московской консерватории Х. Плиев. Он начинал с сочинения песен, но со временем обратился к более сложным музыкальным жанрам. Среди первых его произведений – сюита для симфонического оркестра, одноактная опера «Коста». Ему принадлежит и первая музыкальная комедия «Весенняя песня», которая с успехом шла на театральных сценах Северной Осетии и за ее пределами.

Удачно складывалась творческая биография другого талантливого композитора – Д. Хаханова. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. он был уже признанным музыкантом. Д. Хаханов был известен своими симфоническими произведениями: Торжественной увертюрой, Скрипичным концертом. Первая симфония («Молодежная») композитора, впервые исполненная в Москве 26 августа 1960 г. в Колонном зале Дома союзов, в последующем звучала чаще других написанных им двенадцати симфоний. Она находила живой отклик в сердцах слушателей и часто исполнялась Северо-Осетинским симфоническим ор-

кестром. «Не знаю, насколько верно мое наблюдение, – писал П. Ядых, – но если Прокофьев после шести симфоний пришел с доброй улыбкой к светлой и чистой Седьмой, то Хаханов начал свой путь в симфонизме с такой же доверительностью и откровениями уже в первой симфонии»¹⁰¹. Композитор писал также оратории, кантаты. В 1961 г. им был создан балет «Ацамаз и Агунда». Сюжет балета строился по мотивам нартских сказаний об Ацамазе. Через два года был написан второй балет «Хетаг». Это произведение стало большим творческим достижением автора и ярким событием в осетинской музыкальной культуре¹⁰².

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в музыкальную культуру приходит целая плеяда профессиональных и самодеятельных композиторов – Ф. Алборов, Б. Бораев, М. Бугоев, Ю. Дзитоиев, Р. Цорионти. В марте 1962 г. шесть композиторов Северной Осетии участвовали в 1-м туре Всесоюзного смотра творчества молодых композиторов. На смотр было вынесено тридцать шесть произведений, созданных в разных музыкальных жанрах (музыка симфоническая, вокальная, инструментальная, романсы, песни для хора, эстрадного оркестра и ансамблей). Тринадцать из представленных произведений были одобрены и рекомендованы на второй тур конкурса¹⁰³. Это было заметным достижением молодых композиторов и в целом осетинского музыкального искусства.

В музыкальном искусстве, как и в других областях художественной культуры, соблюдение принципа народности являлось обязательным условием. И этот принцип активно реализовывался в осетинской музыкальной культуре. Наиболее ярко он воплотился в песенном жанре, расцвет которого пришелся на 1950-е – 1960-е гг. В советской музыкальной культуре тех лет широкое распространение получило хоровое исполнительское искусство. Не менее популярным оно было и в Северной Осетии. Хоровое искусство было представлено хоровым коллективом Государственного ансамбля песни и танца, многими другими профессиональными и самодеятельными коллектива-

ми, исполнявшими песни советских и в том числе осетинских композиторов. Гражданственность, патриотизм, интернационализм, труд – вот темы, которые были особенно востребованы в творчестве хоровых коллективов.

Вместе с тем, смягчение идейно-политического климата в стране способствовало духовному раскрепощению общества. Оно корректировало содержание общественных запросов, в том числе в сфере музыкальной культуры. Растущий интерес к частной стороне жизни, осознание ценности отдельной личности делали менее востребованной гражданскую тематику. Перемены наблюдались даже в самой творческой организации, призванной контролировать музыкальный процесс. В мае 1964 г. на одном из заседаний Союза композиторов Северной Осетии на рассмотрение членов Правления Союза была вынесена «Песня мира и труда» самодеятельного композитора И. Потемкина. В итоге обсуждения Дому народного творчества было рекомендовано приобрести песню для исполнения самодеятельными коллективами республики. Но при этом, Д. Хаханов, возглавлявший в этот период Союз композиторов, выражая общее мнение участников заседания, заключил: «Песня доходчива..., но она несовременна»¹⁰⁴.

Таким образом, песни патриотические, трудовые, предназначенные для исполнения большими коллективами и столь востребованные и популярные в прежние годы, постепенно отходили на второй план, уступая место песням лирического плана. Все большую популярность приобретали произведения камерного направления для одного или нескольких исполнителей в сопровождении гармоника, баяна, эстрадного оркестра.

Таким образом, происходила персонализация песенного жанра. Композиторов, поэтов-песенников привлекала частная жизнь человека, его настроение, переживания. Даже обязательные темы патриотизма, идейности, гражданственности передавались теперь через личностное восприятие героя песни. Рождался новый жанр эстрадной песни. Создавались эстрадные коллективы. В середине 1960-х гг. в культурно-просвети-

тельных учреждениях, в учебных заведениях, на предприятиях появляются первые вокальные и вокально-инструментальные ансамбли. Круг почитателей эстрадной музыки рос с каждым днем.

История современной осетинской эстрадной музыки начиналась с творчества профессиональных и самодеятельных композиторов А. Бериева, Б. Газданова, Ю. Дзитоева, А. Койти, Д. Хаханова, Р. Цорионти и др. Многие песни, написанные в 1960-е гг., до сих пор признаются лучшими образцами национального песенного искусства и с удовольствием исполняются музыкантами республики. Они привлекают сердца новых поколений слушателей ясностью музыкального языка, искренностью чувств, глубиной переживания.

В 1960-е гг. североосетинское общество открывало для себя и современную зарубежную музыку. Из-под запретительных ограничений выходил джаз. Ослабление идеологического давления в области музыкальной культуры как нельзя лучше иллюстрировала менявшаяся по данному вопросу позиция Союза композиторов, учитывая, что творческая организация всегда представляла официальную точку зрения в руководстве музыкальной культурой. Профессиональные музыканты, по сравнению с рядовыми слушателями, располагали большими возможностями для знакомства с новыми течениями в музыкальном искусстве, в том числе с творчеством зарубежных композиторов. Многие композиторы и музыкальные деятели: А. Брискин, Н. Карницкая, П. Панасян, П. Ядых имели в своих фонотеках магнитофонные записи и пластинки современной зарубежной музыки. Но даже для них открытое обсуждение достоинств этой музыки было явлением новым и непривычным

Протоколы совещаний Союза композиторов Северной Осетии дают представление об изменениях, происходивших в музыкальной жизни под влиянием «оттепельных» процессов начала 1960-х гг. В январе 1964 г. в Союзе композиторов собрались ведущие музыканты республики, как было заявлено,

для «прослушивания и обсуждения» записей зарубежной «легкой музыки». Ощущение необычности момента не покидает исследователя, знакомящегося с эмоциональными, порой противоречивыми выступлениями музыкантов. Непривычность происходившего особенно ясно передавалась в выступлении одного из участников мероприятия Н.М. Карницкой: «Эти музыкальные номера относятся, несомненно, к жанру современной, так называемой легкой музыки – симфоджаз с пением, ну что же, некоторые из них заслуживают внимания. Эта так называемая интимная легкая музыка имеет конечно специальное направление, ее... можно слушать, сидя за легким ужином в саду, в ресторане, поэтому эта музыка имеет специальное назначение – развлекательное... По-деловому конечно такую музыку слушать трудно, но как жанр эта музыка тоже имеет право на свое существование. Конечно, она оказывает и окажет влияние на формирование определенных стилей и направлений в музыке; некоторые музыкальные номера... построенны с умелым использованием фольклорного мелодического материала, причем все это сделано с большим мастерством и вкусом». Подводя итоги обсуждения, собравшиеся пришли к общему заключению, что современная зарубежная музыка интересна и жизненна, и подобные прослушивания следует устраивать и впредь¹⁰⁵.

В 1960-е гг. многое в музыкальной жизни Северной Осетии происходило впервые. В начале 1963 г. газета «Социалистическая Осетия» писала: «Впервые в нашем городе прозвучали разные по содержанию и стилю произведения русской, советской и зарубежной музыки «Симфонические танцы» Рахманинова, симфония «Памяти Кирова» Мурадели, сюита «Песни и танцы старой Франции» Чулаки. Инструментальные концерты Равеля, Гершвина, Хачатуряна... Подлинной радостью вечера явилось исполнение «Рапсодии в стиле блюз» для фортепиано с оркестром выдающегося американского композитора Дж. Гершвина. В этом красочном темпераментном произведении ярко воплотилась идея «симфонизации» джаза»¹⁰⁶.

Духовное раскрепощение общества под влиянием «оттепели» значительно обогатило профессиональное музыкальное искусство и сделало культурную жизнь Северной Осетии необыкновенно богатой на встречи с выдающимися советскими и зарубежными исполнителями. В конце 1950-х – 1960-е гг. в сопровождении Северо-Осетинского симфонического оркестра, руководимого П. Ядыхом, выступали пианисты В. Ашкенази, Ф. Броу, Г. Гинзбург, Б. Давидович, А. Каплан, скрипачи Г. Барринова, С. Снитковский, виолончелист В. Хомицер. Весной 1963 г. в Советский Союз приехал известный канадский дирижер Отто Вернер Мюллер. Свои гастроли по стране он начал в середине марта с концертов в Орджоникидзе и здесь же завершил их. Вот как запомнилось заключительное выступление мастера перед осетинской публикой: «29 мая, несмотря на проливной дождь, огромный зал Летнего театра был переполнен. Выступал наш симфонический оркестр под управлением Мюллера. И на сей раз концерт, в программе которого симфонии Бетховена (до-минор) и Чайковского (ми-минор) прошел блестяще»¹⁰⁷.

Под управлением Мюллера Северо-Осетинский симфонический оркестр исполнял также произведения Моцарта, Брамса, Баха. О профессионализме и мастерстве музыкантов оркестра отзывался с большим уважением. «Я слышал много лестных отзывов о вашем оркестре, – говорил Мюллер, – и поэтому начал свои гастроли здесь, решил и закончить их в городе Орджоникидзе. Обычно я не люблю провинциальные оркестры, но здесь я чувствую, что могу поделиться своим опытом и многого достигнуть. Мне нравится энтузиазм оркестрантов и то, что они хотят и любят работать»¹⁰⁸.

Середина 1950-х – 1960-х гг. стала важным творческим периодом в развитии песенно-танцевального искусства республики. Новые профессиональные высоты покорялись Государственному ансамблю песни и танца Северной Осетии. Художественный коллектив, возглавляемый Г. Гуржибековым, многого добился в совершенствовании искусства танца. Рабо-

тая над хореографией, руководители ансамбля сохраняли этнографическую первооснову и одновременно стремились обогатить танец новыми красками, сделать его более ярким, живописным, запоминающимся. С ансамблем работали местные балетмейстеры З. Бирагов, З. Битаров. Приглашали постановщиков танцев и извне. В 1964 г. творческий коллектив показал совершенно обновленную программу, над созданием которой вместе с Г. Гуржибековым работали И. Арбатов, Р. Чохонелидзе и Б. Сопоев. В репертуаре ансамбля были представлены не только осетинские танцы, но и танцы других народов: армянский, татарский, аджарский, гуцульский и другие. Новые постановки танцевальных номеров отличались массовостью. Включение большого количества исполнителей в номер подразумевало развитие ансамблевых навыков, способствовало росту исполнительского мастерства артистов.

Ансамбль песни и танца много гастролировал. Летом 1957 г. он участвовал в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве и стал лауреатом Всесоюзного конкурса и Всемирного фестиваля, получил две серебряные медали и дипломы II-ой степени. В том же году состоялись его первые зарубежные гастроли в ГДР. В сентябре 1960 г. ансамбль представлял Северную Осетию в Декаде осетинского искусства и литературы в Москве. Московская публика необыкновенно тепло встречала как старшее поколение мастеров Б. Сопоева, Б. Торчинова, М. Кесаеву, так и молодых солистов ансамбля: А. Баеву, Х. Варзиева, К. Тотоева, А. Хасиева, покораивших сердца зрителей замечательной танцевальной пластикой, высоким профессионализмом, темпераментом и обаянием.

В 1966 г. Северо-Осетинский ансамбль песни и танца был реорганизован в Государственный ансамбль народного танца Северной Осетии «Алан». Руководителем ансамбля был назначен заслуженный деятель искусств Северной Осетии Давид Темиряев. С этого времени началась новая страница в истории ансамбля. В 1968 г. на IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии ансамбль был удостоен золотой медали, а

солисты ансамбля А. Хасиев и А. Баева были отмечены медалями за исполнение дуэтного танца «Хонга». В том же году художественный коллектив занял 1-ое место и получил диплом Министерства культуры СССР на конкурсе танцевальных коллективов страны¹⁰⁹.

Ансамбль приобрел широкую известность. Он много гастролировал по стране. Коллектив «Алана» выступал в Москве, в Ленинграде, в Казахстане и республиках Средней Азии, в Мурманской, Архангельской, Ярославской, Ивановской областях, в автономных республиках и областях Северного Кавказа. Одна за другой следовали приглашения на гастроли в зарубежные страны. В 1960-е гг. ансамбль побывал с концертами в Шотландии, Индии, Чехословакии, ГДР, Польше, Бирме, Швеции, Ливане, Сирии, Сингапуре, Вьетнаме. В основе необыкновенной народной популярности ансамбля и официального признания его профессионального мастерства, свидетельством чему были многие награды, лежал огромный труд творческого коллектива, помноженный на талант, дисциплину, добросовестность и организованность художественного руководителя, педагогов-хореографов, музыкантов и исполнителей.

Музыкальная жизнь республики в середине 1950-х – 1960-х гг. была наполнена многими запоминающимися и важными событиями. Новые музыкальные веяния в менее болезненной форме, чем в других отраслях художественной культуры, пробивали себе дорогу в музыкальном искусстве. Это было время становления и упрочения профессиональной композиторской школы, создания музыкально-исполнительских кадров, развития новых музыкальных коллективов и музыкальных направлений. Изменение общественно-политических ориентиров, смягчение идеологической цензуры способствовало освобождению творческих сил, обогащению музыкальных жанров и стилей.

5.2.4. Театральное искусство. В середине 1950-х гг. профессиональное театральное искусство Северной Осетии пе-

реживало состояние наиболее органичного сочетания достижений русского реалистического искусства и опыта молодой национальной театральной школы.

Важным событием в театральной жизни Северной Осетии была отмечена вторая половина 1950-х гг. Выпускники осетинской оперной студии при Московской государственной консерватории были включены в состав оперного ансамбля Северо-Осетинской государственной филармонии. И в 1958 г. в результате слияния коллективов оперного ансамбля и Северо-Осетинского драматического театра был организован Северо-Осетинский музыкально-драматический театр. Во главе нового творческого коллектива встали два режиссера: драматической труппой руководил Г. Д. Хугаев, музыкальной труппой – Ю. Н. Леков. В таком виде театр просуществовал более десяти лет.

В судьбе объединенного театра это время оказалось крайне непростым. Пришлось решать большое количество проблем организационного, репертуарного, межличностного характера. Тем не менее, несмотря на сложности существования двух групп Северо-Осетинского музыкально-драматического театра, 1960-е гг. явились довольно плодотворным периодом в развитии национального театрального искусства. Новый этап в истории объединенного театра начинался с постановок первой одноактной оперы «Коста» и первой осетинской музыкальной комедии «Весенняя песня» (либретто Р. Хубецовой), написанных Х. Плиевым. В течение последующих десяти лет осетинскими композиторами для музыкальной труппы театра были написаны восемь оперетт, две музыкальные комедии, три балета. На сцене театра ставились оперетты «Жених сбежал» Х. Плиева, «Хамат и Зарина» Д. Хаханова, «Свирель пастуха» И. Габараева, вошедшие в культурное наследие осетинского народа. Тогда же была создана первая многоактная опера на осетинском языке «Азау» И. Габараева.

Театр не замыкался на национальной музыке. Творческие

возможности художественного коллектива, его профессионализм проверялись на постановке классических произведений, таких, как «Травиата» Д. Верди. Еще одним важным шагом в развитии музыкального театрального искусства явилась постановка оперы А. Г. Рубинштейна «Демон», осуществленная в 1969 г. главным режиссером Ю. Н. Лековым. Творческий потенциал театра составляли молодые талантливые, профессиональные певцы: В. Дзусов, Д. Билаонова, Э. Цаллагова, Ю. Бадзазов, Е. Кулаев и другие, получившие музыкальное образование в ведущих высших учебных заведениях страны.

Другой творческий коллектив Северной Осетии – Республиканский театр русской драмы, с самого своего рождения строился на принципах реалистического искусства. В советское время традиции русской реалистической театральной школы продолжили известные режиссеры, среди которых была и Е. Г. Маркова. В 1958 г. вместе со своим учеником Давидом Темиряевым она возглавила театральный коллектив.

Для культуры Северной Осетии рубеж 1950-х – 1960-х гг. был чрезвычайно насыщенным и ответственным временем. Подготовка к двум важным событиям: 100-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова и Декаде осетинской литературы и искусства в Москве определила всю культурную, в том числе театральную жизнь республики. Активное участие в мероприятиях принимали театральные коллективы республики. Представленные Русским театром «Фатима» К. Хетагурова в инсценировке Н. А. Козлова, «Старик» М. Горького, «Лиса и виноград» Г. Фигейредо были встречены взыскательным московским зрителем с большим интересом. На одном из представлений спектакля «Лиса и виноград» занавес поднимался девять раз. По воспоминаниям современников, такого не случилось даже во время выступлений на родной сцене. Художественный руководитель декады В. И. Мурадели в своей итоговой статье для газеты «Социалистическая Осетия» с большим удовлетворением писал, что «Республиканский театр русской драмы оправдал лучшие надежды»¹¹⁰.

Не менее интересную программу представлял Северо-Осетинский музыкально-драматический театр. Декада осетинской литературы и искусства в Москве стала своеобразным экзаменом для объединенного коллектива. В рамках большого культурного мероприятия были показаны два произведения Х. Плиева – одноактная опера «Коста» и музыкальная комедия «Весенняя песня». С концертом выступала также балетная группа театра. Драматическая труппа представляла современную национальную и классическую драматургию. Игра мастеров осетинской сцены и молодого поколения актеров в спектаклях «Чермен» Г. Плиева, «Король Лир» У. Шекспира, «Крылатые» А. Токаева, «В родных горах» Р. Хубецовой. благоклонно принималась московскими зрителями¹¹¹.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в условиях либерализации общественной жизни давление идеологических догм смягчилось, что позволило разнообразить репертуарную палитру театральных постановок. Но содержание сценического искусства, как и в прежние годы, во многом определялось спектаклями гражданского и политического звучания. В репертуаре театров главенствующее место занимала революционная и военно-патриотическая тематика. Огромный зрительский отклик находила тема недавно пережитой войны. Но если прежде главным действующим лицом любого спектакля, представлявшего драматические и трагические события военного и революционного времени, являлся коллектив, то теперь на первый план выходила не безликая масса, а отдельная личность, человек.

Развивая традиции героико-романтического театра, художественные коллективы республики осваивали новый драматургический материал. Театр интересовала судьба обычного человека, преднамеренно или волею случая оказавшегося в центре жестокого противостояния политических сил и вынужденного держать экзамен на нравственность. В этом смысле несомненной удачей национального сценического искусства отмеченного времени стали постановки пьес «Черная девуш-

ка» Р. Хубецовой и «Сармат и его сыновья» Н. Саламова. Они заставляли по-новому, через призму человеческих переживаний и поступков, взглянуть на проблему революции и гражданской войны.

Важнейшей функцией театрального искусства по-прежнему признавалось воспитание духовности, открытости личности перед коллективом, предпочтение общественного интереса личному благополучию. Этим задачам отвечали многие спектакли, ставившиеся на сценах Русского и Осетинского театров по произведениям русской и советской классики: «Дни Турбиных» М. Булгакова, «На дне» М. Горького, «Эшелон» М. Рощина, «Порт-Артур» А. Степанова, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Перед грозой» Е. Уруймаговой и другие.

Воссоздавая историю осетинского народа, национальная драматургия обычно строилась на антитезе: «темное прошлое» и «светлое настоящее». Следуя этой формуле, многие произведения осетинских писателей приобретали поистине трагический смысл. Классовый антагонизм, беспощадность, бескомпромиссность в борьбе за социальную справедливость были присущи спектаклям, создававшимся по произведениям Д. Мамсурова («Афхарты Хасана»), Г. Плиева («Чермен»), Н. Саламова («Сармат и его сыновья»), Р. Хубецовой («Черная девушка»), Г. Хугаева («Богатый дом»). Даже классические произведения Ф. Достоевского, Ж. Мольера, А. Островского, У. Шекспира, Ф. Шиллера, входившие в репертуар театров, заряжались духом социальной непримиримости к чуждым явлениям и классовым врагам.

На протяжении практически всей истории профессионального национального театра важнейшим направлением сценического искусства оставалась шекспириана. Традиции, заложенные блестящей режиссурой В. Фотиева, С. Рейнгольда, З. Бритаевой в соединении с игрой выдающихся актеров Т. Кариаевой, В. Тхапсаева, М. Цаликова, служили надежным основанием для глубокого и последовательного освоения уникального драматургического материала.

В 1960-е гг. Северо-Осетинский музыкально-драматический театр не раз обращался к творчеству великого английского драматурга. Театр осуществил постановки «Макбета», «Кориолана», «Гамлета» У. Шекспира. На театральной сцене с неизменным успехом продолжал идти спектакль «Отелло» в постановке Зарифы Бритаевой. В 1960 г. выдающемуся осетинскому актеру Владимиру Тхапсаеву за огромный вклад в развитие театрального искусства и создание образа Отелло было присвоено звание народного артиста СССР.

Свидетельством демократизации общественной жизни в 1950-е – 1960-е гг. являлась актуализация темы современности и выяснения роли человека, отдельной личности в общественном развитии. Идеино-нравственные искания современного человека превращались в предмет серьезного анализа. Перед театром ставилась задача объяснить причины имевшихся в обществе недостатков, а при необходимости указать на «социальных отщепенцев», с которыми предстояло вести непримиримую борьбу. Решая эту задачу, театры обычно обращались к жанру сатирической комедии на современную тему. В 1950-е гг. появление на сцене осетинского театра комедий С. Хачирова «Дудар и его друзья» и М. Цаликова «Похождения Мурата» вызвали широкий резонанс в обществе. Колоритно ярко изображались отрицательные персонажи, знакомые зрителю по жизни. Сюжетные коллизии раскрывали пороки быта чиновничества, советской бюрократии. Снова, как и в предыдущие годы, комедия представлялась наиболее доступной, социально острой формой отображения современной действительности. С современной комедийной тематикой в репертуаре театров перекликались классические произведения. В 1960-е гг. в Русском театре, к примеру, ставились «Виндзорские кумушки» У. Шекспира, «Ревизор» Н. Гоголя и другие пьесы известных драматургов.

Театральная публика проявляла большой интерес к музыкальному представлению. Между двумя труппами Северо-Осетинского музыкально-драматического театра возникло

творческое соперничество. Они демонстрировали стремление «переманить» зрителя на свою сторону. В этом соперничестве драматическая труппа опиралась на комедию, водевиль и мелодраму. Комедии 1960-х гг. на сцене Северо-Осетинского театра существенно отличались от комедий 1940-х – 1950-х гг. Тематика драматургических произведений не была уже связана с жизнью села, с развитием колхозов, с показом трудящегося человека. Герои новых постановок «сменили адрес», они переселились в город. А вместе с переменой местожительства, потеряли интерес к общественным проблемам и занялись разрешением «семейных неурядиц». Их больше не интересовала производственная тематика, вопросы подъема сельского хозяйства. «Круг забот положительных героев сузился, ограничился поддержанием семейного благополучия», – констатировали театроведы¹¹². Таковы были комедии «Муж моей жены» и «Теща» Г. Хугаева, «Любимая песня» и «Я не женюсь» И. Гогичева и другие. Театральная критика зачастую обоснованно не жаловала подобные спектакли, называла их легкими, поверхностными, не выполняющими своего главного предназначения «осуществлять задачу наказания зла и торжества добра, а не примирения этих противоположных категорий»¹¹³.

Но у зрителя эти постановки, наполненные яркими эффектами, головокружительным ситуациям, музыкальностью, задором и оптимизмом, пользовались огромной популярностью. В комедиях отражался дух современности. Смягчение общественно-политической атмосферы пробуждало индивидуализм личности, делало возможным обращение к частной жизни человека, к семейным, межличностным проблемам. Переживания героев были близки и понятны каждому человеку.

Зрительский успех обеспечивал наполнение театральной кассы. Поэтому нередко при составлении репертуарных планов, включая одни пьесы и отказываясь от других, театры руководствовались соображениями именно материального плана. В частности, по этой причине, из репертуара Северо-Осетинского музыкально-драматического театра была исключена поста-

новка «Кориолан». Сложная философская идея пьесы Уильяма Шекспира с трудом воспринималась зрителями. К тому же произведение, показывающее сильную личность, подавляющую народ, представлялось «скользким в идейном смысле»¹¹⁴. Не сложилась в осетинской театральной культуре и судьба пьесы Федерико Гарсия Лорки «Дом Бернарда Альбы». Ни постановщикам, ни исполнителям не удалось передать глубокий психологизм драматического произведения. Неудачный перевод на осетинский язык не делал доступнее для понимания трудную драматургию Лорки. Спектакль «шел без зрителя» даже в Русском театре. Еще одной неудачей стала постановка пьесы Герхарта Гауптмана «Перед заходом солнца». «Как решать проблему в пьесе, – задавалась вопросом режиссер Зарифа Бритаева на одном из заседаний репертуарного Совета при Министерстве культуры СОАССР 21 августа 1967 г., – как проблему любви старика к молодой девушке (но поймет ли осетинский зритель) или преклонение Матиуса перед чистой Инкен?»¹¹⁵.

Гораздо проще было идти «по накатанной дороге» и ставить более доступные для понимания и привычные для зрителя пьесы «Двое на качелях», «Замок Брудди» или легкие, не обремененные глубоким содержанием комедии осетинских драматургов «Пересол вызывает жажду», «На чужого коня не садись», «Единственный племянник». Такие постановки жестко критиковались партийными кураторами культуры за «мелкотемье», «потакание низкопробным вкусом»¹¹⁶. Критике подвергались не только театральные коллективы, но и Министерство культуры республики, в компетенцию которого входило обсуждение и утверждение репертуарных планов театров. Министерство, строя свою репертуарную политику, «мирилось» с некоторыми «отступлениями» в выборе пьес для постановок, поскольку театральные коллективы помимо решения художественных и воспитательных задач должны были выполнять «производственный план». Во многом благодаря критикуемой властью «отступлениям» решались материально-финансовые проблемы театров.

В несколько ином творческом поле, с учетом специфики этого вида искусства развивался театр кукол. Театр ориентировался в основном на детскую аудиторию, исходя из ее интересов формулировались задачи и формировалась репертуарная политика коллектива. В репертуаре театра кукол были представлены русские сказки и сказки народов мира, произведения осетинских драматургов. Большой вклад в развитие театра внесли режиссер И. Макиева, актеры Е. Зубина, З. Огурешникова, З. Плиева, Ю. Саратовский, М. Тебиев, художники Е. Айвазова, М. Хетагуров. Многие творческие успехи коллектива связаны с именем С. А. Федоровича, возглавившего в 1950-е гг. театр. Поставленный им в 1959 г. в содружестве с художником Е. Айвазовой спектакль «Приключения Къюдино» В. Далиненко вошел в «золотой фонд» театра. Спектакль многие годы оставался в репертуаре. Он был показан около трехсот раз. Первая постановка спектакля для взрослых «Чертова мельница» в 1958 г. была также осуществлена С. Федоровичем.

В 1958 г. наряду с действовавшим русским театром, после десятилетнего перерыва, была воссоздана национальная группа – студия для постановки спектаклей на осетинском языке. С этого времени театр был переименован в Республиканский театр кукол с двумя труппами – русской и осетинской. В национальную студию, пройдя тщательный отбор, вошли режиссер М. Гаев, актеры В. Тедеева, В. Рамонова, И. Алдатова, З. Плиева, Д. Хубеева¹¹⁷.

Для первого представления студии выбрали пьесу В. Каирова «Ацамаз». Пьеса обосновывала идейно-философское направление в развитии нового коллектива. Она заложила основу романтического кредо театра. Вскоре за «Ацамазом» последовали «Лесная сказка» Д. Туаева, «Сын Куртатинского ущелья» С. Федоровича и Ю. Саратовского, «Нарт Сослан» Ю. Сперанского, написанный по мотивам нартских сказаний. Эти спектакли оказывали большое эмоциональное воздействие на детскую аудиторию благодаря увлекательной актерской игре,

удачным режиссерским находкам, новым интересным изобразительным формам, необычной, оригинальной конструкции кукол. Прекрасное оформление спектаклей, интересные находки в конструировании кукол были заслугой молодого художника М. Хетагурова, пришедшего в театр в начале 1960-х гг.

Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., также как и в других видах искусства, большое развитие получили межкультурные связи театральных коллективов. Развивалась гастрольная деятельность. Театры Северной Осетии часто и с успехом выступали на сценах других театров страны. Они представляли свое искусство во многих городах России, Украины, Северного Кавказа и Закавказья. А осетинский зритель также с неизменным интересом и благосклонностью принимал в республике театральные коллективы из разных уголков Советского Союза. Наиболее тесные творческие контакты складывались с театрами соседних северокавказских республик. Мероприятия, проводившиеся в рамках Дней культуры, выливались в форму широкого, организованного творческого обмена достижениями культуры и искусства соседних республик и символизировали укрепление дружеских отношений между народами. Одно из таких мероприятий состоялось вскоре после Декады осетинской литературы и искусства в Москве. В начале февраля 1961 г. прошли обменные гастроли творческих коллективов Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. В Орджоникидзе, Беслане и Ардоне показывали свои спектакли Русский драматический театр имени М. Лермонтова Чечено-Ингушской АССР. В помещении Северо-Осетинского музыкально-драматического театра Чечено-Ингушский драматический театр имени Х. Нурадилова играл спектакли «Патимат», «Женитьба», «Свекровь».

Одновременно Республиканский театр русской драмы показывал жителям Грозного «Старика», «Лису и виноград», «Остров Афродиты» и комедию «Четверо под одной крышей». Музыкальная труппа Северо-Осетинского театра выступала с опереттами «Весенняя песня» Х. Плиева и «Кето и Котэ»

В. Долидзе. Драматическая труппа представляла спектакли «Крылатые» А. Токаева, «Две свадьбы» З. Бритаевой и Н. Саламова и трагедию «Отелло» У. Шекспира в великолепном исполнении В. Тхапсаева. В Чечено-Ингушетии гастролировали Северо-Осетинский симфонический оркестр, Государственный ансамбль песни и танца, коллективы самодеятельного искусства, народные театры. В этом же году по такому же сценарию происходил обмен творческими коллективами с Кабардино-Балкарией¹¹⁸.

В целом, во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. театральная жизнь Северной Осетии была необыкновенно насыщена разнообразными событиями и явлениями. Национальное сценическое искусство достаточно динамично развивалось в большом союзе театральных коллективов СССР. Театральные режиссеры, актеры, художники, музыкальные деятели решали проблемы профессионального совершенствования и, наряду с тем, искали пути сближения творческих задач с планами общественного и государственного развития.

Таковы были основные тенденции в развитии профессиональной художественной культуры Северной Осетии во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. Литературно-художественная жизнь национально-автономной республики отразила всю противоречивость и неоднозначность короткого по времени, но емкого по наполненности социально-политическими и культурными событиями периода «оттепели». Духовное раскрепощение общества под влиянием либерально-демократических процессов внесло содержательные изменения в культурную жизнь, способствовало развитию гуманистических начал в литературе и искусстве, актуализировало поиски нравственного идеала времени. Символом перемен являлся поворот к современной тематике. Главным героем художественных произведений стал обычный человек, современник со своими повседневными заботами, переживаниями.

Наряду с тем, для художественной культуры Северной Осетии период «оттепели» стал временем становления и упроче-

ния профессиональных школ, жанрово-видового и стилевого обогащения профессионального художественного творчества, формирования национальных кадров писателей, музыкантов, художников, театральных деятелей.

5.3. Культурная политика в области литературы и искусства в период «развитого социализма»

Смена политического курса в середине 1960-х гг. изменила духовную атмосферу советского общества и заметно повлияла на дальнейшее развитие советской многонациональной культуры. Постановление Секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» (1969 г.) вновь утверждало административно-командный стиль руководства художественной культурой и определяло этапный характер отношений власти и художественной интеллигенции на весь период «постоттепельного социализма».

В советской политической системе неизменным оставалось предназначение художественной культуры, рассматривавшейся в качестве важнейшего инструмента идейно-политического, нравственно-эстетического воспитания общества. Она выполняла функции утверждения в сознании людей коммунистических идеалов, пропаганды социалистического образа жизни, формирования нового человека, идейно убежденного, преданного Родине интернационалиста, готового трудиться ради ее процветания. Перед творческой интеллигенцией ставились конкретные задачи: облекать в художественную форму темы

труда, ратного подвига, борьбы за мир, патриотизма, интернациональной солидарности. Четкое «целеуказание» обсуждаемых и разрабатываемых проблем представлялось гарантией от крайностей, «которые могли завести тех или иных литераторов, деятелей искусства на путь, лишенный творческой перспективы»¹¹⁹. Главным критерием оценки значимости «художественного продукта» оставалась ее идейно-политическая актуальность.

Художественная культура Северной Осетии, являясь составной частью советской многонациональной культуры, развивалась в русле общесоюзных культурных тенденций. Поэтому идейно-политические установки в управлении художественной культурой поздней советской эпохи определяли характер и содержание литературно-художественного процесса и в национально-автономной республике. Деятельность культурных органов и учреждений искусства Северной Осетии строилась на основе решений высших партийно-государственных органов страны (постановлений, указов, распоряжений и др.). На местном партийно-государственном уровне они дополнялись и претворялись в культурной жизни с учетом специфики многонационального региона.

Творческие деятели и художественные учреждения призваны были выполнять не только просветительские и популяризаторские функции, воспитывать нравственность, эстетические вкусы населения. Деятельность художественной интеллигенции подчинялась обслуживанию практических задач экономического и социально-политического развития республики.

5.3.1. Художественная литература. Огромная ответственность в решении поставленных задач, как и прежде, возлагалась на писателей, «инженеров человеческих душ». Культурно-партийной бюрократией был определен перечень проблем в качестве объектов художественного осмысления и отображения действительности. Творческая личность получала свободу выбора в рамках нескольких основных тем: революционной,

военно-патриотической, исторической и современной. Эти темы становились приоритетными направлениями творческого поиска во второй половине 1960-х – первой половине 1980-е гг.

Важнейшей организационно-идеологической аргументацией творческого поиска для негласного внутривнутрипартийного использования, безусловно, являлось следующее обстоятельство. В 1960-е гг. в пору творческой зрелости вступило поколение писателей-фронтовиков. Пройдя через военную жизненную прозу на грани смерти, они принесли в послевоенную литературу иную меру ценностей, переосмысленные творческие принципы. Появление таких писателей, как В. Некрасов и А. Солженицын, В. Астафьев и Д. Гранин с тяжелейшим багажом жизненного, фронтового опыта формировало новую литературную среду правды, пронесенной сквозь фронты и лагерные испытания.

Идеологи и носители традиционных идей социалистического реализма в художественной литературе на практике убеждались в несоразмерности их позиции с правдой новых властителей дум молодежи. В ответ на произведения и на бескомпромиссную творческую позицию вольнодумцев официальная идеология приняла меры по массовому вовлечению писательских организаций республик, краев и областей страны в масштабные всесоюзные пропагандистские акции, длившиеся подчас месяцы, а то и годы и служившие важным средством профилактики инакомыслия в творческой среде. Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. поводов для таких акций сложилось много. В 1967 г. страна должна была отметить 50-летие Октябрьской революции, в 1970 г. – 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, в 1982 г. – 60-летие образования СССР и другие знаменательные исторические и политические события в жизни страны.

Необыкновенно насыщенным в отмеченный период был календарь «знаменательных дат» общественно-политической и культурной жизни Северной Осетии: празднование 200-ле-

тия присоединения Северной Осетии к России, 60-летия установления советской власти на Тереке, 50-летия и 60-летия советской автономии и т. д. В рамках новой культурной политики творческая деятельность национальной художественной интеллигенции целенаправленно стимулировалась подготовкой к празднованию революционных и политических событий общесоюзного и республиканского масштаба. Литературная жизнь и литературный процесс в республике тематически, хронологически и содержательно были тесно увязаны с юбилейными датами.

В охранительных рекомендациях республиканского Союза писателей активно применялся художественный прием, строившийся на антитезе: «хорошее» – «плохое». Первое символизировало «светлое настоящее», второе – то, что досталось от «темного прошлого» или угрожало со стороны «загнивающего Запада». Логическое развитие этой схемы в художественных произведениях порождало героев двух типов. К первому типу относились «свои» (герои): «революционеры», «красные», «патриоты», «строители новой жизни». Ко второму – «чужие» (антигерои): «враги революции», «белые», «носители мещанской психологии и западных ценностей». Воплощение подобного художественного приема, как правило, не предполагавшего существования полутонов, было в наибольшей мере характерно для литературных произведений, воссоздававших историю революционных событий и гражданской войны на Северном Кавказе.

Социальным радикализмом, патетикой и пафосом революционной борьбы были пронизаны романы «Молот и наковальня» С. Марзоева, «Терская коловерть» А. Баранова, «В ущелье Батара» В. Секинаева, «От битвы к битве» К. Бадоева, «Пробуждение» Г. Черчесова, повесть «Когда пробуждаются камни» М. Цагараева, драматические произведения «Честь отцов» Г. Хугаева, «Судьи» Г. Плиева и др.¹²⁰

Особый интерес в контексте борьбы с инакомыслием в художественной литературе местная культурно-партийная бю-

рократия проявляла к теме Великой Отечественной войны. Эхо войны сопровождало героев романа Г. Бицоева «Зеркало неба», повести Т. Ефимцова «Зеленый цех», пьес Р. Хубецовой «Материнская слава», С. Кайтова «Прерванная песня», Д. Темиряева «Плач фандыра». Мужество и героизм советского человека, нравственная чистота, скрепленное кровью боевое братство были предметом творческого отображения для поэтов-фронтовиков Г. Кайтукова, Д. Дарчиева, Г. Плиева, Т. Тетцоева¹²¹.

Однако рафинированная поэтизация подвига солдата на фронте и его близких в тылу не отражала в тот период меры трагедии, масштабов жертв, которыми заплатил советский народ за победу. Слова об окопной правде и жизни тыла в осетинской литературе ожидали своего времени...

В основе многих литературных произведений лежали реальные, документальные события революционного и военного прошлого Осетии. В повести Т. Бесаева «Как трудно орлу» читатель встречался с участником революционных событий на Дальнем Востоке, большевиком, красным командиром Х. Гетоевым. В романах «Под псевдонимом Ксанти» Г. Черчесова, «И мертвые вставали» В. Цаголова был воспроизведен путь боевой славы генералов Красной Армии, Героев Советского Союза Х. Мамсурова и Т. Хетагурова. Огромное место тема патриотического подвига осетинского народа занимала в творчестве Т. Джатиева. Его перу принадлежала повесть «Сабельный звон», в которой он создал образ генерала армии, дважды Героя Советского Союза И. Плиева. Многие повести и художественные очерки писателя рассказывали о судьбе реальных героев-земляков – Б. Цаллагова, И. Дауровой, А. Кесаева, К. Кочиева, Х. Хатагова – генералов, летчиков, конников, моряков и партизан¹²².

В советский период традиционно большое место в национальной художественной культуре в контексте историко-революционной и патриотической тематики занимала тема «Ленин и горцы». Однако своего пика осетинская художественная ле-

ниниана достигла на рубеже 1960-х – 1970-х гг., когда страна широко отмечала 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Практически не было ни одного творческого деятеля и художественного учреждения, которое бы осталось в стороне от творческого осмысления этой темы.

Непосредственно к ленинскому юбилею было приурочено издание поэтического сборника «Осетия о Ленине поет». В начале 1970-х гг. вышли в свет повесть К. Дзесова «Памятник из песни и камня» и поэма В. Малиева «Из века в век». Произведения этих авторов имели для местного партийного руководства особый смысл, поскольку и К. Дзесов, и В. Малиев еще недавно числились в списках «политически неблагонадежных лиц». К. Дзесов в 1930-е гг. был подвергнут политическим репрессиям, а отец В. Малиева погиб в лагерях ГУЛАГА. Подстраиваясь под дошедшие до окраин отзвуки уходящей «оттепели», власти на местах активно вовлекали потенциальных носителей инакомыслия в безусловные общегосударственные мероприятия.

В последующие годы ленинская тема еще не раз становилась инструментом пропаганды, в частности, идей интернационализма, пролетарской солидарности и дружбы народов. В период «развитого социализма» она сопрягалась с тематикой формирования единой семьи, великой Родины – оплота мира и прогресса. Эти идеи нашли отражение в поэтических произведениях А. Гулуева, Б. Муртазова, Н. Джусойты, А. Царукаева, Т. Ефимцова, Г. Кайтукова, А. Кодзати, К. Ходова, М. Дзасохова, З. Хостикоевой и др.

Пропагандистским и воспитательным задачам, укреплению дружеских отношений между народами служил жанр исторического романа, который получил большое развитие в 1960-е – 1970-е гг. О многолетней борьбе горцев Чечни и Дагестана против самодержавия повествовала книга Х.-М. Мугуева «Буйный Терек». Истории первого Осетинского посольства в Петербурге середины XVIII в. был посвящен роман В. Цаголова «Послы гор». Другой роман писателя «За Дуна-

ем», переносил читателя к событиям русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и подтверждал мысль о давности дружеских связей болгарского и осетинского народов, чье боевое братство сложилось еще в период борьбы за освобождение Болгарии от османского ига¹²³.

Особое внимание к жанру исторического романа в конце 1960-х – первой половине 1980-х гг. среди руководящих партийных кругов объяснялось, прежде всего, контрпропагандистскими задачами. Как известно, в отмеченный период широкие слои населения получили доступ к альтернативным источникам информации. Значительная часть общества слушала различные «голоса» западных радиостанций, которые активно обращались к страницам истории народов СССР, особенно насыщенным идеологическими расхождениями. Интерпретация событий революции 1917 г., вопросы присоединения народов Кавказа к России являлись важнейшими в «повестке дня» борьбы за умы подрастающих поколений в многонациональном регионе. К не менее важным идеологическим составляющим контрпропаганды относилось укрепление международных связей в рамках «социалистического лагеря». Северная Осетия, установившая побратимские связи с Кырджалийским округом Болгарии, укрепляла их и благодаря усилиям художественной интеллигенции, осетинских писателей, вносивших свою лепту в популяризацию исторических связей братских народов СССР и Болгарии.

Рассмотренные выше темы составляли значительный пласт художественной литературы республики в период позднего социализма. Но приоритетной в региональной культурной политике, впрочем, как и в общесоюзной, признавалась тема современности. Пристальное внимание к современной тематике обосновывалось ее высоким воспитательным значением. «Лучшие из произведений на историко-революционную и военно-патриотическую тему, разумеется, современны по своему звучанию, – отмечалось в материалах V съезда писателей Северной Осетии (1972 г.), – значение их в патриотическом

воспитании трудящихся, особенно молодежи – бесспорно. Но живая наша действительность и те, кто ее творит, движет, т. е. наш современник, герой труда – все же главная забота литературы»¹²⁴.

«Совершенно очевидно, – развивал озвученную мысль председатель Союза писателей республики Д. Темиряева на VI съезде писателей Северной Осетии в феврале 1977 г., – что залог успеха любого произведения в его идейно-художественных качествах, в том, какое нравственно-эстетическое воспитательное воздействие оно способно оказать на широкие массы. А это возможно лишь в том случае, если в нем будет отражено то основное, существенное, чем живет страна, что стало частью личных судеб советских людей. Поэтому партия нацеливает нас на создание в первую очередь произведений о современности, о людях высокого долга, патриотах и интернационалистах»¹²⁵.

Немало внимания обсуждению темы современного героя в произведениях писателей Северного Кавказа было уделено выездным Секретариатом писателей РСФСР, состоявшимся в 1977 г. в Грозном. Перед творческой интеллигенцией ставились конкретные практические задачи, которые состояли в том, чтобы «отражать действительность с жизнеутверждающих позиций, изображать героику и романтику строительства «светлого будущего»¹²⁶.

Региональная культурно-партийная бюрократия активно поддерживала интерес к современной тематике и ставила писателей перед проблемой создания образа современника, гражданина, труженика и патриота. Она призывала отражать идейно-нравственные искания современника, требовала воспитывать любовь к родине, верность долгу. При этом, писатель был обязан пропагандировать служение идеалам социализма, осуждать проявления мещанской психологии, ханжества, звать на борьбу с «пережитками прошлого». То есть руководствоваться принципами социалистического реализма и «на новом этапе строительства коммунизма».

Следует отметить, что это требование не вызывало отторжения в писательской среде, поскольку оно соответствовало общечеловеческим, гуманистическим идеалам, проповедуемым национальной интеллигенцией. Поэтому интерес к современнику, гражданину, человеку труда, пробудившийся на волне «оттепели» в литературе и искусстве Северной Осетии, был достаточно неподдельным в конце 1960-х-1970-е гг. Выступая на IV съезде писателей Северной Осетии в ноябре 1967 г. литературовед Х. Н. Ардасенов отмечал: «Если лет 10 назад писателей призывали повернуться лицом к современности, то теперь современность стала основным содержанием нашей прозы»¹²⁷. Но к середине 1980-х гг. этот интерес становился конъюнктурным, идеологическим фетишем.

В осетинской прозе («Сын кузнеца» А. Агузарова, «Орел могуч в поднебесье» Г. Бицоева, «Быстрина» У. Богазова, «Прости меня, Дзерасса» А. Кодзати, «Дом Сурме» В. Малиева, «Любимые дети» Р. Тотрова) поднимались проблемы ответственности человека за свои поступки, осознания своего предназначения, противопоставления личного («мелкого») интереса и общественного («высокого») блага. Перед нравственным выбором стояли и герои поэтических произведений (сборники «Я родился в горах» Н. Джусойти, «Грусть лани» Ш. Джикаева, «Мужество» А. Кодзати, «Там, где летают орлы» Т. Тетцоева, «Хлеб да соль» К. Ходова, «Будто стою я перед святыней» А. Царукаева).

Трансформация интереса к человеку труда выразилась в целеустремленном тяготении творческой личности к исследованию и осмыслению жизненной конкретики современности. Это вело к проникновению элементов очерка в художественные произведения, тем самым укрепляя реалистическую основу создаваемых произведений. Применительно к художественной литературе на эту особенность обратила внимание литературовед И. В. Мамиева при анализе повести К. Дзесова «Первые шаги»¹²⁸.

Последовательное соединение художественного вымысла

и документальной основы в осетинской литературе привело к формированию художественно-документальной прозы как самостоятельного направления литературного творчества. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. это новое направление литературного творчества стало основной частью в практике «государственного заказа». Отражая события современности «языком искусства», оно обеспечило развитие литературного процесса в республике. Писатели отправлялись в творческие командировки, посещали строительные объекты, промышленные предприятия, колхозы и совхозы республики. По итогам накопленных в ходе поездок впечатлений создавались документальные повести и рассказы, героями которых выступали реальные люди, своей жизнью и трудом, заслужившие уважение и признание общества. В ряду таких произведений были повесть К. Дзесова «Хозяйка птичьего царства» о птичнице Марии Урумовой, повесть К. Бадоева «Наш Хатахцико» о старом большевике Х. Фриеве, рассказы Т. Джатиева «Мои седые кудри» о колхознице Лички Карсановой и «Магистраль дружбы» о строителях Терско-Кумского канала¹²⁹.

Естественно при этом, что мерилom художественной ценности произведений, носивших заказной характер, выступал талант и нравственная позиция писателя.

Обязательность следования принципам соцреализма, по-прежнему, единственно допустимого метода познания действительности, существенно сужала арсенал творческих возможностей художника и, соответственно, осложняла решение художественных задач. Одностороннее, одномерное восприятие окружающей действительности, идеализация героя «социалистической реальности» не позволяли раскрыть всю сложность и многогранность общественно-политических процессов, понять и оценить чувства и поступки обычных людей в непростых жизненных обстоятельствах.

Поэтому прогрессивно мыслящая интеллигенция, стремясь избежать схематизма и однообразия творческих приемов, искала в социалистическом реализме свой путь в постижении

многообразных проявлений современной жизни. Возникали новые формы связей разных художественных жанров, языковые и стилистические новации, семантическая многомерность и иносказательность. Они, в совокупности, поддерживали лучшие традиции национальной литературы в гуманистическом восприятии человека, в пробуждении интереса к жизни и судьбе отдельной личности.

5.3.2. Профессиональное искусство. Также как и художественная литература, профессиональное искусство Северной Осетии было тесно увязано с историко-политическим контекстом времени. Художники, музыканты, деятели театра и кино в своем творчестве шли теми же «проторенными дорогами», что и писатели. Определяющими направлениями творческого поиска в искусстве выступали темы революции, войны и современности. Стремление обратиться к древней истории, изучить народные традиции и обычаи, которые однозначно квалифицировались в этот период как «пережитки прошлого», не встречало одобрения власти. Четкое определение круга проблем, предлагаемых для творческого освоения, гарантировало, по утверждению партийно-культурной бюрократии, от произведений, «слабых в идейном и художественном отношении», создающих условия для «активизации вредных пережитков, чуждых, вредных настроений»¹³⁰.

Историко-политическая ретроспекция, реализуемая в подобном ракурсе, в «постоттепельный» период приобрела, таким образом, не только функции творческой преемственности, но и сохранения и укрепления идеологических базовых ценностей коммунистического строительства.

Глобальная идея построения коммунистического общества, сформулированная в партийных документах начала 1960-х гг., требовала соответствующего художественного оформления. Поэтому с середины 1960-х гг. в советской культуре вновь растет интерес к монументальному искусству – «большому стилю», расширявшему возможности для героизации револю-

ционного и военного прошлого и созидательного настоящего. На смену искусству «малых форм» в виде бюстов, надгробных памятников периода «оттепельного аскетизма» с хронологическим отдалением в обратной пропорциональности приходят произведения иных размеров и форм.

Отмеченные процессы нашли яркое проявление в искусстве Северной Осетии. Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. были созданы мемориальные памятники борцам за установление советской власти, участникам революции и гражданской войны на Тереке и в Северной Осетии. В скульптурах и живописных полотнах представляли не только реальные исторические личности, но и образы, созданные воображением художников. Мифологизация героев революционных событий породила и соответствующий художественный стиль – стиль революционного неоромантизма. Именно в этом стиле была создана галерея живописных и скульптурных «рыцарей революции» Осетии: «Становление советской власти в Осетии» З. П. Абоева, «Всадники революции» Ш. Е. Бедоева, «Революционеры Северного Кавказа», «Да здравствует революция!» Ю. А. Дзантиева, «Вестник революции» Э. А. Саккаева, «Киров в с. Ольгинское» Б. Н. Калманова, «Памятник С. М. Кирову» М. Н. Дзбоева и др.

Большой пропагандистский и воспитательный потенциал несла в себе военная тематика, которая находила горячий отклик в сердцах людей. В 1970-е – 1980-е гг. во многих селах и районах республики создаются мемориальные памятники, увековечивавшие подвиг народа в Великой Отечественной войне. В канун 30-летия Победы над фашистской Германией в селах Эльхотово и Майрамадаг были открыты мемориальные комплексы героическим защитникам Суарского ущелья и участникам сражения у Эльхотовских ворот (скульптор Б. Тотиев). Среди заметных явлений национальной монументальной пластики, воплотивших образы защитников Отечества, были памятник Петру Барбашову, сражавшемуся под Владикавказом осенью 1942 г. и подобно Александру Матросову

закрывшему грудью вражеский взлет (скульпторы Б. Тотиев и Н. Ходов), памятник преподавателям и студентам Северо-Осетинского государственного университета, павшим в годы войны (автор М. Дзбоев), «Скорбящий конь. Жителям Куртатинского ущелья, не вернувшимся с войны» (автор Д. Цораев) и др. Реквиемом по погибшим, исполненным неизбывной материнской скорби и огромного мужества, стала картина Б. Калманова «Мать». Сюжету картины нетрудно найти аналогию в реальной действительности. Прообразом матери могла послужить Каллагова из с. Кадгарон – мать пятерых сыновей, не вернувшихся с войны. Или Газданова из с. Дзуарикау и Сеоева из г. Моздок. У каждой из них по семь сыновей ушли в бессмертие. Однако работа художника была не столько конкретным портретом, сколько символическим изображением всех матерей, в пламени войны потерявших своих детей.

Практически все отмеченные выше авторы в разные годы были удостоены звания лауреата республиканской премии имени Коста Хетагурова за творческий вклад в разработку военной тематики¹³¹.

Тема революции и войны занимала большое место в профессиональном театральном искусстве Северной Осетии. Театральные коллективы решали задачу воспитания патриотизма и жертвенности ради социалистической идеи. Мысль о силе добра, справедливости и высокой нравственности утверждали спектакли, поставленные по произведениям советских драматургов и местных авторов («Отверженный ангел» Ш. Джикаева, «Эшелон» М. Рощина, «Порт-Артур» А. Степанова, «Соловьиная ночь» В. Ежова, «Орлиная гора» Д. Темиряева, «Перед грозой» Е. Уруймаговой, «Материнская слава» Р. Хубецовой).

Задачи идейно-нравственного воспитания, утверждения общечеловеческих ценностей, пропаганды социального оптимизма ставились и перед самым молодым видом искусства в Северной Осетии – кинематографом. Первый полнометражный любительский фильм «Осетинская легенда» (по роману

немецкого писателя Иксуля о Кавказе) был поставлен группой энтузиастов во главе с Аз. Джанаевым, выступившим не только художником, но и сценаристом и режиссером фильма. Его любовь к киноискусству, профессиональные навыки, приобретенные в годы учебы в институте кинематографии, а также великолепное знание быта горцев позволили исполнить мечту – «оживить своих героев». Ведь, как писал художник, «образы кино, те же образы изобразительного искусства, только в движении»¹³². Фильм вышел на Всесоюзный экран в 1966 г. и имел большой зрительский успех.

История же профессионального киноискусства в республике началась с создания Северо-Осетинской студии телевизионных фильмов. В 1968 г. здесь по заказу Центрального телевидения был снят первый телевизионный фильм Северо-Осетинской студии телевидения – фильм-опера «Возвращение Коста». Он был приурочен к 110-летию со дня рождения основоположника осетинской литературы К. Л. Хетагурова. Над созданием фильма работал интернациональный коллектив: режиссер В. Чеботарев, сценаристы М. Цагараев, И. Шароев, композитор Х. Плиев, актеры М. Икаев, Е. Туменова и др.

Важнейшим периодом в истории становления национального кинематографа стали 1970-е гг. Тогда в республике был построен Кинокомплекс, который стал основой киноиндустрии практически для всех северокавказских республик. Создание развитой материально-технической инфраструктуры кинопроизводства в республике стало возможным во многом благодаря инициативе председателя Комитета по телевидению и радиовещанию Совета Министров СОАССР писателя, драматурга и киносценариста А. Т. Агузарова. На базе Северо-Осетинского кинокомплекса в 1970-е – 1980-е гг. были сняты десятки художественных и сотни документальных фильмов для национальных республик Северного Кавказа¹³³.

Введенная в советской кинематографии с середины 1970-х гг. система государственных заказов, позволявшая с точки зрения власти «выражать общественную потребность в

тех или иных произведениях киноискусства» и обеспечивать «преимущественные условия» для их создания¹³⁴, еще более акцентировала внимание творческих деятелей на освоении темы революции и войны. Идеи классовой солидарности и революционного романтизма утверждались во многих фильмах конца 1960-х – 1980-х гг., снятых Северо-Осетинской студией телефильмов: «Жизнь, ставшая легендой» (режиссер Б. Дзбоев, сценарист Г. Черчесов), «Костры на башнях» (режиссеры Р. Меркун, Ю. Чулюкин, В. Чеботарев, сценаристы М. Цагараев, С. Чахкиев), «По следам Карабаира» (режиссер Р. Гаспарянц, оператор М. Немыцкий), «Кольцо старого шейха» (режиссер Р. Гаспарянц, оператор М. Немыцкий, сценарист Ю. Чулюкин).

В историко-революционную и военно-патриотическую тематику в искусстве активно вплеталась ленинская тема. В фильмах о революции и гражданской войне на Тереке эта тема звучала своеобразным закадровым рефреном. В других видах искусства она облекалась в осязаемый образ. Национальную художественную Лениниану в изобразительном искусстве представляли скульптурные памятники и композиции Ч. У. Дзанагова «В. И. Ленин», С. П. Санакоева «Ленин и горец», «Памятник в горах», живописные полотна А. В. Джанаева «Делегация Горской республики у В. И. Ленина», П. М. Зарона «К товарищу Ленину». В музыкальном искусстве эта тема реализовывалась в основном в жанре героической песни. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. были написаны песни Т. Я. Кокойти, А. А. Кокойти, Е. А. Колесникова «Песня о Ленине», Х. Плиева «Горцы поют о Ленине» и другие. На сценах театров обычно к различным юбилейным политическим датам приурочивались постановки спектаклей «Кремлевские куранты», «Именем революции», «Третья патетическая», «Вьюга»¹³⁵.

Актуальной проблемой многонационального северокавказского региона традиционно являлась эффективность пропаганды идей интернационализма и дружбы народов. После исправления перегибов в государственной национальной по-

литике перед деятелями искусства Северного Кавказа в 1960-е – 1970-е гг. еще более актуализировалась задача пропаганды межнационального мира и согласия в регионе. Призыв отражать тему дружбы народов, звучавший с трибун различных партийных форумов, а также съездов, совещаний творческих союзов Северной Осетии находил поддержку в среде художественной интеллигенции¹³⁶.

Следует признать важным с точки зрения многонационального и многоконфессионального северокавказского региона, без преувеличения, положительный опыт деятельности Северо-Осетинской студии телефильмов в решении этого «государственного заказа». Интернациональный творческий коллектив, объединявший представителей разных национальностей (русских, осетин, аварцев, ингушей, кабардинцев, чеченцев и т. д.), служил примером гармоничного творческого взаимодействия и объективно содействовал углублению взаимопонимания между народами. На Северо-Осетинской студии работали режиссеры И. Бурнацев, Б. Дзбоев, Р. Гаспарянц, В. Чеботарев, Ю. Чулюкин, операторы М. Немысский, М. Темираев, сценаристы А. Абу-Бакар, А. Агузаров, М. Цагараев, С. Чахкиев, Г. Черчесов, композиторы Ф. Алборов, И. Габараев, М. Кажлаев, А. Макоев, актеры Б. Ватаев, А. Дзиваев, Ю. Мерденов, Д. Омаев, А. Тухужев, Р. Фиров, Т. Шукалиев и многие другие представители творческой интеллигенции России и Северного Кавказа.

Созданные на базе студии художественные («Костры на башнях», «Чермен», «Чегери» и др.) и документальные («Терек – река дружбы», «Соседа полюбить сумеи», «Мир Кавказу», «Земляки» и др.) фильмы служили воспитательным и пропагандистским задачам формирования дружеских отношений между народами Кавказа.

Воспитанию интернационализма служила монументальная пластика. Образцом национального монументального искусства признан двухфигурный конный монумент Дружбы, посвященный 200-летию присоединения Северной Осетии к

России. Это важное с политической и культурной точки зрения событие было торжественно отмечено в 1974 г. Но работа над монументальным памятником продолжалась до начала 1980-х гг.

Сооружению монумента Дружбы придавалось большое государственное значение. Весь процесс от замысла до его реализации курировался обкомом КПСС и Министерством культуры Северо-Осетинской АССР. В течение нескольких лет коллектив художников (Ч. Дзанагов, С. Санакоев и М. Царикаев) трудился над решением сложной творческой задачи. Литейные работы по изготовлению скульптурной части памятника в бронзе были осуществлены на Ленинградском заводе художественного литья «Монументскульптура». В 1981 г. монументальный памятник был принят государственной приемочной комиссией и привезен в Северную Осетию¹³⁷.

Открытие монумента Дружбы в столице республики было приурочено к юбилейным торжествам, связанным с 60-летием образования СССР в 1982 г. Памятник символизировал нерушимую дружбу между двумя народами – русским и осетинским. «Народ, достигший сегодня впечатляющих успехов в развитии своей экономики и культуры, получивший национальную государственность, – говорил на открытии монумента первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС В.Е. Одинцов, – видит начало своего возрождения именно в том историческом акте двухвековой давности, когда рядом с собой он почувствовал плечо старшего брата и друга, союзника и защитника, спасителя от порабощения иноземными захватчиками»¹³⁸. В том же году памятник был выдвинут на Государственную премию СССР.

Помня о политически заказном характере сооружения монумента Дружбы, тем не менее, подчеркнем без преувеличения высокий уровень творческого осмысления темы, что позволило создать произведение, действительно имеющее не только политическую, но и большую художественную ценность. Памятник признан значительным достижением национального

монументального искусства советского периода.

В целом, темы революции, Великой Отечественной войны, определявшиеся партийно-культурными кураторами в качестве основных направлений художественного осмысления действительности с позиций метода социалистического реализма, занимали значительное место в художественной культуре Северной Осетии в период «развитого социализма». Они служили идеологическим подспорьем, методологической базой для рассмотрения актуальных проблем дальнейшего развития социалистических ценностей в советском обществе.

Вместе с тем, приоритетным направлением творческого поиска со второй половины 1960-х гг. становится современная тематика. Перед деятелями искусства ставилась задача создания привлекательного образа советской действительности, формирования оптимистичного восприятия происходивших в общественной жизни перемен. Художественная интеллигенция республики откликалась на формулируемые требования, привнося, при этом, в свои произведения большую документальность, обогащая содержание искусства социалистического реализма в видах и жанрах.

Обязательность воплощения образа современного героя – труженика, патриота, интернационалиста – служила серьезным побудительным стимулом для развития портретного жанра в изобразительном искусстве Северной Осетии. Во многих живописных и скульптурных произведениях художников Северной Осетии легко узнавались лица известных в республике людей – передовиков производства – рабочих и колхозников, видных представителей интеллигенции – врачей, ученых, писателей, театральных деятелей и просто обычных людей – друзей, соседей, родственников. Художественная и психологическая достоверность создаваемых образов отличала большинство произведений осетинских художников. Богатство духовного и эмоционального мира своих героев раскрывали живописцы А. Дзантиев («Портрет Нигера»), П. Зарон («Портрет дочери»), скульптор Ч. Дзанагов («Портрет хирурга И. Г. Дзи-

лихова», «Портрет Народного артиста СССР В. Тхапсаева) и др.

Другим обязательным объектом художественного осмысления выступала тема созидательного труда. Сюжеты черпали из реальной жизни. Зарисовки, наброски, сделанные во время творческих командировок, служили основой для написания картин П. Зарона «Рабочие Садона», Ш. Бедоева «Краса Кубани», К. Хетагурова «Металлурги Осетии», М. Кабулова «В бригаде». В скульптуре «малых форм» работали С. Санагоев («Строители Транскавказской магистрали»), Н. Нестеренко («Артисты на Транскаме») ¹³⁹.

Образы современности реализовывались и в жанре монументального искусства, призванной утверждать в общественном сознании позитивные социальные ценности современности. В 1970-е гг. художники Северной Осетии осваивали сложную технику фрески. Созданные ими работы украшали общественные и культурные учреждения. Среди них – большое мозаичное панно «Пионерия Осетии» во Дворце творчества для детей и юношества (Б. Фидаров, В. Кисиев), монументальная роспись в фойе Северо-Осетинского драматического театра (У. Гассиев, Ф. Гаглоев), интерьеры Республиканского художественного салона (В. Кцоев), фасад Дворца культуры металлургов (У. Гассиев, Б. Тотиев). В этой же стилистике были созданы мозаичные композиции «Игра в мяч» (Б. Фидаров, Э. Саккаев), росписи «Ацамаз», «Праздник урожая» (Б. Фидаров, Б. Дзиов) ¹⁴⁰.

Учитывая политически ангажированный характер и идеологическую направленность обозначенных работ, следует, вместе с тем, иметь в виду, что профессионализм и мастерство художественного сообщества Северной Осетии достигли к этому времени того уровня, который гарантировал высокое качество художественного исполнения большинства подобных государственных заказов.

Сложившийся на протяжении послевоенных десятилетий кадровый потенциал и высокий профессиональный уровень

художников обеспечили ей место в ряду лучших национальных художественных школ периода «развитого социализма». Свидетельством признания осетинской школы изобразительного искусства было неизменное участие художников Северной Осетии в разнообразных (всесоюзных, всероссийских, региональных и иных) выставках. К примеру, на юбилейной Всероссийской выставке «60 лет Великого Октября» в 1977 г. экспонировалось тридцать семь произведений восемнадцати авторов из Северной Осетии, на Всесоюзной выставке – восемь произведений семи авторов¹⁴¹.

Традиция представления лучших образцов осетинской школы изобразительного искусства на различных выставках сохранялась и в последующие годы. Как вспоминал М. О. Царикаев, возглавлявший в 1980-1989 гг. Северо-Осетинское отделение Союза художников, во время одного из заседаний в Союзе художников РСФСР в Москве к нему обратился председатель творческой организации С. П. Ткачев. Он поинтересовался, будут ли «осетины участвовать в выставке?». «...без вас (осетинских художников – И. Ц.), – сказал С. П. Ткачев, – выставка российская не получится в полном профессиональном объеме»¹⁴².

Как известно, в отличие от визуальных видов искусства, музыка не обладала способностью ни воссоздавать реальность «как она есть», ни нести в себе прямого идеологического заряда, соответствующего коммунистической идеологии. Поэтому музыка, как правило, привлекалась к решению идеологических задач через создание синтетических художественных форм, окрашенных в нужные эмоциональные тона¹⁴³. В творчестве композиторов Северной Осетии тема современности воспроизводилась в литературно-музыкальных произведениях.

Вокально-инструментальные произведения (кантаты и оратории Д. Хаханова «Слава труду», «Торжественная песнь», «Цвети и здравствуй Иристон», И. Габараева «Песня моя, Иристон», Т. Хосроева «Певец земли родной» и другие) были рассчитаны для исполнения большими хоровыми коллективами и

оркестрами. Но в 1970-е гг. эти музыкальные произведения уже не пользовались прежней популярностью. Кризисные тенденции в музыкально-хоровом искусстве проявлялись и в распаде хоровых коллективов – профессиональных и самодеятельных («на общественных началах»), и в снижении интереса слушательской аудитории к данному жанру музыкального искусства. Подобная ситуация болезненно воспринималась в творческой, особенно композиторской среде, терявшей исполнительскую базу. Поэтому на протяжении 1970-х гг. музыкальные деятели республики не раз обращались к партийному руководству республики, от позиции которого в решающей мере зависело решение вопроса, с просьбой о создании профессионального хорового коллектива¹⁴⁴. В конце концов, вопрос был решен положительно. И в январе 1981 г. был создан Камерный хор при Северо-Осетинской государственной филармонии под управлением А. Кокойти.

В 1980-е гг. деидеологизация репертуарной политики и высокий исполнительский уровень коллектива обозначили начало нового этапа в развитии хорового искусства в республике. Камерный хор «Алания» занял место в ряду ведущих музыкальных исполнительских коллективов России. В концертных программах хора зазвучали шедевры зарубежной и русской классики, малоизвестные опусы современной хоровой музыки, популярные шлягеры и фольклорные песни. В репертуаре хора широко и многообразно была представлена осетинская народная и профессиональная музыка¹⁴⁵.

Вместе с тем, общемировые тенденции в развитии музыкальной культуры оказывали все более заметное влияние на развитие советского музыкального искусства, в том числе его региональных компонентов. С конца 1960-х, особенно в 1970-е – начале 1980-х гг. в музыкальной жизни Северной Осетии значительное развитие получает эстрадное музыкальное искусство. Республика вместе со всей страной переживала массовое увлечение вокально-инструментальными ансамблями. Художественные коллективы создавались в учреждениях куль-

туры, в учебных заведениях, на промышленных предприятиях. Руководителям вокально-инструментальных ансамблей рекомендовалось исполнение произведений советских, в том числе местных композиторов, что стимулировало развитие жанра эстрадной музыки. В этом направлении плодотворно работали многие местные композиторы. Национальным колоритом, искренностью и ясностью музыкального языка отличались лучшие песни А. Бериева, Б. Газданова, А. Кокойти, Д. Хаханова, Р. Цорионти¹⁴⁶.

Большая роль в обсуждении проблем современной жизни отводилась театральному искусству. Театр должен был объяснить причины имевшихся в обществе недостатков, а при необходимости указать на «социальных отщепенцев», с которыми нужно вести непримиримую борьбу. При этом комедийный жанр по-прежнему представлялся наиболее понятной и доступной для зрителя формой отражения действительности. Многим спектаклям, созданным в жанре комедии и поставленным на сценах республиканских театров, был свойственен жизнерадостный примитивизм. Но они не отличались глубиной постижения характера современных героев, психологической достоверностью образов, и потому подвергались справедливой критике театроведов¹⁴⁷. Однако в этом жанре, несомненно, были и удачные постановки. Живой зрительский интерес вызывали спектакли «Я, бабушка, Илико и Илларион» по пьесе Н. Думбадзе, «Не говорите, что не слышали» по пьесе В. Гаглоева, «Старики» по пьесе В. Гутнова, «Энциклопедисты» по пьесе Л. Зорина и др.¹⁴⁸

Для решения нравственных проблем современности нередко привлекался и иной драматургический материал. На сценах республиканских театров шли спектакли по пьесам А. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске», В. Гаглоева «Почему улыбаются звезды», П. Вежинова «Барьер», И. Друцэ «Святая святых», В. Розова «Гнездо глухаря», А. Соколовой «Фантазии Фарятьева», Ш. Чадуа «Кукла», А. Чхеидзе «Свободная тема». Они обсуждали острые проблемы современной жизни

(мещанство, обывательская психология, бюрократизм, взяточничество, пьянство и другие проявления асоциального поведения), ставили вопросы о предназначении человека, поиске им своего места на земле. Тему нравственного выбора и моральной ответственности за свои поступки поднимали спектакли по пьесам А. Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся», А. Колосовского «Дикий ангел» и др.¹⁴⁹ Театральные деятели пытались объяснить причины растущей социальной апатии, показать опасность нравственной коррозии общества и обесценивания социалистических идеалов.

В обсуждении обозначенных проблем участвовала и национальная кинематография. Осваивая тему современности, она вела разговор об ответственности человека за свои поступки перед товарищами, близкими людьми, об осознании своего предназначения в жизни («Встреча проездом» (режиссер Б. Ватаев), «И оглянулся путник» (режиссер И. Бурнацев) и др.).

Активно разрабатывалась тема сельской жизни. Она звучала особенно актуально на фоне нарастающего кризиса в сельском хозяйстве, сопровождавшегося значительным ухудшением ситуации с продовольственным снабжением населения в 1970-е – начале 1980-х гг. и массовым оттоком наиболее трудоспособной части сельских жителей в города. Власть требовала от творческой интеллигенции включиться в кампанию по оказанию «шефской помощи селу». Кино должно было содействовать привлечению в село и закреплению молодых специалистов в сельскохозяйственном производстве. Решать эту задачу мыслилось, в частности, через создание художественными средствами привлекательного образа сельской колхозной жизни, формирования образа труженика, патриота, любящего и работающего на своей земле. Именно этим целям служили лирические комедии: «Ах, любовь» (режиссер Б. Дзбоев), «Во всем виновата Залина» (режиссер Р. Меркун) и др.

Закономерно, что национальная кинематография, как никакой другой вид искусства, зависела от практики государствен-

ного заказа. Определялась не только тематика «заказных» фильмов. Особое внимание обращалось на идеологически выверенную стилистику художественного языка, приемы и формы отражения действительности. Идеологическая и тематическая предопределенность художественного замысла породила схематизм и шаблонность художественных приемов, существенно ограничивала возможности создателей фильмов, часто мешала созданию полнокровных, достоверных кинематографических образов. Представляемые зрителю производственные и межличностные конфликты практически никогда не поднимались до уровня социальных обобщений. Искусственно сконструированные, они легко разрешались. Вместе с тем, заложенный в них заряд социального оптимизма был необычайно востребован в обществе. Наблюдая за жизнью экранных героев, смешными ситуациями, в которых они оказывались, и их благополучным разрешением, зритель проникался верой в добро и торжество справедливости.

В целом анализ состояния литературно-художественного процесса в Северной Осетии периода «развитого социализма» дает право говорить о поступательном развитии национальной художественной культуры в рамках метода социалистического реализма. Партийно-государственная власть стимулировала активность писателей, художников, музыкантов подготовкой к празднованию революционных и политических событий союзного и республиканского масштаба. В среде художественной интеллигенции получил хождение даже специальный термин – «датские произведения». Несмотря на заказной характер и идейно-политическую направленность творческого поиска, многие художественные произведения отмеченного периода по степени воспитательного воздействия на духовное состояние общества, по уровню идейно-эстетического осмысления исторических событий и художественного исполнения явились значительным вкладом в национальную художественную культуру.

5.4. Власть и художественная интеллигенция в период «развитого социализма»: проблема взаимоотношений

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. литература и искусство продолжали развиваться в рамках метода социалистического реализма, единственного, официально допустимого метода познания и отражения мира. Подавляющим большинством национальной художественной интеллигенции необходимость следования принципам соцреализма не вызывала неприятия и воспринималась скорее не как принуждение, а как осознанная данность. Объяснение этому видится в том, что интеллигенция по социальному происхождению и по возрасту принадлежала советской эпохе. Ее творческое мировоззрение формировалось в условиях господства коммунистической идеологии. Поэтому принципы, на которых строилась советская художественная политика, не воспринимались ими как социально чуждые. Национальной художественной интеллигенции были особенно близки пропагандируемые принципы народности и социалистического гуманизма.

Но ограничение творческой свободы художника, вмешательство в творческую лабораторию порождали инертность и самоконтроль при реализации художественного замысла. Следование внутренней цензуре приводило к увеличению числа художественных произведений, состоявших из штампов и кочевавших из произведения в произведение дежурных, «ходульных» персонажей, ничего общего не имевших с современниками. В 1970-е гг. проблема создания «полнокровного образа современника – коммуниста, рабочего, интеллигента, труженика села, ... типичного представителя государства трудящихся», по признанию самих творческих деятелей, оставалась нерешенной художественной задачей¹⁵⁰.

Описательность и однообразие повторяющихся художе-

ственных образов были присущи многим произведениям национальной художественной литературы и искусства, что вызывало критику со стороны представителей творческих союзов РСФСР, непосредственно курировавших деятельность республиканских организаций. В частности, обсуждению вопросов развития осетинской литературы было посвящено заседание Секретариата правления Союза писателей в мае 1971 г. Анализируя роман Г. Цаголова «За Дунаем» критик Г. Бровман, отмечал: «...написано это на том допустимом уровне, когда произведение нельзя «зарезать» ни Главлиту, ни критику. Но опасность в другом – самое опасное, когда появляется книга, которая не волнует, но которую и в корзину не бросишь. Почему это происходит? Потому что В. Цаголов идет по проторенному пути. У него нет здесь своего взгляда, а есть традиционное описание исчезнувшего быта и страданий народа под игом самодержавия и под игом турков»¹⁵¹.

Нелицеприятное мнение о том, что «в осетинской прозе мало своего неповторимого, а много вторичного и не всегда продуманного» высказывали и другие участники заседания¹⁵². Впрочем, схематизм и повторяемость художественных образов вызывали гораздо меньше нареканий со стороны культурно-политической бюрократии, чем обнаруживаемые в художественных произведениях «рецидивы пессимизма», «потоки безысходности и неприкаянности». В начале 1970-х гг. в адрес творческой интеллигенции вновь зазвучали обвинения в «безыдейности», «аполитичности» и «национализме»¹⁵³.

В официальной культуре отсутствие оптимистичного настроения среди художественной интеллигенции в оценке текущей жизни считалось неприемлемым. В результате, художник практически был лишен возможности иметь на какую-либо проблему взгляд, расходившийся с политической линией. Сложился гласный и негласный табуированный перечень тем, обращение к которым признавалось нежелательным. Из сферы творческого осмысления изымались вопросы, касавшиеся истории далекого прошлого народа, его

традиций и обычаев, состояния традиционной национальной культуры.

Особенно обостренно воспринимались дискуссии и попытки публичного обсуждения проблемы функционирования национального языка. К этому времени уже отчетливо проявились негативные последствия реформы национальной школы 1950-х – 1960-х гг. Сужение сферы использования национального языка в результате реформы неизбежно вело к угасанию языковой традиции и к ухудшению перспектив развития национальной культуры. Деятели культуры справедливо выражали обеспокоенность в связи со складывавшейся ситуацией¹⁵⁴. Однако попытки обсуждения проблемы и критические оценки государственной языковой политики решительно пресекались, поскольку они не согласовывались с концепцией создания наднациональной общности – советский народ, языком которой был избран русский язык.

Действенным средством преодоления и профилактики инакомыслия в творческой среде, в том числе в национальных регионах, должна была стать литературно-художественная критика. Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» от 21 января 1972 г. требовало освободить критику от «примиренческого отношения к идейному и художественному браку, от субъективизма, приятельских и групповых пристрастий», повысить ее роль «в решении задач коммунистического строительства, в формировании общественного мнения, в борьбе с чуждыми взглядами и концепциями»¹⁵⁵.

Усиление критического настроя в отношении художественной интеллигенции первыми как обычно ощутили писатели. В начале 1970-х гг. на страницах республиканских газет и журналов появлялись статьи, вскрывавшие «политические и другие ошибки» ведущих писателей республики, представлявших старшее поколение (Г. Плиев, Б. Муртазов, Т. Бесаев) и молодых (А. Кодзати, Ш. Джикаев, Г. Бицоев, К. Ходов, А. Царукаев). Осетинским писателям инкриминировали невнимание к современным проблемам, ненужную детализацию событий

далекого прошлого, неопределенность эстетической и политической позиции, наличие идейных ошибок, пропаганду религиозных верований¹⁵⁶.

Одна из подобных публикаций в газете «Растдзинад» от 18 июня 1970 г. была посвящена критике сборника стихов Ш. Джикаева «Грусть лани». Автор статьи «Рæдыд фæндагыл» («На неверной дороге») обвинял поэта в субъективности, в неверной оценке исторических событий и личностей, попытке оправдать Муссу Кундухова, возглавившего переселение осетин в Турцию. Анализируя стихотворение «Летним вечером в Цейском ущелье», Т. Коцов спрашивал: «К чему призывает Джикаев? Возможно, он хочет, чтобы молодежь снова обратилась к религии и возносила молитвы в бывшем святилище Реком»¹⁵⁷. Не менее жесткие критические замечания в адрес видных осетинских поэтов содержала статья Е. Тедеева «Уацмысæн – бæлвырд хъуыды» («Произведению – точный смысл»), опубликованная в июне 1974 г. в той же газете. За религиозность, «поклонение божествам», неумение видеть «светлое сегодня» и «прекрасное будущее» осуждали А. Царукаева. «.. надежда и спасение поэта в церкви, религии, молитве, неведомой силе... По разному можно воспринимать стихотворение, настолько неопределенен его смысл». Не менее критично воспринималось творчество А. Кодзати. Его обвиняли в том, что он якобы не видит главного в жизни, не думает об острых, злободневных проблемах современности, «бежит от них прочь» и «прячется в своих переживаниях»¹⁵⁸.

Отстаивая свое видение мира, подвергнутые критике поэты искали поддержки у творческой организации. Общее собрание Союза писателей Северной Осетии, состоявшееся 16 июля 1974 г., обсудило критическую публикацию и постановило: «1. Появление статьи Е. Тедеева... считать явно ошибочным, т. к. она преследует цель – оклеветать в целом творчество одаренных поэтов А. Царукаева, А. Кодзати и К. Ходова, но не интересы развития литературы»¹⁵⁹.

Вдохновленные решением творческого союза писатели по-

пытались на страницах газеты «Растдзинад» ответить на критику в свой адрес. Но официальная реабилитация не состоялась. Редакция газеты, являвшейся органом обкома КПСС и выражавшей его мнение, не признала правомерность решения собрания Союза писателей и отказала в публикации ответной статьи¹⁶⁰.

Нетипичным в данной ситуации представляется решение Союза писателей, который поддержал подвергшихся критике авторов. В конфликтных ситуациях творческие союзы, как правило, руководствовались мнением партийно-государственных органов власти. Если творческое кредо и политическая позиция художника противоречили идеологическим требованиям, то он не мог рассчитывать на защиту своих интересов со стороны творческой организации.

В целом в 1970-е гг., судя по количеству публикаций в периодической печати по вопросам культурной жизни, в республике резко выросла активность литературно-художественной критики. Однако и объективно, и по оценке партийно-культурной бюрократии ее эффективность была невысокой. «Критика наша не выполняет своей роли разведчика путей развития литературы, не обобщает ее опыт, не прокладывает мостов от традиции к новаторству, очень часто напоминает бесплодное занятие – коллекционирование достоинств и недостатков произведения», – отмечало руководство писательской организации на V съезде писателей Северной Осетии в 1972 г.¹⁶¹

«Критические» публикации на страницах североосетинской печати имели мало общего с объективной оценкой творческого процесса в республике и позднее. Как отмечали участники VII съезда писателей Северной Осетии в 1982 г., замалчивались новаторские произведения, не получали должного отпора голословные нападки или чрезмерное захваливание, когда в потоке негативных или дружеских оценок искажались истинная сущность и общественная значимость художественного произведения¹⁶².

Таким образом, критика была лишена своего главного

предназначения – быть принципиальной, научно обоснованной, полемичной сферой сотворчества. Ее отличали тенденция к взаимному «амнистированию», невысокая требовательность, боязнь испортить отношения, демонстрация групповых предпочтений, организация критических откликов на свои произведения. Как правило, «критические» публикации в периодической печати имели мало общего с объективной оценкой творческого процесса в республике. Но они служили средством политического контроля и идеологического сдерживания и одновременно способствовали преднамеренному разобщению национальной художественной интеллигенции.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что, несмотря на усиление идейно-политического давления, возврата к прежним репрессивным методам ограничения творческой личности все же не произошло. Более того, можно отметить, что опыт сотрудничества между властью и интеллигенцией на основе диалога, накопленный в годы «оттепели», получил в исследуемый период дальнейшее развитие. На протяжении конца 1960-х – 1970-х гг. между властью и интеллигенцией сложились отношения, которые отличались крайней противоречивостью и сложностью, но они позволяли контролировать умонастроения творческой личности.

Важным средством обеспечения лояльности интеллигенции служили методы материального и морального стимулирования творческой активности. Вручение государственных наград, присвоение званий, получение денежных премий за творческую деятельность, привлечение к участию в различных конкурсах, выставках, улучшение материально-бытовых условий – эти и другие средства находились в «арсенале» политического руководства республики. Их успешно использовали в практике манипулирования сознанием и поведением творческой личности. При этом в цепочке «художник-власть» присутствовали два главных действующих звена, в конечном итоге определявших судьбу творческой личности, – руководство творческого союза и обком КПСС. Все вопросы, связан-

ные с награждением, премированием, выдвижением на звания, разрешением на гастрольные поездки за рубеж обсуждались сначала на заседаниях правлений творческих союзов (нередко с подачи партийно-культурных кураторов). Окончательный вердикт выносил обком КПСС.

Поощрительные акции часто приурочивались к юбилейным датам в жизни страны, республики и самой творческой личности: издавались литературные произведения писателей, устраивались персональные художественные выставки, организовывались концерты, ставились спектакли на сценах республиканских театров и т. д. Большим стимулом для творческого деятеля служило представление к республиканской премии имени Коста Хетагурова за творческий вклад в развитие науки, литературы и искусства, учрежденной в 1964 г. Северо-Осетинским обкомом КПСС и Советом Министров республики. Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. лауреатами премии имени Коста Хетагурова стали многие известные деятели культуры. Среди них были писатели С. Марзоев, Г. Кайтуков, М. Цагараев, художники Б. Калманов, А. Джанаев, Б. Тотиев, композиторы Х. Плиев, Д. Хаханов, режиссеры и актеры З. Бритаева, Т. Кеворков, В. Вершинин и др.¹⁶³ В 1972 г. Северо-Осетинским обкомом ВЛКСМ была учреждена еще одна республиканская премия, присуждавшаяся творческой молодежи.

Во второй половине 1960-х – 1970-е гг. в национальных регионах государственная политика в сфере художественной культуры целенаправленно строилась с учетом использования возможностей культуры в обеспечении «советизации» общества, воспитании единой интернациональной общности «советский народ». Вместе с тем, центральная власть ориентировала региональные политические и культурные элиты на регламентированное развитие национальных литератур и искусств, культивируя дух соревновательности между ними. Высшее руководство страны поощряло местные партийно-государственные органы власти, представителей шефствующей

хозяйственной элиты в стремлении к расширению культурной инфраструктуры, укреплению материально-технической базы культурных учреждений, подготовке профессиональных кадров и т. д. Сложилась определенная система поощрений не только для творческой интеллигенции, но и для политических и культурных деятелей за содействие в развитии национальной культуры (награждение орденами «Знак почета», «Дружбы народов» и др.). Благодаря этой политике в моду входило политическое меценатство. Поддержка национальной культуры становилась делом престижа для республиканских властей. В среде культурно-политической бюрократии регионов формировался новый тип руководителей – подвижников развития национальной культуры.

Личностный фактор приобретал особую значимость в формировании региональной культурной политики. Среди видных партийных и советских деятелей республики, объективно содействовавших своим деятельным участием развитию национальной культуры в рассматриваемый период, выделялись первый секретарь обкома КПСС Б. Е. Кабалоев, министр культуры С. Е. Ужегов, председатель Комитета по телевидению и радиовещанию А. Т. Агузаров и др.

Партийно-советское руководство республики находилось в постоянной переписке с центральными органами власти, различными ведомствами по вопросам организации и обеспечения культурного процесса в республике. Наиболее тесные контакты сложились с Министерством культуры РСФСР. Анализ переписки между руководителями обкома КПСС (первый секретарь Б. Е. Кабалоев, секретарь по идеологии А. Г. Кучиев) и федеральными министрами (Н. А. Кузнецов, Ю. С. Мелентьев) позволяет выделить перечень наиболее часто обсуждавшихся проблем. Здесь были вопросы, связанные с улучшением материально-технического и финансового положения культурных учреждений, повышением их статуса. Обсуждались проблемы строительства новых культурных объектов, подготовки профессиональных кадров, организации гастролей, публикации

произведений местных авторов в центральных издательствах и т. д.¹⁶⁴

Одним из основных направлений региональной культурной политики являлась организация новых культурных учреждений, художественных коллективов. В июле 1971 г. Министерство культуры РСФСР удовлетворило ходатайство обкома КПСС и Совета Министров СОАССР о создании на основе музыкальной труппы Северо-Осетинского музыкально-драматического театра самостоятельного музыкального театра¹⁶⁵. Первый сезон нового театра в 1972 г. открылся премьерой оперы В. Мурадели «Великая дружба».

В конце 1960-х гг. была основана Северо-Осетинская студия телевизионных фильмов («Базовая студия по производству кино на Северном Кавказе») ¹⁶⁶. В 1970-е гг. во многом благодаря активной позиции руководства республики, прежде всего председателя Комитета по телевидению и радиовещанию А. Т. Агузарова был построен Кинокомплекс, который превратился в киноплощадку для всех северокавказских республик¹⁶⁷.

В конце 1960-х – начале 1980-х гг. значительно расширилась инфраструктура учреждений искусства. Была создана прочная база для развития изобразительного искусства и национальных художественных промыслов. Построены Республиканский выставочный зал, Дом художника, творческие мастерские, творческий производственный комбинат, в структуру которого входили ювелирные, деревообрабатывающие, керамические и другие цеха.

Активно реализовывалась кадровая политика. Задача обеспечения профессиональными кадрами существовавших и вновь создаваемых творческих коллективов решалась отчасти за счет привлечения специалистов в республику. Так, по приглашению министра культуры И. А. Гаппаева в 1964 г. на родину вернулся М. О. Царикаев, проработавший более 12 лет в НИИ игрушки в г. Загорске (ныне г. Сергиев Посад). Ему было поручено формирование в республике нового направления в

профессиональном искусстве – декоративно-прикладного искусства¹⁶⁸.

В начале 1970-х гг. по приглашению Министерства культуры республики Ю. Леков занял должность художественного руководителя нового музыкального театра, а З. Газданова возглавила Художественное училище¹⁶⁹. С открытием в 1973 г. этого учебного заведения республика получила возможность готовить специалистов средней квалификации в области живописи, декоративно-прикладного искусства.

Одновременно предпринимались дополнительные меры по формированию кадров художников, музыкантов, актеров и других творческих профессий в высших художественных институтах Москвы, Ленинграда, Еревана, Баку. Особое внимание уделялось подготовке специалистов из представителей титульной национальности. В письме Б. Е. Кабалоева (январь 1970 г.) на имя министра культуры СССР Е. А. Фурцевой отмечалось, что Северо-Осетинский музыкально-драматический театр «испытывает острую нужду в высококвалифицированных кадрах вокалистов коренной национальности. Солисты, окончившие в 1949 г. оперную студию при Московской государственной консерватории, достигли пенсионного возраста...». Обком КПСС просил выделить республике 10 внеконкурсных мест в Московскую консерваторию и 5 мест в Институт им. Гнесиных на 1970-1971 учебный год¹⁷⁰.

Накануне открытия музыкального театра в ноябре 1971 г. обком КПСС с подобным же письмом обратился в Министерство культуры РСФСР. Он просил при составлении плана набора на 1972-1975 гг. «предусмотреть студию при Ленинградском государственном хореографическом училище им. А. Я. Вагановой для подготовки артистов балета в количестве 15 человек, а также выделить 10 льготных мест на подготовительные курсы вокального факультета Московской государственной консерватории для подготовки национальных кадров вокалистов». Министерство культуры уведомяло о возможности организации студии с 1973 г. Одновременно разрешало

произвести прием в Орджоникидзевское училище искусств по специальности «артист ансамбля народного танца» и ходатайствовало перед Министерством культуры СССР о выделении внеконкурсных мест в Московской консерватории¹⁷¹.

Республиканские власти предпринимали меры по повышению статуса и улучшению материального обеспечения творческих коллективов. В 1970-е гг. обком КПСС находился в активной переписке с Министерством культуры РСФСР по вопросу о переводе Республиканского русского драматического театра, театра «Саби», Симфонического оркестра Северо-Осетинской госфилармонии в первую категорию¹⁷².

Анализ документальных источников позволяет составить картину довольно тесного взаимодействия между представителями власти и художественной интеллигенции в исследуемый период. В 1970-е – начале 1980-х гг. в среде определенной части музыкантов, художников, писателей сложилась традиция «просто так... на огонек», заходить в министерство культуры или обком партии¹⁷³. Представители партийно-государственных органов (руководители ведомств, зав. отделами, инспектора структур управления) постоянно участвовали в работе оценочных и приемочных комиссий, репертуарных советов и пр. К примеру, в бытность С. Е. Ужегова министром культуры он вместе со своими подчиненными, как правило, присутствовал при прослушивании и обсуждении программ культурных мероприятий как всероссийского, так и республиканского масштаба¹⁷⁴.

Таким образом, на протяжении конца 1960-х – 1970-х гг. сформировалась практика своеобразного диалогического сотрудничества между политическим руководством и творческой интеллигенцией республики, которая обеспечивала базу для достаточно динамичного развития национальной художественной культуры в рамках соцреализма и, вместе с тем, позволяла осуществлять контроль умонастроений интеллигенции относительно более «мягкими» методами.

Но в начале 1980-х гг. практически был разрушен сложив-

шийся паритет во взаимоотношениях между властью и интеллигенцией. Несомненно, на изменение характера этих отношений повлияли кризисные процессы, особенно отчетливо проявившиеся в общественной жизни страны на рубеже 1970-х – 1980-х гг. В еще большей степени катализатором резкого «охлаждения» отношений между республиканской властью и культурой стали трагические события 24-26 октября 1981 г. в столице республики г. Орджоникидзе. В постановлении ЦК КПСС «О крупных недостатках Северо-Осетинского обкома КПСС в идейно-политическом воспитании трудящихся» от 12 января 1982 г. отмеченные события были расценены как антиобщественные, националистические выступления осетинского народа. Постановление ЦК КПСС было обсуждено и одобрено на состоявшемся вскоре V пленуме обкома КПСС. Новое руководство республики провело «чистку» партийных, советских, хозяйственных и административных органов¹⁷⁵. В решениях V и VI пленумов обкома КПСС, постановлениях бюро обкома КПСС и в средствах массовой информации подчеркивалась необходимость «проявлять политическую бдительность, не оставлять без внимания малейшие проявления национализма, национального самолюбования, ограниченности и кичливости»¹⁷⁶.

От творческой интеллигенции требовалось «изжить недостатки и упущения» и «перестроить работу в духе постановления ЦК КПСС». Первый секретарь обкома КПСС В.Е. Одинцов в своем выступлении на VII съезде писателей Северной Осетии 31 мая 1982 г. назвал писателей идеологическими работниками, а Союз писателей – боевым отрядом творческой интеллигенции, «на который областная партийная организация может положиться»¹⁷⁷.

Использование военно-политической терминологии в отношении творческих деятелей свидетельствовало о наступательном характере руководства республики в сфере литературы и искусства. От творческих работников требовали создания произведений, которые бы раскрывали «страстно и доказа-

тельно торжество ленинской национальной политики, духовных и нравственных ценностей великой дружбы и братства всех народов нашей страны, народов, проживающих в Северной Осетии»¹⁷⁸.

Культурно-бюрократическая элита демонстрировала готовность следовать политической линии руководства республики и принимала на себя обязательства воспитывать писателей, художников, журналистов в духе высокой идейности, гражданственности и творческой активности¹⁷⁹.

В новых исторических реалиях художественная интеллигенция вновь держала экзамен на «политическую зрелость». Любые попытки обратиться к древней истории и культуре своего народа, рассказать о его выдающихся представителях, о национальных традициях и обычаях могли быть восприняты как демонстрация национальной кичливости, стремление противопоставить себя другим народам, навязать мысль о превосходстве осетин, об исключительности их нравов и обычаев. От творческих деятелей требовалось пропагандировать идеи интернационализма, дружбы между народами, не допускать никакого намека на национальные противоречия.

Но уложить многовековую, сложную, противоречивую историю народа, его непростых, подчас драматических отношений с окружающим миром, с соседними народами, в «прокрустово ложе» партийных указаний было крайне проблематично. Поэтому обвинения в национализме в 1980-е гг. с новой силой зазвучали в адрес национальной художественной интеллигенции.

По сложившейся традиции, главным объектом критики по-прежнему были писатели. От них требовали четкого следования политическому курсу, поскольку, как отмечал на V пленуме Северо-Осетинского обкома КПСС, председатель Союза писателей Северной Осетии М. Т. Цирихов: «Неясная линия в разработке тем приводит отдельных авторов к неверным обобщениям и идейным ошибкам, к проявлению националистических тенденций...». Поводом для критики стало и издание

первого тома сочинений Е. Бритаева, составителем и автором предисловия которого выступил Ш. Джикаев. Автора обвинили в том, что выступление тагаурцев в начале XIX в. против политики самодержавия он назвал «великой патриотической войной», а его руководителя Хазби «вознес до ранга национального героя».

Критике подверглось и руководство Северо-Осетинского драматического театра. Как отмечалось: за «увлечение тематикой седой старины». Театру указали на ошибочность постановки пьес «идейной сомнительной ценности» – «Сослан Царазон» Г. Плиева, «Отверженный ангел» Ш. Джикаева которые шли на его сцене не один год¹⁸⁰.

Оценивая ситуацию, сложившуюся в сфере науки и художественной культуры в первой половине 1980-х гг., следует признать, что эти годы стали временем значительного усиления цензурного гнета, сужения творческой свободы художника. При этом нужно отметить, что ограничения в области литературно-художественного творчества были связаны не столько с расширением круга запретных тем и имен (они остались неизменными), сколько ужесточением и усложнением процедуры прохождения через цензурные инстанции. Громоздкая система политического контроля, сформировавшаяся на протяжении второй половины 1960-х – начала 1980-х гг., существенно усложняла процедуру принятия решений в области литературы и искусства и повышала риск субъективных оценочных суждений. В стремлении соответствовать требованиям политической конъюнктуры региональная власть нередко перестраховывалась, негативно оценивая творческую деятельность художественной интеллигенции с точки зрения ее общественно-политической значимости. Вместе с тем, партийно-советские руководители, последовательно реализуя свою цензурную политику в отношении «неудобных», умело преломляли ее в своих интересах при поощрении «нужных» людей, «придворных речеписцев»¹⁸¹.

Подобная практика в отношениях, действовавшая как меж-

ду властью и интеллигенцией, так и внутри творческих сообществ, давала немало поводов для конфликтов. Порой конфликт перерастал в открытую форму, и тогда одна из сторон, как правило, противостоящая обкому КПСС, апеллировала к вышестоящим (всесоюзным, всероссийским) цензурным инстанциям. Республиканское партийное руководство крайне негативно реагировало на подобные случаи. Оно полагало: «Лучше 10 раз нарушить приказы и распоряжения госкомиздатов, чем один раз не выполнить указание секретарей обкома»¹⁸². Как видим, на республиканском уровне обком КПСС оставлял за собой право быть главным политическим цензором в культурной сфере, в том числе при разрешении конфликтных ситуаций.

В целом, анализ взаимоотношений власти и интеллигенции во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг., подводит к заключению об их двойственности и противоречивости. Для периода «развитого социализма» было характерно свертывание либерально-демократических тенденций периода «оттепели» и усиление идеологической цензуры во всех сферах духовной жизни общества, в том числе в области художественной культуры. Абсолютного возврата к прежней практике жесткого подавления творческой инициативы в сфере литературы и искусства не произошло, но нарастание репрессивных методов регулирования творческого процесса было налицо. При этом в культурной политике обозначились два этапа (вторая половина 1960-х – 1970-е гг. и первая половина 1980-х гг.), различавшиеся по характеру и степени интенсивности идеологического давления в художественной сфере, воздействия на творческую личность и вмешательства в творческий процесс.

На первом этапе в отношениях региональной власти и национальной интеллигенции дальнейшее развитие получила практика диалогического сотрудничества, основы которой были заложены еще в годы «оттепели». Принятая местным руководством политика культурного патернализма содействовала расширению культурной инфраструктуры, развитию худо-

жественного творчества, росту кадрового и профессионального потенциала, продвижению и пропаганде достижений национальной художественной культуры за пределами республики. В результате, несмотря на издержки политического контроля со стороны власти и вынужденной самоцензуры творческой личности, в рассматриваемый период профессиональная культура находилась в стадии довольно динамичного развития. Как отмечала Т. Газданова, занимавшая должность заместителя министра культуры в конце 1970-х – начале 1980-х гг.: «Время было сложное, но именно тогда поколение 60-70-х гг. активно развивалось и в литературе, и в изобразительном искусстве, и в музыке, и в кино»¹⁸³.

Однако сложившаяся практика взаимодействия республиканской власти и интеллигенции была прервана в начале 1980-х гг. В частности, патерналистская традиция в области литературы и искусства сменилась политикой жесткого авторитарного управления творческим процессом. Выраженное ухудшение отношений между властью и интеллигенцией в отмеченное время было следствием углублявшихся общих кризисных явлений в общественной жизни страны. Но, в случае с Северной Осетией катализатором резкого охлаждения взаимоотношений двух ключевых субъектов культурно-политического процесса стала осложнившаяся после событий 24-26 октября 1981 г. социально-политическая ситуация в республике. В североосетинском обществе она вылилась в кампанию борьбы с «националистическими проявлениями» и крайне негативно повлияла на культурное развитие. В литературно-художественной среде нарастание социально-политического напряжения в обществе выразилось в форме жесткой политико-идеологической селекции «художественной продукции», в подавлении любых попыток творческой интеллигенции выступить в защиту национальной культуры. Под негласный запрет подпадало все, что могло быть воспринято как демонстрация и пропаганда национального своеобразия и противопоставление своей истории и культуры истории и культуре других народов.

Примечания к главе 5:

1. Социалистическая Осетия. 1946. 30 ноября.
2. Социалистическая Осетия, 1946. 13 сентября.
3. Социалистическая Осетия. 1946. 25 сентября.
4. Социалистическая Осетия. 1946. 25 сентября.
5. Там же.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 5. Л. 8, 12.
7. Социалистическая Осетия. 1951. 20 мая.
8. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 23. Л. 55; Социалистическая Осетия. 1946. 25 сентября.
9. Социалистическая Осетия. 1946. 13 сентября.
10. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 23. Л. 58.
11. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 233. Л. 48.
12. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 233. Л. 48, 49.
13. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 19а. Л. 4.
14. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 713. Л. 33; ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 19а. Л. 5.
15. ГАНИ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 713. Л. 33-35.
16. Джусойты Н. История осетинской литературы. Тбилиси, 1985. Т. 2. С. 175.
17. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 5. Л. 6-8.
18. Марзойты С. Номенклатурные заметки // Дарьял, 2000. № 2. С. 226.
19. Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середине 40-х – 60-х гг. XX в). Владикавказ, 2008. С. 193.
20. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 17. Л. 9-11; Д. 19. Л. 10.
21. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 7. Л. 10; Д. 17. Л. 9-11; Д. 19. Л. 15-18, 21, 32-39.
22. Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967. С. 187.
23. Дзантиев А. А. Художники Северной Осетии. Л., 1982. С. 11.
24. Цагараев В. А. Искусство и время. Очерки по истории визуальной культуры алан-осетин. Владикавказ, 2003. С. 421.
25. Джусойты Н. Г. Творить из прошлого будущее // Махарбек Туганов. Статьи, воспоминания, письма. Цхинвали, 1986. С. 8.
26. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.
27. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 42. Л. 14.

28. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 54. Л. 13.
29. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 49. Л. 37.
30. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 46. Л. 5-6.
31. Там же. Л. 17.
32. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп.1. Д. 42. Л. 16.
33. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп.1. Д. 35. Л. 13.
34. Дзантиев А. А. Художники Северной Осетии. Л., 1982. С. 74.
35. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп.1. Д. 35. Л. 4, 13.
36. Дзантиев А. А. Художники Северной Осетии. С. 87.
37. См.: Верт Н. История Советского государства. М., 1992. С. 344.
38. ЦГА РСО-А. Ф. 763. Оп. 1. Д. 3. Л.6.
39. ЦГА РСО-А. Ф. 763. Оп.1. Д. 39. Л. 21.
40. ЦГА РСО-А. Ф. 763. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.
41. ЦГА РСО-А. Ф. 763. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.
42. ЦГА РСО-А. Ф. 763. Оп. 1. Д. 158. Л.100.
43. ЦГА РСО-А. Ф. 763. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
44. История Владикавказа. Сб. документов. Владикавказ, 1990. С. 759.
45. История Владикавказа. Сб. документов. Владикавказ, 1990. С. 769.
46. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 330. Л. 17.
47. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 330. Л. 20.
48. История Владикавказа. Сб. документов. Владикавказ, 1990. С. 763.
49. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Ед. хр. 48. Л. 47.
50. Литвиненко М. А. и др. Русский театр в Осетии. Орджоникидзе, 1971. С. 157.
51. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.
52. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 331. Л. 85, 86, 92.
53. Материалы СОСРМТИ. Предоставлены Салбиевой Б. Н.
54. Плиева Ж. Х. Три шекспировские роли В. В. Тхапсаева. Орджоникидзе, 1973. С. 25-27.
55. Кариаева Т., Литвиненко М. Северо-Осетинский драматический театр. Орджоникидзе. 1960. С. 149.
56. Плиева Ж. Х. Три шекспировские роли В. В. Тхапсаева. С. 28.
57. Кариаева Т. Сила таланта. Орджоникидзе, 1960. С. 49-51.
58. Материалы СОСРМТИ. Предоставлены Салбиевой Б. Н.

59. Материалы СОРМТИ. Предоставлены Салбиевой Б. Н.
60. Померанцев В. М. Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12. С. 226.
61. Луковцева Т. А. Поиск путей обновления общества и советская литература в 1950-60-х гг. // Вопросы истории КПСС. 1989. № 1. С. 38.
62. См.: Вопросы истории КПСС. 1989. № 1. С. 44.
63. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 28. Л. 164-165.
64. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 28. Л. 165.
65. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 28. Л. 177.
66. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 19а. Л. 4.
67. Литературная газета. 1957. 25 мая.
68. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 27. Л. 20, 33.
69. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 32. Л. 101, 102.
70. Зезина М. Р. Из истории общественного сознания периода «оттепели» // Вестник МГУ. Серия 8. 1992. № 6. С. 27.
71. ГАНИ. Ф. 1. Оп. 47. Д. 10. Л. 16.
72. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 49. Л. 50.
73. Социалистическая Осетия. 1963. 5 февраля.
74. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 50. Л. 11.
75. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Л. 27. Л. 233.
76. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 60. Л. 25.
77. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 27. Л. 8.
78. Очерк истории осетинской советской литературы. С. 333.
79. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 27. Л. 79.
80. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 32. Л. 98.
81. См.: ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 45. Л. 5; Ф. 813. Оп. 1. Д. 344. Л. 7, 22, 25.
82. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 50. Л. 12, 13, 15.
83. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 50. Л. 52, 55.
84. Социалистическая Осетия. 1959. 15 октября.
85. Социалистическая Осетия. 1959. 24 октября.
86. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 42. Л. 16.
87. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 61. Л. 6.
88. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 62. Л. 94.
89. Зезина М. Р. Из истории общественного сознания периода «оттепели» // Вестник МГУ. Серия 8. 1992. № 6. С. 27.
90. Цит. По: Бородай А. Д. Формирование кадров художественной культуры. М., 1999. С. 25.

91. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 62. Л. 48.
92. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.
93. Дзантиев А. А. Художники Северной Осетии. Л., 1988. С. 86.
94. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 62. Л. 30, 41, 45.
95. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 63. Л. 8.
96. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 90. Л. 6.
97. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 84. Л. 26.
98. ЦГА РСО-А. Ф. 765. Оп. 1. Д. 84. Л. 24.
99. ЦГА РСО-А. Ф. 763. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.
100. Батагова Т. Э. О межнациональных связях в осетинской профессиональной музыке// Идеи дружбы и интернационализма в литературе и искусстве народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 260.
101. Ядых П. Во власти музыки. Владикавказ, 1997. С. 122-123.
102. См.: Сухарников А. Д. Дудар Хаханов. Орджоникидзе, 1983. С. 20-22.
103. ЦГА РСО-А. Ф. 763. Оп. 1. Д. 42. Л. 6, 10.
104. ЦГА РСО-А. Ф. 763. Оп. 1. Д. 44. Л. 34.
105. ЦГА РСО-А. Ф. 763. Оп. 1. Д. 44. Л. 12-14.
106. Социалистическая Осетия. 1963. 12 января.
107. Социалистическая Осетия. 1963. 31 мая.
108. Социалистическая Осетия. 1963. 31 мая.
109. ЦГА РСО-А. Ф. 813. Оп. 1. Д. 449. Л. 8.
110. Литвиненко М., Плиева Ж., Русанов И. Русский театр в Осетии. Орджоникидзе, 1971. С. 212.
111. Литвиненко М., Плиева Ж., Русанов И. Русский театр в Осетии. С. 210.
112. Бациев А. С. Вопросы комического в осетинской драматургии и сценическом искусстве (1960-1970 гг.) // Вопросы осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1981. Т. 37. С. 124-125.
113. Бациев А. С. Вопросы комического в осетинской драматургии и сценическом искусстве (1960-1970 гг.). С. 128.
114. ЦГА РСО-А. Ф. 813. Оп. 1. Д. 470. Л. 5.
115. ЦГА РСО-А. Ф. 813. Оп. 1. Д. 470. Л. 5.
116. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 47. Д. 10. Л. 33.
117. Материалы СОРМТИ. Предоставлены Салбиевой Б. Н.
118. Литвиненко М., Плиева Ж., Русанов И. Русский театр в Осетии. С. 213.

119. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 79.
120. История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 484.
121. Отображать жизнь во всем ее многообразии // Литературная Осетия. 1972. №40. С. 70; Жить и творить для народа. VI съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1977. №50. С. 121, 122.
122. Отображать жизнь во всем ее многообразии // Литературная Осетия. 1972. №40. С. 68.
123. История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 486.
124. Отображать жизнь во всем ее многообразии // Литературная Осетия. 1972. №40. С. 70.
125. Жить и творить для народа. VI съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1977. №50. С. 121.
126. История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 483.
127. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 69. Л. 9.
128. Мамиева И. В. Кудзаг Дзесов. Очерк творчества. Владикавказ, 1990. С. 125, 126.
129. Марзоев С. Т. Жизнь и литература // Дон. 1972. №11. С.182.
130. НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 106. Пап. 33. Л.35.
131. Лауреаты премии имени Коста Хетагурова. Владикавказ, 2000. С. 60, 104, 111.
132. Лауреаты премии имени Коста Хетагурова. С. 99.
133. «Осетинская горка»: восхождение продолжается. К 80-летнему юбилею радио, 50-летнему юбилею телевидения и 45-летнему юбилею телевизионного кино. Интервью с директором РГТРК «Алания» Т. Кузовым // Северная Осетия. 2011. 14 октября.
134. КПСС в резолюциях и решениях съездов... М., 1987. Т.14. С. 576.
135. Литвиненко М. и др. Русский театр в Осетии. Орджоникидзе, 1971. С. 241-242.
136. НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 106. Пап. 33. Л. 109.
137. Городу Орджоникидзе 200 лет. 1784-1984. Сб. документов и материалов. Орджоникидзе, 1984. С. 469.
138. Социалистическая Осетия. 1982. 24 апреля.
139. НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 106. Л. 112.
140. Газданова З. Т. Дорога длиною в 70 лет // 70 лет. Союз художников РСО-Алания. 1939-2009. Ростов-на-Дону., 2009. С. 11.
141. НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 106. Пап. 33. Л. 112.

142. О. Резник. Интервью с художником М.О. Царикаевым // Осетия-Квайса [Электронный ресурс]: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas/mairbek-carikaev-v-sssr-soyuz-xudozhnikov-severnoj-osetii-vsegda-byl-odnim-iz-samyx-silnyx/>

143. Попов Д. А. Социалистический реализм: метод, стиль, идеология? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38). Ч. 2. С. 163.

144. ГАНИ РСО-А. Ф. 763. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.

145. Осетины. М.: Наука, 2012. С. 521.

146. История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 484, 489, 494.

147. Бациев А. С. Осетинский театр: годы, спектакли, проблемы. Орджоникидзе: Ир, 1985.

148. История Северной Осетии. XX век. С. 496.

149. Данилова Н. К. Сцена и проблемы современной действительности // Время и сцена. Владикавказ. 1990. С. 154.

150. Жить и творить для народа. VI съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1977. № 50. С. 122.

151. НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 79. Пап. 21. Л. 33.

152. НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 79. Пап. 21. Л. 61.

153. Отображать жизнь во всем ее многообразии. V съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1972. № 40. С. 72.

154. НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 99. Пап. 12. Л. 71-72.

155. КПСС в резолюциях и решениях съездов... М, 1986. Т. 12. С. 172.

156. Растдзинад. 1970. 18 июня; 1971. 25 июня; Къодзаты Ахсар. Дымгæ æмæ зыгуымдон. Дзæуджыхъæу: Ир, 2011. С. 262.

157. Растдзинад. 1970. 18 июня.

158. Растдзинад. 1971. 25 июня.

159. Хъодзаты А. Аргом фыстæг «Рæстдзинад»-ы редакцион коллегимæ // Критикон уацтæ. Орджоникидзе, 1989. С. 209.

160. Хъодзаты А. Аргом фыстæг «Рæстдзинад»-ы редакцион коллегимæ. С. 209-210.

161. Отображать жизнь во всем ее многообразии. V съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1972. № 40. С. 77.

162. VII съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1982. № 60. С. 125.

163. Лауреаты премии имени Коста Хетагурова. – Владикавказ: ПРОЕКТ-ПРЕСС, 2000. С. 203.

164. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 26. Д. 181. Л. 2. Там же. Ф. 1. Оп. 27. Д. 328. Л. 16.. ЦГА РСО-А. Ф. 813. Оп.1. Д. 557. Л. 9-10.

165. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 26. Д. 304. Л. 81.

166. Гайсулаев Г. Мир через искусство. Интервью с секретарем Северокавказского отделения Союза кинематографистов РФ Р. С. Гаспарянцем. – [Электронный ресурс]: <http://rukavkaz.ru/articles/comments/1538/>

167. Ёгъуызарты Ё. Цы уыдис, цы федтон, цы бамбæрстон. Мæ мысинæгтæ цыбиргондаё // Мах дуг. 1992. №4. С. 18, 27.

168. Резник О. Интервью с Царикаевым. – [Электронный ресурс]: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas/mairbek-carikaev-v-sssr-soyuz-xudozhnikov-severnoj-osetii-vsegda-byl-odnim-iz-samyx-silnyx/>

169. Газданова З. «Мне повезло, что работала в интересное время и полностью с удивительными людьми». – [Электронный ресурс]: <http://cebu-market.com/zara-gazdanova-mne-povezlo-chto-rabotala-v-interesnoe-vremya-i-polnostyu-s-udivitelnyimi-lyudmi/>

170. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 26. Д. 181.

171. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 26. Д. 304. Л. 108-109.

172. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 26. Д. 304. Л. 93; Д. 728. Л. 143.

173. Газданова З. «Мне повезло, что работала в интересное время и полностью с удивительными людьми». – [Электронный ресурс]: <http://cebu-market.com/zara-gazdanova-mne-povezlo-chto-rabotala-v-interesnoe-vremya-i-polnostyu-s-udivitelnyimi-lyudmi/>

174. ЦГА РСО-А. Ф. 763. Оп. 1. Д. 71. С. 6, 10, 14.

175. История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 443.

176. Кантемиров А. Трудные судьбы книг. Записки издателя. Владикавказ. 2006. С. 192-193.

177. VII съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1982. №60. С. 74-75.

178. VII съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1982. №60. С. 75.

179. Кантемиров А. Трудные судьбы книг. Записки издателя. Владикавказ. 2006. С. 183.

180. Кантемиров А. Трудные судьбы книг. Записки издателя. С. 184, 186.

181. Кантемиров А. Трудные судьбы книг. Записки издателя. Владикавказ. 2006. С. 108.

182. Кантемиров А. Трудные судьбы книг. Записки издателя. Владикавказ. 2006. С. 124-125.

183. Газданова З. «Мне повезло, что работала в интересное время и полностью с удивительными людьми». – [Электронный ресурс]: <http://cebu-market.com/zara-gazdanova-mne-povezlo-chto-rabotala-v-interesnoe-vremya-i-polnostyu-s-udivitelnyimi-lyudmi/>

ЗАКЛУЧЕНИЕ

Сложность и многообразие социально-политических и идеологических процессов во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. определили характер развития культуры Северной Осетии. Образование, наука и художественная культура республики являлись составными частями единой общесоюзной культурной системы, что обусловило в них идентичность форм государственного управления и самоорганизации отраслей культуры. Вместе с тем, они выступали в качестве элементов историко-культурной традиции, сложившейся на региональном уровне. Поэтому государственная политика в культурной сфере проводилась в отдельном национально-автономном образовании на основе взаимодействия общесоюзных и местных институциональных структур и управленческих традиций.

В культурном развитии Северной Осетии в рассматриваемые десятилетия выделяются в соответствии с общепринятой периодизацией советской истории три этапа: послевоенное десятилетие, вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг. (период «оттепели») и вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг. (период «развитого социализма»), совокупно отразившие изменения в общественно-политической жизни страны. Неизменной для советской культурной политики оставалась квалификация культуры как инструмента идеологической поддержки социализма и развития ее научно-технической базы. Вместе с тем, свои локальные цели и задачи были свойственны каждому из этих этапов. Они различались по характеру и темпам реформирования отраслей культуры, по особенностям формирования интеллектуальных и творческих профессиональных кадров, а также по определению приоритетных направлений деятельности в научно-образовательной и художественной сферах.

Послевоенное десятилетие занимает особое место в исто-

рии развития национальных культур, так как в новых геополитических реалиях существования СССР значительно изменились роль, весомость интеллектуального вклада советских народов в восстановление разрушенного хозяйства и в новое социально-экономическое и культурное строительство. На фоне начавшейся «холодной войны» и возведения «железного занавеса» возникла объективная необходимость мобилизации внутригосударственного интеллектуального ресурса. В результате, задачи создания качественно новой системы подготовки национальных кадров требовали их сочетания с факторами идеологической и культурной идентичности в системе социалистических мировоззренческих ценностей. Такое понимание исторической ситуации объясняет наличие двух тенденций в развитии культуры Северной Осетии в обозначенное время. С одной стороны, происходило количественное и качественное наращивание культурного пространства республики, с другой, – в нем наблюдалось активное усиление идеологического воздействия на все сферы культурной деятельности.

Формируя данную политику, государство исходило из партийного толкования принципа необходимости и целесообразности. Утилитарно-прагматический подход к решению общегосударственных проблем на региональном уровне определял устойчивую динамику культурных процессов на протяжении всего анализируемого периода вплоть до начала перестройки. Тем не менее, диапазон идеологических колебаний накладывал глубокий отпечаток на культурную жизнь республики.

Настоящим психологическим испытанием для североосетинского общества стали развенчание культа личности «вождя народов» и последовавшая «оттепель». Впервые в послевоенный период в советском обществе открыто обозначились два толкования социально-политических процессов, происходивших в стране: с позиций условно обобщенного «шестидесятничества» и официальной партийно-культурной элиты. При этом поляризация мнений и оценок в этот период стала источником не только разногласий в среде интеллигенции и культур-

но-политической бюрократии, но обозначила альтернативные модели дальнейшего развития страны, отчасти реализованные в последующие десятилетия.

В культуре Северной Осетии под влиянием либерализации общественно-политической жизни новый импульс получили гуманистические традиции. На волне общественного подъема в литературе и искусстве рос интерес к человеку, к его духовному миру. И политическое руководство республики активно соучаствовало в поисках нравственных идеалов нового поколения советской молодежи. Целенаправленно романтизировались революционные события. Вместе с тем, некоторые цензурные ограничения были сняты с художественной и научной интерпретации ряда проблем исторического прошлого, ставились «неудобные» вопросы, связанные, к примеру, с политическими репрессиями в отношении отдельных людей и народов, с культом личности и др.

Однако под влиянием комплекса внутри- и внешнеполитических процессов рубежа 1950-х – 1960-х гг. усилилось стремление власти не допустить распространения разномыслия в общественном сознании. Оно ускорило свертывание демократических начал в управлении культурой во второй половине 1960-х гг. В то же время в процессе идеологической реставрации возврата к прежней практике жесткого подавления творческой индивидуальности не произошло.

Результаты исследования позволяют достаточно точно реконструировать модель взаимоотношений местной власти и национальной культуры, которая на протяжении четырех послевоенных десятилетий кардинально видоизменилась. Она эволюционировала от традиционного использования жестких репрессивных мер в ограничении творческой свободы до формирования своеобразных партнерских отношений между партийно-государственным руководством и интеллигенцией. Поскольку за этот период изменилась политическая идеология сосуществования классов и сословий в советском обществе: официальная культурная политика освободилась от тезиса об

обострении классово-борьбы в ходе строительства коммунизма. Кроме того, произошла сословно-поколенческая смена в национальной интеллигенции, большая часть которой в 1960-е – 1980-е гг. являлась носителем советского гражданского мировоззрения.

В силу перечисленных трансформаций во второй половине 1960-х и в 1970-е гг., на наш взгляд, в национальных регионах объективно сложилась своеобразная практика культурного патернализма. В Северной Осетии она стала важным фактором развития научно-образовательных учреждений, отраслей профессиональной художественной культуры. Республиканское руководство на инициативной основе содействовало укреплению материально-технической базы научно-образовательных учреждений и творческих организаций, расширению и подготовке кадрового и профессионального потенциала, пропаганде и продвижению достижений национальной культуры за ее пределами. При этом следует отметить существенное влияние позитивного фактора соревновательности в культурной политике между представителями власти национально-автономных республик и областей региона.

В методологическом плане отмеченные обстоятельства подкрепляют аргументы, позволяющие рассматривать культуру Северной Осетии второй половины 1940-х – первой половины 1980-х гг. как явление дуалистического порядка. В этом контексте в представленной работе анализируются вопросы развития общего и профессионального образования, науки, литературы и искусства Северной Осетии на фоне сложнейших культурно-политических потрясений, реформ и эволюционных изменений. Полученные в ходе исследования результаты, позволяют заключить, что научно-образовательная и художественная сферы в разных формах, но всецело контролировались партийно-государственной властью. Ею же определялись приоритетные направления научной и творческой деятельности. Преимущественное развитие получали те направления культуры, которые наиболее полно обеспечивали реализацию

идеологических, образовательных и просветительских функций советской политической системы. Научной и художественной интеллигенции отводилась важнейшая роль в пропаганде социалистических идеалов и преимуществ советского строя, в утверждении идей социалистического интернационализма и патриотизма. Пределы свободы творческого осмысления этих вопросов были при этом четко определены в рамках принципов социалистического реализма.

В результате, уже в середине 1960-х гг. отчетливо обозначились тенденции, имевшие негативные последствия для развития национальных культур. Прагматическая интернационализация и интеграция общественной жизни, которые ранее программно были заложены в государственную практику социалистического строительства, вели к унификации этих культур, к стиранию национальных особенностей. Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. данные направления государственной политики стали, по сути, как и в других национальных культурах, главенствующими в организации культурного процесса в Северной Осетии.

В итоге, в условиях новой волны идеологического прессинга, особенно усилившегося в начале 1980-х гг., надежды на наращивание гуманистических основ советской культурной политики постепенно угасали. Установки на формирование к 1980 г. «нового человека» коммунистической формации оказались необоснованными, оторванными от жизни. Курс КПСС на приоритетное формирование новой наднациональной общности без должного учета интересов национальных культур, по существу, препятствовал естественному культурному развитию народов.

Поэтому в Северной Осетии, несмотря на очевидные успехи экстенсивного развития в области образования, науки, литературы и искусства, национальная культура к концу исследуемого периода достигла критического уровня «локального кризиса», к которому привел консерватизм партийно-государственного руководства, его догматизм и нежелание считаться

с реальными потребностями североосетинского общества. В конечном итоге представленная работа на примере отдельной республики позволяет судить о том, как кризис в сфере культуры, предопределенный государственной политикой, логически стал к концу 1980-х гг. в руках партийно-хозяйственной бюрократии национальных республик разных уровней охранительным орудием самозащиты, лозунговым инструментом децентрализации союзного государства и его последующего распада.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Архивные источники

1. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и научных исследований
Фонд «История»
Фонд «Искусство»
Личный фонд Г. А. Дзагурова
Личный фонд Б. В. Скитского
Личный фонд М. С. Тотоева
Личный фонд А. А. Хадарцевой
2. Государственный архив Российской Федерации
Ф. 259 Совет Министров РСФСР
Ф. А-501 Министерство культуры РСФСР
Ф. 605 Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР
Ф. 546 Комитет по кинематографии при Совете Министров РСФСР (1963-1988)
3. Российский государственный архив новейшей истории
Ф. 5 Аппарат ЦК КПСС
4. Российский государственный архив социально-политической истории
Ф. 17 ЦК ВКП (б)
Ф. 556 Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1956-1966)
Ф. 630 Редакция газеты ЦК КПСС «Советская культура»
5. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания
Ф. 126 Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.

Ф. 128 Северо-Осетинский государственный педагогический институт

Ф. 605 Северо-Осетинский сельскохозяйственный институт

Ф. 687 Северо-Осетинский государственный медицинский институт

Ф. 698 Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Ф. 718 Орджоникидзевский горно-металлургический техникум

Ф. 730 Союз писателей Северо-Осетинской АССР

Ф. 763 Союз советских композитов Северо-Осетинской АССР

Ф. 765 Северо-Осетинское отделение Союза художников Северо-Осетинской АССР

Ф. 786 Министерство просвещения Северо-Осетинской АССР

Ф. 813 Министерство культуры Северо-Осетинской АССР

6. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания

Ф. 1 Северо-Осетинский обком КПСС

II. Документальные и статистические публикации, воспоминания

1. Агузаров А. Т. Что было, что видел, что понял. Воспоминания // Мах дуг, 1992. № 3. С. 3-47; № 4. С. 10-57 (на осет. яз.).

2. Аппарат ЦК КПСС и культура: 1953-1957: документы / составители: Е. С. Афанасьева, В. Ю. Афиани (отв. редактор), З. К. Водопьянова (отв. составитель) и др. М.: РОССПЭН, 2001.

3. Бицоев Г. Х. Тени жизни или почему я не стал писателем // Мах дуг. 1989. №8. С.60-90; №9. С. 77-103; №11. С.82-97 (на осет.яз.).

4. В. И. Ленин, КПСС об интеллигенции / Сост. С. А. Федюкин, И. К. Эльдарова. М., 1979.

5. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б) – ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917-1953 (Под ред. А. Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.

6. Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958-1964: Документы // Отв. ред. В. Ю. Афиани. М.: РОССПЭН, 2000. – 552 с.

7. История Северо-Осетинской государственной медицинской академии 1939-1999./ Автор-составитель С. Я. Плахтий. Отв. ред. К. Д. Салбиев. Владикавказ: Иростон, 2001. – 891 с.

8. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 1997. – 672 с.

9. Кантемиров А. Трудные судьбы книг. Записки издателя. Владикавказ: Алания, 2000. – 220 с.

10. Книга памяти жертв политических репрессий РСО – Алания. Владикавказ, 1999. Т. 1. – 381 с.

11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1986. 9 изд. М: Политиздат, 1985. Т. 7. 1938-1945. – 574 с.; 1985. Т. 8. 1946-1955. – 542 с.; 1986. Т. 9. 1956-1960. – 574 с.; 1986. Т. 10. 1961-1965. – 494 с., 1986. Т. 11. 1966-1970. – 574 с.; 1986. Т. 12. 1971-1975. – 574 с.; 1986. Т. 13. 1976-1980. – 510 с.; 1987. Т. 14. 1981-1985. – 640 с.; 1989. Т. 15. 1985-1988. – 671 с.

12. КПСС о культуре, просвещении и науке. Сб. док. М.: Политиздат, 1963. – 552 с.

13. Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. В 2-х тт. Орджоникидзе: Ир, 1974. Т. 1 (1917-1941 гг.). – 546 с.; Т. 2 (1941-1977 гг.). – 350 с.

14. Ленин В. И. О культуре и культурной революции. М.: Прогресс, 1982. – 288 с.

15. Литвиненко М. А. Театральные встречи. Орджоникидзе: Ир, 1979. – 112 с.
16. Малиев Н. Д. Пути становления. Владикавказ: Олимп, 2004. – 288 с.
17. Малиев Н. Д. Славный путь. Школа №1 С. Чикола. Владикавказ: Ир, 2008. – 160 с.
18. Марзойты С. Номенклатурные этюды // Дарьял. 2000. №1. С. 193-217; №2. С. 215-233.
19. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 464 с.
20. Материалы XXIII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1966. 304 с.
21. Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1974. 320 с.
22. Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. 256 с.
23. Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981. 223 с.
24. Материалы по истории осетинского народа. Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. – 294 с.
25. Народное образование и культура в СССР: Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1989. – 432 с.
26. Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Статистический сборник. Орджоникидзе: Гос. стат. изд-во. Ростовс. Н-Д отделение, 1964. – 223 с.
27. Народное хозяйство Северной Осетии. Статистический сборник. Орджоникидзе: Госстатиздат. Ростовское отделение, 1958. – 121 с.
28. Наследие, возвращенное народу: Материалы о жизни и творчестве репрессированных поэтов и писателей Дагестана / Отв. ред. С. Х. Ахмедов. Махачкала, б. и., 1990. – 226 с.
29. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. 80 с.
30. 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. Орджоникидзе: Ир, 1981. – 106 с.

31. 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. Орджоникидзе: Ир, 1977. – 91 с.

32. Репрессии 30-х гг. в Дагестане: Документы и материалы /Сост. Г. И. Какагазанов и др. Махачкала: Юпитер, 1997. – 527 с.

33. Северная Осетия в восьмой пятилетке. Орджоникидзе: Ир. 1972. – 187 с.

34. Северная Осетия за годы десятой пятилетки. Статистический сборник. Орджоникидзе: Ир, 1982. – 123 с.

35. Северная Осетия за годы советской власти. Статистический сборник. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. – 265 с.

36. Северная Осетия за 60 лет. Статистический сборник. Орджоникидзе: Ир, 1977. – 143 с.

37. Северная Осетия за 60 лет автономии. Статистический сборник. Орджоникидзе: Ир, 1984. – 126 с.

38. Служение истине и людям. Жизнь и деятельность Х. С. Черджиева /Сост. Л. Т. Таутиева. Владикавказ: Ир, 2006. – 343 с.

39. Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. Орджоникидзе: РИО Госкомиздата СОАССР, 1987. – 20 с.

40. Сталин И. Относительно марксизма в языкознании // Большевик. 1950. №2.

41. Туаев Д. Мой дневник. Из записей 40-50-х гг. (к 110-летию со дня рождения)// Дарьял. 2012. №5.

42. Цаликов М. О товарищах, о себе вспоминаю// Дарьял. 2013. №1. С.96-125; №2. С. 160-217.

43. Тотров Б. Из воспоминаний актера. Дзауджикау: Севосгиз, 1951. – 99 с.

44. Ядых П. А. Во власти музыки. Воспоминания дирижера. Владикавказ: Иростон, 1997. – 365 с.

45. Ядых П. А. Его величество оркестр. Владикавказ: ИПП им. В. А. Гассиева, 1994. – 207 с.

III. Монографии, статьи, материалы научных конференций

46. Абилов А. А. Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина. Исторический очерк. Махачкала: Даг. кн. изд-во. 1973. – 318 с.

47. Абилов А. А. К вопросу о формировании национальной интеллигенции в Советском Дагестане: К 40-летию Октябрьской революции // Ученые записки Дагестанского университета. Махачкала, 1957. Вып. 1. – С. 25-45.

48. Абилов А. А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1959. – 267 с.

49. Абилов А. А. Развитие среднего специального и высшего образования и научных учреждений в Дагестане в послевоенные годы // Ученые записки Дагестанского ун-та. Махачкала, 1960. Т. 6. – С. 6-21.

50. Адыгейская автономная область. Посвящается 25-летию автономии Советской Адыгеи. 1922-1947. Майкоп: Адыгнациздат, 1947. – 239 с.

51. Айбазова Ф. У. Развитие духовной культуры народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Изд-во Юрид. института. 2004. – 144 с.

52. Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2002. – 212 с.

53. Айларова С. А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2003. – 365 с.

54. Алексеева Г. Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика. (60-80-е годы XX века). М.: Институт российской истории РАН, 2003. – 248 с.

55. Анчабадзе Ю. Д. Кавказовед Г. А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы. М.: Вост. лит-ра, 2002. Вып. 1. – С. 134-151.

56. Аствацатуров А.А. Усиление социальной однородности наций – важнейший фактор их сближения // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1971. – С. 63-72.

57. Асхабов М.А. Из истории подготовки кадров национальной интеллигенции в ЧИ АССР // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1972. Т. 9. – С. 42-51.

58. Атаева М. Искусство Осетии на крыльях вечности // 70 лет. Союз художников РСО-Алания. 1939-2009. Владикавказ: ООО «Аркол», 2009. – С. 13-18.

59. Атлуханов Ф.Э. Интеллигенция Дагестана в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма в республике. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966. – 108 с.

60. Атлуханов Ф.Э. Подготовка кадров интеллигенции Дагестана в годы семилетки. Махачкала: Даг. кн. изд-во. 1967. – 63 с.

61. Б.А. Алборов и проблемы кавказоведения. Материалы региональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Б.А. Алборова. Сев.-Осет. ин-тгум. И соц. Исслед. Им. В. А. Абаева. Владикавказ: Б.и., 2006. Ч. 1. – 284 с.

62. Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. №2. – С. 122-135.

63. Батагова Т.Э. Композиторы Осетии. Владикавказ: Респ. изд.-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2000. – 235 с.

64. Батагова Т.Э. Осетинская симфоническая музыка XX века. Национально-характерное в становлении и развитии композиторской школы. М.: «Композитор», 2010. – 152 с.

65. Бациев А.С. Дыхание времени. Сборник критических статей. На осет. яз. Орджоникидзе: Ир, 1974. – 49 с.

66. Бациев А.С. Осетинский театр: годы, спектакли, проблемы. Орджоникидзе: Ир, 1985. – 160 с.

67. Бациев А.С. Комедии Д. Туаева на сцене осетинского театра // Сборник трудов СОНИИ. Орджоникидзе: Ир, 1981. Т. 38. – С. 25-55.

68. Бекижев М.М. К вопросу о партийном руководстве подготовкой кадров интеллигенции в Карачаево-Черкесии

(1941-1967 гг.) // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Черкесск, 1974. Вып. 7. Серия историческая. – С.3-19.

69. Бекижев М.М. Партийное руководство культурным строительством в Карачаево-Черкесии (1920-1967 гг.). Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставроп. кн. изд-ва, 1969. – 192 с.

70. Белова Т.В. Культура и власть. М.: Философское общество СССР. 1991-211 с.

71. Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2005. №3. – С. 30-77.

72. Бичиева И. С. Кабардинская интеллигенция конца XIX – начала XX вв. Нальчик: НлФ КрУ МВД России, 2009. – 131 с.

73. Блиев М. и Гиоев М. К выходу в свет «Истории Северо-Осетинской АССР» // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1960. Т. 22. Вып. 4. – С.206-211.

74. Богуславский М.В. Взаимодействие власти и общества в проведении образовательных реформ XIX-XX вв. // Образование и общество. 2008. №5. – С. 9-18.

75. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 183 с.

76. Бородай А.Д. Н. С. Хрущев и молодое поколение художественной интеллигенции. М.: Нац. ин-т бизнеса, 1999. – 75 с.

77. Бородай А.Д. Формирование кадров художественной культуры: Вопросы теории, историографии и источниковедения. М.: Нац. ин-т бизнеса, 1999. – 87 с.

78. Бритаева З.Е. Некоторые вопросы развития осетинского национального театра. Отд. Оттиск из «Известия СОНИИ». Т. 26. Орджоникидзе: Севосгиз, 1966. – 12 с.

79. Бритаева З.Е. Осетинская драматургия и формирование метода национального театра // Вопросы осетинского литературоведения. Орджоникидзе: Ир, 1978. Т. 33. – С. 58-73.

80. Будник Г. А. Высшая школа и интеллигенция: советский воспитательный и образовательный эксперимент, 1945-1985 гг. (На материалах Центрального района России). Иваново: Иван. гос. ун-т. 2003. – 249 с.

81. Бурнышов А. В. Культура, рожденная Октябрем. Майкоп, : Адыгейск. кн. изд-во, 1958. – 134 с.

82. Бязрова Л. В. Творчество Махарбека Туганова в контексте времени // Национальный колорит. Владикавказ, 2011. № 1 (11). – С. 12-27.

83. Василенко И. А. Роль культурной политики в процессе формирования и продвижения позитивного имиджа России // Власть. 2014. № 6. С. 40-43.

84. Васильева Е. В. Научная интеллигенция Дальнего Востока СССР (60-е – сер. 80-х гг.). Владивосток: Дальнаука, 1993. – 188 с.

85. Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013. – 624 с.

86. Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. Кунгур: Кунгурский печатный двор ПГФ, 2007. – 390 с.

87. Вернадский В. И. Труды по истории науки / Отв. ред. д. филос. н. Ф. Т. Яншина, д. геолого-минералогич. н. С. Н. Жидовинов. М., Наука, 2002. – 501 с.

88. Верт Н. История Советского государства. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1995. – 544 с.

89. Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. Сб. науч. тр. / Под ред. А. Х. Галазова. Орджоникидзе: СОГУ, 1988. – 292 с.

90. Вопросы истории и историографии социалистической культуры / Отв. ред. Академик Д. Ф. Марков. М.: Наука, 1987. – 272 с.

91. Вопросы историографии советской культуры народов Дагестана. Сб. статей / сост. М. Я. Мирзабеков. Махачкала [б. и.], 1991. – 121 с.

92. Вопросы культурного строительства в Советской Ка-

бардино-Балкарии. Сб. статей / Редкол. Р. Х. Гугов, Г. Х. Мамбетов. Нальчик: КБИИФЭ, 1984. – 172 с.

93. Вопросы осетинской археологии и этнографии // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1980. Вып. 1; 1982. Вып. 2. – 142 с.

94. Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе: Ир, 1984. – 147 с.

95. Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе: Ир, 1988. – 207 с.

96. Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе: Ир, 1993. – 271 с.

97. Вопросы осетинской советской литературы. Т. XXXVII. Орджоникидзе: б.и., 1981. – 200 с.

98. Вопросы подготовки и воспитания кадров народного хозяйства в Дагестанской АССР (1946-1980 гг.). Сб. статей / Отв. ред. Каймаразов Г. Ш. Махачкала, 1987. – 148 с.

99. 80 лет служения отечественной науке. Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие им. В. А. Гассиева, 2005. – 224 с.

100. Время и сцена / сост. А. С. Бациев. Владикавказ: Ир, 1990. – 372 с.

101. Гагкаев К. Е. Неутомимый труженик науки (К юбилею проф. Б. А. Алборова) // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1962. Т. 23. Вып. 1. – С. 151-158.

102. Газданова З. Дорога длиною в 70 лет // 70 лет. Союз художников РСО-Алания. 1939-2009. Владикавказ: ООО «Аркол», 2009. – С.3-12.

103. Галазов А. Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе: Ир 1977. – 95 с.

104. Галазов А. Х. Народное образование в Северной Осетии // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1970. Т. 28. – С. 29-47.

105. Галазов А. Х. Развитие осетинско-русского двуязычия // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1988. – С. 5-20.

106. Галазов А. Х., Исаев М. И. Народы братья, языки-бра-

тя (Русско-осетинские лингво-культурные контакты). Орджоникидзе: Ир, 1987. – 266 с.

107. Гамзатов Г.Г. Дагестанский феномен возрождения. XVIII-XIX вв. Махачкала: Изд-во ДНЦ, 2000. – 323 с.

108. Гамзатов Г.Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М.: Наследие, 1996. – 651 с.

109. Гаппоев Т.Т., Тотоев Ф.В. Величие и трагизм судьбы профессора истории // Книга памяти жертв политических репрессий РСО – Алания. Владикавказ, 1999. Т. 1. – С. 43-49.

110. Гасанова А. И. Подготовка женских кадров в Дагестане и их роль в хозяйственном и культурном развитии республики (1945-1965 гг.). Махачкала: ДагФАН СССР, 1969. – 183 с.

111. Гачев Г. Наука и национальные культуры. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. Ун-та, 1992. – 316 с.

112. Герандоков М. Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1975.

113. Герандоков М. Х., Герандокова В. З. Культурная революция в национальных регионах: Миф или реальность. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. – 199 с.

114. Герандоков М. Х., Каров А. Х. В семье единой. Нальчик: Эльбрус, 1987. – 138 с.

115. Голубева Ю. В. Интеллигенция и интеллектуалы: критерии различия // Известия вузов Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6 – С. 15-18.

116. Горлова И. И. Культурная политика в современной России: региональный аспект. Учебное пособие. Краснодар [Б. и.], 1998. – 319 с.

117. Дагестанская литература: Закономерности развития (1965-1985). Махачкала: ДНЦ РАН, 1999. – 456 с.

118. Даниялов Г. Д. Развитие экономики и культуры Дагестана (1945-1965 гг.). М.: Наука, 1966. – 366 с.

119. Двадцатое столетие и исторические судьбы национальной художественной культуры: традиции, обретения, освоение. Материалы Всероссийской научной конференции, 11-16 октября 2000. Махачкала: Б.и., 2003. – 788 с.

120. Дедегкаев С. Т. Борьба Северо-Осетинской парторганизации за осуществление Программы КПСС и Советского правительства в области народного образования // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 20. – С. 100-147.

121. Дедегкаев С. Т. Борьба Коммунистической партии за создание советской национальной интеллигенции в Северной Осетии // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1957. Отд. Оттиск из Т. 19. – 26 с.

122. Дедегкаев С. Т. Роль Северо-Осетинского научно-исследовательского института в экономическом и культурном развитии Северо-Осетинской АССР. Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 20. – 10 с.

123. Джамбулатова З. К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920-1940). Грозный: Чеч.-Ингуш. кн. изд-во, 1974. – 235 с.

124. Джамбулатова З. К. Народное образование в Чечено-Ингушетии в 1959-1965 гг. // Известия Чечено-Ингушского института истории, языка, литературы и экономики. Грозный, 1969. Т. 8. Вып. 1. – С. 138-154.

125. Джанаев А. К. Б. А. Скитский // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25. – С. 84-91.

126. Джанаев А. К. Осетинская советская историография // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1971. Т. 28. – С. 121-141.

127. Джусойты Н. Г. История осетинской литературы. В 2-х кн. Тбилиси: Мецниереба, 1980-1985. Кн. 1. – 331с.; Кн. 2. – 271 с.

128. Дзагуров Д. А. Роль Северо-Осетинского научно-исследовательского института в экономическом и культурном развитии Северо-Осетинской АССР // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1957. Отд. оттиск из Т. 20. – 10 с.

129. Дзалаева К. Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX – начала XX вв.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 298 с.

130. Дзантиев А. А. Образ вождя. Орджоникидзе: Ир, 1972. – 40 с.

131. Дзантиев А. А. Сосланбек Едзиев. Л., Художник РСФСР, 1979. – 79 с.

132. Дзантиев А. А. Художники Северной Осетии. Л.: Художник РСФСР, 1988. – 207 с.

133. Дзантиев А. А. Художники Северной Осетии. Научно-библиографический справочник. Орджоникидзе: Ир, 1982. – 70 с.

134. Дзапарова Е. Б. Харлампий Цомаев и православная культура Осетии. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 171 с.

135. Дзасохов А. С. Наука в Республике Северная Осетия-Алания: состояние, проблемы, перспективы // Научная мысль Кавказа. 1999. №3. – С. 69-75.

136. Диалог культур как социальный императив межнационального взаимодействия. Материалы Международной научной конференции / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, Влад. Науч. центр РАН и Правительства ВСО-А/ Сост. З. Х. Тедтоева. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012. – 496 с.

137. Драч Г. В., Корицина М. А. Культурная модернизация как процесс приобретения цивилизационной идентичности (на примере культуры Северной Осетии) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. №6. – С. 19-21.

138. Емтыль З. Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. Краснодар: Издательский Дом Юг, 2010. – 352 с.

139. Емтыль З. Я. Адыгская интеллигенция и проблема национального самоопределения в начале 20-х годов XX века // Научная мысль Кавказа. 2014. №2. – С. 98-104.

140. Езерская Н. А. Художники Северной Осетии. М.: «Искусство», 1959. – 37 с.

141. Ермаков В. Т. Изучение истории советской культуры //

Изучение отечественной истории в СССР между XXIV-XXV съездами КПСС. Советский период. М.: Наука, 1978. – С. 130-157.

142. Ермаков В. Т., Иванова Л. В. Козлов В. А., Чанышева Т. С., Жилина Н. П., Бодиско В. Х., Федюкин С. А. Изучение истории советской культуры // Изучение отечественной истории в СССР между XXV-XXVI съездами КПСС. М.: Наука, 1982. – С. 234-271.

143. Ермаков В. Т. Советская культура как предмет исторического исследования // Вопросы истории. 1973. №11. – С. 21-33.

144. Жидков В. С. Культурная политика и театр. М.: Изд-во АТ, 1995. – 320 с.

145. Жидков В. С., Соколов К. Б. Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть. СПб.: Алетейя, 2001. – 636 с.

146. Жидков В. С., Соколов К. Б. Культурная политика России: теория и история. Учебное пособие, М.: Акад. проект: Изд-во сервис, 2001. – 591 с.

147. Журавлев В. В. Человек. Культура. Политика. Сб. стат. И выступлений. М.: Социум, 1998. – 131 с.

148. За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. Сб. статей. Под ред. М. Хайнеманна. СПб.: Дм. Буланнин, 2002. – 526 с.

149. Зак Л. М. История изучения советской культуры. М.: «Высшая школа». 1981. – 176 с.

150. Закс А. Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории, 1947. №11. – С. 134-140.

151. Зангиев Д. Б. Кузница специалистов цветной металлургии (К истории создания Северо-Кавказского горно-металлургического института) // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1970. Т. 28. – С. 201-204.

152. Зезина М. Р. Из истории общественного сознания периода «оттепели» // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1992. №6. С. 17-28.

153. Зезина М. Р. История культуры народов СССР (советский период). М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. – 89 с.

154. Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е гг. М.: Диалог-МГУ, 1999. – 396 с.

155. Зезина М. Р. Шоковая терапия: от 1953 года к 1956 г. // Отечественная история. 1995. №2. – С. 121-135.

156. Земля адыгов / под ред. А. Х. Шеуджена. Майкоп: Аякс, 2004. – 216 с.

157. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М.: РОССПЭН, 2000. – 229 с.

158. Идеи дружбы и интернационализма в литературе и искусстве народов Северного Кавказа: Материалы региональной конференции (18-29 ноября 1987 г.) / Отв. ред. А. Г. Кучиев. Орджоникидзе: Ир, 1988. – 302 с.

159. Идеи дружбы и интернационализма в осетинском советском искусстве. Орджоникидзе: Ир, 1986. – 160 с.

160. Из истории развития социалистической культуры Кабардино-Балкарии /Отв. ред. Х. Т. Хутуев. Нальчик: Эльбрус, 1981. – 201 с.

161. Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Советский период. М.: Наука, 1978. – 343 с.

162. Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. Советский период. М.: Наука, 1982. – 560 с.

163. Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность: материалы XX международной научно-теоретической конференции (г. Иваново, 24-26 сентября 2009 г.). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2009. – 393 с.

164. Интеллигенция и власть. Материалы III-го Всероссийского симпозиума «Человек культуры: интеллигенция и власть», г. Бийск, 27-28 сентября 2002.. Бийск: НИЦ БПГУ им В. В. Шукина, 2002. – 251 с.

165. Интеллигенция России в истории Северного Кавказа.

Материалы межрегиональной научной конференции (октябрь 1999). Ставрополь: Изд-во Ставропольск. гос. ун-та, 2000. – 322 с.

166. Иовчук М. Т., Коган Л. Н. Советская социалистическая культура: исторический опыт и современные проблемы. М.: Политиздат. 1979. – 208 с.

167. Исаев М. И. О языках народов СССР. М.: Наука, 1978. – 222 с.

168. Исаев М. И. Основные этапы языкового строительства у народов бывшего СССР // Языковая ситуация в Российской Федерации. М.: Наука, 1992. – С. 28-38.

169. Исаев М. И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе: Ир, 1974. – 139 с.

170. История и культура народов Северного Кавказа: Сб. науч. трудов /Отв. ред. В. А. Казначеев. Пятигорск: Спецпечать, 2005. Вып. 2. – 102 с.

171. История и философия культуры: актуальные проблемы. Сб. науч. трудов. Владикавказ, Изд-во СОГУ, 2001. Вып. 5. – 217 с.; 2003. Вып. 6. – 283с.; 2005. Вып. 7. – 334 с.

172. Историография истории СССР. Эпоха социализма: Учебн. для вузов /Под ред И.И. Минца. М.: Высш. школа, 1982. – 336 с.

173. Историография культуры и интеллигенции Советской Сибири. Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1978. – 349 с.

174. История Дагестана. В 4-х тт. М.: Наука, 1967-1968. Т. 1. – 431 с.; Т.2. – 368 с.; Т. 3. – 426 с.

175. История Дагестана. В 2-х тт. М.: Наука, 2004-2005. Т. 1. – 627 с.; Т. 2. XX век. – 664 с.

176. История Кабардино-Балкарской АССР. В 2- тт. М.: Наука, 1967. Т. 1. – 482 с.; Т. 2. – 439 с.

177. История Северной Осетии. XX век. М.: Наука, 2003. – 632 с.

178. История Северо-Осетинской АССР. В 2-х тт. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1. 333 с.; Орджоникидзе: Сев-Ос. кн. изд-во, 1966. Т. 2. 261 с.

179. Кавказоведение: опыт исследований. Материалы Международной научной конференции (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.) / Отв. ред. А.Г. Кучиев. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2006. – 480 с.

180. Каймаразов Г.Ш. Интеллигенция Северного Кавказа в 60-70-е годы XX века (по материалам автономных республик региона). Махачкала: ИП Овчинников, 2010. – 159 с.

181. Каймаразов Г.Ш. Историческое кабардиноведение и историческое сознание кабардинцев в 60-80-е гг. XX в. // Известия КБНЦ РАН, 2011. №4. – С. 16-22.

182. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971. – 475 с.

183. Каймаразов Г.Ш. Расцвет социалистической культуры народов Дагестана // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. Ростов н-Д., 1973. №1. – С. 40-46.

184. Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М.: Наука, 1988. – 332 с.

185. Калинин С.Б. Из истории науки на Северном Кавказе. Научно-исследовательские институты: Становление и деятельность (1920-1941 гг.). Ставрополь: РИО филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в г. Ставрополе, Ставропольсервисшкола, 2006. – 120 с.

186. Калмыков И.Х. Расцвет культуры народов Карачаево-Черкесии // 40 лет автономии Карачаево-Черкесии. Черкесск: Книгоиздат, 1962. – С. 163-247.

187. Камболов Т.Т. Приоритеты национального образования в Северной Осетии // Дарьял. 2002. №4. – С. 169-189.

188. Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии. История. Современность. Перспективы. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2007. – 287 с.

189. Карданов А.Т. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии а годы семилетки (1959-1965 гг.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского университета. Нальчик. 1966. Вып. 32. – С. 109-128.

190. Кариаева Т. Х. Сила таланта (Об актере В. Тхапсаеве). Орджоникидзе: Севосгиз, 1960. – 51 с.

191. Кариаева Т. Х., Литвиненко М. А. Северо-Осетинский драматический театр (Очерк истории). Орджоникидзе: Севосгиз, 1960. – 217 с.

192. Кармов А. Х. Расцвет культуры Кабардино-Балкарии в период развитого социализма // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX века): Материалы Всероссийской научной конференции г. Грозный, 2-3 октября 1979 года., Грозный, 1982. – С. 236-238.

193. Катровский А. П. Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования России. М.: Международные отношения, 2003. – 208 с.

194. Кемпинский Э. В. К содержанию понятия «интеллигенция» / интеллигенция России в истории Северного Кавказа. Материалы межрегиональной научной конференции (октябрь 1999). Ставрополь: Изд-во Ставропольск. гос. ун-та, 2000. – С. 134-139.

195. Ким М. П. О культуре как предмете исторического изучения // Вопросы истории, 1974. № 11. – С. 32-38.

196. Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма. М.: Наука, 1983. – 558 с.

197. Корниенко М. К. и Смиренин В. В. Развитие педагогического образования в Северной Осетии за годы советской власти (Из истории Северо-Осетинского педагогического института) // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1971. Т. 29. – С. 197-224.

198. Красильников С. А. Формирование советской интеллигенции в Сибири в переходный от капитализма к социализму период. Учеб. Пособие. Новосибирск: НГУ, 1987. – 91 с.

199. Красовицкая Т. Ю. Модернизация России: Национально-культурная политика 20-х гг. М.: ИРИ, 1998. – 415 с.

200. Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. М., 1997. – 316 с.

201. Крикунов В.П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. Пятигорск: Изд-во Пятигорского ин-та экономики и управления, 2003. – 97 с.

202. Критические статьи / Сост. В. Г. Малиев. Орджоникидзе: Ир, 1989. – 298 с. (на осет. яз.).

203. Кузнецов В.А. К вершинам науки. К 60-летию Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики // Литературная Осетия. 1985. № 66. – С. 110-116.

204. Кузнецов В.А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. – 169 с.

205. Кузнецов В.А. Об одном извращении истории народов Северного Кавказа // Вопросы истории, 1954. № 9. – С. 114-117.

206. Кузнецова Е.И. Государство и театр: экономика, организация, творчество. Середина 1960-х – начало 1980-х гг. М.: Тривант, 2000. – 154 с.

207. Куксин В.П. Профессионально-техническое образование в Чечено-Ингушетии (1959-1965). Грозный: Чеч.-Инг. Кн. изд-во, 1968. – 75 с.

208. Кулов Б.С. К высотам культуры. Орджоникидзе: Ир, 1979. – 184 с.

209. Кулов С.Д. 25 лет Северо-Осетинского госпединститута (1920-1945) // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института. Орджоникидзе, 1948. Т. 17. – С. 3-12.

210. Кулов С.Д. 30-летие национального педагогического института // Вестник высшей школы. М., 1951. № 1. – С. 41-42.

211. Культура мира и Северный Кавказ: Материалы научно-практической конференции «Мир на Северном Кавказе через диалог культур», Нальчик 9-11 декабря 1999 года. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2000. – 250 с.

212. Культура развитого социализма. Некоторые вопросы теории и истории. М.: Наука, 1978. – 459 с.

213. Культура Чечни: История и современные проблемы / Отв. ред. Х.В. Туркаев. М.: Наука, 2002. – 382 с.

214. Культурная политика и художественная жизнь. М.: Русс. мир, 1996. – 184 с.

215. Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему / Отв. ред.: И. А. Бутенко, К. Э. Разлогов. М.: Либерия, 1998. – 296 с.

216. Культурная революция в СССР. 1917-1965. Материалы Всесоюзной сессии Научного совета / Отв. ред. Чл.-корр. АН СССР М. П. Ким. М.: Наука, 1967. – 471 с.

217. Культурная революция – составная часть ленинского плана социалистического строительства / Отв. Ред. Твердохлеб А. А. М.: ИНИОН, 1981. – 336 с.

218. Культурологические записки. Национальное в художественной культуре. М., 2002. Вып. 7. – 308 с.

219. Кумыков Т. Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус. 1996. – 327 с.

220. Кумыков Т. Х. Развитие культуры Советской Кабардино-Балкарии // Под знаменем Ленина. К 40-летию советской автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик: Каб.-Балк. Кн. изд-во, 1961. – С. 58-73.

221. Литвиненко М., Плиева Ж., Русанов И. Русский театр в Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1971. – 259 с.

222. Литература народов Северного Кавказа в контексте отечественной и мировой культуры. Материалы Всероссийской научной конференции. Майкоп: Качество, 2006. – 362 с.

223. Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. М.: Экон-информ, 2013. – 756 с.

224. Ломунова М. Гражданин или благополучный житель? (Материалы «Круглого стола» по теме: «Нравственная проблематика в современной литературе Северной Осетии», состоявшегося 6-9 июня 1988 года в г. Орджоникидзе)// Литературная Россия. 1988. 1 июля. № 26. – С. 4, 5.

225. Луковцева Т. А. Поиск путей обновления общества и

советская литература 1950-60-х гг. // Вопросы истории КПСС. 1989. № 1. – С. 36-49.

226. Луцкая Е. Л. Балерина Светлана Адырхаева. Владикавказ: Рекламно-издательское агентство, 1998. – 243 с.

227. Магидов Ш. Г. Сближение наций, содружество языков. Нальчик: Эльбрус, 1982. – 230 с.

228. Магомедов Р. М. Развитие исторической науки в Дагестане // В. И. Ленин, современность, Дагестан. Махачкала: Даг. книжн. изд-во, 1970. – С. 203-224.

229. Магомедов А. Х. Из прошлого народной культуры осетин // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1960. Т. 22. – С. 161-172.

230. Мамбетов Г. Х., Хутуев Х. И. Братская помощь русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. – 192 с.

231. Мамбетов Г. Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии за 50 лет ее автономии // Материалы юбилейной научной сессии Кабардино-Балкарского НИИ, посвященной 50-летию советской автономии Кабардино-Балкарии (27 августа 1971 года). Нальчик: Эльбрус, 1971. – С. 101-119.

232. Мамиева И. В. Кудзаг Дзесов. Очерк творчества. Владикавказ: Ир, 1990. – 224 с.

233. Мамиева И. В. В поисках слова: Автор и герой: динамика взаимоотношений. Владикавказ: Ир, 2008. – 368 с. (на осет. яз.).

234. Мамсиров Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века (По материалам Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик: Эльбрус, 2004. – 328 с.

235. Марзоев С. Т. Жизнь и литература // Дон. 1972. № 11. – С. 180-183.

236. Маслов Н. Н. Советское искусство под гнетом «метода» социалистического реализма: политические и идеологические аспекты (30-40-е гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. – С. 160-173.

237. Махарбек Туганов Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977. – 339 с.

238. Межуев В.М. Культура и история (Проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма). М.: Политиздат, 1977. – 199 с.

239. Межуев В.М. Россия в диалоге культур. М.: Наука, 2010. – 432 с.

240. Меметов В.С. Интеллигенция: вопросы теории и методологии. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2010. – 379 с.

241. Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы V Международного конгресса 8-12 октября 2007 года. Симпозиум XII. История Северного Кавказа: социально-экономические, национальные и политические процессы. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – 126 с.

242. Мирзабеков М.Я. Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Махачкала б.и., 2010. – 353 с.

243. Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села: XX век, история, проблемы. Махачкала: Б.и., 1998. – 305 с.

244. Мирзаканова Е.А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка (на примере кабардинского языка) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11. – С. 126-139.

245. Миронов А.В. Образование как сфера государственной политики России // Социально-гуманитарные знания. 2002. №6. – С. 32-48.

246. Нагучев Д.М. Деятельность партийной организации Адыгеи по выращиванию национальных кадров (1945-1967) // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы, истории. Майкоп, 1969. Т. 9 (История). – С. 197-223.

247. Народное образование на Северном Кавказе. Ставрополь, 1974.

248. Наука и общество. История советского атомного проекта (40-е – 50-е гг.). М.: ИздАТ, 1999.

249. Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX в. Сб. науч. трудов / Отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: ИИ ОИИФФ, 2004. – 264 с.

250. «Новая» и «старая интеллигенция»: общее и особенное. Материалы XII Международной теоретико-методологической конференции / под ред. Ж. Томенко. М.: РГГУ, 2012. – 479 с.

251. Олейник О. Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы: теоретико-методологический и историографический аспекты. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1997. – 168 с.

252. Омаров С. М. Женское образование в Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1960. – 36 с.

253. Опенкин Л. А. Сила, не ставшая революционной: (Исторический опыт разработки КПСС политики в сфере науки и технического прогресса. 1917-1982 гг.) Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1990. – 253 с.

254. Осетиноведение – от прошлого к будущему. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 223 с.

255. Основные направления развития национальных литератур на рубеже XX-XXI веков. Материалы Международной научно-практической конференции / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ: Издат-во СОГУ, 2010. – 348 с.

256. От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. Владикавказ: Арт-Бизнес-Центр, 1999. – 336 с.

257. Ответственность интеллигенции в контексте времени: материалы XXIII международной научно-теоретической конференции (г. Иваново, 27-29 сентября 2012 года). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2012. – 239 с.

258. Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжн. изд-во, 1967. – 420 с.

259. Очерки истории Адыгеи. В 2-х тт. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1957. Т. 1. – 484 с.; Майкоп: Краснодар. Кн. Изд-во Адыг. отд-ие, 1981. Т. 2. Советский период. – 368 с.

260. Очерки истории Карачаево-Черкесии. В 2-х тт. Т. 2.

Советский период / Отв. ред. Р. Х. Джанибекова – Черкесск: Карач.-Черкесс. отд-ие Ставроп. кн. изд-ва, 1972. – 448 с.

261. Очерки истории советского искусства Дагестана. 1917-1941 / Под ред. Г. Г. Гамзатова. М.: Наука, 1987. – 319 с.

262. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2-х тт. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1967. Т. 1. – 314 с.; 1972. Т. 2. – 359 с.

263. Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000. – 416 с.

264. Плиева Ж. Х. Три шекспировские роли В. В. Тхапсаева. Орджоникидзе: Ир, 1973. – 170 с.

265. Померанцев В. Об искренности в литературе // Новый мир, 1953. № 12. С. 218-245.

266. Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ортабаев Б. Х. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. – 149 с.

267. Проблемы философии культуры. Опыт историко-материалистического анализа. М., 1984. – с.

268. Прохуренко Л. И. Развитие народного образования в Северной Осетии в послевоенный период // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 20. – С. 146-160.

269. Пыжиков А. В. Историческая наука в годы «оттепели» // Социально-гуманитарные знания, 2002. № 6. С. 221-246.

270. Пыжиков А. Х. Опыт модернизации советского общества в 1953-64 гг.: общественно-политический аспект. М.: Изд. дом «Гамма», 1998. – 299 с.

271. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 509 с.

272. 50 лет советской автономии Кабардино-Балкарии. Сб. стат. Нальчик: Эльбрус, 1971.

273. Раскатова Е. М. Советская власть и художественная интеллигенция: логика конфликта (конец 1960-х – начало 1980-х гг.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. – 329 с.

274. Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред.

Д. Д. Тумаркин. В 2-х вып. М.: «Восточная литература» РАН. 2002. Вып. 1. – 340 с. Вып. 2. 2003. – 495 с.

275. Русский язык как средство интернационального воспитания: Материалы Всесоюзной межвузовской научно-методической конференции, г. Орджоникидзе, 15-17 октября 1985 / под ред. А. Х. Галазова. Орджоникидзе: Ир, 1987. – 434 с.

276. Русский язык как средство интернационального воспитания учащейся молодежи: Тезисы докладов Всесоюзной межвузовской научно-методической конференции, 15-17 октября 1985 года / под ред. М. И. Исаева. Орджоникидзе: Ир, 1985. 246 с.

277. Руткевич М. Н. Социология образования и молодежь. Избранное (1965-2002). М.: Гардарики, 2002. – 539 с.

278. Сабанчиев Х. М. Деятельность Кабардино-Балкарской парторганизации по осуществлению культурной революции. Нальчик: Эльбрус, 1973. – 279 с.

279. Сабанчиев Х. М. Создание советской интеллигенции в Кабарде Нальчик: Кабард. гос. изд-во, 1951. – 36 с.

280. Сабанчиев Х. М. Успехи культурного строительства в советской Кабардино-Балкарии // Учен. записки Кабардино-Балкарского пединститута. Нальчик, 1957. Вып. 13. – С. 13-33.

281. Саламов Б. С. Горские народы: расцвет и сближение. Орджоникидзе: Ир, 1975. – 299 с.

282. Северный Кавказ. Образование: история и современность. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2001. – 183 с.

283. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. – 258 с.

284. Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М.: Институт российской истории РАН, 2008. – 294 с.

285. Смирнов И. С. Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 – лето 1918 года). М., 1960.

286. Советская историография. М., РГГУ, 1996. – 591 с.
287. Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941. / Отв. ред. акад. М. П. Ким. М.: Наука, 1988. – 606 с.
288. Советская культура и духовный мир человека труда. М.: Советский писатель. 1979. – 311 с.
289. Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе. Очерки истории /В. Л. Соскин, С. А. Красильников и др. Новосибирск: НГУ, 2006. – 215 с.
290. Советская музыка 70-80-х гг. Эстетика. Теория. Арактика. Л.: ЛГИТМИК, 1989. – 180 с.
291. Современные трансформации российской культуры / Отв. ред. д-р филос. наук И. В. Кондаков. М.: Наука, 2005. – 751 с.
292. Становление профессионального искусства Дагестана. Сб. науч. ст. Махачкала, б.и., 1982. – 84 с.
293. Стрекалова Е. Н. Национальная интеллигенция Северного Кавказа в контексте государственной политики в 20-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25). Ч. 2. – С. 177-181.
294. Сухарников А. Д. Дудар Хаханов. Орджоникидзе: Ир, 1983. – 63 с.
295. Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе: Ир, 1988. – 136 с.
296. Тишков В. А. Новая историческая культура (Размышления после XXI Международного исторического конгресса) // Новая и новейшая история. 2011. № 2 (март – апрель). – С. 3-23.
297. Тотоев М. С. Выдающийся ученый-кавказовед (70 лет со дня рождения Г. А. Кокиева) // Ученые записки СОГПИ. Орджоникидзе, 1967. Т. 27. В. 1. – С. 237-248.
298. Тотоев М. С. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе: Севосгиз, 1962. – 171 с.
299. Тотоев М. С. Октябрьская революция и культура Северной Осетии в 1917-1920 гг. // Ученые записки СОГПИ Об-

щественные и исторические науки. Т. 28. В. 2. Орджоникидзе, 1968. – С. 171-196.

300. Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе: Севосгиз, 1957. – 363 с.

301. Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века (1903-1917 гг.). Орджоникидзе: Ир, 1968. – 287 с.

302. Тотоев М. С., Текиев В. Д. Победа культурной революции в Северной Осетии // Ленинизм и малые нации. Орджоникидзе, 1973. – С. 257-280.

303. Тотоев Ф. В. Некоторые вопросы историографии Северной Осетии // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ, б.и., 1995. – с. 10-36.

304. Тотоев Ф. В. Историческое осетиноведение и СОИГСИ // 80 лет служения отечественной науке. Владикавказ: Издат.-полиграф. предприятие им. В. А. Гассиева, 2005. – С. 11-47.

305. Тотров А. Народное образование в Северной Осетии // Народное образование. 1958. № 11. – С. 15-21.

306. Трофимов А. С. За дальнейший подъем экономики и культуры Чечено-Ингушской АССР // Славный путь борьбы и труда: 40 лет Советской Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. книгоиздат, 1961. – С. 13-26.

307. Туаева З. Ансамбль песни и танца Северной Осетии. Орджоникидзе: Севосгиз, 1960. – 32 с.

308. Туганов М. С. Осетинские народные танцы. Цхинвали: Ирыстон, 1988. – 43 с.

309. Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1990. – 189 с.

310. Уарзиати В. С. Этнокультурные встречи в народной хореографии осетин // Молодые ученые Осетии – 70-летию Великого Октября. Орджоникидзе: Ир, 1988. – С. 176-190.

311. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: СОИГСИ., 1995. – 232 с.

312. Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972. – 472 с.

313. Федюкин С. А. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М.: Знание, 1984. – 64 с.

314. Фидарова Р. Я. История осетинской художественной культуры. В 2-х ч. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. Т. 2. – 392 с.

315. Филоксенова А. И. К вопросу о связи науки с производством // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 19. – С. 375-378.

316. Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008. – 544 с.

317. Хадарцева А. А. История осетинской драмы. В 2-х частях. Орджоникидзе: Ир, 1983. Ч. 1. – 222 с.; 1985. Ч. 2. Советский период. – 248 с.

318. Хадарцева А. А. Становление и развитие осетинского литературоведения // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ: б.и., 1995. – С. 9-97.

319. Хамицаева Т. А. Б. А. Алборов – собиратель и исследователь осетинского фольклора // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1968. Т. 27. – С. 187-192.

320. Хасбулатов Ш. Д. Народное образование в Дагестане: К 40-летию Великой Октябрьской революции. Махачкала: Дагучпедгиз, 1958. – 77 с.

321. Хачиров А. К. О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе: Сев.-Осет. книжн. изд-во, 1964. – 92 с.

322. Хачиров А. К. Социалистическая культура и наследие. Орджоникидзе: Ир, 1976. – 231 с.

323. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1017-1991. М.: Вагриус, 1995. – 510 с.

324. Хутуев Х. И. Из истории культурного строительства в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1972. – 132 с.

325. Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистиче-

ской культуры в Советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1984. – 456 с.

326. Цагараев В. Искусство и время. Очерки по истории визуальной культуры алан-осетин. Владикавказ: Ир, 2003. – 463 с.

327. Цибиров Г. И. Осетия в русской науке (XVIII- 1-я половина XIX в.). Орджоникидзе, 1981. – 104 с.

328. Цибиров Г. И. Развитие науки и научных учреждений в Северной Осетии в переходный период // Северная Осетия: история и современность / ред.кол. А. Г. Кучиев и др. Орджоникидзе: б. и., 1989. – С. 174-189.

329. Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х – середина 80-х гг. XX в.). Владикавказ, ИПО СОИГСИ. 2008. – 281 с.

330. Цориева И. Т. Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии (2-я половина 1940-х – 1-я половина 1980-х гг.). Владикавказ, ИПО СОИГСИ. 2012. – 327 с.

331. Цуциев Б. А. Очерки экономического и культурного развития Северо-Осетинской АССР. Дзауджикау: Севосгиз, 1952. – 207 с.

332. Цуциев Б. А. Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. – 279 с.

333. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М.: Наука, 1990. – 240 с.

334. Черджиев Х. С. Народное образование в Северной Осетии за годы советской власти // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института. Орджоникидзе, 1957. Т. 22. Вып. 3. – С. 117-146.

335. Черджиев Х. С. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе: Ир, 1971. Ч. 1. – 169 с.

336. Черджиев Х. С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии (Основные этапы становления и развития школьного образования в Северной Осетии со второй половины XIX века до середины XX века). Орджоникидзе, Сев.-Осет. книж. изд-во. 1958. – 90 с.

337. Черджиев Х.С. Решающие успехи культурной революции в Северной Осетии (1933-1941 гг.) // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1960. Т. 22. Вып. 4. – С. 108-121.

338. Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа. Проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа, 1999. №3. С. 154-167.

339. Чеченов Ш.Ш. Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР (1920-1970 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1971. – 335 с.

340. Шамеев А.М. Историография проблемы формирования интеллигенции на Северном Кавказе 20-30-е годы XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. Общественные науки. 2011. №3. – С. 115-120.

341. Шеуджен Э.А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1983. – 139 с.

342. Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. 1953-1970. М.: АИРО-XX, 1999. – 310 с.

343. Эльбуздукаева Т.У. Из истории становления науки и научных учреждений нефтяной отрасли в Чечне в 20-30-е годы XX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. №6. – С.81-84.

344. Эфендиев А.-К.И. Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920-1940). Махачкала ДагФАН СССР, 1960. – 154 с.

345. Якубов М.А. Композитор Жанна Плиева. Цхинвали: Ирыстон, 1988. – 43 с.

346. Ячиков А.К. Культурное строительство // Адыгея под знаменем Ленина. Майкоп: Адыг. Кн. Изд-во, 1970. – 39-76.

347. D. Beyrau. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjet union 1917-1985. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, Cop. 1993. – 344 p.

348. Shlapentokh V. Soviet intellectuals and political power:

The Post-Stalin Era. Princeton. Princeton University Press, 1990. – 330 p.

349. Vittorio Springfield Tomelleri. V.I. Abaev contro A. A. Frejman. Un Paragrafo di Storia Della Linguistica Sovietica fra Lessicografia Ossetia e Ideologia // Rivista Italiana di Linguistica e di Dialettologia. Pisa.Roma: Fabrizio Serra Editore. 2013. Vol. XV.

III. Диссертации и авторефераты диссертаций

350. Адухов М. Д. Партийное руководство развитием науки и высшего образования в Дагестане (1921-1958 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала: Даг. гос. ун-т, 1975. – 22 с.

351. Байрамов В. В. Формирование и использование научного потенциала студентов вузов Северного Кавказа в годы 9 и 10 пятилетки. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ростов – н/Д., 1982-25 с.

352. Бекижев М. М. Партийное руководство культурным строительством в Карачаево-Черкесии (1920-1967 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1969. – 22 с.

353. Булейко Н. А. Развитие художественной культуры народов Дагестана в 20-30 гг. XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2000. – 23 с.

354. Бурнышев А. В. Коммунистическая партия в борьбе за развитие социалистической культуры адыгейского народа: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. [б. и.], 1955. – 16 с.

355. Герандоков М. Х. Становление и развитие социалистической культуры народов Кабардино-Балкарии (1921-1937 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1977. – 22 с.

356. Гобети З. Б. Культурное развитие Северной Осетии в 20-30-е годы XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009. – 22 с.

357. Джикаев Ш. Ф. Фольклорные традиции в осетинской советской поэзии (1917-1941): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук Орджоникидзе: [б.и.]. 1969-24 с.

358. Исмаилов А. Р. Превращение Дагестана в республику сплошной грамотности: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., АН СССР, ИН-т истории СССР, 1967. – 37 с.

359. Калинин С. Б. Формирование и развитие научного пространства в республиках Северного Кавказа и на Ставрополье (1918-1940 гг.): Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Ставрополь, 2006. – 45 с.

360. Кешева З. М. Танцевальная и песенно-музыкальная культура кабардинцев во второй половине XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2004. – 24 с.

361. Киндарова Я. А. Становление и развитие науки и научно-образовательных учреждений на Северном Кавказе в 1920-1970-е гг. (на материалах Чечено-Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Грозный, 2005. – 24 с.

362. Кононенко В. М. Развитие высшего образования на Юге России: 20-е – 90-е годы XX века: дисс. ... док-ра ист. наук. Ставрополь, 2006. – 619 с.

363. Кузнецова Е. И. Историография отечественной художественной культуры (начало 50-х – первая половина 80-х гг. XX в.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2004. – 38 с.

364. Мамсиров Х. Б. Большевицкая модернизация культурной сферы народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в 20-е годы XX века: На материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии. Автореф. дисс. ... д. и. н. Нальчик, 2005. – 46 с.

365. Нагучев Д. М. Деятельность Адыгейской областной партийной организации по подготовке и воспитанию кадров национальной интеллигенции в послевоенный период; Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1969. – 20 с.

366. Надгериева А. И. Отечественная историография культурного строительства в национальных республиках Северного Кавказа 1918-1940 гг. (на материалах Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Чечни и Ингушетии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 1994. – 24 с.

367. Омаров М. С. Руководство партийной организации Дагестана развитием народного образования (1959-1965 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1971. – 23 с.

368. Ошроев Р. Г. Становление и развитие университетского образования Кабардино-Балкарии в XX – начале XXI в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2004. – 27 с.

369. Раскатова Е. М. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964-1985 гг. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. – 50 с.

370. Сулейманов М. И. Наука в Дагестане в 20-30-е гг. XX в.: История вопроса. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1997. – 22 с.

371. Текиев В. Д. Культурное строительство в Северной Осетии в 1946-1970 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик. 1973. – 24 с.

372. Шушарина О. П. Государственная политика в сфере высшего образования в 1953-2003 гг.: тенденции, проблемы, противоречия (на материалах РФ): дисс. ... док-ра ист. наук. М., 2004. – 449 с.

373. Эфендиев А. И. Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1930-19490 гг.). Автореф. дисс....канд. ист. наук. Л., 1961. – 15 с.

IV. Электронные ресурсы

374. Батагова Т. Агунда Кокойти и камерный хор «Алания» [электронный ресурс] // http://www.darial-online.ru/2010_6/batagova.shtml

375. Богуславский М.В. Взаимодействие власти и общества в проведении образовательных реформ XIX-XX вв. [электронный ресурс] // www.education.rekom.ru.

376. Владимир Путин объявил 2014 год в России годом культуры [электронный ресурс] // <http://culturavn.ru/russia/9213>

377. Гайсулаев Г. Мир через искусство. 03.03.2012 / 09:22 [электронный ресурс] // <http://rukavkaz.ru/articles/comments/1538/>

378. Крохин С. Ужегов Солтан Евгеньевич. Свет большого сердца...24/12/2008 №238 [электронный ресурс] // <http://us.sevos.ru/2008/08-12/08-12-24/05-gost.htm>

379. «Мне повезло, что работала в интересное время и полностью с удивительными людьми». Интервью с Зарой Газдановой. Автор: admin Дата: мая-9-2010 [электронный ресурс] // <http://cebu-market.com/zara-gazdanova-mne-povezlo-что-rabotala-v-interesnoe-vremya-i-polnostyu-s-udivitelnyimi-lyudmi/>

380. Резник О. Интервью с художником М.О. Царикаевым [электронный ресурс] // <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas/mairbek-carikaev-v-sssr-soyuz-xudozhnikov-severnoj-osetii-vsegda-byi-odnim-iz-samyx-silnyx/>

381. Чекалин В. Репрессированная геология [электронный ресурс] // <http://www.ap.altairegion.ru/337-09/8.html> //

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БМК – Бесланский маисовый комбинат
ВРЗ – Вагоноремонтный завод им. С. М. Кирова
ГАНИ РСО – А – Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований
ОЗАТЭ – Орджоникидзевский завод электротракторного оборудования
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
ЦГА РСО – А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания
Главлит – Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР

Научное издание

ЦОРИЕВА ИНГА ТОТРАЗОВНА

**КУЛЬТУРА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.
(образование, наука, литература и искусство)**

Книга издана в авторской редакции

*Технический редактор Е.Н. Маслов
Оформление обложки Е.Н. Макарова
Компьютерная верстка С.А. Булацева*

Подписано в печать 15.12.2014.
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура «Times».
Усл. п.л. 31,5. Тираж 100 экз. Заказ № 71.

ИПЦ СОИГСИ им. В.И.Абаева
ВНЦ РАН и Правительства РСО-А.
362040, г. Владикавказ, пр.Мира, 10.

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3.

Тел.: 8(901) 491-31-77
E-mail: rio-soigsi@mail.ru